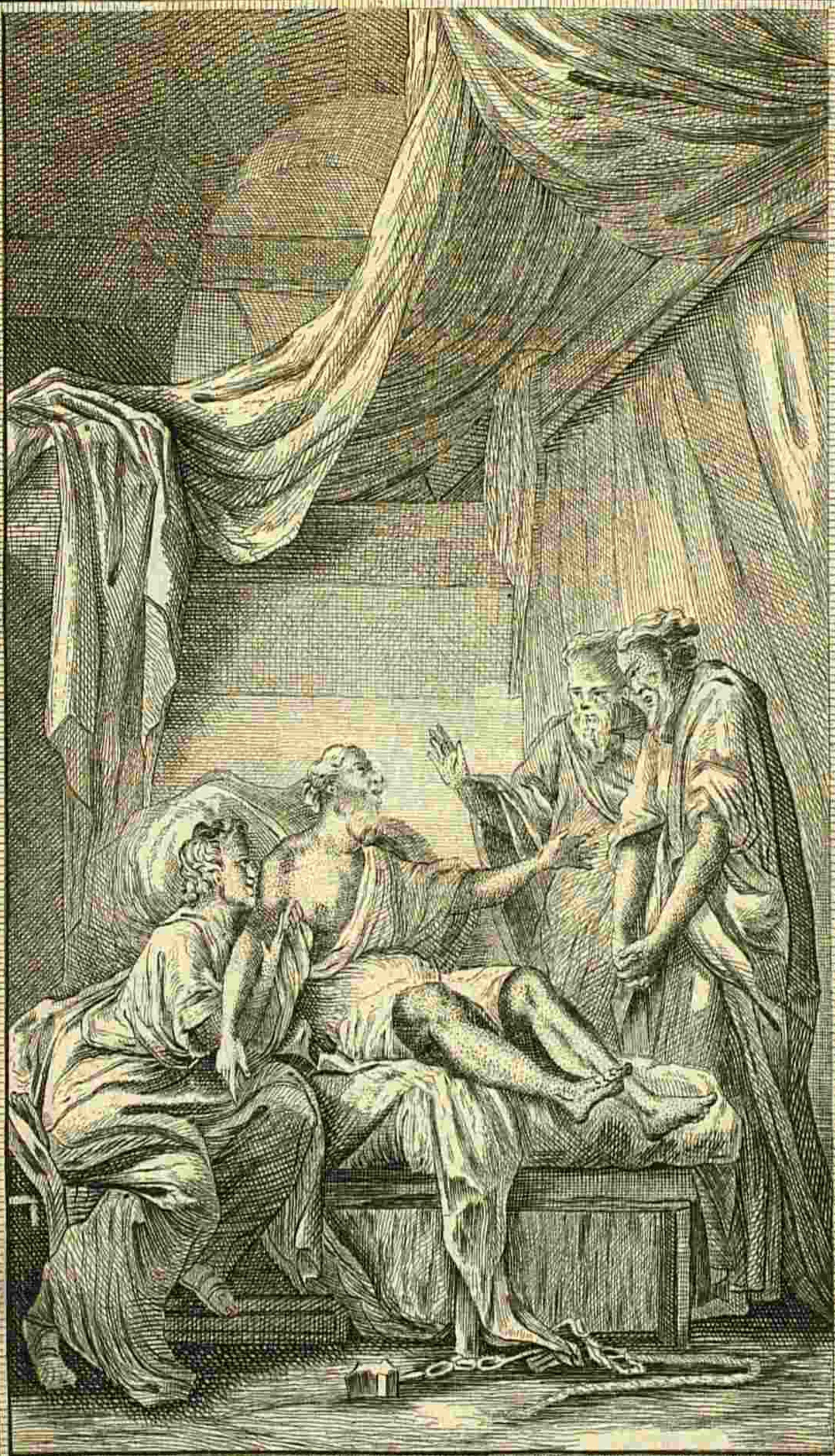

II III

УЧЕБНАЯ
ТРИКОМИЯ

УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

мѣсяць Сентябрь. — 901

печашано
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

1777 года.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

ALBERT EINSTEIN

THE THEORY OF RELATIVITY

BY ALBERT EINSTEIN

P A C I F I C

SCIENTIFIC COMPANIES

NEW YORK

1905

Copyright 1905 by Scientific Publishing Company

Printed in Germany

BY SCIENTIFIC COMPANIES

NEW YORK

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

ГАВРИИЛУ,

АРХІЕПИСКОПУ

Новгородскому и Санктпетербургскому,

высокими знаніями и добродѣтелями

украшенному

АРХІПАСТЫРЮ,

сіе Изданіе

усерднѣйше посвящаютъ

Издатели.

ВТОРОГО КЛАССА

ФАБРИКА

АКЦИОНЕРНАЯ

ГОРОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

АКЦИОНЕРНОЕ

ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ.

Благосклонный Читатель!

Издашели сего Журнала, приступая къ сему предпріятію, полико были обременены спрахомъ и надеждою, что и теперь не находящъ себя въ состояніи, вдругъ открышь своего намбренія.

Собраніе наше состоишь только изъ десяти; а сложивъ вмѣстѣ время нашея жизни, соспавишь не болѣе тридцати лѣтъ. Таковая младость едва достигаетъ и до *Утренняго Свѣта* въ нашей жизни; по чему, какъ по и со всѣми молодыми людьми бываетъ, мы хотя и великую полагаемъ надежду на свое прилѣжаніе и трудолюбіе, однакожъ не смѣемъ уповать, что по желанію удоспоятъ насъ многіе своимъ чпеніемъ.

Болѣе девяти дней размышляли мы о средствахъ, которымибѣ могли снискать многихъ читателей. Собраніе наше подобно было *Аѳинскому Ареопагу*. Имѣло оно споль важный и почтенный видѣ, что и сама грозновидная *Минерва* былабѣ имѣ довольна; однакожѣ со всѣмѣ шѣмѣ не могли мы ни на что рѣшиться. Все, что ни было предлагаемо, казалось намѣ или весьма молодымѣ, или крайнѣ старымѣ; или очень искривленнымѣ, или съ лишкомѣ прямымѣ; или весьма крапкимѣ, или безмѣрно пропяженнымѣ: словомѣ, при окончаніи всѣхъ нашихъ совѣтовѣ, примѣтили мы, что наше желаніе быть Издавателями, не сопряжено не только съ довольною смѣлостію, но ниже подстрекаемо тщеславіемѣ, самолюбіемѣ или гордостію.

На конецѣ выступилъ одинѣ изъ нашихъ возлюбленныхъ Сочленовѣ, коего малыя, глубоко впадшія и проницаніемѣ украшенныя очи, и длинный носѣ, осѣняющій на сухомѣ лицѣ его сильно изображенныя черпы, предсказывающія всегда, о чемѣ онѣ помышляетѣ; и копорый приобыкѣ не прежде начинать говорить, какѣ только когда *Венера* проходитѣ чрезѣ *Солнце*. Таковой по Сочленѣ намѣ выступивѣ, вопрошаетѣ: „Друзья! увѣрены ли вы, что наши сограждане не охотно будутѣ читать лучшія, по вашему мнѣнію, вновь избранныя сочиненія? Развѣ перья ваши очинены по новѣйшей

„Французской модѣ? развѣ снабдила васъ Англія и Нѣмецкая Земля матерією къ писанію? „ Проговоривъ сіе, сядиша онѣ паки съ важностію, и пошираешѣ зардѣвшее чело свое.

Подобно, какъ сильнымъ громовымъ ударомъ мрачныя тучи разгоняются, и солнечнымъ лучамъ даюшѣ свободное прохожденіе, тако ошѣ сего вопроса души наши вдругъ исполнилися свѣтомъ. Сколько ученые наши споры о избраніи сочиненій были прежде живы и громогласны, толико по семъ настало глубокое молчаніе. Долгое время взирали мы другъ на друга, не зная, что намъ думать, говорить, или дѣлать должно; и для того просили мы его, что бы онѣ насъ своимъ полезнымъ совѣтомъ изъ сего новаго запрудненія изпоргнулъ. Сіе слы, говорили мы, сдѣлать долженъ для того, что немилосердо принудилъ насъ возпрянуть ошѣ сна, весьма для насъ приятнаго. Долго мы принуждены были просить сего прошиву слабостей, погрѣшностей и пороковъ неукропимаго нравоучителя. Наконецъ патристическая ревность къ возлюбленному Отечеству, преодолѣла его упрямство. пылающее его желаніе приобщить что либо къ пользѣ и благосостоянію своихъ согражданъ, разверзло его челолюбколюбіемъ пронупое сердце, и началъ онѣ вѣщати тако:

„Друзья! о чемъ я васъ прежде вопро-
 „шалъ, безъ сомнѣнїя есть столь важное
 „дѣло, что вы о немъ въ прежнихъ вашихъ
 „совѣщанїяхъ и помышлять не могли. Всѣ
 „ваши старанїя и изыщныя предпрїятїя; всѣ
 „ваши съ непрестанными бѣднїями издавае-
 „мые ученые труды были бы тщетны и бе-
 „полезны, еслибъ они чипашелямъ на-
 „шимъ не понравились. Я весьма далека
 „отъ сомнѣнїя о любви ко чпенїю нашихъ
 „единоземцевъ; но мы не въ состоянїи нынѣ
 „заключить о такомъ дѣлѣ, которое время
 „рѣшить должно. Однакожъ положимъ хо-
 „тя безъ утвержденїя, что любовь ко чпе-
 „нїю не во всѣхъ еще Россійскихъ городахъ
 „совершенно разпространилася: будемъ ли
 „мы тѣмъ освобождены отъ нашей должно-
 „сти, которою обязаны къ нашимъ
 „единоземцамъ, когда нѣкоторые изъ нихъ
 „сами къ себѣ свой долгъ позабываютъ? Въ
 „семъ случаѣ не должно ли наше усердїе о
 „благѣ таковыхъ наипаче усугубляться?
 „Не должны ли мы тогда всѣ наши стара-
 „нїя съ большимъ предусмотрѣнїемъ и благо-
 „разумїемъ учреждать, дабы чипающимъ
 „согражданамъ доставлять удовольствїе, а
 „нечитающихъ привлекать къ собственной
 „ихъ пользѣ? Обольщенные нѣкоторыхъ
 „иностранныхъ Писателей сочиненїями,
 „подобными блеску сусальнаго золота,
 „скоро могутъ прийти сами въ себя, если
 „мечпашельныя оныхъ красоты, подобно въ
 „нашемъ

„нашемъ воздухѣ зимою блещашимъ снѣж-
 „нымъ часпицамъ, увидяшъ разпашаваю-
 „щими и въ ничто обращающимися при
 „возхожденіи Солнца правды. И такъ во-
 „просъ мой не долженъ былъ приводить
 „васъ въ сомнѣніе, въ нашемъ намѣреніи, но
 „только сдѣлать васъ осторожными во
 „исполненіи онаго; ибо онъ приводитъ васъ
 „вдругъ ко всему расположенію сего наше-
 „го Журнала, и въ молчаніи подаеши совѣтъ:
 „будьте полезны для благоразумныхъ.

„Симъ могъ бы я окончать мое слово,
 „а прочее оставиши вашей достохвальной
 „ревности, еслибъ еще не усматривалъ
 „изъ очей вашихъ неперпѣливаго желанія,
 „узнать подробнѣйшія мои заключенія. И
 „такъ, прошиву моего свойства, хочу я
 „теперь нѣсколько обстоятельнѣе и про-
 „страннѣе говорить. Я думаю, что луч-
 „шимъ предмѣшомъ насущныхъ трудовъ
 „нашихъ избрать не можемъ, какъ сердца
 „и души возлюбленныхъ нашихъ единосем-
 „цевъ. Сии наши единосемцы суть разумныя
 „существа, изъ тѣла, души и духа состоя-
 „щія. Мы оставимъ перукмахерамъ, порш-
 „нымъ и изобрѣшательницамъ новыхъ модъ,
 „украшать ихъ наружность; оставимъ ис-
 „куснымъ Врачамъ, имѣши попеченіе о поль-
 „зованіи ихъ пѣлесныхъ болѣзней; но души
 „и духъ ихъ да будутъ единственнымъ пред-
 „мѣшомъ нашимъ; имъ то врачеваніе,
 „укрѣпленіе и тому подобное предлагати
 „станемъ.

„спанемъ. И для того, издаваемые нами
 „липы должны наполнять истиннами,
 „въ природѣ человеческой основаніе свое
 „имѣющими; истиннами отъ естества про-
 „изтекающими и тѣмъ же самымъ есте-
 „ствомъ объясняемая. Нужно ли вамъ, чтобъ
 „я сіе утвердилъ доказательствами? Из-
 „рядно: послушайте меня еще нѣсколько
 „минутъ.

„Если небо, землю, воду, воздухъ и
 „огонь, словомъ, все естество будемъ по
 „намѣренію изслѣдовать, то намъ во пер-
 „выхъ не иное что представится, какъ че-
 „ловѣкъ, для коего все произведенное на-
 „турою достойно разсужденія. Величествен-
 „ное солнце, со всѣмъ великолѣпнымъ сон-
 „момъ звездъ, было бы не достойно нашего
 „вниманія, если бы благопворащія оныхъ
 „вліянія, не показывали намъ, что онѣ
 „не мало споспѣшествуютъ нашему благу.
 „Всѣ при царствѣ природы были бы для
 „насъ немногочѣнны, еслибъ намъ опыты
 „не доказывали, что человекъ всего онаго
 „сотворенъ владыкою. Все пространное поле
 „Наукъ и Художествъ преобразилось бы
 „въ пустое, безплодное и свѣденія недостой-
 „ное мечтаніе, ежелибъ оныя не стреми-
 „лись ко исправленію человеческого серд-
 „ца, ко споспѣствованію человеческому
 „благополучію, и къ разширенію души и
 „силъ ея. Все намъ доказываетъ, что между
 „видимыми вещами, кои въ теченіи поли-
 „кихъ

„кихъ лѣтъ мы узнали, ничего преизящ-
 „нѣе, величественнѣе и благороднѣе чело-
 „вѣка и его отъ Источника благъ произхо-
 „дящихъ свойствъ не находимъ; а изъ того
 „и слѣдуетъ, что мы не несправедливо су-
 „димъ, — и кто можетъ сіе великое и бла-
 „городное самолюбіе похулить! если че-
 „ловѣковъ за истинное средоточіе сей со-
 „творенной земли и всѣхъ вещей почища-
 „емъ! Ни что полезнѣе, приятнѣе и на-
 „шихъ трудовъ достойнѣе быть не можетъ,
 „какъ то, что глѣбнѣйшимъ союзомъ связа-
 „но съ человекомъ и предметомъ своимъ
 „имѣетъ добродѣтель, благоденствіе и сча-
 „стіе его.

„Всѣ мы ищемъ себя во всемъ: побужда-
 „ющія насъ къ тому причины были бы сла-
 „бы и недѣйствительны, еслибъ мы пред-
 „принимая чтонибудь, самихъ себя, или
 „надежду нашего удовольствія, нашего сча-
 „стія и благосостоянія изъ вида упуска-
 „ли. И такъ нѣтъ ничего для насъ прият-
 „нѣе и прелестнѣе, какъ сами себѣ. Удиви-
 „тельно ли, когда съ охотою внемлемъ раз-
 „говорамъ о насъ, и если безпрестанно
 „алчемъ знаши, что другіе о насъ разсуж-
 „даютъ? Какое благородное движеніе души
 „примѣчаемъ даже и въ неосторожномъ юно-
 „шесствѣ, когда онаго дѣла удоспоеваемъ
 „нашея похвалы? Самый непорядочный че-
 „ловѣкъ не долго будетъ противиться, если
 „о его заблужденіяхъ станутъ ему доказы-

„вашь крошкимъ образомъ. И такъ если
 „бы возможно было, людей привести къ по-
 „му, чѣмъ они сперва вообще себя, какъ
 „средоточіе всѣхъ вещей, почитали за образъ
 „благонравія и добродѣтели; тогда бы мы
 „каждаго особливо находили склоннымъ,
 „признавать себя за важную и достойную
 „часть сего средоточія. — Какъ, вы, друзья
 „мои, могли сомнѣваться въ приобрѣщеніи
 „многихъ чистотелей такова Изданія, ко-
 „рое будетъ вѣщать о самихъ чистотеляхъ?
 „если только вы поспрашаетесь, подавая
 „помощь врожденному въ людяхъ желанію,
 „ко приобрѣщенію знанія, вашимъ искуснымъ
 „избраніемъ сочиненій.

„Великимъ споспѣшествованіемъ слу-
 „житъ вамъ будетъ незнаніе многихъ, что
 „до самихъ себя касается. Большая часть
 „справивуя мыслями по безпредѣльной об-
 „ширности міра, ищутъ познанія всѣхъ воз-
 „можныхъ, всѣхъ существующихъ вещей, а
 „въ своемъ собственномъ маломъ мірѣ пребы-
 „ваютъ не извѣстны и чужды. Многие науку
 „познанія самихъ себя не почитаютъ за ну-
 „жную и пребующую великаго прилѣжанія:
 „но яко не приносящую довольной пользы,
 „считаютъ за домашнее ремѣсло и легчай-
 „шее ко изученію. Другіе отъ части думаютъ,
 „что сей, какъ лучшей наукѣ, тогда обу-
 „чатся должно, когда уже все въ ихъ по-
 „нятіе вмѣщено будетъ. Иные же — и сколь-
 „ко есть таковыхъ! подверженны всегдаш-
 „нимъ

„нимъ непостоянствамъ, подобно алчнымъ
 „пчеламъ, лѣтаютъ отъ одного цвѣта
 „познанія ко другому; пространство сего
 „поля, и множество на немъ красотою сво-
 „ею привлекающихъ цвѣтовъ, суть причи-
 „ною, что они на сихъ прелестныхъ по-
 „ляхъ теряются, и никогда не могутъ воз-
 „вратиться ко благоухающему *Амаранту*
 „самихъ себя. На конецъ другіе, коихъ чи-
 „словъ болѣе всѣхъ, мѣняють нужныя вещи
 „на безполезныя; теряють прямой путь,
 „починая малость за нѣчто важное; и для
 „того никогда сами до себя не достига-
 „ютъ. И такъ удивительно ли, когда по-
 „знаніе самаго себя есть наука между людъ-
 „ми мало еще извѣстная?

„Не можемъ опрести, чтобъ не было
 „и такихъ людей, которые всю свою жизнь
 „только въ томъ проводятъ, что всегда
 „взираютъ на себя; но они разсмаприва-
 „ютъ одну поверхность чловѣка. И сіе
 „ихъ познаніе самихъ себя не то, о коемъ
 „намъ древніе *Египетскіе* и *Греческіе* *Мудре-*
 „цы столь много превыспренняго и полез-
 „наго общають.

„Таковое познаніе, друзья мои, не мо-
 „жетъ вамъ въ намѣреніи вашемъ запре-
 „пятствовать, но еще тѣмъ болѣе способ-
 „ствовать будетъ, если вы нѣкоторыхъ,
 „перемѣнчивостію бабочкамъ подобныхъ, со-
 „крошестію поставите предъ зеркаломъ ис-
 „тинны, и покажете въ ономъ путь, по ко-
 „ему

„ему могутъ они съ поверхности пѣла низ-
 „ходить во внутренность сердецъ ихъ.
 „Все пространство поля, высокаго, сре-
 „дняго и общаго *нравоученія*, открыто на-
 „шему предприятному пруду. Обрящемъ на
 „ономъ нѣкоторыя мѣста пусты и не-
 „обработанны. Не будемъ спрашиваться на-
 „смѣшливыхъ и уничижающихъ оспряковъ,
 „которыя *нравоучительныя сочиненія* за нѣ-
 „что старое и излишнее разглашаютъ.
 „Весьма униженную на себѣ *добродѣтель*
 „возвеси паки на ея величественный пре-
 „столь, а порокъ, яко гнусное и человѣче-
 „ской природѣ прошивурбчущее вещество,
 „представишь свѣту во всей его наготѣ,
 „шакowychъ прудовъ и одно намѣреніе уже
 „достойно похвалы, хопябъ душевныя си-
 „лы и не въ состояніи оныхъ поддерживать.
 „Чѣмъ больше намъ сердца наши подають
 „важное свидѣтельство, что никакія другія
 „намѣренія не будутъ упражнять нашего
 „пера, шѣмъ покойнѣе и равнодушнѣе спа-
 „немъ мы сносить и слушать всѣ посмѣ-
 „янія и ругательствы, касающіяся до на-
 „шего *Утренняго свѣта*, доколѣ на конецъ
 „*великое солнце* все просвѣщающаго *Духа*,
 „посреди нашей пверди явится; и тогда
 „мы съ радостію въ лучахъ его свѣта из-
 „чезнемъ.
 „Человѣкъ, какъ я уже прежде сказалъ,
 „есть нѣчто возвышенное и достойное.
 „Священное *Откровеніе* научаетъ насъ при-
 „шомъ,

„шомъ, что онъ прежде всѣхъ твореній по-
 „лучилъ свое образованіе по образу Все-
 „вышняго, и что живошворящее дуновеніе
 „Всемогущаго даровало ему жизнь. Сіе об-
 „спояпельство само по себѣ есть поль-
 „велико и важно, что можетъ въ насъ впе-
 „ришь подобоспращіе къ такой твари, ко-
 „порая самимъ Творцемъ почтена шולי-
 „кими преимуществами; слѣдовательно и
 „должны мы, важности сего дѣла сораз-
 „мѣрныя писанія упопрелять, и важно о
 „шакowychъ свойствахъ вѣщати. Да будетъ
 „намъ дозволено, съ тѣми только людьми
 „иначе поступать, кои сами свое высокое
 „человѣческое достояніе ногами попираютъ,
 „и достойное почтенія свойство уничижа-
 „ютъ; которые прошиваясь врожденнымъ
 „благороднымъ побужденіямъ; отрицаются
 „своевольно отъ чистыхъ человѣческихъ
 „чувствованій; такіа люди конечно заслу-
 „живаютъ, чтобъ мы ихъ за дикихъ въ че-
 „ловѣческомъ только образѣ скипающихся
 „звѣрей почипали, и къ чести человѣче-
 „ства спроще съ ними поступали, неже-
 „ли наша склонность ко крошости намъ
 „повелѣваетъ. И такъ всеобщая сашира да
 „будетъ бичемъ, коимъ мы спанемъ пороки и
 „сихъ нечеловѣковъ наказывать. Да будетъ
 „также сіе нерушимымъ для насъ закономъ,
 „чтобъ давать возчувствовать сіе наказаніе
 „единымъ шокмо порокамъ, а не особамъ,
 „по елику, они суть человѣки. Порокъ и
 „чело-

„человѣкъ, сіи два предмѣта, должны въ на-
 „шихъ листахъ бытъ подобны двумъ пара-
 „лельнымъ линіямъ, которыя вѣчно одна
 „другой прикоснуться не могутъ. Станемъ,
 „друзья мои, прежде всего стараться, бытъ
 „человѣколюбивыми, дабы все терпя и не
 „касаяся личной укоризны, могли мы удоб-
 „нѣе писать ко споспѣшествованію *добро-*
 „*дѣтели*; и если при семъ предполагаемое
 „нами всеобщее человѣколюбіе будетъ намъ
 „служить *полярною звѣздою*, то легко воз-
 „можемъ пройти сквозь камни, насъ окру-
 „жающія, и сильное учинить нападеніе на
 „одни пороки, злобу, и безчеловѣчіе.

„Древность оставила многія прекрас-
 „ныя и преизящныя сочиненія о таковыхъ
 „важныхъ матеріяхъ. Время и обстоятель-
 „ствы большую часть оныхъ погребли подъ
 „ихъ развалинами. Испоргнемъ оныя општу-
 „ду, друзья мои; предадимъ ихъ нашимъ
 „согражданамъ на ихъ собственномъ языкѣ.
 „Такимъ образомъ честь древности спа-
 „семъ, для пользы нашего Отечества; и при-
 „помъ будемъ часто имѣть случай, чи-
 „тать нашихъ препровождать ко двѣрямъ
 „добраго вкуса и разумнаго познанія. Новѣй-
 „шія времена должны благодарить нѣкто-
 „рымъ, высокимъ разумомъ одареннымъ лю-
 „дямъ, за обрѣпеніе спезей и пупи къ по-
 „знанію человѣка и его еспества. Многіе
 „великіе духи дерзали проникать во глуби-
 „ну человѣческаго сердца, и примѣчанія свои
 „обнародо-

„обнародовали. Не презримъ мы ничего на-
 „мѣренію нашему полезнаго, хошябъ оно
 „предразсужденіями и изпорочено было.

„Да будетъ для насъ неосѣненно все,
 „что предмѣсту нашему, то есть благу со-
 „гражданъ нашихъ, споспѣшествовать мо-
 „жетъ. Я знаю, друзья мои, сколь мы далеко
 „отспоимъ отъ ненависти и гордости, и
 „сколь алчно желаемъ, чшобъ всѣ наши
 „возлюбленные сограждане присоединили
 „свои труды къ нашимъ, для достиженія
 „единого намѣренія. И для того позволъ-
 „те, чшобъ всѣ, которые во всеобщемъ зна-
 „ніи челоѣка и самихъ себя приобрѣли опъ-
 „кровенія, могли наполнять своими сочи-
 „неніями нѣсколько нашихъ листовъ. Про-
 „сите и поощряйте ихъ явно къ сему по-
 „лезному для общества труду; увѣрите ихъ,
 „сколь много они насъ обяжутъ, если свои
 „писанія намъ сообщаютъ будутъ. Они мо-
 „гутъ присылать письма свои ко книгопро-
 „давцу, у котораго продаваться будетъ
 „нашъ Журналъ, а мы уже о прочемъ съ ве-
 „ликимъ удовольствіемъ спаратъся не пре-
 „минемъ. Какая приятная надежда питаетъ
 „мое сердце! Симъ случаемъ познакомимся
 „мы со многими великими умами, съ истин-
 „ными патриотами, и съ прямыми челоѣ-
 „ками. Во древности *Діогенъ* искалъ ихъ съ
 „фонаремъ, но и въ нынѣшнее время, друзья
 „мои, не на всѣхъ улицахъ они встрѣчаются
 „съ нами!

„На конецъ нужно для отвращенія въ
 „корыстолюбїи подозрѣнїя, чшобъ вы предъ
 „согражданами не сокрывали, съ какимъ на-
 „мѣренїемъ прибышокъ отъ сего Журнала
 „получашь желаете. По что не дасть знать
 „свѣшу, что вы всѣ выручаемыя деньги отъ
 „продажи сего Журнала, опредѣлили къ со-
 „держанію Училищъ для бѣдныхъ дѣтей?

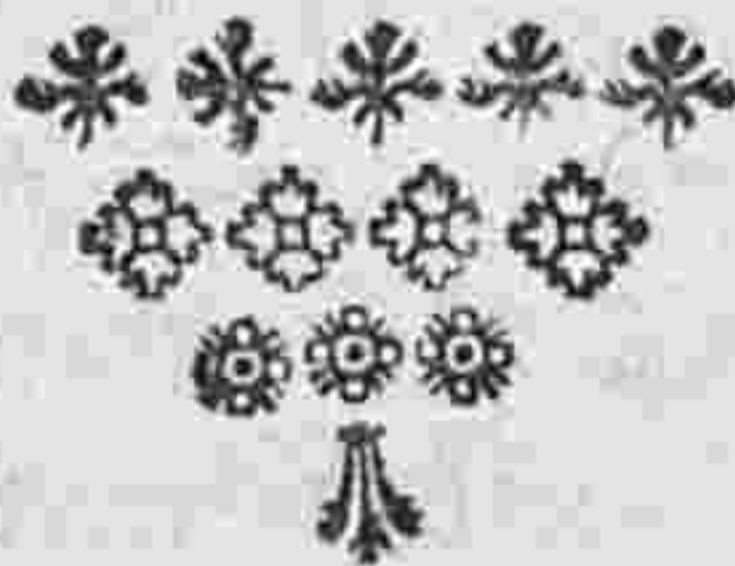
„Правда не всегда должна шуйца въ-
 „дасть о добрыхъ дѣянїяхъ десницы; да и когда
 „благодѣянїя явно проповѣдывающся, тогда
 „лишаются онѣ внутренней своей цѣны,
 „и благопворишели уподобляются Фарисе-
 „ямъ. Но здѣсь совсѣмъ иное: учрежденїе
 „таковыхъ школъ не можетъ быть тайно.
 „Онѣ пребудутъ знашнаго и поспояннаго
 „подкрѣпленїя. Добрый вашъ примѣръ мо-
 „жетъ побудишь другихъ добронравныхъ лю-
 „дей. Любовь ихъ къ бѣднымъ воспитанїя
 „неимущимъ согражданамъ чрезъ сіе по-
 „оспришся; пощашся помогашъ въ
 „подъянїи бремени, которое возлагаютъ
 „на рамена свои нѣкоторыя охотно на по-
 „согласившіеся; время легкое, приятное и
 „никого не удручающее, и которое однакъ
 „человѣчеству и должности къ Опече-
 „ству великую честь приносятъ. И такъ гдѣ
 „доброе дѣло пребудетъ явнаго примѣра,
 „тамъ хулы достойна спыдливость, за-
 „ставляющая сокрывать честныя намѣре-
 „нїя и благородныя дѣйствїя. Смѣлость и
 „неуспрашимость имѣютъ всегда въ себѣ
 „нѣчто

„нѣчто привлекающее , что люди часто
 „какъ бы непреодолимую силу употреблять
 „принуждены. *Плутархъ* во своемъ сочине-
 „нїи *о случаѣ* написавъ, что безъ угрызенїя
 „совѣспи о добрыхъ своихъ дѣлахъ говорить
 „возможно, можемъ бытъ о такомъ намѣре-
 „нїи не помышлять. Я думаю, что мы, безъ
 „всякаго опасенїя бытъ почитаемы шесла-
 „вными , можемъ не только о семъ возвѣ-
 „спить, но еще и долгъ нашъ потребуемъ,
 „чтобъ мы сіе обнародовали. Ежели мы
 „чрезъ сіе , нашимъ любезнымъ согражда-
 „намъ отворимъ новыя врата , покажемъ
 „новый путь ко благу человѣчества, то и
 „отворимъ отъ нихъ нарѣканїе, что имъ
 „случаевъ не доставало, оказавъ ихъ любовь
 „къ челоукамъ , къ ихъ согражданами , и
 „ихъ возлюбленному Отечеству.

Симъ прекрашилъ свое предложенїе нашъ
 любезный Сочленъ. По спрогомъ разысканїи
 нашли мы, что онъ изключая послѣднее
 положенїе , ничего такого не сказалъ, въ
 чемъ бы мы съ нимъ совершенно согласны
 не были. Мы положили, чтобъ сіе мнѣнїе
 его было напечатано вмѣсто предисловія
 къ нашему Журналу ; для того , что пре-
 дисловіе при всякомъ новомъ сочиненїи ,
 обыкновенно связано съ нѣкоторыми труд-
 ностями. Можемъ бытъ мало было тако-
 выхъ Писателей , которые при вступле-
 нїи ко своему сочиненїю не препѣшали. По
 счастью, любезный нашъ Сочленъ, отъ сего

насѣ избавилѣ; и мы не должны умилоспи-
влять хулу, или спарашься привлекать
вниманіе. Узнають и безѣ того наши по-
чпенные чишашели все наше намѣреніе, и
чего они впредь отѣ нашихѣ лисповѣ ожи-
дашь могутѣ.

По примѣру Фукидида, не завѣщали
мы имѣ на вѣки своего сокровища, а по
тому, и не должны имѣ возвѣщать о цѣнѣ
онаго. Извѣстны уже они, какѣ о нашемѣ
намѣреніи, такѣ и о нашемѣ страхѣ: и вре-
мя покажетѣ, основательнo ли было шо и
другое!

ИМЕНА ПОДПИСАВШИХСЯ ОСОБЪ.

Въ Санктпетербургѣ.

- Ея Сіяшельство Княжна Екатерина Сергѣевна Урусова, 2 экземпляра.
- Ея Превосходительство Елисавета Васильевна Хераскова, 2 эксем.
- Ея Сіяшельство Княгиня Варвара Александровна Трубецкая, 1 эксем.
- Ея Сіяшельство Графиня Прасковья Александровна Брюсова, 1 эксем.
- Его Сіяшельство Князь Николай Никишичъ Трубецкой, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, 3 эк.
— — Василій Михайловичъ Сушковъ, 3 эксем.
- Его Высокородіе Петръ Матвѣевичъ Херасковъ, 2 экс.
- Его Сіяшельство Князь Алексѣй Александровичъ Черкасской, 1 эксем.
— — Князь Сергѣй Николаевичъ Голицынъ, 1 экс.
- Его Высокородіе Василій Ивановичъ Майковъ 1 экс.
- Его Высокоблагородіе Михайло Михайловичъ Рахмановъ, 1 экс.
- Его Благородіе Егоръ Богдановичъ Абалдуевъ, 1 экс.
Михайло Дмитріевичъ г. Стражевъ, 1 эксем.
Петръ Пешровичъ г. Бушуевъ, 1 эксем.
- Его Благородіе Иванъ Андрѣевичъ Бодиско, 1 эксем.
— — Карлъ Ивановичъ Северинъ, 1 эксем.
- Его Высокородіе Василій Ивановичъ Неклюдовъ, 1 эк.
Его Высокоблагородіе Михайло Васильевичъ Неклюдовъ, 1 эксем.
— — Сергій Васильевичъ Неклюдовъ, 1 эксем.
— — Петръ Васильевичъ Неклюдовъ, 1 эксем.
- Вологодской Купецъ Иванъ Аврамовичъ г. Лапшевъ, 1 эк.
Г. Калмаковъ, 1 эксем.
- Его Превосходит. Петръ Васильевичъ Бакунинъ, 1 эк.
Его Высокоблаг. Максимъ Семеновичъ Ягнишовъ, 1 эк.
Его Благородіе Иванъ Ивановичъ Стафенгагенъ, 1 эк.
Его Благородіе Г. Вильковской, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Федоръ Ивановичъ Васильевъ, 1 эксем.
— — Иванъ Васильевичъ Языковъ, 1 эксем.

- Его Высочество Александръ Андрѣевичъ Волковъ, 1 эк.
 Его Превосходит. Павелъ Сергѣевичъ Пошемкинъ, 1 эк.
 Курскій Купецъ Петръ Ивановичъ г. меньшей Нифан-
 товъ, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Егоръ Андрѣевичъ Фаминцынъ, 1 эк.
 Палагея Федосевна госпожа Каменская, 1 эксем.
- Его Высокоблагородіе Василій Никишичъ Курмана-
 лѣевъ, 1 эксем.
- Его Благородіе Михайло Семеновичъ Ташариновъ, 1 эк.
 Его Высокоблаг. Иванъ Сергѣевичъ Ананьевской, 1 эк.
 Федоръ Семеновичъ г. Поповскій, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Сергѣй Федоровичъ Голубцовъ, 1 эк.
 Его Благородіе Василій Ивановичъ Крюковской, 1 эк.
 Его Высочество Анисимъ Титовичъ Князевъ, 1 эксем.
- Его Благородіе Федоръ Сергѣевичъ Древскій, 1 эксем.
- Его Сіятельство Князь Павелъ Дмитриевичъ Циціа-
 новъ, 1 эксем.
- Его Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Демидовъ, 1 эк.
 Его Высокопревосходительство Василій Евдокимо-
 вичъ Адауровъ, 1 эксем.
- Его Сіятельство Графъ Иванъ Андрѣевичъ Осперманъ,
 2 эксем.
- Неизвѣстный, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Алексѣй Дмитриевичъ Львовъ, 1 эк.
 Его Сіятел. Графъ Андрѣй Ивановичъ Толстой, 1 эк.
 — — Графъ Петръ Андрѣевичъ Толстой, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Василій Степановичъ Тамара, 1 эк.
 — — Дмитрий Васильевичъ Лихаревъ, 1 эксем.
- Его Высокоблаг. Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, 2 эк.
 — — Петръ Гавриловичъ Окуневъ, 1 эксем.
- — Александръ Богдановичъ Окуневъ, 1 эксем.
- — Александръ Гавриловичъ Окуневъ, 1 эксем.
- Его Превосходит. Иванъ Григорьевичъ Рязановъ, 1 эк.
 Его Высокоблаг. Гаврило Романовичъ Державинъ, 1 эк.
 Протоіерей Сергіевской церкви, Василій Савичъ Му-
 зовской, 1 эксем.
- Его Высочество Андрей Андреевичъ Нартовъ, 1 экс.
 Ея Высокоблагородіе Анна Осиповна Бобрищева-Пу-
 шкина, 1 эксем.

- Его Высокоблаг. Осипъ Петровичъ Казадавлевъ, 1 эк.
 — — Иванъ Петровичъ Тургеневъ, 1 эксем.
 — — Иванъ Васильевичъ Яворской, 1 эксем.
 — — Семенъ Александровичъ Неплюевъ, 1 экс.
 — — Андреянъ Симоновичъ Лапшевъ, 1 эксем.
 — — Осипъ Васильевичъ Смирновъ, 1 эксем.

Иванъ Ивановичъ Трескотъ 1 эксем.

Его благородіе Александръ Семеновичъ Хвостовъ, 2 эк.

Его Высокоблаг. Андреянъ Ивановичъ Васильевъ, 1 эк.

Его Высокоблаг. Алексѣй Григорьевичъ Ходневъ, 2 эк.

Его Благородіе Филиппъ Петровичъ Боголюбовъ, 1 эк.

— — Господинъ регистраторъ Пахомовъ, 1 эк.

Г. Канторовъ 1 эксем.

Г. фабрикантъ и депушатъ Спригалевъ, 1 эксем.

Его Благородіе Петръ Ивановичъ Ушаковъ, 1 эксем.

Марко Ивановичъ Г. Хозиковъ, 1 эксем.

Его Превосходительство Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, 1 эксем.

Его Высокоблаг. Петръ Ивановичъ Бабарыкинъ, 1 эк.

— — Карпъ Аѳанасьевичъ Жуковъ, 1 эксем.

Нижеслѣдующія особы подписались и заплатили за каждый экземпляръ по 5 рублей.

Его Превосходительство Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, 1 эксем.

— — Михайло Никишичъ Кречетниковъ, 1 эксем.

Его Благор. Александръ Андрѣевичъ Щербининъ, 1 эк.

Его Превосходительство Аполлонъ Александровичъ Веригинъ, 1 эксем.

Ея Сіятельство Княгиня Наспасья Ивановна Несвицкая, 1 эксем.

Его Сіятельство Князь Іона Ѳедоровичъ Дондуковъ, 1 эксем.

Его Сіятельство Князь Александръ Ивановичъ Мещерской, 1 эксем.

Его Высокородіе Сергѣй Васильевичъ Беклѣмишевъ 1 эк.

— — Александръ Дмитриевичъ Семичевъ, 1 эксем.

Его Высокоблагородіе Николай Васильевичъ Перфильевъ, 1 эксем.

Его благородіе Василій Петровичъ Аксеновъ, 1 эксем.
 Его Высокор. Андрей Данійловичъ Казадавлевъ, 1 эк.
 Его Благородіе Павелъ Карнѣевичъ Ямчевскій, 1 эксем.
 — — Алексѣй Миниъ Иконниковъ, 1 эксем.
 Его Высокоблаг. Ѳедоръ Васильевичъ Кишкинъ, 1 эк.
 — — Андрей Осиповичъ Закревской, 1 эксем.
 — — Иванъ Ивановичъ Моллеръ, 1 эксем.
 — — Юрій Машвѣевичъ Фельшенъ, 1 эксем.
 Его Высокопреподобіе отецъ Пропоіерей Іоаннъ Іоан-
 новичъ Памфиловъ, 1 эк. съ заплапою за оной 10 р.
 Его Сіятельство Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ,
 1 эксем. заплапа 25 рублей.

* * *

Объявивъ имена подписавшихся Особъ, яко споспѣшествующихъ намбренію нашему, въ заведеніи Училищъ, не можемъ умолчать о похвальномъ усердіи къ пользѣ общественной и благошворительномъ вспомошествованіи, г. Генералъ-Аудитора-Лейптенанта Петра Кирилловича Хлѣбникова. Какъ скоро услышалъ онъ, что выручаемыя деньги отъ продажи нашего Журнала, назначены къ заведенію Училищъ, такъ скоро объявилъ чрезъ одного изъ нашихъ Сочленовъ, что онъ даритъ сполько бумаги, сколько пошребно для печатанія *Утренняго Слѣта* чрезъ цѣлый годъ, что и составляетъ сумму около 300 рублей. Таковой благошворительный поступокъ заслуживаетъ искреннѣйшую нашу благодарность, а ревность его и усердіе къ пользѣ общественной, по всей справедливости, достойны похвалы. Мы почли за должность, извѣстивъ о семъ читательней нашихъ, яко Особъ споспѣшествующихъ предпріятію нашему: ибо мы весьма склонны вѣрять, что не любопытство ко узнанію новости въ литерашурѣ, но истинное патріотическое усердіе ко вспомошествованію своимъ единосемцамъ, было побужденіемъ къ подпискѣ на сей Журналъ.

УТРЕННІЙ
СВѢТЪ.

І
ЖИТІЕ и СВОЙСТВА
СОКРАТОВЫ.

Сократъ, премудрѣйшій и добродѣтельный-
шій мужъ изъ Грековъ, произошелъ на свѣтъ
отъ Софроника Испуканщика, и Фенареты,
повивальныя бабки, въ Алопецинской часпи
города Аѳинъ, въ четвертомъ годѣ, седмьде-
сятъ седмая Олимпіяды (*).

Отецъ Сократовъ обучалъ сына своего
каменорѣзбному художеству, въ которомъ
и оказалъ онъ довольные успѣхи, ежели въ-
ришь, что одѣтые Граціи, споявшія на спѣ-
нахъ Аѳинскихъ, позади Минервина испука-
на, были его искусства: ибо во времена

А

Оидія,

(*) По объявленію другихъ Историковъ родил-
ся онъ лѣта отъ с. м. 3481, т. е. за 2027 лѣтъ
до Рождества Христова.

Фидія , Цейксиса и Мирона , не допустили бы занимать такое важное мѣсто ни какому посредственному искусству.

Спустя довольное время по смерти Софрониковой , Сократъ упражнялся еще въ художествѣ своемъ болѣе по нуждѣ , нежели по склонности. На тридцатомъ годѣ отъ рожденія его , познакомился съ нимъ знаменитый Аѳинянинъ Критонъ , и , примѣтивъ въ немъ дарованія его , заключилъ , что онъ разсужденіями своими несравненно болѣе принесетъ пользы роду человѣческому нежели художествомъ. Критонъ взялъ Сократа изъ училища художественнаго , и отдалъ его — въ наученіе славнѣйшимъ Мудрецамъ того времени , дабы научился онъ постигать высочайшій Порядокъ и Красоту , и старался бы подражать онымъ.

Ибо когда искусство наспавляетъ насъ неодушевленное шворить подобнымъ одушевленному , и изъ камня производитъ подобіе человѣческое , то на прошивъ сего Премудрость ищетъ въ конечномъ подражать безконечному , и душу человѣческую приближать къ первоначальной красотѣ и совершенству , по елику то въ жизни сей возможно. Сократъ пользовался наспавленіями и обхожденіемъ славнѣйшихъ Мужей во всѣхъ наукахъ и художествахъ , изъ коихъ ученики его упоминаютъ объ Архелавъ , Анаксагоръ , Продикъ , Эвенъ , Исимахъ и Теодоръ.

Критонъ

Критонъ снабдилъ его всѣмъ по потреб-
нымъ къ жизни. Сократъ прилѣжалъ сперва
съ великимъ спараніемъ къ физикѣ, бывшей
тогда въ великой славѣ; но онъ скоро уви-
дѣлъ, что уже время обратиться Прему-
дроспъ отъ размышленія о естествѣ къ
размышленію о Человѣкѣ. Се истинный путь
по которому Философія всегда слѣдовать
должна! Прежде всего надлѣжитъ ей раз-
смапривать внѣшніе предметы, но одна-
кожъ при каждомъ шагѣ обращаться къ че-
ловѣку, и всѣ свои попеченія устремлять
къ доспавленію ему истиннаго блаженства.
Ежели движеніе планетъ, свойство пѣлъ
небесныхъ, природа стихій, и тому подоб-
ное, имѣютъ вліяніе во блаженство наше,
хотя по крайнѣй мѣрѣ шокмо посредствен-
но, то человѣкъ конечно не назначенъ разы-
скивать оныя. Сократъ былъ первый, гово-
ритъ Цицеронъ, который призывалъ Философію
съ небесъ, водворилъ ее во грады, привелъ оную
въ жилищаъ человекѣвъ, и принудилъ рассу-
ждать о дѣлахъ и поступкахъ ихъ. Но одна-
кожъ, по обыкновенію вводителей ново-
стей, преспунилъ онъ съ другія стороны
предѣлы, и говаривалъ иногда о высочай-
шихъ наукахъ съ нѣкоторымъ родомъ не-
уваженія, который мудрому разыскашело
вещей ни мало неприличенъ.

Около сихъ временъ во Греціи былъ осо-
бливый родъ ученыхъ, которые спаралися
всякими ложными доказапельствами и хи-

проеспми одобряшь закоренѣлыя предразсужденія и заспарѣлое суевѣріе: а чрезъ сіе самое и были они въ великомъ почтеніи у народа. Сіи ученые приняли названіе *Софистовъ* (*), кошорое чрезъ ихъ злоупотребленіе учинилось названіемъ гнуснымъ. Они спарались о воспитаніи юношества, и съ великою похвалою наславляли въ общенародныхъ училищахъ, и въ домахъ особенныхъ людей, во всякихъ художествахъ, наукахъ, нравоученіи и законѣ. Они вѣдали, что въ демократическомъ правленіи краснорѣчіе всему предпочищается, что вольный человекъ охотно слушаетъ политическіе разговоры, и что любопытство пустыхъ головъ довольствуется всего лучше сказками: и для того наблюдали въ рѣчахъ своихъ оптѣнное краснорѣчіе, и шакъ хитро соплепали ложную политику съ безумными баснями, что народъ слушалъ ихъ съ великимъ удивленіемъ, и щедро награждалъ оныхъ. Со жрецами жили они въ согласіи; ибо обѣ стороны наблюдали сіе мудрое правило: *рука руку моетъ, или, воронъ ворону глаза не выклеываетъ*. Когда пиранство льщепцовъ сихъ не могло уже долѣе держашъ свободный разумъ человеческій подъ игомъ своимъ; тогда предспали мнимые друзья испинны, что бы веспи его по ложнымъ дорогамъ,

(*) По первоначальному происхожденію слово сіе значить учителя премудрости.

дорогамъ, замѣшатель природныя понятія, и всякое различіе между истинны и лжи, справедливости и неправды, между добромъ и зломъ, чрезъ затмѣвающія и обманчивыя правила опровергнувъ. У нихъ были слѣдующія правила: въ теоріи: *все можно доказать, и все можно опровергнуть*; практическое же, что бы незнаніемъ другаго и своимъ превосходствомъ пользоваться наибо-льше сколько возможно. Не трудно опга-дать, что послѣднее правило они скры-вали отъ народа, и не сообщали онаго ни кому кромѣ любимцевъ своихъ, желав-шихъ въ искусствѣ ихъ участвовать; одна-кожъ и преподаваемое ими публично нраво-ученіе, не менѣе было вредно человѣческому сердцу, какъ и полишика ихъ правамъ воль-ности и блаженству человѣческаго рода.

Они были такъ хищры, что систему господствующаго закона совокупили со сво-ею корыстію; чего ради, желавшему прекра-тить обманы ихъ, попребно было не токо-мо твердость и мужество; но и истин-ный другъ добродѣтели не могъ предпри-нять сего безъ самыя величайшя осторо-жности. Нѣтъ ни единыя, которая бы такъ искажена была, что бы въ ней ни чего не находилось могущаго придавать святость должностямъ человѣчества, ко-торыя человеколюбцевъ долженъ почитать, и къ которымъ исправитель нравовъ не долженъ прикасаться, если не желаетъ онъ

противоборствовать своимъ намереніямъ. Ибо въ вещахъ, касающихся до закона, бываетъ очень легкой переходъ отъ сомнѣнія къ легкомыслію, отъ небреженія обрядовъ Богослуженія ко презрѣнію всея Божіея службы; а наипаче у людей, которыми управляетъ не разумъ, но скупость, любочестіе или сластолюбіе. Жрецы суевѣрія твердо полагаются на сіе укрѣпленіе, и какъ скоро чинится на нихъ нападеніе, то тотъ же часъ прибѣгають къ оному, яко ко свящости не долженствующей нарушаться.

Такія то прудности и препящивія предстояли Сократу въ пупи его, когда предпріялъ онъ великое намереніе распространить Добродѣтель и Премудрость между подобныхъ ему. Съ одной стороны надѣжало ему побѣдить собственныя предразсужденія воспианія своего, просвѣтитъ невѣжество другихъ, истребитъ ученіе Софистовъ, терпитъ злость, зависть, клеветы и ругательствы отъ противниковъ своихъ, сноситъ бѣдность, попрасть утвержденную власць, да что еще всего пруднѣе, разогнать мрачный ужасъ суевѣрія. Съ другія стороны щадитъ слабые умы согражданъ своихъ, убѣгаетъ негодованія, и спарашься, что бы благое впечатеніе, которое и самый безразсудный законъ имѣетъ во нравы проспомысленныхъ людей, не обратишь во смѣхъ. Всѣ сіи прудности преодолѣлъ

преодолѣлъ онъ со премудростію истиннаго Философа, съ терпѣніемъ святаго, съ безкорыстною добродѣтелію челоуѣколюбца, со пвердоспїю Ироя, съ поперяніемъ всѣхъ благъ и веселій земныхъ. Здравіе, могущество, спокойствіе, пишину, на конецъ и самую жизнь опдалъ онъ со удовольствіемъ для блага подобныхъ ему. Толико сильно дѣйствовали въ немъ любовь къ добродѣтели и справедливости, и ненарушимость должностей ко *Творцу* и *Хранителю* всяческихъ, которыхъ позналъ онъ единымъ своимъ разумомъ.

Однакожъ сіи высокія предпрїятія гражданина всего свѣта, не претягивали ему исполнять и обыкновенныхъ должностей въ разсужденіи опечества своего. На тридцать шестомъ годѣ отъ рожденія своего, служилъ онъ въ войнѣ противъ *Потидѣевъ*, жителей одного города во *Ораки*, возставшихъ на *Аѳинянъ*, которыхъ они должны были платить дань. Тутъ не упустилъ онъ ни малѣйшаго случая прїобучить пѣло свое къ птягоспямъ военнымъ, и къ жеспокоспямъ непогоды, а душу къ неспрашимости и ко презрѣнію опасности. Единогласно отъ сотоварищей своихъ назначенъ онъ былъ къ полученію награжденія, яко храбрѣйшій изъ всѣхъ; но онъ уступилъ оное *Алкивїаду*, котораго онъ любилъ, и чрезъ сіе хотѣлъ ободрить его, чтобы онъ паковые знаки чести, оказываемые опечествомъ, спарал-

ся получить впредь собственными своими заслугами. Не задолго предъ тѣмъ въ одномъ сраженіи спасъ онъ ему жизнь. — Городъ *Потидея* былъ осаждаемъ во время жестокаго хлада. Многие охраняли себя отъ спужи, но *Сократъ* пребылъ въ обыкновенной одеждѣ, и ходилъ босыми ногами по льду. Во спанѣ, и въ самыхъ *Аѳинахъ*, свирѣпствовала тогда моровая язва. Едва можно въришь повѣспуемому *Діогеномъ Лаэртиемъ* и *Еліаномъ*: они пишущъ, что изо всѣхъ оспавался единый *Сократъ*, до котораго язва сія не коснулась. Не заключаая ни чего изъ обстоятельствъ сего, которое могло приключиться нечаянно, (*) можно сказать съ точностію, что онъ былъ твердаго и крѣпкаго сложенія, и умѣлъ сохранить оное умѣренностію, упражненіемъ и удаленіемъ отъ всякаго сластолюбія, и что онъ укрѣпилъ себя пропиву всякихъ прудносшей сея жизни. Однакожъ, и во время похода не преспавалъ онъ не только упражняясь душевныя свои силы, но и со чрезвычайностію напрягать оныя. Иногда видали, что онъ цѣлые двадцать четыре часа споялъ на одномъ мѣстѣ, не взирая ни куда, углубленъ въ размышленія, подобно какъ бы душа его оставила тѣло, такъ повѣспуетъ *Авлъ-Геллій*. Не лзя спорить, что бы такія

(*) Искусные во врачебной наукѣ стараются утвердить опытами, что язва щадитъ наименѣе людей крѣпкаго сложенія.

такія восхищенія не были по крайнѣй мѣрѣ отдаленнѣйшимъ основаніемъ фанатизма, и въ теченіи его жизни примѣчается, что отъ онаго былъ онъ не со всѣмъ освобожденъ. Но при всемъ томъ фанатизмъ сей былъ безвреденъ, и не происходилъ ни отъ гордости ни отъ ненависти къ челоуѣкамъ, и кошорый въ тогдашнемъ его положеніи былъ ему полезенъ. Можетъ быть, что обыкновенныя силы природы суть недоснапочны, возбудишь челоуѣка къ такимъ высокимъ мыслямъ, и къ полъ мужеспвенному намѣренію.

По окончаніи похода возвратился онъ въ отечество свое, и началъ съ ревностію проповѣдывать ученію *Софистовъ* и суевѣрію, а согражданъ своихъ наставлялъ въ добродѣтели и премудрости. На площадяхъ, на гуляніяхъ, въ баняхъ, въ домахъ, въ работныхъ избахъ художниковъ, однимъ словомъ, гдѣ только находилъ людей, кошорыхъ думалъ исправить, тамъ онъ ихъ и останавливалъ, вступалъ съ ними въ разговоръ (*), изъяснялъ имъ, что справедливо

А 5

(*) Слѣдующимъ образомъ познакомился онъ со *Ксенофонтъ*. Онъ встрѣтилъ его въ одномъ узкомъ проходѣ. Хорошій и скромный видъ сего молодого челоуѣка шакъ ему понравился, что онъ поставилъ передъ нимъ свою палку, и не позволяя ему итти далѣе: Юноша! сказалъ ему, знаешь ли ты, гдѣ получишь можно все нужное для жизни? — Конечно! отвѣчалъ *Ксенофонтъ* — Но знаешь ли ты, гдѣ пріобрѣтаешь добродѣтель и честность? — Мо-

и что нѣтъ, что благо и что зло, что свято и что грѣшно; говорилъ имъ о промыслѣ и владычествѣ Бога, о средствахъ оному угодишь, о блаженствѣ чловѣковъ, о должностяхъ гражданина, оща семейства, мужа, и такъ далѣе. Но все сіе предлагалъ онъ не такъ какъ учитель, но яко другъ, который совокупно съ ними искалъ истинну. Однакожъ онъ споль искусно умѣлъ доводить до того простыми и дѣтскими вопросами, что и безъ особливаго напряженія силъ, можно было ему послѣдовать отъ одного вопроса за другимъ, и на конецъ приходишь къ точной мѣтѣ; и казалось, что истиннѣ сей не учились, но сами находили оную. Я подражаю манерѣ моей, говаривалъ онъ въ шуткахъ: она уже болѣе не рождаетъ, однакожъ знаетъ такіе пріемы и обращенія, чрезъ которые способствуетъ другимъ въ родинахъ. Подобно такимъ же образомъ заспупаю и я у друзей моихъ мѣсто повивальныя бабки. Я такъ долго ихъ испытываю и спрашиваю, пока на конецъ скрытый плодъ разума ихъ не выйдетъ на свѣтъ.

Сей способъ, выспрашивать истинну для опроверженія *Софистовъ*, былъ наиспособнѣйшій.

лодый чловѣкъ оторопѣлъ, и глядѣлъ на него. — Такъ слѣдуй за мною, продолжалъ Сократъ, я тебѣ покажу мѣсто сіе. Онъ послѣдовалъ за нимъ, и былъ по томъ вѣрнѣйшій ученикъ его; извѣстно, сколь онъ ему благодаренъ долженъ,

собнѣйшій. Ежели дѣло доходило до настоящаго спора, то сравняпсья съ ними было невозможно. Ибо они знали сполько увертокъ, сказокъ, ложныхъ правилъ, и такое множество риторическихъ фигуръ, что слушатели пѣмъ ослѣплялись, и думали уже бытъ увѣренными. Рѣдко случалося, что бы не послѣдовало спорамъ ихъ всеобщее рукоплесканіе. Представшежъ себѣ торжествующій ихъ видъ, съ копорымъ взирали сіи учители на учениковъ своихъ, а иногда и на самихъ сопровивниковъ. Чпо же при таковомъ случаѣ дѣлалъ Сократъ? Онъ купно со другими также билъ въ ладоши; но при помъ задавалъ легкіе, и опъ оспориваемаго дѣла опдаленные вопросы, на копорые высокоученый мужъ, почиая ихъ безумными, опвѣчалъ изъ одного сожалѣнія. Мало по малу приближался онъ къ споримой вещи, но всегда вопросами спарался прошивниковъ своихъ удалишь опъ продолжительныя рѣчи. Чрезъ сіе были они принуждены раздѣлять яснѣе мысли свои, принимаять справедливыя изъясненія, и изъ ложныхъ предложеній ихъ выводилъ наибезумнѣйшія слѣдствія. На конецъ находили они себя такъ смятенными, что начинали сердиться. Чпожъ до него касается, то онъ ни когда не разгорячался, но и самыя ихъ грубости сносилъ перпѣливо, и непрестанно продолжалъ обьяснять мысли ихъ,

ихъ , пока на послѣдокъ испекающія изъ софистическихъ ихъ правилъ безумія наипростѣйшему изъ слушаемыхъ чинились внятными. Такимъ по образамъ и у самыхъ учениковъ своихъ становились они посмѣшищемъ.

Въ разсужденіи священнаго закона , кажется имѣлъ онъ слѣдующія правила: каждое ложное ученіе или мнѣніе , очевидно къ развращенію ведущее , и слѣдовательно блаженству рода человѣческаго противное , ни подъ какимъ образомъ онъ не щадилъ , но явно и въ присутствіи льстецовъ , Софистовъ , и простаго народа , опровергалъ , дѣлалъ смѣшнымъ , и обличалъ всѣ безумныя онаго слѣдствія. Такого рода были ученія баснеписателей , кои богамъ своимъ приписывали слабости , неправосудіе , порочныя желанія и страсти. Въ разсужденіяхъ о несправедливыхъ понятіяхъ о промыслѣ и владычествѣ Бога , равномѣрно о награжденіи за благое , и о наказаніи за злое , не сокрывалъ онъ ни когда ни чего , даже и для вида ни когда ни малѣйшаго не имѣлъ сомнѣнія , но всегда съ твердостью и съ величайшею неуспрашимостью защищалъ истинну , что и запечатлѣлъ своею жизнью. Но такое ученіе , которое ложно было только въ теоріи , и не могло нравамъ причинять вреда , какой бы произошелъ отъ новоспи , не только оставялъ всегда безъ поврежденія , но на противъ того признавалъ господствующее мнѣніе.

нѣ, наблюдалъ основанныя на ономъ церемоніи и обряды церковныя, однакожъ сколько можно убѣгалъ всѣхъ случаевъ, заводящихъ къ рѣшипельнымъ объясненіямъ; ежелижъ не можно было того миновать, то всегда имѣлъ въ готовности убѣжище: онъ защищалъ себя *незнаніемъ* своимъ.

Въ семъ случаѣ помогалъ ему опмѣнно способъ его ученія, который, какъ мы то видѣли, избралъ онъ для другаго намѣренія. Понеже ученія свои ни когда не преподавалъ онъ гласомъ гордаго и всезнающаго человека, такъ что самъ ничего не утверждалъ, но паче всегда старался чрезъ вопросы свои испоргнуть истинну отъ слушателей своихъ: то и позволялося ему не знать того, чего онъ не хотѣлъ или не смѣлъ вѣдать. Честнолюбіе, на всѣ вопросы отвѣтствовавъ, обмануло многихъ разумныхъ людей, такъ что они утверждали такія вещи, коимъ бы сами они смѣялись, ежелибъ оныя отъ другихъ услышали. *Сократъ* удаленъ былъ отъ честолюбія сего: о вещахъ, которыя были выше понятія его, признавался онъ съ опкровенностію и чиспосердечіемъ: *этого я не знаю*. Когдажъ онъ примѣчалъ, что ему разспавлены были сѣти, и отъ него старались получить нѣкоторыя признанія, тогда удаляясь оныхъ говорилъ: *я ни того не знаю!* Дельѳическое прорицалище объявило его мудрейшимъ изъ смертныхъ. Какъ кажется, то жрица имѣ-

ла при семъ хитросе намбреніе, оною лестію приманишь на свою спорону для всеполь спрашнаго мужа, и принудишь его объявишь прорицанія ея самыми справедливейшими, ежели бы онъ восхопблъ почитаемъ бышь мудрейшимъ изъ смертныхъ. Но Сократъ дбл сему далъ со всбмъ иной видъ: „Знаете ли вы, сказалъ онъ, для чего Аполлонъ почитаетъ меня мудрейшимъ человекомъ? Для того, что другіе по большей части думаютъ знать то, чего они не знаютъ; но я вижу и признаюсь, что все, что я ни знаю, состоитъ въ томъ, что я ни того не знаю.“

Слава о Сократѣ распроспранилась по всей Греціи. Знаменейшіе и ученейшіе мужи изо всбхъ мбспъ сббзжались къ нему, что бы пользоваться дружескою его бесбдою и наспавленіемъ. Друзья его имбли такую великую охоту его слышать, что нбкопорые изъ нихъ подвергали жизнь свою опасности, шокмо бы ежедневно у него бышь. Въ Афинахъ запрещено было подъ смертною казнію, что б ни кто изъ Мегарцовъ не являлся въ обласпяхъ ихъ; однакожъ Евклидъ, житель Мегарскій, другъ и ученикъ Сократовъ, не взирая на то, посбщаль своего учителя. Ночью обернувшись въ песпрое женское плашье, ходилъ онъ изъ Мегары въ Афины, а передъ сбшпомъ паки назадъ возвращался; распояніе было двадцать тысячъ шаговъ. При всемъ томъ Сократъ жилъ во
крайней

крайней бѣдности и недоспапкѣ, и не хотѣлъ ни чего брать за ученіе, хотя *Аѳиняне* были споль щедры, что конечнобъ заплашили великія суммы, ежелибъ только онъ сего похотѣлъ. *Софисты* сею щедростію пользовались гараздо лучше.

Тѣмъ болѣе спойло ему сносить бѣдность сію, что извѣстная *Ксантита* жена его была не изъ умѣренныхъ женщинъ; сверхъ сего онъ долженъ былъ спараться о дѣтяхъ своихъ, отъ его руки пропитанія своего ожидавшихъ. Не можно сказать съ точностію, былали *Ксантита* такого злаго нрава, какъ объ ней обыкновенно думающъ, или нѣтъ. Извѣстныя о ней къ спыду ея басни, происходящъ отъ поздныхъ писателей, копорые упоминали о ея поступкахъ по однѣмъ только наслышкамъ. *Платонъ* и *Ксенофонтъ*, кои о семъ наилучше знаютъ должны, по видимому почищаютъ ее за женщину посредспвенную, о копорой ни хорошаго ни худаго сказать много не можно. Во слѣдующихъ разговорахъ, подраженныхъ *Платоновымъ*, находимъ мы, что она въ послѣдній день *Сократовы* жизни была у него въ шемницѣ и со младенцемъ своимъ, и смертію его чрезвычайно огорчалась. Все, что мы въ досповѣрныхъ писателяхъ сихъ къ безславію ея находимъ, еспь слѣдующее мѣсто изъ споловыхъ бесѣдъ *Ксенофонта*, гдѣ нѣкто спрашиваетъ *Сократа*, для чего взялъ онъ такую жену, копорая споль

мало обходительна? На что сей отвѣчаетъ
 ему обыкновеннымъ своимъ образомъ: „ Кто
 „хочетъ научиться обходиться съ лошада-
 „ми, шотъ для упражненія своего ни когда
 „смирную не выбираетъ, но такую, копо-
 „рая горяча и съ прудомъ усмиришься мо-
 „жетъ. Яже спараюсь научиться обхожде-
 „нію съ людьми, и для того выбралъ себѣ
 „такую жену, которая несносна, дабы
 „пѣмъ лучше могъ я научиться всякія нра-
 „вы людей сносить съ терпѣніемъ. „ Сей же
 писатель представляетъ въ другомъ мѣстѣ
Лампрокла сына Сократова, жалующагося
 отцу своему на жестокость, бранчивый и
 несносный нравъ матери своея. Однакожъ
 изъ отвѣта *Сократова* явствуетъ къ похва-
 лѣ ея, что она при сварливомъ обычаѣ всѣ
 должности матери семейства исправляла
 съ раченіемъ; дѣтей своихъ любила, и пе-
 клась о нихъ надлѣжащимъ образомъ. Сіе
 свидѣтельство мужа ея опровергаетъ явно
 всѣ поносительныя басни на счетъ ея выду-
 манныя, и чрезъ которыя представляють
 ее попомкамъ примѣромъ злыя жены. Съ ве-
 ликою вѣроятностію думать можно, что
Сократъ искусство обходиться съ людьми
 не вообще употребилъ съ женою своею; на-
 прошивъ можно утверждать, что онъ не-
 упомимымъ терпѣніемъ, угожденіемъ, кропо-
 стію и сильными увѣщаніями, побѣдилъ же-
 стокость нрава ея, пріобрѣлъ любовь, и
 такъ ее исправилъ, что она изъ несносныя
 женщины

женщины доброю матерію семейства, и, какъ поступокъ ея при концѣ его показывалъ, нѣжною женою учинилась. Но какъ бы то ни было, однакожъ домашнія обстоятельства бѣдность его должны были дѣлать несноснѣе; ибо онъ долженъ былъ дать отчетъ о дѣлахъ своихъ не только себѣ, но цѣлому семейству, да можетъ быть и такому еще семейству, которое на сторону умѣренности его жаловалось. Ни кто не зналъ лучше должности отца семейства какъ *Сократъ*. Онъ безъ сомнѣнія вѣдалъ, что онъ обязанъ сколько пріобрѣсти и промыслишь, что бы нужно было для честнаго содержанія своего семейства. Естественную сію должность спарался вперить и въ друзей своихъ. Что же принадлежало до него, то въ души его предстояла ему вышняя должность, препятствовавшая исполнить выше упомянутую. Развращенныя времена, гдѣ все чинилось для корысти, а особливо подлое сребролюбіе *Софистовъ*, которые вредное ученіе свое продавали за чистыя деньги, и для обогащенія себя на счетъ обманываемаго ими народа, употребляли средства наигнуснѣйшія. Сіе принуждало его подлому сребролюбію противопоставить крайнее безкорыстіе, дабы чистыя и добрыя намѣренія его не возможно было исполковать въ худую сторону. Онъ желалъ лучше терпѣть, и ежели съ лишкомъ угнѣбанаъ будетъ недостаткомъ, жить подаяніемъ, неже-

ли нѣкоторымъ образомъ своимъ примѣромъ оправдать подлое сребролюбіе сихъ ложныхъ учителей мудрости.

Онъ прервалъ благодѣтельные упражненія свои, и паки пошелъ охотою въ походъ прошивъ *Віошійя*. *Аѳиняне* проиграли сраженіе близъ *Делія*, и были совершенно разбиты. *Сократъ* оказалъ свою храбросць во время битвы, и когда уже опсшупали.,, Когда бы каждый такъ исполнялъ свою „должностъ, говоритъ *Предводитель Лахесъ* „во *Платонѣ*, какъ *Сократъ*, то конечнобъ „день сей не былъ для насъ несчастливъ.,, Когда уже всѣ побѣжали, то и онъ зачалъ опсшупать, однакожъ шагъ за шагомъ, иногда даже обращаясь назадъ, что бы крѣпко насшупавшему непріятелю учинить сопротивленіе. Онъ нашелъ *Ксенофонта*, который былъ сбитъ съ лошади, и лѣжалъ раненъ; взялъ его на свои плеча, и принесъ невредима.

Жрецы, *Софисты*, *Орапоры* и прочіе, разумъ свой употреблявшіе во зло, и которыми *Сократъ* былъ такъ сказанъ спицею въ глазу, воспользовались его опсшпвѣемъ, и старались всѣхъ прошиву его возмутишь. При возвращеніи своемъ нашелъ онъ цѣлую шайку прошивъ него сговорившихся, которые все, что шокмо ему вредило, ни мало безчестнымъ не почиали. Они, какъ то думашъ должно, подкупили *Аристофана*, писателя комедій, чтобъ онъ чрезъ

чрезъ игрищи, тогда называемыя комедіи, спарался сдѣлать *Сократа* у народа смѣшнымъ и ненавистнымъ, дабы чрезъ то отъ части узнать мнѣніе народа, отъ части же приготовавъ, и ежели сіе удася, то и нѣчто важнѣйшее предпріять. Сіе игрище именовалось *Облака*. *Сократъ* былъ главнымъ въ ономъ лицомъ; фигура играющаго сей роль, спаралась какъ можно быть ему сходнѣе. Одежда, походка, тѣлодвиженія, голосъ, однимъ словомъ все съ нимъ было чрезвычайно сходно. Самое сіе сочиненіе, въ честь гонимаго Философа, сохранилось еще до нынѣшнихъ временъ. Едва можно ли представить себѣ что ни будь безумнѣе сего!

Сократъ ни когда не посѣщалъ театра, развѣ когда представлялись сочиненія *Еврипидовы*, (въ коихъ по объявленію нѣкоторыхъ и самъ онъ участвовалъ). Но въ сей день, когда было представленіе пасквиля сего, находился онъ въ числѣ зрителей. Онъ слышалъ какъ нѣкоторые изъ чужестранцевъ спрашивали, кто таковъ *Сократъ*, которому на театрѣ ругались? Тогда вошелъ онъ на средину театра, и стоялъ до окончанія представленія, гдѣ всякъ могъ его видѣть и сравнять съ копіею. Сей поступокъ былъ жестоко вреденъ и для стихотворца и для его сочиненія. Самыя смѣшныя мѣста не имѣли уже ни малѣйшаго дѣйствія; ибо знаменитость *Сократова* возбудила во всѣхъ почтеніе, и нѣкоторый родъ

удивленія къ неуспрашимости его. И такъ сіе сочиненіе не заслужило ни малѣйшія похвалы. Сочинитель перемѣнилъ сочиненіе свое, и на другій годъ впорично оно представилъ; но съ такимъ же худымъ успѣхомъ. И такъ непріятели Философа сего, намѣреніе свое принуждены были оставить до удобнѣйшаго времени.

Не успѣли окончать войну съ *Віотіянцами*, какъ уже принуждены были набирать новое войско, чшобъ учинить сопротивленіе *Лакедемонскому* Полководцу *Вразиду*, копорый опобралъ у нихъ многіе города во *Фракіи*, и между прочими важный городъ *Амфиполь*. *Сократъ*, не взирая на опасность, копорой подвергло его послѣднее опсупствіе, не преминулъ и сей разъ служить опечеству своему. Сей разъ былъ послѣдній, въ копорый оставлялъ онъ городъ своего рожденія. Послѣ сего времени не выходилъ уже онъ ни когда изъ предѣловъ *Аѳинскихъ*, и не переспавалъ ни мало собирающееся къ нему юношество наслаждать своею бесѣдою, и какъ ученіемъ, такъ и собственнымъ примѣромъ внушать любовь къ добродѣтели. Но какъ онъ во всемъ любилъ красоту, шо и выбирая друзей своихъ смотрѣлъ на ихъ тѣлесную пріятность. Онъ говаривалъ: *хорошее тѣло обѣщаетъ хорошую душу*; ежели же примѣчаніе сіе иногда обманывается, шо конечно оно было въ небреженіи. И для того уношреблялъ онъ всѣ возможности, чшобъ

чтобы внутренность особь сихъ отвѣчала
внѣшности. Ни о комъ однакожъ столько
онъ не старался, какъ объ *Алкивїадѣ*, мо-
лодомъ человекѣ необыкновенныя красоты
и великихъ дарованій, который былъ вы-
сокомъ брѣнѣ, смѣль, легкомысленѣ, и чрезвы-
чайно горячаго сложенія. О семъ имѣль онъ
безпрестанное попеченіе; при всякомъ случаѣ
вступалъ съ нимъ въ разговоры, дабы дру-
жескими увѣщаніями и пріятными выговора-
ми отвратишь его отъ чрезмѣрнаго често-
любія и сладострастія, къ чему онъ имѣль
отъ природы великую склонность. *Платонъ*
часто приводишь упопребленныя *Сократомъ*
въ разсужденіи его такія выраженія, кои
почти изображаютъ человека влюбленнаго:
отъ сего то взяли въ послѣдующія времена,
что будто *Сократъ* имѣль съ молодыми
людьми обхожденіе достойное наказанія.
Однакожъ и сами непріятели *Сократовы*,
Аристофанъ во своей комедіи, а *Мелитъ* въ
обличеніи, ни чего объ ономъ не упомина-
ють. Правда *Мелитъ* обвиняетъ его, что
онъ поршитъ юношество; но изъ *Сократова*
отвѣта явствуетъ, что сіе касалось токмо
до правъ закона и полишики, къ которымъ
онъ ихъ дѣлалъ будто равнодушными. По-
ложимъ, что развратность нравовъ тогдаш-
няго времени и такъ далеко простиралась,
что сей проповоестественный порокъ по-
чищаемъ былъ почти за естественный;
шобъ конечно непріятели сего случая не

умолчали, ежелибъ не очевидная была невозможность, чпобъ служившаго образцемъ цѣломудрїя и воздержанїя обвиняшь такою скопскою спраспїю. Пускай прочтуть спрогїе выговоры, копорые дѣлаеть онъ *Критїю* и *Критовулу*; пускай прочтуть свидѣтельство, копорое даеть распаленный и почпи со всѣмъ упившїйся *Алкивїадъ*, во *Платоновыхъ столовыхъ бесѣдахъ*. Молчанїе непрїятелей и клеветниковъ, и прошивное свидѣтельство друзей его, совершенно насъ увѣряють, что обвиненїе сїе со всѣмъ несправедливо, и есть не иное что какъ клевета, достойная наказанїя. Выраженїя *Платоновы*, какъ спранны ни кажутся ушамъ моимъ, они ни чего болѣе не доказываютъ, какъ шокмо что сїя чрезвѣстеспвенная учпивость была въ погдашнее время обыкновеннымъ языкомъ, равно какъ и въ наши времена и самый угрюмый человекъ, ежели онъ пишеть къ женщинѣ, не можетъ избѣгнуть, чпобъ не представивъ себя почпи влюбленнымъ.

Въ разсужденїи Демона (*), копорый, по объявленїю *Сократа*, воздерживалъ его отъ всякаго зла, ежели онъ когда нибудь оное предприняшь намѣрялся, мнѣнїя ученыхъ суть различны. Нѣкопорые думаютъ, что *Сократъ*

(*) Древнїе Философы подъ назпанїемъ демона разумѣли то, что разумѣемъ мы подъ Ангеломъ хранителемъ, а отнюдъ не разумѣли дѣапола, или духа злаго.

Сократъ въ семъ случаѣ употребилъ выдумку, дабы чрезъ то имѣлъ къ себѣ довѣренность суевѣрнаго народа; однакожъ кажется, что сіе съ обыкновенною его искренностію ни мало не согласуется. Другіе же чрезъ Демона сего разумѣютъ изощренное чувствованіе добра и зла, чрезъ великіе опыты, размышленія, и безпреспаннымъ упражненіемъ пріобрѣтенное разсужденіе, учинившееся въ немъ такъ сказать врожденнымъ чувствованіемъ, по которому могъ онъ каждое вольное дѣяніе разбирати по слѣдствіямъ и дѣйствіямъ онаго, не бывъ въ состояніи дать самому себѣ опчета въ разсужденіи своемъ. Но мы находимъ во *Ксенофонтѣ* и *Платонѣ* различныя происшествія, гдѣ *Сократовъ Демонъ* предсказывалъ такія вещи, которыя не можно исполковати изъ естественныхъ силъ души. Можетъ быти, что ученики его выдумали оныя изъ добраго намѣренія; можетъ быти *Сократъ*, который, какъ мы видѣли, былъ склоненъ къ восхищеніямъ, самую слабостъ сію, или заблуждающееся воображеніе, однимъ словомъ, сіе сильное нравственное чувство, котораго и самъ исполковати не могъ, превратилъ въ добраго Демона, дабы на конецъ приписать ему врожденные свои чувствованія, происшедшія со всѣмъ изъ другаго источника. Или добродѣтельный мужъ долженъ быти отъ всѣхъ слабостей и предразсужденій свободенъ? Вдохновеніе нынѣ за достоинство

уже не почитается. Можеть бытъ что во времена *Сократовы* потребна была помощь *Демона*, которую и употребилъ онъ съ пользою. Онъ и безъ того имѣлъ обыкнове- ніе, какъ уже о томъ сказано выше, пер- нѣтъ всякое суевѣріе, ежели оно непосред- ственно не вредило нравамъ.

Блаженство рода человѣческаго было единое его ученіе. Какъ скоро какое ни будь предразсужденіе, или суевѣріе подавало спо- собъ къ явному насилію и угнѣщенію правъ человѣческихъ, или къ развращенію нравовъ, и къ сему подобному; то ни что въ свѣтѣ не могло его удержатъ, не взирая на опа- сность и гоненіе, онымъ сопротивляясь. Между *Греками* было древнее суевѣріе, что шѣни непогребенныхъ должны сто лѣтъ хо- дить по берегу *Стиги*, пока будущіе чрезъ оную перепущены. Можеть бытъ, что первый учредишель общеспва вперилъ мнѣніе сіе непросвѣщенному народу съ намѣреніемъ доспойнымъ похвалы. Но во времена *Сокра- товъ*, чрезъ гнусное злоупотребленіе, де- шало оно жизни многихъ честныхъ граж- данъ. *Аѳиняне* при островѣ *Аргимусѣ* полу- чили надъ *Лакедемонянами* совершенную по- бѣду; но чрезъ возспавшую бурю предводи- шели торжествующаго флота не могли похоронить тѣлесъ убитыхъ. И такъ при возвращеніи ихъ въ *Аѳины*, не взирая на стыдъ, публично обвиняли ихъ небрежені- емъ сего. Того дня *Сократъ* былъ предсѣда- шелемъ

пелемъ *Пританскаго* Сенапа, управлявшаго всенародными дѣлами. Злоспъ нѣкопорыхъ сильныхъ людей республики, лицемѣрство Жрецовъ, подлоспъ сребролюбивыхъ Орашоровъ и *Софистовъ*, все соединилось, что бы слѣпую ревноспъ народа возбудишь противъ сихъ защитниковъ опечесства. Народъ шребовалъ съ великимъ крикомъ, что бы ихъ приговорили. Нѣкошорая часпъ Сенапа клонилась шакже ко мнѣнiю народному; а остпальные не имѣли довольно мужесства, что бы противишься общему бѣшенству. И шакъ всѣ согласились сихъ несчастныхъ гражданъ приговорить ко смерти. Одинъ *Сократъ* имѣлъ смѣлоспъ защищать невинноспъ, пренебрегая угрозы сильныхъ, и яроспъ раздраженнаго народа; спалъ онъ одинъ на споронѣ гонимыя невинноспи, и говорилъ, что онъ лучше всякое преперпитъ несчастiе, нежели когда ни будь согласишь на шакое безбожное неправосудiе. Однакожъ всѣ его спаранiя о ихъ благѣ были шщепны. Онъ имѣлъ неудовольствiе видѣть, что слѣпая ревноспъ одержала верхъ, и что республика сама себѣ причинила спыдъ, пожертвовавъ безсленному предразсужденiю своими наихрабѣйшими защитниками. Чрезъ одинъ годъ послѣ происшесствiя сего, *Аѳиняне* разбишы были на голову отъ *Лакедемонянъ*, флотъ ихъ испребленъ, главный городъ осаженъ и

въ такую приведенъ крайность, что они принуждены были сдать побѣдителямъ своимъ на ихъ волю. Вѣроятно, что недосяпапокъ знающихъ предводителей наиболѣе въ несчастіи семъ участвовалъ.

Лисандръ, Лакедемонскій Полководецъ, который взялъ городъ сей, способствуя учинившемуся въ ономъ возмущенію, демократическое правленіе превратилъ въ олигархическое, и учредилъ совѣтъ, состоявшій изъ тридцати человекъ, которые извѣстны подъ названіемъ тридцати пирановъ. Наихестьчайшіе злодѣи не могли бы такъ звѣрствовать въ городъ семъ, какъ сіи чудовища. Подъ видомъ наказанія за преступленіе противъ опечесва, или возмущеніе, наидобродѣтельнѣйшіе люди лишаемы были жизни или имѣнія. Расхищали, грабили, въ ссылку посылали, казнили одного явно, другаго тайно; сіи по были дѣла, которыми они открыли правленіе свое. Не должно ли было *Сократово* сердце обливаться кровію, видя *Критія*, прежняго ученика своего, предводительствовавшего сими злодѣями; и сей *Критій*, бывшій его другъ и слушатель, явился теперь явнымъ его злодѣемъ, и искалъ случая ему вредить. Добродѣтельный мужъ сей выговаривалъ ему нѣкогда очень строго за скопскую и чрезвѣстную его спрась, и съ того времени извергъ сей тайно на него

него сердился, а теперь искалъ случая ему опомспишь.

Какъ онъ и Хариклъ избраны были законодателями, то дабы подбискапья надъ Сократомъ, сдѣлали они законъ, чпо бы ни кто не училъ краснорѣчю. По томъ услышали они, чпо Сократъ ихъ осуждалъ, и часто говорилъ: хошя и удивительно, когдабъ паспухи ввѣренное имъ спадо дѣлая меньше и хуже, желали при томъ слышь добрыми паспухами; однакожъ еще удивительнѣе, когда бы правили какія ни будь земли, уничижая гражданъ, и дѣлая ихъ хуже, желали именоваться добрыми правителями. По чему призывали его къ себѣ, показали ему помянутый законъ, и запрешили, чпобъ онъ со молодыми людьми не вступалъ въ разговоры. „Позволеноли, „сказалъ Сократъ, спросишь о томъ, чего „я въ запрещеніи семъ не разумѣю? — Для „чего нѣтъ, отвѣчали они ему. — Я го- „шовъ, продолжалъ Сократъ, слѣдовашь сему „закону, но опасаясь, чпо бы ошъ не- „знанія прошивъ онаго не проспустишь: и „для того прошу истолковашъ мнѣ, чпо „вы разумѣете подъ краснорѣчіемъ, искусств- „во ли говоришь справедливо или неспра- „ведливо; ежели первое, то долженъ я воз- „держашъ, чпобъ ни кому не рассказывашъ, „какъ онъ долженъ говоришь справедливо; „ежели же послѣднее, то я не буду ни кого „научашъ, какъ ему говоришь несправедливо.

Хариклъ

Хариклѣ разсердился, и сказалъ: „ежели
 „ты сего не разумѣешь, то мы сдѣлаемъ
 „тебѣ понятіе, и почто запрещаемъ, что
 „бы ты съ молодыми людьми не говорилъ. —
 „Но чтобъ я зналъ, какимъ образомъ и въ
 „семъ случаѣ поступать долженъ, то означь-
 „те мнѣ время, сколь долго почиаешь
 „вы человека молодымъ? До того времени,
 „опвѣчалъ Хариклѣ, пока не имѣешь мѣста
 „въ совѣтѣ, то ешь, пока разумъ его не
 „созрѣетъ до тридцати лѣтъ.

„Но ежели, продолжалъ Сократъ, же-
 „лаю я что ни будь купишь у молодого че-
 „ловѣка, могу ли я спросишь у него, какъ
 „дорого? Сіе тебѣ не запрещается, ска-
 „залъ Хариклѣ; ты часно спрашиваешь
 „о томъ, что ты самъ уже знаешь, опъ
 „такихъ вопросовъ впередъ воздержись! — А
 „опвѣчашь, продолжалъ Сократъ? Ежели кто
 „ни будь изъ молодыхъ людей меня спро-
 „ситъ, гдѣ живетъ Хариклѣ или Критій?
 „могу ли я ему опвѣчашь? Да, да, сказалъ
 „Критій; но воздержись опъ дурныхъ при-
 „мѣровъ и сравненій ремесленниковъ, плотни-
 „ковъ и кузнецовъ. Безъ сомнѣнія, сказалъ
 „Сократъ, шакже и опъ понятій о право-
 „судіи, свящоспи, смиренномудріи, и про-
 „чемъ, копорыя я чрезъ оныя примѣры объ-
 „ясняю? Конечно, опвѣчалъ Хариклѣ, а всего
 „болѣе опъ примѣровъ паспужовъ. Помни
 „сіе, иначежъ я опасаюсь, чтобъ побою не
 „уменьшилось спадо,,

Сократъ

Сократъ столько же презиралъ ихъ угрозы, какъ и безсмысленный законъ, который они прошивъ здраваго разсужденія, и прошивъ еспешивеннаго закона, ни малѣйшаго права учинить не имѣли. Онъ продолжалъ попеченіе свое о благѣ юношества, и объ испиннѣ, съ величайшимъ рвеніемъ; однакожь пираны не осмѣлились напасть на него прямо. Они искали къ нему привязаться, и спарались замѣшательство и его во своей несправедливости: и для сего приказали ему, и еще другимъ чешыремъ гражданамъ, взять *Льва Саламинскаго*, и привести въ *Аѳины*, дабы его казнить; но *Сократъ* объявилъ, что онъ ни когда въ несправедливомъ дѣлѣ способствовать не будетъ. И такъ, сказалъ *Хариклъ*, ты желаешь имѣть свободу говорить, что ты хочешь и за сіе ни чего не терпѣшь? *Всякое зло, опвѣчалъ онъ, хочу я терпѣть, токмо чтобъ ни кому не учинить несправедливости.* *Хариклъ* замолчалъ, а прочіе смолчали одинъ на другаго. Но *Сократъ* за всѣ сіи вольности заплашилъ бы на конецъ своею жизнью, ежелибъ народъ, угнетаемый жестокою пиранною, не сдѣлалъ возмущенія, и знаменитѣйшихъ предводителей не лишилъ жизни, а другихъ изъ города не выгналъ.

Но и въ семъ паки возстановленномъ демократическомъ правленіи, поступали съ *Сократомъ* не лучше. Старые его злодѣи *Софисты*, *Жрецы* и *Ораторы*, нашли щеперь

теперь давно уже желаемый случай преслѣ-
 довать его съ лучшимъ прежняго успѣхомъ,
 и на конецъ со всѣмъ его испребишь. *Анитъ,*
Мелитъ и *Ликонъ,* суть имена злодѣевъ, ко-
 торые были упопреблены въ подломъ семъ
 дѣлѣ. Они клеветали въ народъ, будто
 бы *Сократъ* внушилъ *Критію* правила пи-
 ранства, которья сей въ недавномъ време-
 ни исполнялъ съ такою неслыханною же-
 спокоспю. Кому извѣспны легковѣрность
 и непоспоянство народа, спотъ ни мало не
 удивился, что *Аѳиняне* повѣрили такой
 явной клеветѣ, хотя и каждый зналъ про-
 исходившее между *Сократомъ* и пиранномъ.
 Предъ спѣмъ за нѣсколько лѣтъ *Алкиадъ,*
 человекъ великихъ дарованій, но при шомъ
 бѣщенаго нрава, бывъ въ сообществѣ мо-
 лодыхъ людей, ему подобныхъ, разбилъ
Меркуріевъ испуканъ, и явно насмѣхал-
 ся *Елевзинскимъ* таинствамъ, за что и при-
 нужденъ былъ градъ рожденія своего оспа-
 вишь. Теперь паки возобновили произше-
 ствіе сіе; *Сократовы* злодѣи говорили, что
Сократъ молодому сему человеку внушилъ
 презрѣніе къ закону. Ни что такъ не про-
 спивно ученію и поведенію *Сократа,* какъ по-
 добное сему оклеветаніе. Всенародное бого-
 служеніе всегда онъ почиалъ, какъ бы
 суевѣрно оно ни было; чтожъ касается до
таинствъ Елевзинскихъ, то всѣмъ друзьямъ
 своимъ совѣщавалъ просвѣпитъ себя оными,
 хотя самъ можетъ быть имѣлъ свои при-
 чины

чинны не чинишь онаго. Надлѣжитѣ думати, что великія *Елевзинскія тайнства* были не иное что, какъ ученіе истиннаго естественнаго закона, и разумное толкованіе басенъ. Что *Сократъ* постоянно проповидался приняты сіе просвѣщеніе, сіе вѣроятно дѣлалъ онъ для того, чтобъ безпрепятственно проповѣдывалъ тайнства сіи, въ чемъ ему чрезъ просвѣщеніе *Жрецы* воспрепятствовали хотѣли.

Когда уже клеветники думали, что чрезъ шакіе злодѣйскіе слухи народъ довольно изгоповили, тогда *Мелитъ* принесъ на *Сократа* надлѣжащую жалобу, о чемъ правленіе того же часа народу извѣстило. По чему собранъ былъ совѣтъ *Гелиса*, и члены, коимъ дѣло сіе надлѣжало судить, выбраны были по жребію. Сія жалоба состояла во слѣдующемъ: *Сократъ* поступаетъ противно законамъ, 1.) не почитаетъ *Боговъ града сего*, и старается ввести новое *Божество*. 2.) Развращаетъ юношество, внушая оному презрѣніе ко всему тому, что есть свято; и за то должно его казнить смертію.

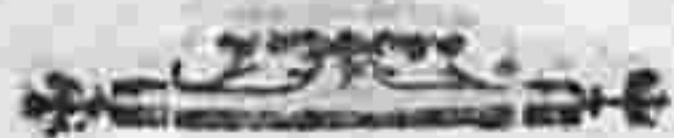
Друзья его предлагали ему весьма хорошаго слога рѣчи для его защищенія. „Онъ очень хороши, сказалъ *Сократъ*, но для меня спараго челоуѣка такое искусство неприлично.“ Не напишешъ ли ты самъ что ни будь ко оправданію своему? говорили они ему. „Самое лучшее оправданіе, которое я сочинить могу, есть то, что

„Я во всю мою жизнь ни кому и ни какого
 „зла не сдѣлалъ. Я нѣсколько разъ прини-
 „мался писать оправдательную рѣчь, но
 „Богъ всегда мнѣ въ помѣ препятствовалъ.
 „Можетъ быть ему угодно, чѣмъ я въ
 „сихъ лѣтахъ умеръ легкою смертію, пока
 „не прійду въ такую спарость, которая
 „подобна болѣзни; и чѣмъ я ни самому
 „себѣ ни друзьямъ моимъ не былъ въ шя-
 „госпъ.„ Нѣкто въ нынѣшніе времена изъ
 оныхъ словъ выводилъ доказательство, что
Сократъ былъ прусъ, который боялся бо-
 лѣе покоя спарости, нежели са-
 мья смерти. Не мало попребно дерзоспи,
 чѣмъ осмѣлился увѣрять о семъ чина-
 телъ.

Въ назначенный для рѣшенія сего дѣла
 день предспали *Мелитъ*, *Анитъ* и *Ликонъ*,
 перьвый за спихотворцевъ, вторый за на-
 родъ, а послѣдній за орапоровъ, и всходя
 одинъ за другимъ на орапорское мѣсто го-
 ворили рѣчи, преисполненыя яда и окле-
 вешанія прошивъ *Сократа*. Послѣ нихъ воз-
 шелъ *Сократъ* безъ препеша и спраха, не
 спараяся, по обыкновенію тогдашняго вре-
 мени, гореспнымъ своимъ видомъ возбудишь
 въ судяхъ своихъ жалоспъ, но съ холод-
 нымъ духомъ и безбоязненнымъ видомъ, ко-
 торый мудроспи его приличеспвовалъ. Хо-
 тья рѣчь его была безо всякаго искуспва
 и непригопвленная; однакожъ сильная и
 весьма выразишельная. Въ оной опровергалъ
 онъ

онъ клеветы и разсѣяныя прошиву его злодѣйскіе слухи, однакожъ безо всякаго сердца; доносишелей же своихъ оспыдилъ, показавъ имъ въ собственныя жалобы ихъ прошиворѣчіе и безумство. Прошивъ судей своихъ имѣлъ онъ надлѣжащее почтеніе; однакожъ говорилъ такимъ твердымъ и преимущественно его являющимъ голосомъ, что рѣчь его часто была прерываема шумомъ, происходившимъ отъ неудовольствія. Онъ окончалъ слѣдующими словами:

„Не негодуйте на меня, о *Лейняне!*
 „что я, прошивъ обыкновенія обвиняемыхъ,
 „не говорю вамъ со слезами, и что бы воз-
 „будить въ васъ сожалѣніе, не привелъ сю-
 „да ни дѣшей моихъ, ни сродниковъ, ни
 „друзей. Не гордость моя или презрѣніе къ
 „вамъ сему причиною; но понеже почипаю
 „за непристойностьъ умилоспивлять су-
 „дей моихъ, и стараюсь привлечь ихъ
 „на мою сторону инымъ, кромѣ правости
 „дѣла моего. Судія обязывается клятвюю
 „судить по законамъ и по справедливо-
 „сти, и при рѣшеніи дѣла не преклоняться
 „ни къ жалости ни ко гнѣву. И такъ мы
 „обвиненные поступаемъ прошивно зако-
 „намъ и честности, ежели нашею жало-
 „спію стараемся учинить васъ клятвопре-
 „ступниками; и оказуемъ къ вамъ презрѣ-
 „ніе, ежели почипаемъ васъ быть къ оно-
 „му способными. Я ни подѣ какимъ видомъ
 „не желаю спасти мою жизнь такими сред-
 „ствами,
 В „спивами;

„спвами , кои правосудію , чесності и
 „спраху Божію пропивны ; особливо же въ
 „такое время , когда *Мелитъ* обвиняешъ ме-
 „ня безбожіемъ. Ежелибъ я спарался учи-
 „нить васъ клятвопреспуниками ; то са-
 „мымъ бы симъ доказалъ , что я не вбрю
 „Богамъ ; и слѣдственно самое оправданіе
 „мое обвиняло бы меня безбожіемъ. Но
 „нѣтъ , вѣдайте , что я болѣе увѣренъ въ
 „бытіи Бога , нежели обвиняющіе меня ; и
 „для того предаю себя Богу и вамъ , суди-
 „те по справедливости , и поступайте со
 „мною такъ , какъ вы для себя самихъ и
 „для меня за лучшее разсудите.„

Судьи были чрезвычайно недовольны
 неуспрашимымъ его духомъ , такъ что
 когда *Платонъ* взшелъ на рипорское мѣ-
 сто , и хотѣлъ говорить , то они до сего
 его не допустили. „ Я хотя и юнѣйшій , на-
 „чалъ *Платонъ* , изо всѣхъ , кои на сіе мѣ-
 „сто когда ни будь восходили , — „ Сойди
 „дой , кричали они ему , и далѣе гово-
 „ришь не позволяли. *Сократъ* по большин-
 „ству придцати прехъ голосовъ признанъ
 былъ виноватымъ.

Въ *Аѳинахъ* было обыкновеніе , что
 приговоренные сами избирали себѣ нака-
 заніе деньгами , заключеніе или ссылку ,
 дабы чрезъ то учиненный имъ приговоръ
 признанъ нѣкоторымъ образомъ справедли-
 вымъ , или чрезъ то признашся во сво-
 ихъ преступленіяхъ. *Сократу* приказывали
 избирать ;

избирать ; но онъ не хотѣя быть прошиву самого себя несправедливымъ, и признавшись виновнымъ, говорилъ такъ :

„Ежели я могу говорить свободно, чего я достоинъ ; по вѣдайте *Аѳиняне* ! я думаю, что за всѣ мои къ Республикѣ услуги достоинъ я быть содержанъ въ *Пританей* на общемъ иждивеніи. По прозвѣбъ своихъ друзей согласился онъ на малое денежное наказаніе, но не хотѣлъ однакожъ, чшобъ они собрали болѣе назначенныя суммы.

Судьи совѣщивали между собою, какое положить ему наказаніе ; но злоспъ его непріятелей учинила, что онъ приговоренъ былъ ко смерти : „Вы были очень скоры въ рѣшеніи вашемъ, *Аѳиняне* ! сказалъ *Сократъ*, и чрезъ то клеветникамъ града сего подали случай попрекать вамъ, что вы мудраго *Сократа* лишили жизни ; ибо они будутъ называть меня мудрымъ, хотѣя я не есмь онымъ, дабы чрезъ то лучше васъ осуждать. Не долго бы вамъ дожидаться, я бы и безъ васъ умеръ. Вы видите, сколь я близокъ уже ко смерти (*). Сіе говорю я вамъ, осудившимъ меня на смерть ! не думайте, о *Аѳиняне* ! чшобы мнѣ не доспало словъ склонить васъ на мою сторону, и увѣрить въ невинности моей, ежелибъ я былъ такого мнѣнія ,

В 2

„что

(*) Онъ былъ тогда семидесяти лѣтъ.

„что все можно дѣлать и говорить для
 „полученія милоспиваго рѣшенія. Безѣ со-
 „мнѣнїя нѣтъ. Ежели я побѣждаюсь, то
 „тѣннїя сіе не ошѣ недоспашка словѣ и
 „предспавленїй, но ошѣ недоспашка без-
 „спыдспва и подлоспи, говорипь вамѣ о
 „такихѣ вѣщахѣ, кои службу вашему прїяп-
 „чї, но всякому честному мужу произно-
 „сипь неприлично. Ласкашельспвовавь,
 „ушопавь во слезахѣ, и другїя, для при-
 „веденія вѣ жалоспѣ судей своихѣ, подлыя
 „средспва, кѣ коимѣ вы привыкли, сущь
 „меня недоспойны. Я уже съ самаго нача-
 „ла предпрїялѣ лучше поперяпѣ мою жизнь,
 „нежели сохранипѣ оную какою либо
 „подлоспїю. Ибо я думаю, что предѣ су-
 „домѣ споль же мало позволяешь дѣлать
 „все для избѣжанія смерти, какѣ и на
 „войнѣ. Сколь много такихѣ случаевѣ, гдѣ
 „человѣкѣ во время сраженія можешѣ избѣ-
 „гнупѣ смерти, ежели онѣ броситѣ ору-
 „жїе, и предастѣ преслѣдующему его. Рав-
 „но и вѣ жизни человѣческой множеспво
 „случаевѣ, гдѣ можно избавишѣся смерти,
 „ежели шолько будешѣ споль безспыденѣ,
 „что все спанешѣ дѣлать и говорить, что
 „кѣ сему потребно. Избѣгнупѣ смерти, о
 „Ашнїане! не споль шрудно, но избѣгнупѣ
 „шѣ спыда гараздо шруднѣе: ибо онѣ
 „скорошечнѣе, нежели смерть. И для шо-
 „го то я, медлшпельный и преспарѣлый
 „мужѣ, медлшпельнѣйшимѣ способомѣ и по-
 „гибаю;

„гибаю ; а обвиняющіе меня , яко здоровые
„и свѣжіе люди , скорбѣйшимъ стыдомъ пре-
„слѣдованы будутъ . Я иду ко смерти , на
„которую вы меня осудили , а вы ко сты-
„ду и безчестию , которые опредѣлили вамъ
„Истинна и Правосудіе . Я рѣшеніемъ вашимъ
„доволенъ ; думаю , что и вы также до-
„вольны : И такъ дѣла наши текутъ по
„нашему желанію . Я съ моея стороны и
„въ семъ нахожу пути жребія моего спра-
„ведливыми и священными .

По томъ , сказавъ судіямъ , обвинив-
шимъ его , нѣкоторые испиены , однакожъ
безо всякаго сердца , обратился къ пѣмъ ,
кои невинность его защищали , и бесѣдо-
валъ съ ними разсуждая о жизни , смер-
ти и безсмертіи , прилично тогдашнес-
му понятію проспаго народа . Но когда
уже былъ на единѣ со своими учениками , и
коропкими пріятелями , то о самомъ же семъ
избяснялся гораздо основательнѣе и яснѣе ;
и для того намѣренъ я во слѣдующихъ раз-
говорахъ предложить моему читателю зрѣ-
лыя мысли сего Философа , избавя его отъ
экзотерической философіи .

Сократъ опведенъ былъ въ темницу ,
которая по словамъ *Сенеки* , присущесвѣемъ
мужа сего всю огнустность свою поше-
рjala ; ибо тамъ не можеть быть темница ,
гдѣ находился *Сократъ* . На дорогѣ встрѣпи-
лись ему нѣкоторые изъ его учениковъ ,
кои о случившемся съ нимъ были не-
успѣшны .

утишны. „О чемъ плачете вы, говорилъ
 „имъ мудрецъ сей? Не при самомъ ли рож-
 „деніи моемъ осудило еспешво меня на
 „смершь? Ежели бы смершь лишила меня
 „испиннаго и швердаго блага, тогдабъ и
 „шб, кои меня любяшб, безб сомнбнія имб-
 „ли причину о жребіи моемъ соболбзно-
 „вашь. Но когдажб я ни чего здбсь не остав-
 „ляю кромб болбзни и гореспи, то друзья
 „мои должны желашь мнб счастливаго
 „пуши,,.

Аполлоторъ, коего описывающб весьма добросердечнымб, но при шомб нбсколько прослымб, человекомб, не могб ни мало утишиться, чшо учитель и другб его долженб былб умереть столь невинно. Любезный *Аполлоторъ*! говорилб ему *Сократб* улыбаяся, и положа свою руку ему на голову, не ужelibъ ты лучше желалб, чшобъ я умерб виновнымб?

Впрочемб, чшо происходило вб шемницб и вб послбдніе часы умирающаго *Сократа*, о шомб чшпашель увбдаешб изб слбдующихб разговоровб. Оспашся шокмо одинб разговорб со *Критономб*, изб котораго *Платонб* едблалб особый. За нбсколько дней передб казню *Сократа*, пришелб кб нему *Критонб* вб шемницу еще до разсвбша, и нашедб его покоющагося во сладкомб снб, сблб возлб поспели весьма шихо, чшобъ его не разбудить. *Сократб* пробудившись вопрошалб его: „Кб чему сего дня пришелб
 „шы

„ты такъ рано? дражайшій *Критонъ*! „Сей
ему объявилъ, что будущаго дня испол-
нится его приговоръ. „Ежели такъ Богу
„угодно, ошвѣчалъ *Сократъ* съ обыкновен-
„ною холодноспію, да будетъ такъ! одна-
„кожъ я не думаю, что бы завтра сіе учи-
„нилось. Въ самое то время, какъ ты ко-
„мнѣ пришелъ, снился мнѣ сонъ весьма
„пріятный. Мнѣ явилась женщина необык-
„новенныя красоты, во длинныхъ бѣлыхъ
„ризахъ, и назвавъ меня по имени, говори-
„ла: *чрезъ три дни придешь ты во плодо-*
„носную твою *Пиѳію*. „Чрезъ сіе далъ онъ ураз-
умѣнь, что сполько же жаждеть будущія
жизни, какъ въ *Омирѣ* раздраженный *Ахиллъ*
желалъ возвратиться изъ спановища въ
опечество свое *Пиѳію*. Но *Критонъ* имѣлъ на-
мѣренія со всѣмъ другія. Онъ открылъ своему
другу, что онъ подкупилъ караульныхъ, и все
приготовилъ, чтобъ въ ночное время уве-
спи его изъ темницы; и что теперь за-
висишь онъ него, хочеть ли онъ избѣ-
жать поносныя смерти. Онъ спарался ему
доказать наиважнѣйшими доводами, что
онъ учинить сіе долженъ и обязанъ. Зная
любовь его ко своему опечеству, предспа-
влялъ ему, что онъ долженъ употребить
всѣ возможности, что бы *Аѳиняне* не про-
ливали крови невинныя; къ сему еще при-
совокуплялъ, что онъ долженъ сіе учи-
нить (изъ любви ко своимъ друзьямъ, кото-
рые, исключая горести о потеряннїи его,
будутъ

будущь подвергнуты попреканію, что о избавленіи его не старались. На конецъ не оставилъ и сего: описалъ ему несчастіе безпомощныхъ его дѣтей, лишающихся отеческаго наставленія, примѣра и покровительствва. На сіе ему Сократъ отвѣщивалъ: „Дражайшій мой Критонъ! дружеское твое попеченіе похвально, и я бы долженъ принять оное со благодарностію, ежели бы токмо оно согласовалося со здоровымъ разсудкомъ. Ежели же оное ему прописано, то нѣмъ наипаче должны мы его осерегаться. И для того надлѣжитъ намъ во первыхъ разсмотрѣть, справедливо ли твое предложеніе, и согласно ли съ разумомъ или нѣтъ. Я пріобыкъ ни чего не предпринимать, какъ по довольномъ разсужденіи, и нашедъ оное наилучшимъ, не вижу ни какія причины, для чегобъ и теперь не исполнять мнѣ до сего времени наблюдаемыя мною правила, хотя и нахожусь въ такомъ состояніи, какъ ты меня видишь: онѣ кажутся мнѣ въ такомъ же свѣтѣ, и для того не могу я почитать ихъ не драгоценными.“ Опровергнувъ его ложныя правила, и показавъ чѣмъ разумный человекъ обязанъ законамъ и отечеству, продолжалъ онъ такъ: „Ежелибъ я намѣрялся теперь убѣждать, и въ самое сіе время явилася бы мнѣ Республика со своими законами, и спросила меня: Скажи Сократъ! что ты хочешь дѣлать? раз-

„вѣ не думаешъ, что сіе намъ, законамъ и
 „Цѣлой Республикѣ готовитъ паденіе? Или
 „мнишь, что можетъ споятъ по Царство,
 „и неоптѣнно не разрушится, вѣ коемъ на-
 „родные приговоры не имѣютъ силы, и опъ
 „каждыя частныя особы могутъ бытъ уни-
 „чожены? Что я могу на сіе опвѣчать?
 „скажи мнѣ дражайшій мой? — Что со мною
 „поспупаютъ несправедливо, и что я по-
 „го не достоинъ, чѣмъ меня осудили? Не
 „сіе ли я долженъ опвѣчать? — *Критонъ*:
 „почто такъ, о *Сократъ*! — *Сократъ*: но еже-
 „ли законы на сіе скажутъ: какъ, *Сократъ*!
 „не обязался ли ты намъ повиноваться
 „вѣмъ законамъ Республики? Тогда я буду
 „удивляться; но они будутъ продолжатъ:
 „не удивляйся *Сократъ*! и опвѣчай; ибо
 „ты охотникъ до вопросовъ и опвѣтовъ.
 „Скажи, что тебѣ вѣ насъ и вѣ Ре-
 „спубликѣ такъ прошивно, что ты жела-
 „ешъ намъ паденія? Не нравятся тебѣ за-
 „коны брака, слѣдуя коимъ опецъ швой,
 „женясь на швоей маперѣ, произвели тебя
 „на свѣтъ, они ли тебѣ не нравятся? —
 „Нѣтъ! опвѣчалъ бы я на сіе. Можетъ
 „бытъ не полюбился тебѣ образъ нашъ во-
 „спитывающъ и научающъ дѣтей? Развѣ учре-
 „жденіе, кое мы сдѣлали къ намѣренію се-
 „му, и по которому опецъ швой научилъ
 „тебя музыкѣ и гимнастикѣ (*), не суть
 „В 5 „похвальны?

(*) Упражненіе силъ душевныхъ называлось му-
зыкою, а шѣлесныхъ гимнашикою.

„похвальны? Весьма похвальны; долженъ
 „бы я опвѣспововашь. — И такъ ты при-
 „знаешся, что долженъ намъ своимъ рож-
 „деніемъ и воспитаніемъ, и слѣдственно
 „какъ тебя, такъ и твоихъ предковъ,
 „можемъ мы называть нашими сынами
 „и нашими подданными. Ежели же сіе
 „такъ, то мы спрашиваемъ: имѣешь ли
 „ты съ нами одинакія права; и присво-
 „ешь ли ты себѣ право плашить намъ рав-
 „нымъ возмездіемъ? Ты конечно не пребу-
 „ешь равнаго права съ опцомъ, или госпо-
 „диномъ твоимъ? Безъ сомнѣнія, ежели ты
 „отъ нихъ терпишь, то не спарася дасть
 „имъ возчувствовашь того же? И ежели они
 „тебя обижаютъ, то не обидишь ихъ ни
 „дѣломъ ни словами? Для чегожъ желаешь ты
 „съ опечеснвомъ и съ законами имѣшь оди-
 „накія права? Ты почишаешь себя обязан-
 „нымъ прошивишься намъ, какъ скоро нѣ-
 „что мы прошивъ тебя предпринимаемъ?
 „Ты спарася, по елику отъ тебя за-
 „висишь, учинишь нарушеніе законамъ
 „опечеснва, и ты думаешь, что при-
 „семъ поступаешь справедливо; а ты пе-
 „кущійся быть добродѣтельнымъ? Такъ въ
 „этомъ то состоишь пвоя премудрость,
 „дабы ни мало не помышлять, что опецъ,
 „мать и предки пвои, ни когда не могутъ
 „быть споль почшенны, драгоцѣнны и святы
 „у Боговъ, и у всѣхъ разумныхъ человѣковъ,
 „какъ опечеснво? Продолжая такимъ обра-
 „зомъ

„зюмб присовокупящб они еще слбдующее :
 „Подумай Сократб! справедливо ли шы сб на-
 „ми поступаешб? Мы тебя родили, воспи-
 „шали и научили ; тебя и каждого *Аѳин-*
 „скаго гражданина , по елику шо опб насб
 „зависбло, учинили мы учаспникомб всбхб
 „благодбнянй , какія шокмо общеспвенная
 „жизнь предспавишь можешб ; при шомб
 „каждому гражданину , поселившемуся вб
 „*Аѳинахб*, дали мы свободу, ежели онб по
 „довольномб размышленйи найдешб , что
 „наше правленйе ему не угодно, и сб сембй-
 „спвомб своимб опб насб удалишься и
 „жишь, гдб онб за благо разсудишь. *Аѳинскйе*
 „врапа для каждого, кому во градб не нра-
 „вишься , споящб опверзшы. Онб можешб
 „взяшь имбнйе свое безпрепятспвенно. Но
 „ежели кпо знавб, какб мы поступаемб, и
 „какимб образомб опдаемб справедливоспшь,
 „при шомб однакожб у насб оспался, шопб
 „безсловесно заключилб согласйе повинно-
 „вашься всему, что мы ему ни прикажемб.
 „Когда же онб не повинуется, шо чинишь
 „спроякую несправедливоспшь : во первыхб ,
 „не повинуется родителямб , во впорыхб ,
 „воспитавшимб учителямб своимб, а вб шре-
 „пныхб нарушаетб учиненный сб нами до-
 „говорб. Любезный мой другб *Критонб* ! мнб
 „кажешся, что я всб сйи слова слышу, по-
 „добно какб *Кориванты* воображаютб слы-
 „шатб гласб свирббли ; слова сйи споль
 „крбпко дбйствующб во ухахб моихб, что

„Я уже ни чего другаго слышать не могу.“
Кристонъ пошелъ опъ него увбренъ, одна-
кожъ и недоволенъ, что предложеніе его бы-
ло прошивно разсудку.

Упомянутые здѣсь разгпоры сообщены бу-
дутъ и предъ.

II.

Сельская муза.

О ты во сладостяхъ житійскихъ уполенный,
Отъ нбгъ и красшы природы удаленный,
Когда для глазъ твоихъ не дикъ зеленый лѣсъ,
Пріятна красота отверста несебъ,
Не скученъ чисный лугъ усыпанный цвѣтками,
И можешь сельскими прельщаться красонами,
Когда укравъ себя изъ градскихъ пышныхъ спбнъ,
Ты можешь цѣлый день побыть уединенъ,
Ошважся, и прійди ко мнѣ подъ тѣнь древесну,
Взирашь на красону земную и небесну,
Прійди, со мной мое спокойство раздѣлишь;
Не пышносію духъ, природой веселишь.
Коль можешь ты прервать твоихъ приспирасній узъ,
Прійди, и пѣнія послушай сельской музы,
Того не повторю, что сладкій пѣль Маронъ;
Открылъ сокровища всея природы онъ,
Любимца своего природа просвѣтила,
И въ таинственный храмъ свободно допустила,
Не смѣю заиграть въ Маронову свирѣль:
Для пѣсни моя беру другую цѣль.
Не шайну скрышую природы открываю;
Но то, что чувствую, когда въ поляхъ бываю.

Мнѣ кажется тогда, что правка, что цвѣты
Не для одной луговъ родятся красоты;
Встрѣчаю на поляхъ разсыпанную пищу,
И пищу и скошу, богатому и нищу.
На пышномъ тронѣ Царь, порфиною покрытъ,
Погибнетъ, коль земля плодовъ не подаритъ;
Богатый бы серебромъ и златомъ не гордился,
О пашнѣ если бы крестьянинъ не трудился;
Царя и нищаго питаешь всѣхъ равно
Былинка пшѣнная и пшѣнное зерно.
Оспавъ гражданское свое увеселенье,
И слушай, что меня приводитъ въ удивленье,
Въ восшоргѣ я моемъ, природы по снопамъ
вступая на луга, вхожу какъ въ нѣкій храмъ;
Натура мнишя тамъ раскинула порфиру,
И пиршество всему приготавливаетъ міру.
Не блескомъ я прельщенъ престоловъ и коронъ,
Зеленый холмикъ мнѣ природы зрится тронъ;
У ней небесный сводъ сіяетъ надъ главою,
Цвѣтками усиланъ полъ и мягкой травой;
Церера тамъ пришедъ на мягкую траву,
Имѣетъ класами вѣнчанную главу:
Держаща серпъ одной и снопъ другой рукою,
Являетъ жатву мнѣ каршиною такою.
Сія соспрудница премудра Еспесива,
Изображаетъ мнѣ щедроты Божесива,
Которы Онъ лѣетъ со опдаленна неба,
Для размноженія питательнаго хлѣба.
Къ убранствамъ данный намъ встрѣчаю тамъ примѣръ,
Изъ былій и цвѣтковъ тамъ Флора вѣетъ коверъ:
Обширныя поля богиня покрываетъ,
Изъ разныхъ свойства травъ покровъ она свиваетъ.
Премудрая вездѣ мнѣ зрится простота;
Но правка близъ другой ужъ видами не та;
Не смертный кажется художникъ здѣсь трудится,
Который приманишь едины очи льстится,
Но каждый былія прелещущій листокъ
Являетъ мнѣ, что въ немъ течетъ отличный сокъ.
Толь

Толь свойства разныя и виды ихъ наружны
 Являющъ, что сіи несходствы свѣту нужны:
 Въ растѣніяхъ хоша природа не равна,
 Но дѣйствуешъ равно во всѣхъ вещахъ она.
 Трава какъ человѣкъ рождаешся на свѣтѣ,
 Бываешъ въ юности, бываешъ въ лучшемъ цвѣтѣ,
 Ко старости она равно какъ мы прійдеши,
 Лишиши силъ своихъ, увянешъ и умрешъ:
 Всему творенію законъ сей данъ Судьбою.
 О бѣдный человѣкъ! переходитъ все съ тобою.
 Но только на лугахъ являешся вѣсна,
 Былинкамъ прежняя жизнь бываешъ опдана.
 О слабности своей тужиши мы ли станемъ?
 Трава получиши жизнь; шакъ мыль со всѣмъ увянемъ?
 Спрашися человѣкъ безбожной мысли сей:
 Природу чши, шы сынъ возлюбленный у ней.
 Мнѣ шправка изъ земли всходящая являешъ,
 Чшо Богъ другую жизнь и мнѣ пригошовляешъ;
 А въ кругѣ семъ, гдѣ я посшавленъ ошъ него,
 Велиши досшойну быти селенія его,
 Чшобъ я привыкнувъ здѣсь внимашъ его успавы,
 Свидѣшель послѣ былъ его небесной славы —
 Едину шѣнь познаши премудра Божества,
 Во храмѣ чшо ни будь разсмотримъ ешества;
 Но гдѣ вниманіе займешся наше болѣ,
 Какъ зрѣнью нашему во предлѣжащемъ полѣ?
 Тамъ кажешся, куда мой взоръ ни поглядитъ,
 Природа каждый шагъ пріемлетъ новый видъ:
 Протея хитраго мнѣ умъ воображаешъ,
 Кошорый каждый мигъ себя преображаешъ;
 И только я коснусь рукою до него
 Уже не въ шомъ лицѣ увижу я сего;
 Такъ въ шайнствахъ своихъ сокрытая природа
 Ошъ проицанія уходитъ смертныхъ рода.
 Во градѣ пышности, напуры здѣсь шруды;
 Тамъ роскоши однѣ, а здѣсь ея слѣды.
 Куда я ни пойду спопами сей царицы,
 Вниманья моего шеряющся границы,

И цвѣлая душа заемлется моя,
На что ни погляжу во обласпи ея.
Художникамъ простымъ приписывая славу,
Дивимся ихъ трудамъ, ихъ вымысламъ, составу,
Однако на цвѣшокъ проспый сперва воззри,
Внимательно въ листкѣ все часпи разбери:
Перебѣгаючи сквозь шонкость трубокъ соки,
Питаючи цвѣшокъ въ стеблѣ млечные шоки,
Пріятный видъ его, и запахъ на конецъ,
Все скажешь: вещи сей художникъ самъ Творецъ —
Мнѣ разширенное въ поляхъ природы царство,
Являетъ во травахъ и пищу и лѣкарство;
Врачуйте недуги, она вещаетъ намъ,
Я всемъ помощница на свѣтѣ племенамъ;
Не зданья для того поставлены высоки,
Но въ корняхъ и листкахъ сіи хранятся соки.
Возможноль намъ на лугъ съ презрѣніемъ взирать,
И наше здравіе ногами попирашь!
О смершный! поперявъ къ былинкѣ уваженье,
Отъ смерти можешь быть твое попрадъ спасенье.
Не для того пишу, чтобъ шправку зря у ногъ,
Ты нѣкимъ божествомъ ее поставишь могъ;
Но для того, чтобъ шы внимашеленъ являлся:
Нашуру разбиралъ, и Богу удивлялся.
Взгляни, когда въ поляхъ пчела цвѣшокъ сосетъ,
Узнаешь, гдѣ лѣжалъ швой сладкій спрятанъ медъъ
Во шравкѣ и цвѣшнкахъ его природа скрыла,
И меда шайнство пчеламъ лишь подарила:
Сосуды разны шамъ съ напитокками шоятъ,
Кошорыя хранишь во гроздахъ виноградъ.
Тамъ разны сладости она разсыпавъ въ полѣ,
Живошныхъ множеству пожертвовала волѣ.
Помона шамъ велишь плоды рождашь древамъ,
И съ вѣшвей брашь велишь въ пріятну пищу намъ;
Какъ Флорины шруды въ цвѣшнкахъ многообразны,
Помонины дары шолико вкусомъ разны,
Заемлюшь зрѣніе опверсны небеса:
Все чувства ловяшь здѣсь цвѣшы и дрешеса.

Не лъзя внимательнымъ природѣ не явиться,
 Не лъзя спустишь шага, и вновь не удивишься :
 Тамъ влага тонкая когда въ цвѣткахъ шепчетъ,
 Благоуханіе изъ нѣдръ ее влечетъ ;
 Куда ни кинется вниманіе вперенно,
 Все жизни нашей къ полпорѣ сошворенно.
 Пчела слѣпляющая изъ вязкой мази сошь,
 Снимаетъ со листиковъ растущихъ въ полѣ шовъ,
 Чрезъ малое сіе животное природа
 даруетъ свѣтъ, пищу и пищу для народа.
 Природа кажется трудится каждый часъ
 Пищаницы, услаждаешь, обогащаешь насъ :
 Одежды, ясны намъ въ поляхъ приготавливаетъ,
 Намъ ризы тонкія изъ правки сошавляетъ.
 О смертный ! для твоихъ убранствъ и для пѣленъ
 Природа щедрая произраждаетъ ленъ :
 Тамъ въ полѣ для твоей прекрасной багряницы
 раждаются листки у ногъ сея Царицы :
 Чѣмъ въ жизни красишься и чѣмъ гордишься ты,
 Разсыпанны въ поляхъ даруютъ ино цвѣты.
 Одеждой свѣтлою ты очи поражаешь :
 Но ты забылъ, что въ ней природѣ подражаешь.
 Сей нищій, коего ты хочешь удивишь,
 И выше смертнаго предъ нимъ себя явишь,
 Сей нищій зрѣлъ давно шажія розы въ полѣ,
 Лежація всегда природы на престолѣ.
 О жены ! пышною прельщенные одеждѣ,
 Познайше, что онѣ лишъ дивны для невѣждъ :
 И правки и цвѣтки на нихъ изображены
 Искусствомъ хитрыхъ рукъ на шелкѣ переложены,
 Въ очахъ у паслуха дѣвѣли уже давно,
 Онѣ ими убиралъ возлюбленну равно ;
 Но та, живущая среди луговъ въ свободѣ,
 Казалася въ вѣнкахъ подобною природѣ.
 Природа вами шажъ во градѣ преселена :
 Въ цвѣтахъ является, и въ васъ умерщвлена ;
 Пришворство съ нѣжною натурою не сходно,
 А подражаніе ей всѣмъ смертнымъ обще зродно.

Но я когда во храмъ Царицы сей явлюсь,
 Я восхищаюся, плѣняюся и дивлюсь:
 Тамъ гласы слышу пщицѣ; шѣ гласы слаще лиры;
 Благоуханіе разносяшѣ шамъ зефиры;
 Очамъ являюся различны красоты,
 Соспавленны цвѣтовъ изъ нѣжной песпропы.
 Бѣющіе ключи мой разумъ пробуждаютъ;
 Они усна, и слухъ, и взоръ мой услаждаютъ.
 Тамъ скрывъ отъ глазъ моихъ едину часть небесъ,
 Пріятну въ зелени являешѣ мрачность лѣсѣ;
 Тамъ дивно кажешся мнѣ всякое расшенье,
 Сугубишѣ все мое вниманье и почтенье;
 Чпо я ни слушаю, куда ни кину взоръ,
 Вездѣ являешся мнѣ дивностей соборъ,
 Непоспижимыя и чудныя работы,
 Неизчерпаемы испочники щедроты!

О! дщерь небесная, о! матерь всѣхъ временъ!
 Для всѣхъ шрудишся ты роспеній и племенъ;
 Сшезями равными въ своемъ шворенѣ ходишѣ,
 Былинку или кедръ высокій производишѣ.
 Изъ недръ ея всему во свѣтѣ единый пупъ;
 Питаетъ всѣхъ равно ея отшверзша грудь;
 Чпо дышешѣ, чпо цвѣшетъ, чпо движешся и зрѣетъ,
 Въ объятіяхъ своихъ равно она имѣетъ;
 И безпристрастная сія во свѣтѣ матъ,
 Печетъ всѣхъ дѣшей съ любовью воспитатъ.
 Сшепенъ имѣемъ ли отъ шварей мы далеку?
 Равно ей червяку дашь жизнь иль челобку.
 И равенъ нашъ въ ея ушробу оборотъ;
 Исплѣшетъ червячокъ, разрушишся и шотъ:
 Съ ползущей шварію одну судьбу имѣемъ,
 Равно рождаемъся, равно по смерти шлѣемъ:
 Такъ шлѣніемъ своимъ гордишся можноть намъ?
 Гдѣ будетъ прахъ, и мы конечно будемъ шамъ.
 Не видѣ отъ червяка насъ шлѣнный отшличаетъ;
 Но то, чпо душу въ насъ безсмертіе вѣнчаетъ.
 Но чшобъ вѣнецъ такой природа намъ сплела,
 Едины добрыя пошребны намъ дѣла;

Не злато путь къ тому, чѣмъ смертные прельщены;
Бывающъ и враги у насъ обогащены.

Коль вѣчной жизни ты желаешь человекъ,
То добродѣтелями укрась текущій вѣкъ;
Ногами попирай ласкабельныя сѣни,
И помни, что мы всѣ одной упробы дѣти;
Будь кротокъ, милосердъ, смиренъ, благочестивъ;
Разрушится весь мѣръ; но духъ пивой будешь живъ.
Увидишь Бога ты душевными очами,
И будешь озаренъ безсмертїя лучами.

На разпещренныя взираючи поля,
Подумай, сколь щедра для тварей всѣхъ земля;
Она дѣтей своихъ ни въ чѣмъ не различаетъ,
Но съ пищей каждое животное встречаетъ:
Какъ сына Крисода встречаетъ то млекоу,
Заемлея она подобно червяку,
Подобное о немъ раченіе имѣетъ,
Того во пленахъ, сего во правкѣ грѣетъ.
Природа тысячи являетъ намъ оправдъ,
Которыхъ никогда не знаетъ скучный градъ,
Тамъ всѣ прїятности природы усыплены,
А здѣсь они ея присушествомъ оживлены;
Что око естествова въ хранилищѣхъ ни зреть
По свойству каждому творенью то дарить.
Источники ея щедротъ не изощимы,
Но мы во прихотяхъ своихъ не насытимы;
Для многихъ что дано, щипаемъ за свое,
Какъ будто въ насъ однихъ двойное бытіе.
О! смертный, если бы ты роскоши оставилъ,
И данныхъ естествомъ не убѣгалъ отъ правилъ:
Доволенъ будешь ты; другихъ не обижай,
И матери твоей, Напурѣ, подражай;
Она пасущихся овецъ увеселяетъ,
Во стадѣхъ ни одной изъ нихъ не отбляетъ,
Для всѣхъ, равно для всѣхъ, права въ лугу цвѣтетъ,
Ни плясбы у овецъ, ни ссоръ за паству нѣтъ.

А ты премудростью и честью одаренный,
Для украшенія природы сошворенный.

Ея любезный сынъ, о! гордый человекъ,
 О благъ собственномъ печенся цѣлый вѣкъ;
 Ты гласу матери и щедрости не внимашь,
 Послѣдній шагъ земли у ближняго опъемлешь;
 Когда съ избытками уже обогащенъ,
 Еще ты мыслишь быть, еще не насыщенъ.
 Ты средства разныя къ снѣжанью соспавляешь,
 Съ ущербомъ честности имѣнье прибавляешь;
 Ты мучишься въ душѣ, зря брата своего,
 Чпо ты сокровищемъ не превзошелъ его;
 И сердце у тебя спрадаеть и шомится,
 Воображая то, чпо ближній богашкнлся.
 Оспавя ясныя ко истиннѣ пути,
 Богашншвомъ хочешь ты друга превзойти.
 Несчастннй! превзойди другихъ любленьемъ чести,
 Не соблазняйся ты, не слушай гласа лесни,
 И сребролюбіемъ души не оправляй;
 Во мнѣнїяхъ пустой мечты не соспавляй,
 Не буди роскошей прїятноснми разсирденъ;
 То будешь предпочтенъ, и болѣе спокоенъ.
 Но гласа лирнаго не слушаешь Драконъ,
 И стихословію уже смѣетсѧ онъ:
 Какой бы Крисъ хотѣлъ тогда внимать Парнассу,
 Когда не слушаеть естественнаго гласу;
 Ко злашу онъ душой и сердцемъ пригвожденъ,
 Моимъ ли пѣнїемъ бышь можешь убѣжденъ?
 Его ни сирыхъ плачь, ни вопль вдовы не пронетъ,
 Онъ спитъ на берегу, а другъ у брега понетъ;
 Ко спону горькому людей несчастныхъ швердъ;
 Кшо слезъ не можешь лить, такъ шотъ не милосердъ!
 Законъ, вѣщаешь онъ, бышь слабу запрещаешь,
 А шотъ, кшо даль законъ, всѣхъ любитъ и прощаешь.
 Жестокій человекъ! помысли, если Богъ,
 За каждый швой порокъ, къ опущенью будетъ строгъ,
 Куда опъ стрѣлъ его ты можешь укрываться?
 Иль добръ будь, иль не смѣйшн человекомъ зваться;
 Когда при злыхъ дѣлахъ твоей счастливъ въ мїрѣ путь,
 То Бога въ вѣчности и смерти не забудь.

Не для сердечнаго пишу я оскорбленья;
 Пишу для сельскаго въ поляхъ увелеленья,
 Свобода каждому на свѣтѣ жишь дана,
 И Муза никого печалишь не должна;
 Когда ты пѣніе мое, мой другъ, возлюбишь,
 Увеселеніе мое ты усугубишь.
 Что нужды, правъ ли кто, иль кто не справедливъ,
 Мѣрскія суеты среди полей забывъ,
 Неизрѣченныя веселости вкушаю,
 И душу нѣжною природой утѣшаю.
 Въ зеленой ризѣ мнѣ являешся земля,
 Усыпавъ разными цвѣточками поля,
 Въ убранствѣ таковомъ торжественно ликуешь,
 Живущимъ всѣмъ она сокровища даруешь;
 Какъ будто призваны на общій пиръ шуда,
 Различныхъ пшичекъ къ ней слетаются стада;
 Тамъ агнцы во травѣ питаемы играють;
 Волы подъ тѣнью древесной опдыхають;
 Согрѣты солнечной живою теплотой,
 Кишатъ на воздухъ носясь какъ паръ густой;
 Отъ стебля кажется цвѣточикъ отдѣлился,
 Онъ ожилъ, вспрепѣпалъ и въ воздухъ возвился;
 Дивлюсь и ближе я на лилію гляжу,
 Сблещу бабочку на оной нахожу;
 Мой взоръ обманутъ былъ сей твари простотою,
 И сходной въ бабочкахъ съ цвѣточкомъ красою;
 Пчела несуща медъ весь воздухъ сквозь сбѣшетъ;
 Былинку муравей въ гнѣздо свое влечетъ;
 И словомъ, кажется, что всѣ животнохъ роды
 Сбираются на пиръ роскошныя природы:
 Въ ведельѣ плаваешь тамъ каждое бытіе,
 И восхищается вниманіе мое.

Вся тварь желаетъ жишь, и все ликуетъ въ полѣ,
 Единый человекъ во градъ бѣжитъ отъ полѣ.
 Приспращія сего причиной бышь должна
 Безпечность, суета и пышность лишь одна.
 Давно уже, давно природой веселились;
 Мы въ наши дни отъ ней безъ мѣры удалились.

Ш.

Нравоучительные стихи.

Не думай, человекъ, что вѣкъ твой въ мѣрѣ скученъ,
Тебѣ къ веселостямъ лежишь свободный путь;
Коль хочешь на земли ты бышь благополученъ,
Будь честенъ, справедливъ, покоренъ Богу будь,
И помни, что его священные законы
Полезнѣе для насъ богатства и короны.

Съ рѣчами завсегда ты сердце соглашай,
И шѣмъ Создателя и ближнихъ ушѣшай.
Когда душа швоя за правдою спремился,
Какъ солнце разумъ твой и сердце просвѣпился:
Увидишь въ мѣрѣ семъ спокойство, тишину;
Успѣхъ во всѣхъ дѣлахъ, и радость лишь одну.

Какъ солнце въ высоту съ величествомъ восходитъ,
Премудрость Божію душевно восхваляи:
Во удивленіе насъ и день и ночь приводишь:
Молишвы возсылай ты къ Богу, спѣ земли,
Молишва, человекъ! съ Творцемъ тебя спрягаешь,
Къ нему границъ тебѣ нигдѣ не полагаешь.

Коль хочешь завсегда держашъ въ уздѣ пороки,
Благоразуміемъ ты спраспи укрощай.
Бѣги отъ слабости, и мысли взявъ высоки,
Пріятной роскошью себя не заражай.
Не будь спяжашеленъ, коваренъ, гордъ и злобенъ:
И будешь Ангеламъ, о смершній! ты подобенъ.

Когда тебя поштупѣ высокими чинами,
Ты въ гордоспи своей людей не унижай:
Намъ все даритѣ нашъ Богъ, всегда онъ вмѣстѣ съ
нами.

Коль счастливѣ хочешъ бытъ, ты Богу подражай;
Будь крошкѣ, милосердѣ, являйся щепѣливымъ;
Несчастливымъ другомъ будь, но другомъ справедли-
вымъ;

Художества люби, науки почишай,
Ко всѣмъ будь милосшивѣ и бѣднаго пишай.

Не кройся свои черпоги позлащенны,
Дабы сокровищемъ себя увеселяшь;
Сокровища сіи у бѣдныхъ похищенны,
И долженъ съ ними ты имѣнье раздѣляшь:
Ты спражъ имѣнїя, когда его жалѣешь;
Ты жащвы не сберешъ, хошя обильно сѣешь.

Сокровище твое исчезнешъ, будто прахъ,
Когда не помнишь ты о бѣдныхъ сиротахъ;
Ошверзи двѣрь твою несчастнымъ и убогимъ,
И не являйся ты ко ихъ прошенью строгимъ:
Сокровища свои съ веселїемъ дари,
За то, что ты даришь, Творца благодарь.

Богатый щедростью своей не величайся:
Имѣнїе дѣля, бытъ скромнымъ научайся.
Стѣнящихъ у твоихъ двѣрей не презирай,
И что отдашь ты имъ, ихъ тѣмъ не укоряй.
Не славь другимъ твое убогимъ подаенье,
То помни, что твое премѣнно сосшоенье.

IV.

О писменахъ Славенороссій- скихъ и тисненіи книгъ въ Россіи.

Древность Славенороссійскихъ писменъ въ такихъ же мракахъ погружена, какъ вые и прочіе источники наукъ и народовъ отъ нашего свѣденія утаили. Были ли какія начертанія до временъ Владиміровыхъ, между обитавшими въ полночной странѣ народами, намъ не извѣстно: общежитіе въ такомъ обширномъ владѣніи, построеніе селъ и городовъ, учрежденное, но разнообразное правительство, свѣденія касающіяся до Государя и народа, военные подвиги, посольства, подаши, и проч: заставляющъ думать, что ежели не совершенныя буквы, то какіе ни есть знаки, или изображенія, еще во времена Кіевскаго князя Кія, и до учрежденія Новгородскія республики существовали. Время, внѣшнія брани и внутренніе мятежи древности нашей слѣды загладили. Можетъ быть и послѣднія открытія старобытности нашей во вѣки бы исчезли, ежели бы оспрая прозорливость и тщательное о Россійской Исторіи раченіе Премудрыя ЕКАТЕРИНЫ II. отъ совершеннаго измѣненія оныхъ не предохранила.

Другіе владѣтели ищутъ сокровищъ въ земной утробѣ; ЕКАТЕРИНА ищетъ ихъ подъ развалинами древностей, и народъ свой обогащая свѣденіями о пропекшихъ вѣкахъ и праотцахъ нашихъ, просвѣщаетъ страну полночную и всю любопытную Европу.

Отворились въ ея царствованіе едва извѣстныя до нынѣ книгохранилищныя, и нѣкоторыя трудолюбивыя Писатели уже очистили первоначальное историческое сіяніе, многіе вѣки пьмою окружаемое.

Но еще великую часть нужныхъ для насъ свѣденій густая ночь покрываетъ; время сокрыло оныя, время и сыщеть ихъ. Отъ сего поздныя дошли познанія до насъ о Славенороссійскихъ писменахъ; мы не имѣемъ о нихъ сказанія [но и шѣ сомнительны], не имѣемъ далѣе, какъ до изхода осьмаго столѣтія по *Синопису*, когда Греческій Царь *Михаилъ* учинивъ со Славянами миръ, прислалъ къ нимъ въ даръ Славенскія буквы; что надлежитъ считатьъ еще до *Рурикова* княженія, то есть въ 855 годѣ. Исторія повѣствуетъ, будто въ кругѣ шѣхъ же временъ *Константинъ* Философъ, въ инокахъ нареченный *Кирилломъ*, и братъ его *Меодій*, изобрѣли намъ писмена, и многія священныя преложили книги на языкъ Славенскій: но подлинно ли существовали оныя книги, и Россіяне имѣли ли свѣденіе о нихъ, или въ

отдаленной

отдаленной только Иллирикѣ, и другимъ Славенскимъ народамъ они извѣстны были, все сіе мрачная древность отъ нашего любопытства и отъ нашей догадки сокрыла; однако мы должны воспользоваться тѣми знаніями, копорыя до нашихъ дней доспигли, и слѣпо иногда историческимъ преданіямъ повиноваться. Нѣкоторыя лѣтописатели вѣроятно утверждаютъ, что вся наша азбука принята съ Греческія азбуки; но недостатковъ подлинника по Славенскому нарѣчію въ послѣдующія времена дополненъ былъ. Тако удостоверены будучи о изобрѣтаемыхъ Славенскихъ буквѣхъ, перейдемъ вкратцѣ послѣдующіе вѣки.

Озарившее Россію во дни княженія святаго *Владиміра* Христіянское крещеніе озарило и державу его первымъ свѣтомъ ученія; источникъ всѣхъ наукъ, *Священное Писаніе* Россійскими юношами, Еллинскому языку обученными, и многими Греческими мудрецами предложено на языкъ Славенороссійскій. Коль великія трудности предлежали переводчикамъ, изъ того легко заключишь возможно, что вся полуночная страна до того времени была во тьмѣ и долослуженія погруженна; образъ мыслей и самыхъ природныхъ чувствъ въ нашихъ предкахъ вдругъ долженствовалъ преобразиться; свойство ихъ языка и законоположенія весьма было удаленно отъ важности, красоты и силы православнаго Богословія;

Г 5

ученымъ

ученымъ чужестранцамъ и Россіянамъ нужно было изобрѣсти слова и цѣлыя составитъ рѣчи, для изображенія таинственныхъ, глубокихъ, и одному Христіянскому закону приличныхъ выраженій, и для показанія важности спихословія Греческаго каждая новостъ дикою и не вдругъ понятою представляется; а душевныя чувствованія, закономъ въ насъ впечатлѣныя, трудно словами изъясняются могутъ. Отъ того можетъ быть вкрались въ древнія наши книги странныя, непонятныя и невольственныя рѣченія: но спѣзи проложены; оспашаеся благоразумію уравнишь ихъ, разширишь и совершишь.

Каковы бы ни были оныя священныхъ книгъ переводы; но по истинно, что въ самое то время, когда всѣ почти Европейскіе народы на чужихъ языкахъ богослуженіе опправляяли, Россіяне уже на природномъ своемъ языкѣ успановивъ церковныя обряды, прославляли Бога, и пѣніе къ небесамъ возсылали: но гордость и самолюбіе заспавляли думашъ прочія державы, что сѣверные народы, во глубинѣ невѣжества пресмыкающа; таковыя ошибки не къ одному Богословію въ разсужденіи Россіи опносятся, сколько могъ я примѣшпшь, но до многихъ нашихъ обшпояшельствъ и до самыхъ нравовъ, чувствъ и мыслей нашихъ коснулись.

Ежели обспояпельспва и случаи дозволяпѣ , шо приложу спараніе , и сравню домашнихъ истюриковъ съ повѣспвованіями внѣшнихъ; и тогда можешѣ бышѣ оправдаюшѣся предки наши предѣ цѣлымѣ свѣпомѣ ; докажушѣ , сколь несправедливо современныя внѣшніе писатели обѣ нихъ судили , и еще изобличашѣ вѣ невѣжештвѣ самихъ порицашелей.

Признапѣся должно , что художештва и нѣкоторыя механическія науки поздно пришли вѣ Россію ; но шому препяшспвовали не неспособности наши , а нѣкоторый родѣ предубѣдишельнаго суевѣрїя , будшо свѣшскїя науки Хриспїянскому Благошеспїю несвойспвенны , или поврежденїю нравовѣ причиною бышѣ могушѣ . Здѣсь не мѣспю подшверждашѣ или опровергашѣ шаковыя мнѣнїя ; существо сего дѣла само собою доказывашѣся вѣ настоящее время ; прямой свѣшѣ ученїя людямѣ никогда вреденѣ не бывашѣ.

Упомянувѣ о художештвахъ , не могу я умолчашѣ о началѣ шисненїя книгѣ вѣ нашемѣ Опешешствѣ . Вскорѣ по изобрѣшенїи онаго началось вѣ Москвѣ шисненїе , и первая книга Дѣянїя свяшыхъ Апосполовѣ напечатана во время царспвованїя Царя Иоанна Васильевича при дворѣ его вѣ собспвенныхъ черпогахъ ; буквы тогда упошреблялись , какѣ шо всѣмѣ извѣспно , церковныя , называшемыя Евангельскими , Кушеицкими

скими и прочими именами. Сей родъ писменія былъ единообразенъ до временъ *Петра Великаго*, котораго прозорливость всякаго рода искусства озарила. Въ бытность мою Директоромъ при синодальной типографіи, видѣлъ я набранный листъ гражданскими буквами, и собственною рукою сего великаго Государя подписанный тако: *Петръ*. Сохранилъ я оный листъ отъ изшлѣнія, приказавъ, яко достопамятный монументъ, соблюдать его въ особливомъ хранилищѣ; ибо таковыя знаки попеченія о пользѣ общей, въ роды родовъ сохраняющіяся должны сплвуютъ. И такъ ежели можно сказать о семъ Великомъ Государѣ, что былъ онъ первый въ Россіи солдатъ, первый корабельщикъ, первый законоподвижникъ, то былъ онъ и первый справщикъ гражданской печати; при немъ появилось новое писменіе, и нѣкоторыя книги въ Амстердамѣ, а другія въ Москвѣ напечатаны.

Сіе заставляетъ думать, что по неискуству тогдашнихъ Россійскихъ словолитцовъ, *Петръ Великій* повелѣлъ вырѣзать буквы, по данному отъ него образцу, въ Голландіи; по томъ съ примѣра оныхъ и въ Москвѣ разной величины и вида слова рѣзать и отливать начали. Разосланный по всѣмъ губерніямъ въ 1708 годѣ указъ сей доводъ ясно подтверждаетъ. Оный указъ почто касается до отливныхъ въ Голландіи, но не

дочезенныхъ въ Россію буквъ. Тако писмена и писаніе въ Россіи учредились. Мы съ охотою пріимемъ наспавленія, ежели кто имѣя больше свѣденій о двухъ таковыхъ пользахъ и основаніяхъ наукъ, сообщитъ намъ свои примѣчанія на оныя, ибо другой цѣли, кромѣ общей пользы, мы въ нашихъ трудахъ не поставляемъ.

V.

О случаѣ (*).

Нѣкто изъ древнихъ мудрецовъ сказалъ: все случай дѣлаетъ на свѣтѣ, а не умъ, то есть, что всѣ дѣла человеческія не совѣтомъ и разсужденіемъ, но слѣпымъ случаемъ управляются. И такъ по сему неосновательному заключенію слѣдуетъ, что ни правда, ни мужество, ни разумъ, ни цѣломудріе съ нашими дѣлами никакой связи не имѣютъ: но будто бы по случаю то сдѣлалось, что *Аристидъ* проводилъ жизнь свою въ нищетѣ, имѣя возможность и способы ко пріобрѣтенію богатства; что *Скипѣонъ* покоривши городъ *Карфагену* никакой добычи не хотѣлъ ни брать, ни видѣть; что *Филократъ* получа отъ *Александра* многое число денегъ, распочилъ

(*) Переведено съ Латинскаго языка, изъ нравоучительныхъ сочиненій *Плутарховыхъ*.

распючилъ оныя съ прелюбодѣйцами, и на
 торжищахъ; что *Александръ* великій ни
 самыхъ прекраснѣйшихъ плѣнницъ не ка-
 сался, и покусившихся вожделѣніемъ къ
 онымъ наказывалъ жестоко; что *Пріямовъ*
 сынъ *Александръ* же въ несчастіи доведенъ
 былъ до самыхъ поноснѣйшихъ поступковъ.
 Ежели сіе приписется случаю, то можно
 сказать, что козлы, кошки и обезьяны
 по случаю похотливы, и обжорливы; а
 если воздержаніе, правду и мужество пре-
 дасть случаю, то и разумъ ему же; а еже-
 ли отъ случая все зависить, то ни доб-
 рыхъ разсужденій, ни полезныхъ совѣтовъ
 нѣтъ на свѣтъ: воздержаніе есть тотъ же
 разумъ; и правда всегда пребудетъ разума,
 котораго употребленіе въ управленіи сла-
 доспираспныхъ движеній умѣренностію и
 воздержаніемъ, въ трудахъ и опасностяхъ
 мужествомъ и терпѣніемъ, въ обществен-
 ныхъ дѣлахъ судомъ и правдою называемъ.
 По чему ежели случаю приписать дѣйствія
 полезныхъ совѣтовъ и разсужденій, то прав-
 да и воздержаніе отъ негоже зависить бу-
 дутъ; слѣдственнo воровство, грабежъ,
 убійство, ложь и обманъ отъ случая про-
 исходятъ; и мы оставя всѣ свои разсуж-
 денія предадимъ сами себя случаю, какъ
 пепелъ развѣваемыи вѣтромъ; а безъ раз-
 сужденій ни справедливыхъ познаній, ни
 полезныхъ изысканій не можетъ быть; и
 по сему положенію не справедливо сказано

Толку-

Толкушему отверзается, и ищущій обрѣщеть. И Софокль напрасно говоритъ :

Чего желаю я, о шомъ богамъ молюся,
А что мнѣ должно знашь, шому я самъ учуся.

Ибо чему научишься, или что изобрѣсти можемъ, ежели все по случаю дѣлается? Какихъ Царей законы, какихъ обществъ уставы пребудушъ незыблемы и шверды, ежели случаю все подвержено? Мы называемъ случай слѣпымъ, сами слѣпопощвуя въ пущи своемъ, и отвергая здравый разумъ, который есть око дѣлъ нашихъ, вождемъ жизни нашей поспавляемъ случай. Защипники случая скажутъ: не взоръ и глаза, которые Платонъ именуешъ свѣпоносцами, подаюшъ намъ зрѣніе, но случай; не шонкій составъ движимый бѣеніемъ воздуха, и опно-сящій оное изъ мозгу производишъ въ насъ слышаніе, но случай. Кто бы не успыдил-ся шаковымъ образомъ лишашъ чувства соб-швенныхъ свойствъ? ибо природа для шого дала намъ зрѣніе, слухъ, обоняніе и прочія шѣлесныя члены и свойства, дабы разумъ имѣлъ употребленіе оныхъ: ибо ни очи не видяшъ, ни уши не слышашъ, но умъ ви-дишъ и слышишъ. И какъ по мнѣнію *Ира-клита* при всѣхъ небесныхъ свѣшилахъ безъ солнца мы бы никогда не имѣли свѣта; равнымъ образомъ шѣлесныя чувства, ни когда бы не поспавили насъ въ шѣ имуществѣ предъ другими живопными, если бы

не

не разумѣ доставляяль намѣ оное; и что мы превосходности имѣемѣ надѣ ними, повелѣваемѣ, и упошребляемѣ ихѣ на службу, шо не случаемѣ, но единственнo разумомѣ дѣлаешся. Сіе означали древніе пѣчѣ именовѣ *Проміея*, какѣ говоришѣ *Есхилѣ* :

Стада овецѣ въ лугахѣ, скопы въ пространномѣ полѣ,
Вся покорила его владѣнію и волѣ.

Многія живошныя превосходятѣ насѣ пѣлеснымѣ сложеніемѣ; ибо онѣ опѣ природы вооружены или рогами, или зубами, или жаломѣ; одѣшы кожами, костью, шелухою и проч: человекѣ одинѣ безоруженѣ, нагѣ, безѣ одежды и покрова природою оставленѣ, но снабденѣ умомѣ, пронцапельностью и искусствомѣ награждаетѣ все шо:

Слабы въ силахѣ человекѣ;
Но уму ихѣ все подвластно,
Всѣмѣ владѣютѣ на земли,
Служатѣ имѣ моря и рѣки.

Конь скорый и бедрами крѣпкій бѣгаетѣ для человекѣ; пѣсѣ живошное люшое и свирѣпое служишѣ человекѣ спражемѣ; волѣ шучный, и плавающія во глубинахѣ морскихѣ рыбы, супѣ пища человекѣ; великое и спрашное зрѣнію живошное слонѣ дѣлаешся игралищемѣ Африканскихѣ всадниковѣ, и позорищемѣ площаднымѣ, научаешся опѣ человекѣ бѣгать, скакать, по его владѣнію преклоняшѣ колѣна, поднимашѣ хоботѣ и прочая; все сіе показуешѣ,

до какой степени возвышаетъ разумъ чело-
вѣка, и превосходнымъ его дѣлаетъ надъ
всеми, обращая все къ его пользѣ: ибо мы
не возможемъ сравниться съ живошными;

Ни крѣпостію мышцъ, ни скоростію ногъ:

Тѣмъ превосходитъ насъ елень, левъ, носорогъ.

Но разумомъ, искусствомъ и наукою
все то приобретаемъ, что другія животи-
ны имѣютъ. Сошны пчелъ собираемъ, мле-
ко доимъ, и собственными произведеніями
шварей располагаемъ по нашему изволенію;
нѣтъ никакого въ семъ случая; но промы-
словъ, разумомъ и совѣтомъ вся управ-
ляется.

Между человѣческими дѣлами цѣпшаются
искусства, художества, домостроитель-
ство, каменосѣчество и пр. въ которыхъ
не видимъ мы ничего, что бы по случаю
сдѣлано было; а ежели въ чемъ либо хотя
маломъ случай домостроителю или живо-
писцу иногда пособствуетъ, то все цѣлое въ
совершенство приводитъ знаніе и искусство.
Минерву предводительницею наукъ и худо-
жествъ почитаютъ всѣ училища, а не слу-
чай; одно только повѣствуетъ хитросп-
нѣйшее дѣйствіе случая: Нѣкій живописецъ
нарисовавъ коня въ полномъ видѣ совсѣми
чертами его, живыми и естествену подобными
красками, не могъ только изобразить, какъ
ему хотѣлось, ту пѣну, которая ошъ при-
паянїя узды съ яростнымъ дыханіемъ вы-

скакивала изъ конскаго рта ; и какъ онъ многократно заглаживалъ уже нарисованное , спараясь вновь здѣлать лучше , то на конецъ вышедъ изъ шербнїя и разсердясь , бросилъ на столъ живописную кисть , напоенную красками , копорья чрезъ стремленїе кисти окропя то мѣсто , гдѣ надлежало нарисовать пѣну , неподражаемою хитростїю изобразила оную . Художники вездѣ и всегда употребляютъ мѣру , щоты , правила и черпези , дабы въ работѣ ни какого мѣста случаю не оставишь ; и меньшаго рода ремесла называются разумомъ , или паче часпями разума , разлїянными въ обществахъ человѣческихъ на употребленїе и пользу ихъ . Повѣсть о Промеевомъ огнѣ , заключающая въ себѣ гаданїе , учишь , что дары разума въ малѣйшія часпицы раздѣлены , и каждая изъ нихъ представляеть цѣлое . По чему ежели искусства и художества не пребуютъ ни какой помощи отъ случая къ доспиченїю своего совершенства ; то можно ли думать , что бы наивеличайшее и наисовершеннѣйшее изъ всѣхъ знанїй , составляющее всю славу и честь человѣчества , не существовало ?

Есть нѣкое знанїе напряженїя и ослабленїя спрунѣ , и называется мусикїя ; есть наука варенїя брашенѣ , и именуется поваренное искусство ; есть ремесло крашенїя висоновѣ и багряницѣ , и нарицается красильное художество ; дѣпей учимѣ одѣ-
вались ,

ваться, обуваться, правою рукою брать
 пищу, а лѣвою хлѣбъ держать; и если все
 сіе не случаемъ, но разумомъ, наукою и
 знаніемъ дѣлаешся, то какъ можно мыс-
 лить, что бы нѣ вещи, копорыя особли-
 во къ нашему счастью служатъ, не управ-
 ляемы были разумомъ, и не претовали бы
 прозорливости, разсужденій и совѣтовъ?
 Можетъ ли кто надѣяться имѣть у себя
 каменное зданіе, если смѣшавъ известъ съ
 водою оставишь случаю прочее продолже-
 ніе работы? Никто изъ благоразсудныхъ
 имѣя нужду въ сапогахъ и одѣянніи, и купя
 надлежащія для того припасы, не сядеть
 поджавъ руки, и начнетъ просить случай,
 чтобъ онъ и плащъ и сапоги сшилъ ему.
 И кто повѣритъ, что бы богачъ или вель-
 можа, сидя въ черпкахъ блистающихъ
 золотомъ и серебромъ, облеченный въ ба-
 грянныя ризы, окруженъ множествомъ ла-
 скашелей и рабовъ, веселясь свѣпло, и по-
 чивая на мягкомъ ложѣ, безъ разума ис-
 шиннаго могъ бытъ счастливымъ, и про-
 вождать жизнь безболѣзненно, безъ печали,
 безъ скуки и воздыханія, въ тишинѣ серд-
 ца и спокойствіи духа? Нѣкто желая под-
 смѣять *Ификрата* философа, спросилъ у
 него, кто онъ шаковъ, ежели ни въ числѣ
 музыкантовъ, ни въ числѣ судей, ни въ
 числѣ оруженосцевъ онъ не шипаешся? на
 что *Ификратъ* ему отвѣтствовалъ: что
 онъ тотъ человекъ, копорой всѣми нѣми

повелѣваетъ и пользуется. Разумъ есть ни серебро ни золото, ни крепость ни слава, ни сила ни богатство, ни лѣпоша личная; но онъ есть такая вещь, которая всѣмъ съ пользою употребляясь можетъ, и каждое изъ нихъ дѣлаетъ пріятнымъ, похвальнымъ, полезнымъ; а безъ него всѣмъ пѣрвы, безплодны, вредны, и служатъ къ безчестію и поношенію того, кто имѣетъ оныя; по чему справедливо *Прометей* у *Исѣода* говоритъ *Епиметеею* :

Не ласкай себя дарами;
Свыше данными добрами:

Вразумляя пѣмъ, что избытокъ внѣшнихъ вещественныхъ благъ не дѣлаетъ насъ блаженными, ежели мы скудны разумомъ. Незнающій пѣсноложенія можетъ ли играть на струнахъ и органахъ? неучивыйся чишати, какъ можетъ разумѣти книги? Кто не былъ искуснымъ всадникомъ, тому не лзя управлять бодрого коня: равнымъ образомъ не надлежитъ быть судьей тому, кто разсуждаетъ не умѣетъ. На что богатство скупому, зависливому, немилосердому и къ благошворенію несклонному человеку? на что понимаешь жену тому, кто по слабости своего разума долженъ раболѣпствовать ей своенравію и прихотямъ? ибо счастье, не только недостойнымъ онаго и безумнымъ подаетъ случай быть злодѣями, какъ говоритъ *Димосѣенъ*,
НО

но и въ мудрыхъ , если оно превосходитъ достоинства ихъ , дѣлается источникомъ всякаго зла.

VI.

Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи, въ которомъ предлагается ученіе, какъ жить добрымъ челоуѣкомъ.

о четырехъ главныхъ добродѣтеляхъ.

Мудрые почипали всегда четыре добродѣтели необходимо нужными , чтобъ сдѣлаться честнымъ челоуѣкомъ. Первая добродѣтель есть благоразуміе ; вторая мужество ; третья воздержность , а четвертая правосудіе. Безъ сихъ не возможно употреблять разумъ свой на доброе.

о благоразуміи.

Если бышь по истиннѣ благоразумнымъ , и живешь добрымъ челоуѣкомъ , должно во первыхъ размышлять о вещахъ , а потомъ предпринимать оныя , и познавать по собственнѣй ихъ добротѣ , а не по мнѣнію другихъ людей. Знай , что не все то хорошо , что , таковымъ кажется , и что не дурно , что намъ по виду только таковымъ являється. Не буди

никогда и до послужителемъ преходящихъ
 вещей, которыя у тебя во владѣнїи, и бе-
 регись считатьъ по за великое, что само
 по себѣ есть бездѣлицю. Не обходись съ
 имѣніемъ своимъ, съ вещію тебѣ только
 подѣ сохраненіе данною, но употребляй его
 въ свою помощь, и разполагай имъ точно
 такъ, какъ собственнымъ своимъ. Ежели
 симъ образомъ возлюбишь благоразуміе, то
 вездѣ самъ себѣ будешь подобенъ. И когда
 дѣла и обстоятельство того потребуютъ,
 то удобнѣе тебѣ будетъ съ ними сообра-
 жаться, нежели переменить нравъ свой: по-
 добно рукѣ, которая открыта или сжата,
 не перескачетъ быть рукою. Благоразумному
 человеку свойственно, испытывать даемое
 ему совѣщаніе и не быть легковѣрнымъ ко-
 лжи. Не дерзай ты никогда рѣшить со-
 мнительное дѣло, о которомъ хотя бы и
 потребовали своего мнѣнія, то подашь ты
 его не отваживайся; не увѣрай ни о чемъ,
 чего ты опытомъ не дознался, по тому что
 не должно считатьъ истинною то, что
 нѣкоторое только правдоподобіе имѣетъ,
 равно какъ и ложью то, что вдругъ намъ
 не вѣроятнымъ кажется. Спось же часто
 надѣваютъ на истинну личину неправды,
 какъ разпещряютъ и ложь цвѣтами истин-
 ны. Ибо какъ то случается иногда, что
 другъ взираетъ на насъ непріятнымъ окомъ,
 а ласкашель тогда принимаетъ видъ ве-
 селой; и такъ переображаетъ онъ истинну,
 дабы

дабы насъ во зло или во искушеніе привесшь. Если хочешь бышь благоразумнымъ, то предусмапривай будущее, и представляй въ душѣ своей шѣ приключенія, коимъ подвергнешься можешь. Не дѣлай ничего шоропливо и безъ предварительнаго размышленія. Благоразумный никогда не говоришь: я не думалъ, чшобъ ешо было, или сіе случилось. Онъ вѣдаетъ себя подверженнымъ несчастію; ожидаетъ его съ швердостію; и съ небреженіемъ на него взирая, всегда ошороженъ. Ежели предприемлешь какое дѣло, познавай оному причину прежде, нежели начнешь оно; а подумавши гораздо объ оному легко будешь уже шебѣ судишь и о слѣдствіяхъ его. Разсужденіе обязуетъ шебя продолжашь нѣкоторыя начашья дѣла, а другія и начинашь запрещаешь; для шого чшо исполненіе сихъ навлечь можешь негодованіе. Благоразумный не хочетъ никогда обманывашь, и обманушь бышь не можешь. Смощи, чшо бы мнѣнія швои были основательны, и нелѣпымъ, или яко сонъ исчезающимъ мыслямъ зашвори душу швою. Въ прошивномъ же случаѣ, ежели шы ихъ разсужденіемъ своимъ допустишь, то послѣ сожалѣшь будешь. Разсмаприваетъ ли чшо швой разумъ или о чемъ получаетъ свѣденіе, всегда придерживашься онъ долженъ истинны. Берегись пущословія; а имѣй предмѣшомъ словъ швоихъ или ушѣшеніе, или совѣтъ, повелѣніе,

повелѣніе , или запрещеніе. Хвали не часто , а хули еще рѣже. Надмѣрная похвала споль же вредительна, сколь неумѣренной выговоръ. Она прилична ласкателю, а сей злому челобѣку ; будь скупъ на обѣщаніе и щедръ на удержаніе обѣщаннаго. Если ты любишь благоразуміе , то можешь пользоваться слѣдующими прѣмья положеніями : беречь настоящее ; будущее предвидѣть , а о прошедшемъ памятовать ; тогдѣ кто не мыслишь о семъ послѣднемъ , не доспоинъ жить во свѣтѣ , а кто не печется о будущемъ , тогдѣ безпрестанно роетъ себѣ ровъ погибельный. Представляй себѣ и доброе и худое, съ тобою случиться могущее ; второе сносишь съ терпѣніемъ , а первымъ умѣренно наслаждаешься. Не всегда будь въ дѣйствіи, а успокоивайся, когда придетъ часъ отдохновенія ; но во время досужное не преспавай исполнять духъ швой мыслями честными , и мудрыми размышленіями ; благоразумный не ржавѣетъ отъ лѣности : какъ бы разумъ его ни былъ въ покоѣ , но всегда не безъ дѣла. Знаетъ онъ, какъ что должно предпріять , какъ рѣшить прудное, изпребитъ сомнительное , превозмочь неудобное. А вѣдая пути къ доспигенію какой либо вещи , предвидитъ конецъ ея ясно , и слѣдуя совѣту мудрыхъ , судитъ о темныхъ вещахъ по яснымъ , о великихъ по малымъ , и объ удаленныхъ по ближнимъ , а о цѣломъ отъ частей

частпей его заключаешѣ. Когда важной человекѣ о чемѣ говоритѣ съ тобою, внимай словамѣ его больше нежели его соспоянїю, не озабочиваясь о санѣ имѣ носимомѣ. Старайся угодишь предѣ всѣми, а не предѣ многими; ищи полько возможное найпи; узнавай вещи, кои разумѣ швой способенѣ понимаешь, и желай шѣхѣ, копорые чеспью прїобрѣспь можно. Восходи на высоту споль далеко, чшобѣ можно шепѣ было спояшь на ней безѣ спраха; возвышайся не боясь паденїя. Когда счастїе шепѣ служишь, воображай себѣ, чшо ходишь ты по мѣспамѣ болопнымѣ и скользкимѣ. И такѣ остановись вдругѣ, и не бѣги скоро, и примѣчай, по копорой дорогѣ, и какѣ далеко испи надлежишь.

О храбрости.

Ежели еспь вѣ шепѣ сїе великодушїе, кошорое можно назвашь силою или храбростїю, то будешѣ жишь свободнымѣ, веселымѣ и ошѣ спраха непобѣдимымѣ. Великодушному человекѣу сродно бышь непоколебиму, вѣ намѣренїяхѣ шверду, и ожидашь безѣ удивленїя конца своей жизни. Нѣшѣ ничего величеспвеннѣе духа, знающаго презирашь свѣшскїя пышности. Ежели храбрѣ ты, такѣ не вѣришь, чшо могѣ бы кшо шепя обидѣшь: непрїатель мой, скажешѣ ты, не обезчеспилѣ меня, хошя можешѣ бышь и хошѣлѣ ошѣ шого. Вошѣ какѣ ты

говоришь будешь. Когда ты его и побѣдишь, то довольствуйся тѣмъ, что имѣлъ ты средство опомниться ему, но не желай исполнить оное дѣломъ; и вѣдай, что великъ и чистень сей родъ отмщенія, каковъ есть прощенія. Не раздражай никого шутками, и всякому доброхотствуй. Не наступай ни на кого нечаянно, и убѣгай поединка. Подлымъ только душамъ лично предапельство и обманъ. Славься храбростію, ежели ты не прусъ, и не наглъ въ опасности. Единое угрызеніе нечиспой совѣсти дѣлаешь духъ робкимъ. Истинная храбрость состоитъ въ томъ, что бы пвориши дѣла, страха и отважности чуждыя.

О воздержности.

Ежели тебѣ сколько ни будь нравишься воздержаніе, отсѣки всякое излишество, и ограничивай справки души своей. Примѣчай тайнымъ образомъ, чего природа требуетъ и что хочешь привычка. Если ты любишь воздержаніе, то достигнешь бышь довольнымъ тѣмъ, что ты есть, ибо человекъ самимъ собою довольный родился богатымъ. Обуздывай неправильныя похотѣнія свои, и предписывай имъ границы. Отвергай унижающія разумъ вещи, нечувствителью въ оной нѣкошорою сладостію вкрадывающіяся. Бѣшь, но необѣдайся, пѣй но не упивайся. На пиру увеселяйся честно

но съ другими, и не кажись хулящимъ поведенія ихъ, не послѣдуй ихъ примѣру. Не прилѣпляй чувствъ своихъ къ предлежащимъ увеселеніямъ, а желаній своихъ къ забавамъ случаемъ представляемымъ. Не будь разборчивъ въ ѣсвахъ, ниже роскошенъ въ столѣ своемъ; чшобъ голодъ заспавлялъ тебя ѣспь, а не видъ кушанья. Довольспвухся малымъ, помни, что главное спараніе швое должно бытъ совлеченіе спрапей. Предспавь себѣ, что будучи сошворенъ по образу и по подобію Божію, долженъ шы оберегашься грубаго и шѣлеснаго, и сдѣлашья весь духовенъ. Воздержаніе научитъ шбя довольспвовашья домомъ здоровѣйшимъ, нежели веселымъ, понеже должно по господинѣ знашья домъ, а не по домѣ господина. Не приписывай себѣ шого, чемъ шы не былъ, или что не еспь, и беригись показывашья выше соспоянія своего. Паче всего сперегись бытъ пїяницею, въ бѣдноспи швоей споль скупымъ, чшобъ бережливоспъ обрапилась въ мерзоспъ, и не заработывайся до успалоспн. Каково бы мало имѣніе швое ни было, употребляй его чеспнымъ образомъ. Не плачь, если дѣла швой идушъ худо, а шѣмъ меньше дивись, ежели другіе въ своихъ преуспѣваюшъ.

Воздерживайся опѣ сквернословія, ибо беспыдспво, съ кошорымъ оно произносипся, пишаспъ наглоспъ. Прїяпной и полезной разговоръ, предпочитай всегда словамъ ласковымъ

сковымъ и ради забавы выдуманнѣмъ сказкамъ. Мѣшай иногда смѣшное слово съ важнымъ, но весьма рѣдко, дабы себя не унизишь и не нарушишь правила приспойности. Смѣхъ хулы достоинъ, ежели онъ чрезмѣренъ, и подобися тогда смѣху дѣшскому и женскому, а омерзительнъ, когда громкѣ, ругательнъ и злостїю наполненъ, но хуже всего шопъ, копорой вылетаетъ скрытно и раждаетъ опъ недоспапка другаго человека. И такъ ежели любишь смѣяться, смѣйся сохраняя приспойность. Забавы и игры швыи должны бытъ ограничены умѣренностїю; въ нихъ не долженъ шы бытъ сполько воздерженъ, чшобъ почли шебя сердешнымъ въ обществѣ, ниже шoliko чрезмѣренъ, чшобъ шебя презрили. Будь учпивъ съ прїятностїю и не припворяйся. Однимъ словомъ въ разговорахъ своихъ не будь язвительнъ, въ насмѣшкахъ шумомъ, крикуномъ въ разговорахъ, спраненъ въ поступкахъ. Не обращай покоя своего въ бездѣйствїе, и когда другїе занимающя игрою, упражняйся въ полезнѣйшемъ и честномъ. Ежели пойдешъ за воздержанїемъ, бѣги ласкапельсшва, и если порочные шебя хвалятъ, шo сполькожъ объ томъ сожалѣй, сколько и шогда, когда бы шебя за самыя пороки хвалили; радуйся, ежели злымъ не нравишься, и счишай похвалою худое ихъ о себѣ мнѣнїе. Знай, что при воздержанїи нѣтъ ничего шруднѣе, какъ опшоргать ласкапельсшва

скашельство. Ласковыя слова пріятны разуму и служатъ въ пищу самолюбію. И для того не призывай въ помощь ласкашельство, ежели съ кѣмъ хочешь жить въ согласіи; и зашворяй сердце швое хопящему войши въ дружбу свою посредствомъ сего порока. Не буди наглъ и безчиненъ. Покорайся безъ подлости, принимай выговоръ благосклонно, и съ терпѣніемъ сноси попреки. Ежели кто шебя оговорилъ, по справедливости знай, что онъ сдѣлалъ тебѣ добра много; а ежели напрасно, то въ швою же пользу. Не сомнѣвайся, что ласкашельство спольже опасно, сколько и колкія слова. Бѣги пороковъ своихъ, не любопышшвуя о другихъ. Не попрекай ими оными спрого, но съ пріятностію воздерживай отъ нихъ. Ты долженъ предупредишь выговоръ веселымъ видомъ, и безъ шруда прощашъ другому. Надъ мѣру не хвали, и отъ хуленія удаляйся. Слушай съ собою разговаривающихъ, и понимай скоро слова ихъ. Приклони ухо свое къ вопрошающему шебя, и ежели онъ шебя и пренебрегаетъ, то скорѣе подумай, что шы того доспшинъ, нежели о семъ заведи съ нимъ ссору.

Ни чемъ болѣе не извѣявишь воздержанія, какъ сохраняя благоприспойность въ движеніяхъ ума и шѣла своего. Что нужды въ томъ, сокрышы ли они во внушренности швоей, или другому они видны, но шокмо бы шобою они ощущаемы были. Буди больше

ше прилѣженѣ, нежели скоропостиженѣ; и
поспояненѣ, нежели упрямѣ. Въ ученіи сво-
емѣ имѣй видомѣ истинну, а не хулу, ни-
же новостъ испытать познаніе другога. Не
правѣ ты, ежели чпишь себя выше ближ-
няго своего, и ево презираешѣ за то,
что онѣ не однихѣ съ тобою мыслей. То
только знай, что ни кому въ хорошемѣ
поведеніи уступать ты не долженѣ. Бере-
гись показаться слабымѣ въ воздаяніи по-
казавшему тебѣ добрыя услуги. Ежели кто
тобою обязанѣ, не принуждай его благода-
рить себѣ. Покажи, что ты не любишь ни-
кому ласкаться, что ты со всякимѣ обходи-
теленѣ, съ немногими искрененѣ, а справе-
дливѣ со всѣми. Докажи, что ты на дѣлѣ
добрый человекѣ, а не словами токмо. Воз-
люби милосердіе, кляни жестокость. Не
упражняйся въ похвалѣ добрыхѣ о себѣ ток-
мо мыслей, и не завидуй ежели и о дру-
гихѣ хорошаго заключенія. Никогда не вѣрь
несбыточнымѣ, по злобѣ токмо выдуман-
нымѣ клеветамѣ и ложнымѣ слухамѣ; на-
противѣ того бѣгай подѣ видомѣ чеспно-
сти разспавляющихѣ съби добрымѣ лю-
дымѣ. Не приходи скоро во гнѣвъ, а съби
прощеніемѣ; будь поспояненѣ въ безвременьи
и покоренѣ въ гоненіяхѣ. Не хвасайся сво-
ею добродѣтелію, такѣ какѣ нѣкоторые сво-
ими пороками. Пренебрегай суешную славу,
и не ищи со прилѣжаніемѣ въ другомѣ че-
ловекѣ добрыхѣ свойствѣ своихѣ. Не гнѣ-
вайся

вайся на людей за ихъ неосторожность. Не возноси голосъ свой, а имѣй терпѣніе выслушивать говорящихъ съ тобою. Вольно тебѣ быть спрогимъ, но опшюдь не жестокимъ. Паче всего не презирай чловѣка забавнаго и веселаго. Будь любопытенъ и желашеленъ познать доброе. Такъ какъ чловѣкъ опъ чловѣка учимъ бываетъ: то охотно слушай, ежели сказываетъ кто тебѣ о знаемыхъ тобою вещахъ, и не стыдись познавать невѣдомыя тобою.

О правосудіи

Что есть правосудіе, какъ тайное согласіе природы, для вспоможенія многимъ изобрѣшенное? Оно есть свойство нашего духа, законъ божественный, цѣль гражданскаго сохраненія. Ибо не изыскивая о прочихъ вещахъ, имъ намъ дозволенныхъ, довольно къ знанію нашему и того, что предписываемыя имъ намъ полезны. И такъ ежели ты хочешь слѣдовать правосудію: бойся во первыхъ Бога и люби его, да и онъ возлюбитъ тебя. А возлюбишь Бога тогда, когда слѣдуя ему, полезнымъ будешь всѣмъ и не вреденъ никому. Тогда услышишь опъ людей наименованіе справедливаго; увидѣшь, что они охотно тебѣ послѣдуютъ, и почитаютъ тебя будучи. Для справедливаго чловѣка не довольно того, чтобъ ни кого не обидѣшь, а должно еще препятствовать другимъ, наносишь какое либо озлобленіе. Правосудіе

или

или справедливостъ не въ томъ собственно состоишь, что бы ни кому не вредишь, но не присвоишь принадлежащаго другому. И такъ начинай съ сего: Не обогащайся краденымъ. Слѣдуй великодушнымъ намѣреніямъ; а ежели что и забралъ, возврати. Наказывай хищниковъ, и содержи ихъ подъ присмотромъ, чтобъ не беспокоивали они добрыхъ людей. Не сварись за каждое слово, а паче того за двусмысленное; напрошивъ того разсмапривая свойство духа своего, будь равнодушенъ, откажись ли, или согласишься на требованія свои. Когда приводишь Бога во свидѣтели, то хощя и кажешься тебѣ, что онъ словамъ своимъ не внемлетъ, но ты ошибаешься. Не выходи изъ границъ истинны, такъ какъ и онъ не пресупаешь черты правосудія. Ежели когда и принужденъ будешь солгать, то дѣлай сіе въ защищеніе правды. Однимъ словомъ, колико полное удовольствіе бышь побѣдителямъ нещасія, копорымъ другіе побѣждаются! ежели ты будешь спараться сохраняшь сказанное, то не съ такою опасностію ожидаешь будешь часа смертнаго, и свободенъ печали и безпокойства, проживешь въ радости, тишинѣ и веселіи, исполненъ храбрости, чуждъ страха.

О предѣлахъ благоразумія или осторожности.

Слѣдуя чешыремъ добродѣтелямъ, о коихъ мы говорили, дойдешь до пупи совершенства,

шенства, ежели удаляясь неумѣренности, будешь все относить къ концу, какимъ образомъ живишь добродѣтельно. Ибо ежели оспорожностъ пресупитъ свои предѣлы, то принудитъ тебя къ злодѣянiю и прусоспи. Будешь на себя жаловаться, что ты хочешь оптадывать сокрытыя вещи, и что разборчивъ въ маловажныхъ дѣлахъ: робкой человекъ, скажутъ о тебѣ, во всякомъ дѣлѣ надмѣру почтенъ и суевѣренъ. Всегда пребуешь совѣща, безпрестанно оспороженъ, и никогда не вѣренъ въ предпріятіи своемъ. Всякое воображеніе служишь пищею его сумнишельству. На себя будешь показывать пальцами, и каждой будешь называть себя колкимъ, ханжею, безсмыднымъ, врагомъ людей добрыхъ, лазутчикомъ, однимъ словомъ, всѣ прозовутъ тебя злымъ человекомъ. Въ такіе то пороки приведешь себя излишняя оспорожностъ. Умѣрай же ее такимъ образомъ, чтобъ въ дѣлахъ твоихъ не былъ ты слѣпцомъ, ниже надъ мѣру прозорливымъ.

Какова должна быть истинная храбрость.

И то также правда, что чрезвычайная храбрость, дѣлаетъ человека скоропоспѣжнымъ, алчнымъ, замѣшаннымъ, запальчивымъ, и дерзкимъ на всякое предпріятіе; сія же буйственная храбрость, исполнивъ чувство звѣрскою яростію, никогда не имѣетъ покоя, а только что гонитъ сего

или сражаешся съ онымъ. Настоящее упражненіе ея состоишь во брани, и во влеченіи въ недружбу живущихъ мирно. И такъ, истинная храбросць, состоишь въ томъ, чшобъ не бышь наглу и робку.

О умѣренности.

Не выдешъ изъ границъ воздержности, ежели слѣдующее сохраняшь будешъ: берегись чшобъ не подашь повода назвашь себя щекопливымъ; чшобъ сомнѣніе и опасность пошеряшь швое преимущество, не сдѣлали тебѣ даже до порицанія подлымъ; не увеличивай малыя вещи, чшобъ не сочли тебѣ ябѣдникомъ. Знай, что умѣренностію наслаждашь будешъ, ежели роскошь не учинишь тебѣ расточителемъ и сладострасшнымъ, а скупосць скареднымъ и гнуснымъ.

Какъ должно умѣрять Правосудіе.

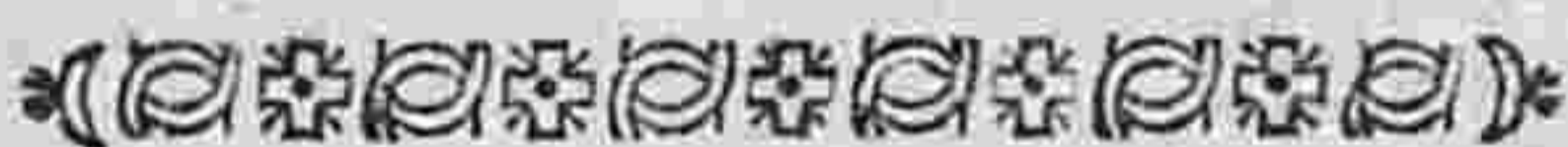
Что касается до умѣренности, копорую наблюдать шы долженъ въ пупяхъ Правосудія, шо надлежитъ оную учреждать такимъ образомъ, чшобъ опъ худаго поступка швоего не произошла лѣносць и нераденіе, удобное попрясти крѣпосць души швоей. Спарайся исправляшь ближняго, но такъ благовременно, чшобъ шы опнялъ самовольство у злодѣевъ дѣлашь беззаконіе; при томъ не будь весьма строгъ, и оспавляй что нибудь прощенію и милосци. Въ прошивномъ

прошивномѣ случаѣ, ты покажешся нечувствительнымъ и врагомъ сроднаго человѣку милосердія, и такъ располагай такимъ образомъ, чѣмъ почтеніе, должное честности, не уменьшилось чрезмѣрною холодностію, и чѣмъ оно не поперяло изящества своего, отъ необыкновенной жестокости.

По предположеннымъ симъ вещамъ, ежели кто хочеть быть самому себѣ и другимъ полезнымъ, да соблюдетъ рѣченное; но паче всего да памятуеть соглашаться со временемъ и мѣспомъ, съ обстоятельствомъ и съ людьми.

Я еще повторяю не удаляться никогда отъ умеренности; дабы неограниченное рвеніе къ послѣдованію симъ правиламъ, не ввергло въ бездну погибели; а робость въ повиновеніи сказанному, не наказана была за свое нерадѣніе.

Переведено изъ Сенекиныхъ Нравоучительныхъ Сочиненій, И. Т.

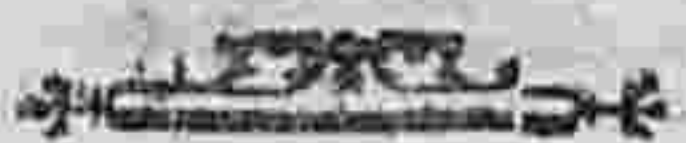
VII.

Упѣщательное писмо Ера- сма Ротердамскаго.

Храброму и своею собственною добродѣтелію довольствующемуся мужу не надобно искаши славы: ибо она за добрыми дѣлами не иначе слѣдуеть, какъ тѣнь за тѣломъ.

пѣломѣ. Вѣрно о себѣ вѣдающая изящная добродѣтель похвалы не желаетъ, но сія придетъ къ ней пѣмѣ славы и истиннѣ. Пресвѣтлое названіе: *отецъ отечества*: но похвальнѣ оно заслужитъ, нежели имѣтъ по наслѣдію. Повѣрь мнѣ, что между всѣми твоими и рода твоего украшеніями, паче всего то будетъ славы. Толикія твои знаменія и прехвальныя дѣла на конецъ симъ соверша и увѣнчай. Трудно во истинну къ чему я тебя поощряю, но рода твоего и твоего духа достойно. Опѣ таковаго кореня, опѣ такой природы, и таковыхъ дѣлъ, ни чего не можно ожидать низкаго и посредственнаго. Ежели ты предковъ твоихъ похвальнымъ дѣламъ, ежели прежней твоей славы, и всѣхъ людей о тебѣ надеждъ сопѣвѣтствовати желаешь, то непременно надлежитъ тебѣ на самый высочайшій верхъ совершенства взойти. Помысли, что ты обращаешься на весьма многолюдномъ позорищѣ, и что всѣ зрители обратили очи свои на тебя, которыхъ ты никогда не удовольствуешь, ежели начашаго прехвальныхъ сихъ дѣйствій представленія, съ великою славою не приведешь къ окончанію. Добродѣтель сама себѣ довольнымъ есть награжденіемъ. Не живѣть попу, кто живетъ безъ Славы. А попу не погибаетъ, кто умирая оставяетъ по себѣ попомкамъ честную память. Хотя бы у насъ смерть и все опнимала: однако честнаго имени

имени слава бываетъ по смерти блистательнѣе. Повѣрь мнѣ, что ты самъ созиждешь себѣ въ память столпъ долговѣчнѣе мѣднаго, копораго ни снѣдающая зависть, ни свирѣпствующій сѣверный вѣтрѣ, ни безчисленное множество лѣтъ, ни скорое стремленіе временъ разорить не можетъ. Изображенія предковъ твоихъ обременяютъ тебя, а не прославляютъ, если ты знаешь свои, таковыми же дѣлами, каковыми они себѣ оную заслужили, не будешь укреплять и будно расписать. Къ сему тебя побуждаетъ знаешь своего рода, къ сему любовь должная Отечеству, къ сему гражданство твоихъ отъ тебя зависящее благосостояніе. Ты только начни оказывать сей воистинну великій твой духъ: а Всевышній въ храбрыхъ твоихъ предпріятіяхъ будетъ тебѣ поспѣшествовать. Богъ самъ, какъ говорятъ, помогаетъ смѣлымъ. Въ честномъ дѣлѣ всякому Богомъ есть собственнѣе умъ онаго. Нынѣ разсуждай, лучше ли ты желаешь предковъ твоихъ украшенія и свои похвальные дѣла сею упварью привести въ совершенство и будно докончить, или свой родъ помрачить, и славу, которую ты доселѣ знашными приобрѣлъ себѣ дѣлами, мгновенно потерять. Ни какого нѣтъ спяжанія, которое бы получилъ было труднѣе и медлительнѣе какъ честная слава, и нѣтъ никакого спяжанія, которое бы скорѣе потерять было можно. И если

себя по великихъ вещей слава не прогаситъ,
 то по крайней мѣрѣ никакого ты имѣнія
 ни великолѣпнѣйшаго ни драгоцѣннѣйшаго
 не можешь оставить своимъ дѣтямъ, какъ
 сего дѣла вѣчно пребывающей Славы. Какъ
 львы и орлы не со всякими звѣрьми въ сра-
 женіе вступаютъ, но нѣкоторыхъ изъ нихъ,
 какъ недостойную своихъ когтей добычу
 презираютъ: такъ и ты по дѣлу, которое
 чѣмъ болѣе и труднѣе, тѣмъ съ большею
 охотою предпринимать долженъ; ибо изящ-
 ный путь ко Славѣ, единственнымъ только изящ-
 нымъ добродѣтелямъ отверсѣнъ. Знаю что
 самое трудное сіе дѣло, къ которому я
 тебя увѣщаваю, и не невѣдаю что справед-
 ливо говорятъ: не всякому то можно сдѣ-
 лать. Но ты уже прежде и больше сего дѣ-
 лалъ, и ко исполненію сего другаго равнаго
 не нахожу. Ежели пальмовое дерево отъ нало-
 женной тяжести не гнется, но больше про-
 шивъ оной силился поднимаяся въ верхъ;
 то кольми паче храбраго мужа духъ дол-
 женъ возраспашъ отъ самой трудности дѣ-
 ла? я сіе не для того пишу, что бы произ-
 вольно исполняющаго болѣе возбудить. Я
 тебя не сколько увѣщаваю сіе дѣлать,
 сколько поздравляю събшащаго шуды, ку-
 ды желанія наши хотѣли захопить свою
 добродѣтель. Во первыхъ помышляй, что
 прилично *Тевтонцу*, потомъ что *Саксонцу*,
 потомъ что *Албертову внуку*, на послѣ-
 докъ что *Филиппу*. Сугубую надежду на
 тебя

тебя полагаютъ, то есть, что бы Филиппъ подражалъ достохвальному отцу своему Филиппу, и добродѣтельному брату, котораго ты наслѣдникомъ сдѣлался. Истинное благородство рождается не отъ чего другаго, какъ только отъ знатныхъ дѣлъ; а сіе ты самъ собою приобрѣсти можешь; для чего ты удивляешься древнимъ упва-
рямъ твоихъ предковъ? ты самъ себѣ сдѣлай новые. Большее украшеніе то, ко-
рому ты виновникъ, нежели копорому на-
слѣдникъ. Сколь похвальнѣе собственною добродѣтелію озаряшь предковъ, нежели наслѣдіе получишь чужой славы?

Ты долженъ загладишь твоею храбро-
стію и стараніемъ, недавно приключившій-
ся вредъ нѣкихъ нерадѣніемъ. Приключен-
ный вамъ уронъ всѣ приишутъ счастію,
ежели ты теперь покажешь, коликую си-
лу имѣешь на войнѣ храбрый, не узра-
шимый и съ благоразуміемъ соединенный
духъ вождя.

Намъ болѣе ни чего не принадлежитъ
какъ то, что мы собственнымъ сыскиваемъ
прилѣжаніемъ. Храбрость обитающая въ
твоей груди, подаетъ тебѣ смѣлость, лю-
бовь къ Отечеству даруетъ желаніе, а про-
чее все ниспослетъ тебѣ Всевышнее Боже-
ство, любящее благочестивыхъ и возвышаю-
щее добродѣтельныхъ. Не унывай, сими сте-
пями шествуй къ безсмертію своего имени.
Бодрствуй одаренный мужествомъ. Тако

достигаютъ небесъ. Не ослабѣвай храбрый юноша, не дай себѣ покоя доколе преизрядныхъ дѣлъ къ похвальному не приведешь концу. Уже ты перешелъ большую часть шуда, шѣмъ охотнѣе къ предѣлу поспѣшай, чемъ ближе отъ него опшпощь. Ничего нѣтъ шоль шруднаго въ дѣлахъ человѣческихъ, чего бы сдѣлать было не можно, если шолько возжелаешь. Чшо сперва произвело Боговъ? не знашны ли въ обществѣ заслуги? Чшо подобнѣе Богу, какъ высокій, или благодѣтельствованъ всему смертныхъ роду спарающійся духъ? Великолѣннѣе высочайшя досшощива шпени заслужить, нежели получить. Въ великомъ и желаніе за велико почиашся. Въ похвальныхъ дѣлахъ и шпараніе одно, великими похвалами превозношшся. Когда ты на поприщѣ Славы всѣхъ скоростію превзошелъ, то и въ семъ дѣлѣ будь самъ себѣ подобенъ. Если ты имѣешь благородныя мысли, если опща швоего Иройскія свойства; если любовь къ Опечешву, то весь разумъ, поспощство, мужештво и храбрость шеперь оказашь должно. Не можешь въ семъ похвальномъ шеченіи никогда прійти въ безсиліе, если посмошршшь на предлежащя награжденія. Продолжай начатой путь неуспрашимо, и предай имя швое вѣчношпи. Ишпашнее украшеніе не въ богатствѣ находится, но въ добродѣтели. Тотъ жизнь хорошо провождаетъ, кто оную посвящаетъ

Отече.

Опечеснву. На тебя одинаго всѣ граждане
 обратили очи; на твоихъ раменахъ укрѣп-
 ленно лежишь Опечеснво. Тѣ прійдуть въ
 опчаяніе, если ты не окажешь себя
 какимъ они тебя почитали. А сіе па-
 дешь если ты опречешся держаць оное.
 Думай, что сей трудъ крапокъ, а благопо-
 лучіе, къ которому спѣшишь, вѣчно. Трудъ,
 какъ *Исїодъ* говоришь, пущь, но на
 самомъ верху не оцѣненное воздаяніе. Или
 за тяжелое почитать должно, чѣмъ сыс-
 киваешь вѣчное благополучіе? Не разсуж-
 дай о томъ что шовъ или другій о тебѣ
 между шѣмъ говоряшь, но что всѣ попом-
 ки всегда о тебѣ говоришь будешь. Хулу
 сносишь за добрыя дѣла по справедливости
 царское и великодушнаго естъ дѣло.
 Ненависть зложелателей побѣждай славою
 добродѣтелей. Найлучшій родъ опмщенія,
 непріятеля привесшь къ удивленію самаго
 себя добрыми дѣлами. Лаяніе ненавистни-
 ковъ презирай какъ негодныхъ псовъ. На шо
 смотри къ чему тебя всѣ честные люди
 согласно какъ будто зовуть. Понравиться
 худымъ не меньше безчестно, какъ и за без-
 честныя дѣла. Спарайся шѣмъ быть при-
 ятымъ, которые всѣмъ нравятся честны-
 ми поступками. Ослица въ самый большій
 огонь бѣжишь подашь помощь своему ослен-
 ку: а храбрый мужъ бѣдспвующее оставишь
 Опечеснво въ которомъ и дѣши его? Малыя
 звезды восхожденіемъ большихъ помрачаюш-

ся, но ты не можешь больше просвѣпити праотцовъ твоихъ славы, какъ только если симъ способомъ помрачишь оную. Не шуда иди куда опзываетъ тебя мѣръ, но шуда куда зоветъ Христосъ. Трудность ли тебя ошпанавливаетъ въ томъ, за что обѣщающъ небо? Опчаешься ли предпрѣять то, въ чемъ благоволишь и помощь подаютъ самъ Христосъ? Сомнѣваешься ли о награжденіи, которое обѣщаетъ самъ Богъ? Единовременные тебѣ не узнающъ своего благодѣянія, но сіе то самое достойнымъ почиается великаго чловѣка. Нѣтъ ни какого благодѣянія, которое бы было больше достойно Иройскаго духа, какъ то которое дѣлается попомкамъ. Съ попомъ приобрѣтающа ученія, но раждающъ безсмертіе. Прилѣжаніемъ снискивающа, но однажды приобрѣтенные, никогда не теряюща. Медлительно ихъ достигаютъ, но когда кто достигнетъ, то въ безопаснѣйшее и вѣчное получаетъ въ нихъ спяженіе. Въ иныхъ достохвальныхъ дѣлахъ великую часть похвалы приписываютъ счастью, а нѣкоторую и тѣ себѣ присвоятъ, которыхъ трудами оныя приведены къ концу, но сего дѣла слава вся будетъ твоя: великую всѣ на тебя имѣющъ надежду, ради того непременно должно тебѣ оную исполнишь. Родъ, свойство врожденное, благоразуміе, высокость духа, предковъ славныя дѣла, заставили всѣхъ ожидать отъ тебя великихъ

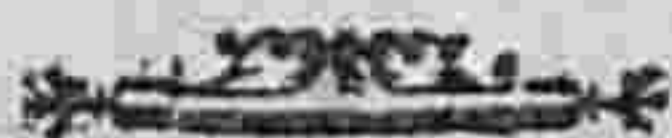
великихъ дѣйствій : обмануть ихъ въ томъ безчестно; то, чего ожидали, учинить нужно, а превзойти прехвально. Если ты помыслишь о своемъ достоинствѣ, то ты въ семъ званіи такъ себя вести долженъ, чтобы тѣ, которые прежде тебя съ немалою похвалою оное опправляли, будучи сравнены съ тобою, великую часть похвалы своей тебѣ уступили, и никтобы не сыскался, который бы и послѣ тебя могъ быть тебѣ равнымъ. Старайся такъ поступать въ семъ правленіи, чтобы оное поручить наслѣднику своему и саномъ твоимъ величественнѣе и нелицепріимствомъ и бодростію пруднѣе. Разсуждай, сколько ии есть труда въ изученіи юриспруденціи, однако въ три или по крайней мѣрѣ въ четыре года ты оное совершишь; въ прочемъ честь на весь твой вѣкъ чрезъ то получишь. Трудъ окончивается, а честь пребываетъ; трудъ крапокъ, а слава безсмертна. Иные для приобрѣтенія богатства многіе годы въ трудахъ и въ пошѣ провождаютъ, моремъ и на сухомъ пути ѣздятъ : а тебѣ скучно нѣсколько лѣтъ въ честныхъ прудисьяхъ ученіяхъ, чѣмъ ты себѣ вмѣстѣ и богатство и достоинство приобрящешь? Честь пишеть науки, какъ пишеть Цицеронъ; и то тебѣ должно быть не малымъ побужденіемъ, что таковъ у насъ начальникъ, подъ котораго правленіемъ ни кто впуне не почитаетъ добродѣтели. Нѣкоторые

разными

разными образами предають попомкамъ память своего имени; однако ни едина вещь для памяти сдѣланная вѣрнѣе не сохраняетъ славы человѣческой, какъ если ты чрезъ благодѣянiя имя свое начерпишь въ сердцахъ человѣческихъ: то есть, если ума твоего знаками въ сочиненiяхъ изображенными не только въ твоемъ Отечествѣ, но и во всѣхъ странахъ; не только у людей твоего вѣка, но и у потомковъ честное заслужишь имя. Смотри прилѣжно, что бы не впасъ въ нерадѣнiе упражняясь въ семъ дѣлѣ. Многого труда пребудешь избрать то, чѣмъ начало положишь твоей славы. Должно всякое употреблять старанiе въ томъ, чѣмъ въ первые показаться хочешь народу. Когда уже ты однажды изрядныя науки въ свое покровительствѣ принялъ, то не надобно сходить съ себя ступени. Видишь съ какими чудовищами надлежитъ сразиться. Безъ сомнѣнiя пребудешь къ сему другій *Иракль*, копорымъ, кромѣ тебя, никто лучше бытъ не можешь. Молю тебя какъ для моей дружбы, такъ и для здравiя обоихъ, (ибо и я тогда здоровъ когда ты невредимъ) не вдавай себя въ опасныя трудности. *Есопова басня о козлѣ* учишь насъ, чтобъ мы безразсудно не вдавалися въ такiя трудности, откуда, когда уже и сами желаемъ, не въ состоянiи будемъ себя избавить. Легко снiйши во адъ, но выйши оттуда трудно. **Ежели ты свою жизнь пренебрегаешь,**
то

то сжался надъ несчастіемъ супруги сво-
ей и дѣшей. Безъ нихъ ты самъ погибнуть
не можешь, ибо они всѣ зависятъ отъ те-
бя. На тебѣ весь домъ твой основанъ; ко-
торый тебѣ должно твоимъ благоразумі-
емъ, твоимъ стараніемъ, своею храбро-
стію поддерживать; а въ противномъ слу-
чаѣ онъ упадетъ. Слѣдуй съ непреобори-
мымъ духомъ тому, что за честнѣйшее
почтешь. Въ честныхъ дѣлахъ будетъ по-
мощникомъ самъ Богъ. Помысли сколько
ты самъ получишь похвалы и поздравле-
нія. Что много говоришь? такъ себя совер-
шеннымъ покажи во всѣхъ добродѣтеляхъ,
чтобы и непріятели иначе тебя поносишь
не могли, какъ вмѣстѣ съ похвалою. Денно
и ночью помысли о томъ, чѣмъ можешь
отъ земли вознесися и устами всѣхъ на-
зываемъ бышь побѣдителемъ. Кто не пох-
валишь изящной сей природы? По чему я
тебя сколько можно увѣщаваю, чтобы ты
то, что отъ предковъ получилъ, и по-
томкамъ оставилъ. Ты и одинъ можешь
сдѣлать, что бы не совсѣмъ была правда,
что обыкновенно говоряшь, что наше дво-
рянство ничего въ домахъ своихъ не имѣетъ
хорошаго, кромѣ изображеній предковъ сво-
ихъ. Всѣ друзья твои увѣщаваютъ тебя
едиными устами; будь великодушенъ, и
надѣйся всего, чего надѣяться можно. А то
почитай за полезнѣйшее что соединено съ
честію.

Такъ

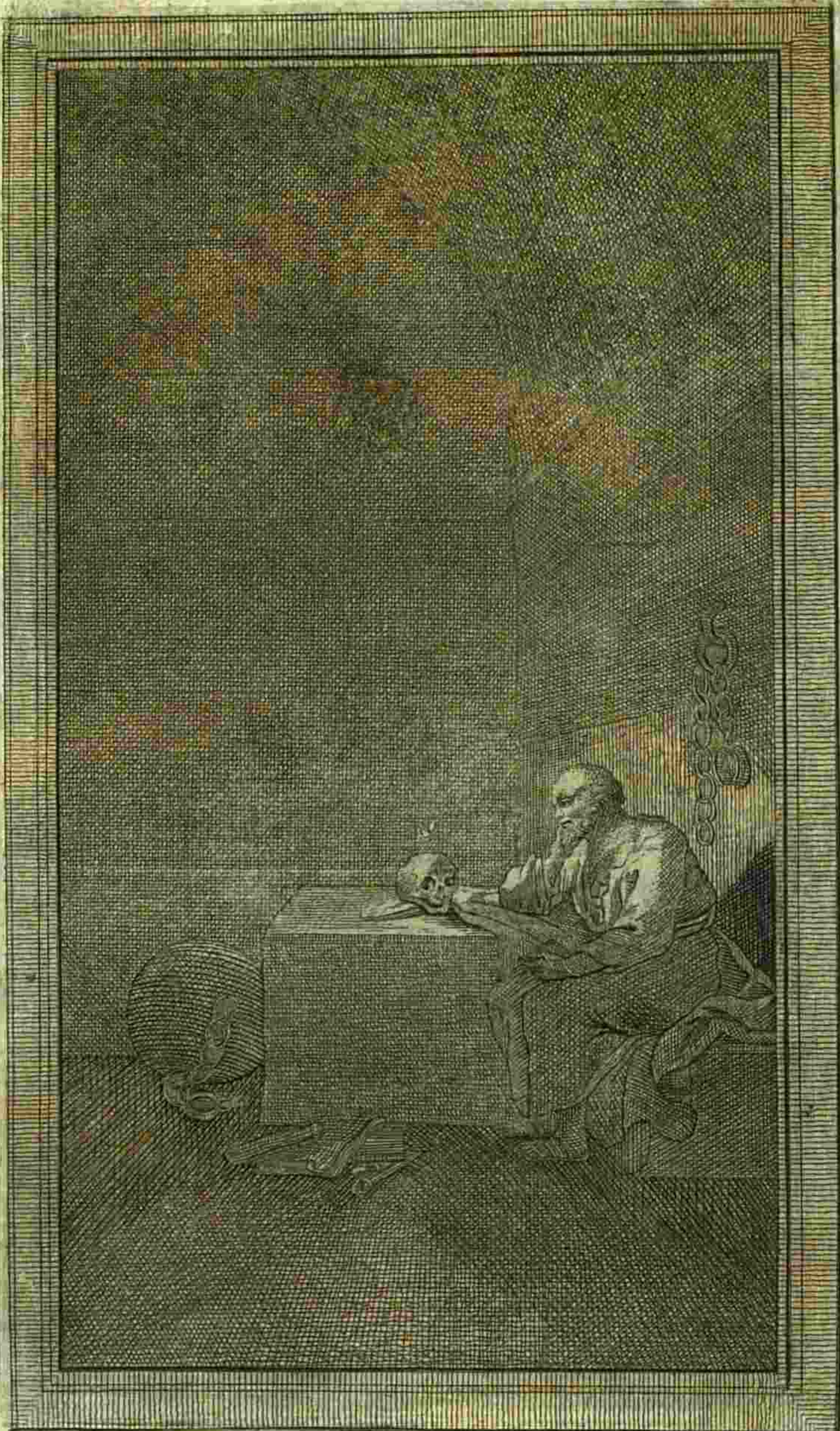
Такъ разсуждай о достоинствѣ, чтобъ помнить и здравіе. Слава хопя съ прудомъ возвращается, однако возвращается. А жизнь однажды поперявъ никогда обратно не получишь. Глупость спорить съ пѣмъ, кому равнымъ бытъ не можешь. Кто въ брань вступаетъ съ пѣмъ, кого побѣдять не можешь, скажи что другое онъ дѣлаетъ, какъ только, по старой пословицѣ *дразнитъ шершней*? Напрасно силясь ничего болѣе не искашь кромѣ не нависпи, не послѣднее ли безуміе? Если прошиву еспешва швоего спремись будешь, то не другое что какъ съ богами брань будешь имѣшь. Но ты самъ вѣдаешь, какой въ семъ дѣлѣ успѣхъ имѣли *Гиганты*. Какая опасность предпринимаешь ты, что силы наши превосходишь, баснь о *Фавонтѣ*, о *Икарѣ* и о *Гигантахъ* научить насъ можешь. А что не безопасно дерзновеннымъ бытъ прошиву сильныхъ и вооруженныхъ, *Адонидова* погибель научить насъ должна.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	страниц.
I. Житіе и свойства Сократовы	- 1
II. Сельская муза	- 44
III. Нравоучительные стихи	- 53
IV. О писменахъ Славенороссійскихъ и писменіи книгъ въ Россіи	- 55
V. О случаѣ, переводъ изъ Плутар- ховыхъ нравоучительныхъ сочине- ній	- 61
VI. Разсужденіе Сенекино о честномъ житіи, въ которомъ преподается ученіе, какъ жить добрымъ чело- вѣкомъ	- 69
VII. Увещательное письмо Ерасма Ро- теродамскаго	- 83

) o (

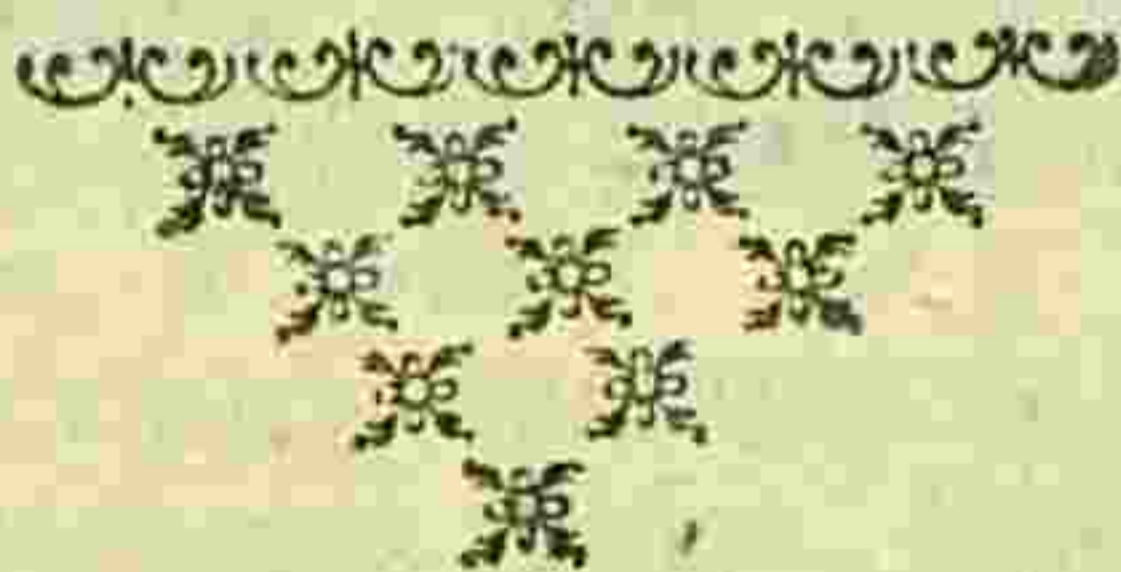
УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

мѣсяць Октябрь.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пушнаго Шляхешнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1777 года.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Скоряшинъ, 1
ексем. 5 руб.

— — Никиша Никишичъ Демидовъ, 1 ек. 25 р.

— — Александръ Михайловичъ Римской-Корсаковъ
1 ексем. 5 руб.

— — Иванъ Ивановичъ Барышниковъ, 2 ек. 10 руб.

*Подписавшіеся, и заплатившіе по назначенной
цѣнѣ.*

Его Сіятельство Князь Николай Михайловичъ Го-
лицынъ, 1 ексем.

— Превосходительство Михайло Теодоровичъ Соф-
мановъ, 1 ексем.

— Благородіе Гаврило Григорьевичъ Волковъ, 1 ек.
Сергѣй Леонтьевичъ г. Копнинъ, 1 ексем.

Александръ Адамовичъ г. Шмитъ, 1 ексем.

Гаврило Ивановичъ г. Флюгъ, 1 ексем.

Его Высокоблагородіе Михайло Гавриловичъ Верш-
ницкой, 1 ексем.

— — Теодоръ Ивановичъ Крокъ, 1 ексем.

— — Иванъ Викторовичъ Гренъ, 1 ексем.

— — Семенъ Семеновичъ Роговиковъ, 1 ексем.

— — Николай Семеновичъ Жегулинъ, 1 ексем.

Иванъ Михайловичъ г. Вонифаньевъ, 1 ексем.

Г. Рябовъ, 1 ексем.

Г. Пеншюшинъ, 1 ексем.

Его Превосходительство Алексѣй Андрѣевичъ Рже-
вской, 1 ексем.

Медицины Докшоръ г. Тапариновъ 1 ексем.

Его Высокородіе Павелъ Артемьевичъ Лѣвашевъ,
1 ексем.

Неизвѣстный, 1 ексем.

Его Высокоблагородіе Александръ Григорьевичъ Де-
мидовъ, 1 ексем.

— — Г. Посниковъ, 1 ексем,

— — Г. Красной, 1 ексем,

- Ея Сіяшельство Графиня Наталя Ивановна Апраксина, 1 ексем.
- Его Высочество Николай Александрович Загряжской, 2 ексем.
- Благородіе Иванъ Алексѣевичъ Евреиновъ 1 ек.
- Неизвѣстный, 1 ексем.
- Его Сіяшельство Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, 1 ексем.
- — Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ, 1 ек.
- Высокоблагородіе Александръ Петровичъ Тормацовъ, 1 ексем.
- Захаръ Антоновичъ г. Крыжановской, 1 ексем.
- Василій Михайловичъ г. Черниковъ, 1 ексем.
- Ульяна Федоровна гжа. Бахпурина, 1 ексем.
- Прасковья Тимоѣевна гжа. Сафронова, 1 ексем.
- Алексѣй Федоровичъ г. Поповъ, 1 ексем.
- Иванъ Яковлевичъ г. Соколовъ, 1 ексем.
- Комнашы ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Камеръ-юнкера, Федосья Васильевна Бологовская, 1 ек.
- — Екашерина Николаевна Сакоба, 1 ексем.
- Его Высокоблагородіе Николай Дмитріевичъ Волковъ, 1 ексем.
- Превосходительство Иванъ Логиновичъ Голъбнищевъ-Купузовъ, 1 ексем.
- Высокоблагородіе Николай Васильевичъ Смирной, 1 ексем.
- Благородіе Егоръ Ивановичъ Бенкендорфъ, 1 ексем.
- Высокоблагородіе Левъ Васильевичъ Тредьяковской, 1 ексем.
- Г. Инспекторъ Симонъ Петровичъ Греа, 1 ексем.
- Его Благородіе Иванъ Васильевичъ Тумановской, 1 ек.
- — Иванъ Григорьевичъ Волковъ, 1 ексем.
- — Алексѣй Григорьевичъ Волковъ, 1 ексем.
- — Николай Ивановичъ Коспрецовъ, 1 ексем.
- Ея Благородіе Настасья Васильевна Зейдлерова, 1 ек.
- Иванъ Александровичъ г. Коевъ, 1 ексем.
- Медицины докторъ Оома Трофимовичъ Тихорскій, 1 ексем.

рижской мѣщанинъ Иванъ Венедиктовичъ Фасповъ ,
1 эксем.

Его Благородіе, Иванъ Карловичъ Заплеръ, 1 экс.

— Сіятельство, Князь Александръ Ильичъ Касапкинъ, 1 эксем.

— Высокоблагородіе, Василій Николаевичъ Гурьевъ, 1 эксем.

— — Яковъ Ивановичъ Вейраухъ, 1 эксем.

— — Андрѣй Яковлевичъ Будбергъ, 1 эксем.

— Благородіе Николай Андрѣевичъ Поливановъ, 1 эк.

— — Василій Васильевичъ Юницкій, 1 эксем.

— — Сергѣй Ивановичъ Подобѣловъ, 1 эксем.

— — Иванъ Карловичъ Шпакельбергъ, 1 эксем.

— — Иванъ Ивановичъ Фершперъ, 1 эксем.

— — Александръ Аршамоновичъ Свѣшущкинъ, 1 эк.

— — Петръ Ивановичъ Вейраухъ, 1 эксем.

— — Карлъ Ѳедоровичъ Толь, 1 эксем.

— — Иванъ Карловичъ Неймичъ, 1 эксем.

— — Г. Жервѣ, 1 эксем.

— — Петръ Осиповичъ Нечаевъ, 1 эксем.

— — Иванъ Самойловичъ Денъ, 1 эксем.

Г. Ждановъ, 1 эксем.

Его Высокоблагородіе, Яковъ Ивановичъ Булгаковъ,
1 эксем.

— Сіятельство, Графъ Сергѣй Павловичъ Ягужинскій, 1 эксем.

— Благородіе, г. Зубовъ, 1 эксем.

— Сіятельство, Князь Петръ Никитичъ Трубецкой, 1 эксем.

— — Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, 2 эк.

— Благородіе, г. Шишмаревъ, 1 эксем.

— Высокоблагородіе Ѳедоръ Ивановичъ Лестокъ, 1 эксем.

— Превосходительство Машвѣй Аршамоновичъ Муравьевъ, 1 эксем.

— — Никиша Аршамоновичъ Муравьевъ, 1 эксем.

Санктпетербургской купецъ г. Чекрыгинъ, 1 эксем.

Его Благородіе Яковъ Аѳанасьевичъ Топорковъ, 1 эк.

Его

- Его Высокоблагородіе Машвей Ивановичъ Аюнинъ ,
 1 эксем.
 — — Николай Алексѣевичъ Палецкой, 1 эксем.
 — Сіяпельство Графъ Алексѣй Владимировичъ
 Салтыковъ, 1 эксем.
 — Высокородіе Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ ,
 1 эксем.
 — Высокоблагородіе Сергѣй Андрѣевичъ Полшевъ, 1 эк.
 — Превосходительство Александръ Машвѣевичъ
 Херасковъ, 1 эксем.
 — Высокоблагородіе Николай Михайловичъ Кахов-
 ской, 1 эксем.
 — Благородіе Петръ Агѣевичъ Свечинъ, 1 эксем.
 Академикъ, Федотъ Ивановичъ г. Шубинъ, 1 эксем.
 Его Высокородіе Анисимъ Типовичъ Князевъ, 9 эк.
 — Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Князевъ, 1 эк.
 — — Максимъ Максимовичъ Ореусъ, 1 эксем.
 — — Алексѣй Ивановичъ Шнезе, 1 эксем.
 — Высокородіе Никипа Акинѣевичъ Демидовъ 1. эк.
 Г. Боронъ Андрей Фридриксъ, 1 эксем.
 — — Александръ Фридриксъ, 1 эксем.
 — — Петръ Фридриксъ, 1 эксем.
 — — Густавъ Фридриксъ, 1 эксем.
 — — Иванъ Фридриксъ, 1 эксем.
 Для Святейшаго Правительствующаго Синода, 1 эк.

()

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О подпискѣ на ежемѣсячное изданіе, подъ
 заглавіемъ *Утренняго Свѣта*.

Нѣкоторое Общество издаетъ во свѣтъ Еже-
 мѣсячное Изданіе, подъ заглавіемъ *Утренняго Свѣта*,
 который начало свое приялъ съ Сентября мѣсяца,
 а прочіе выходятъ будущъ въ концѣ каждаго мѣ-
 сяца : о чемъ Публика увѣдомляема будетъ чрезъ
Санктпетербургскя Вѣдомости, во свое время.

Каждый мѣсяцъ сего *Изданія* будетъ состоятъ изъ 6 или изъ 7 листовъ, а иногда и болѣе, если матерія того потребуетъ; каждая Частъ изъ 4 мѣсяцовъ; во весь же годъ издано будетъ три Часты, а въ нихъ отъ 72 до 80 листовъ и болѣе содержащихся будетъ. Сверхъ того, при каждой Часты приложенъ будетъ гравированной листокъ, а иногда и болѣе одного, если обстоятельство сего потребуютъ.

Сіе *Изданіе* будетъ содержать въ себѣ прозаическія и стихотворныя пѣсы, переводимыя изъ наилучшихъ *Греческихъ, Латинскихъ, Нѣмецкихъ, Англинскихъ, Французскихъ, Италіянскихъ* и *Шведскихъ* Писателей; равнобрно помѣщаются будутъ въ ономъ и новѣйшія *Россійскія* творенія. Но какъ общественная польза, благонравіе и просвѣщеніе суть главнѣйшіе виды у *Издателей*, то и предположили они себѣ твердымъ закономъ, что бы вносить въ сіи листы только то, что служитъ къ истинному просвѣщенію; сочиненія же, имѣющія цѣлью своею кощунство, личное осмѣяніе и сладострастіе, ошметаются и мѣста въ сихъ листахъ имѣть не будутъ. Сверхъ сего, *Издатели* вознамѣрились, пользуясь трудовъ своихъ разпространить далѣе, опредѣляя всѣ выручаемыя деньги отъ продажи сего *Журнала*, на заведеніе Школъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей, равнобрно и для содержанія бѣдныхъ и престарѣлыхъ людей: къ чему приняты уже надлѣжащія мѣры и положено основаніе; и если Богъ благословитъ сіе усердное ихъ намѣреніе, то въ скоромъ времени возслѣдуетъ и исполненіе: о чемъ почтенная Публика уведомлена будетъ особымъ извѣстіемъ.

Благосклонное принятіе перваго опыта трудовъ, довольно число вспомошествователей подписавшихся на сіе *Изданіе*, а наипаче всего, достохвальное и патриотическое усердіе нѣкоторыхъ особъ, хотя и неучаствующихъ въ Обществѣ, но принявшихъ на се-

бѣ трудъ и попеченіе, приумножатъ число благошворительныхъ особъ, подписывающихся на сей *Журналъ*, удостовѣряютъ *Издателей*, что предпріятіе ихъ не тщетно, и что труды ихъ уважаются всѣми благонамѣренными и о пользѣ общей пекущимися особами. По чему *Издатели*, вновь еще приглашаютъ, всѣхъ желающихъ оказати бѣднымъ христіянское вспоможеніе, да подкрѣпятъ ихъ намѣреніе, да окажутъ свои патриотическія чувствованія, и да опровергнутъ милосердіемъ своимъ пущи ко просвѣщенію, до нынѣ многимъ бѣднымъ загражденныя. Свѣтъ тихій безсмертнаго Отца Небеснаго, да просвѣтитъ самихъ подающихъ способы ко просвѣщенію другихъ; и таковыя благошворители, да обрящутъ величайшее награжденіе, за свои попеченія, во внутренности сердецъ своихъ!

Подписка на сіе *Изданіе* продолжается здѣсь въ *Санктпетербургѣ*, въ *Академической* книжной лавкѣ, у г. *Вилькопскаго*; а сверхъ того и у всѣхъ особъ, принявшихъ на себя сей трудъ, какъ здѣсь такъ въ *Москвѣ* и въ другихъ городахъ *Россійскя* Имперіи. Кто изволилъ подписаться и заплащитъ напередъ деньги, тѣмъ уступлены будутъ всѣ три Части, за 3 рубли 50 коп.; въ другихъ же *Россійскихъ* городахъ, должны плащитъ за весь годъ по 4 руб.; ибо излишніе 50 коп. полагаются для издержекъ при пересылкѣ. Но какъ многія благошворительныя особы, усердствуя споспѣшествовати намѣренію нашему, далеко превзошли пославленную нами цѣну, а именно, плащя за одинъ экземпляръ, отъ 5 до 100 рублей; по не сомнѣваются *Издатели*, что и впредь найдутся таковыя споспѣшествователи; по чему для сихъ благошворителей предоспаляется свобода, назначитъ такую сумму, какую опредѣлятъ пламенное ихъ усердіе къ пользѣ общественной и милосердіе къ бѣднымъ. *Издатели* не приминутъ, возвѣщать читателямъ своимъ о таковыхъ благошвореніяхъ. Желающіе подписываться,

X

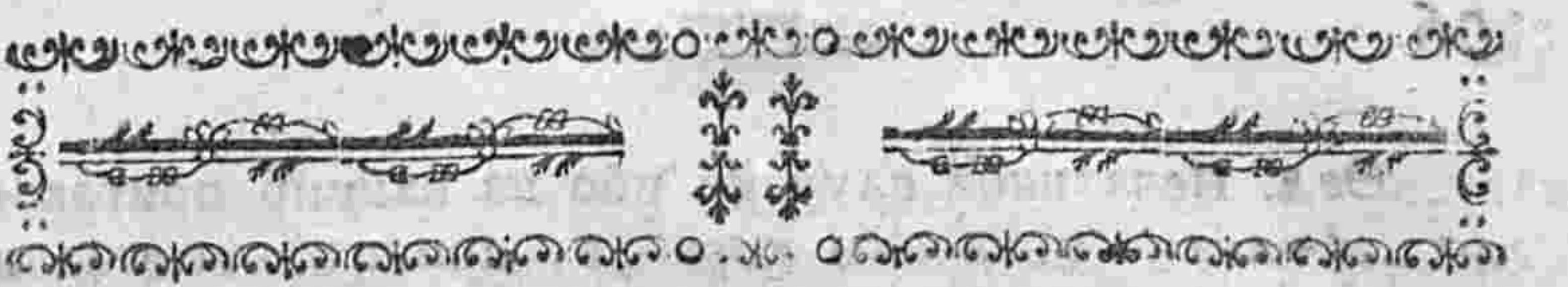
ся, могутъ написать свой чинъ, имя, отчество, фамилію и домъ пребыванія ихъ; и заплашишь подписанную сумму или въ Академической лавкѣ г. Вилькопскому, или кому нибудъ изъ шѣхъ благопворспвующихъ особъ, которые приняли на себя трудъ, спспѣшесивовать нашему намѣренію и въ такомъ случаѣ. Издатели же берутъ уже на себя доставлять свой Журналъ подписавшимся особамъ, по выходѣ каждаго мѣсяца; ровномѣрно будутъ они сообщать и въ другіе города.

Впрочемъ Издатели удостовѣряютъ, что они всевозможно будутъ стараться, о наполненіи листовъ своихъ наилучшими, и истинную пользу приносящими сочиненіями; а при томъ и о семъ приложено будетъ крайнее раченіе, дабы мѣсяцы точно выходили во свое время.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

	стран:
I. Оедонъ или разговоры о безсмертїи души. Разговоръ первой	95
II. Четыре степени возроста чело- вѣческаго. - - - - -	144
III. Ода, Богъ - - - - -	156
IV. Ода, Счастїе - - - - -	159
V. Бозалдабъ, воспочная повѣспь -	162
VI. Иринъ - - - - -	171
VII. Идилїя - - - - -	175
VIII. Письмо Господина Скородумова ко Издателямъ - - - - -	179

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

ΘЕДОНЪ

или

Разговоры о безсмертіи души.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

*Ехекратъ , Θедонъ , Апполлоторъ , Сократъ ,
Кевитъ , Крипонъ и Симмій.*

Ехекратъ. Дражайшій Θедонъ , самъ ли былъ ты у Сократа въ то время , когда онъ принялъ ядъ , или кто тебѣ объ ономъ рассказывалъ ?

Θедонъ. Я самъ былъ при томъ .

Ехекр. И такъ , ты можешь намъ рассказать , какимъ образомъ сей мудрый мужъ умеръ , и что онъ говорилъ при концѣ своемъ . Наши Флазѣанцы очень рѣдко бывають въ Аѣинахъ , да и опшуду уже давно никшо не бывалъ , слѣдственно и никшо не могъ насъ увѣдомить о семъ происшествіи . Мы знаемъ только , что Сократъ принялъ ядъ и умеръ , а болѣе ничего .

Θед. Какъ , вы ничево не знаете о приговорѣ его ?

Ехекр. Очень мало . Всего болѣе удивляетъ насъ долгоша времени , между приговоромъ его и смертію прошекшая : какая бы шому была причина ?

Фед. Нечаянной случай: ибо на канунъ приговора, *Аѳиняне* увѣнчали корабль, кошорой ежегодно посылають они въ *Дилъ*.

Ехекр. Какой это корабль?

Фед. Ежели вѣришь *Аѳинянамъ*, то корабль сей есть самый потъ, на кошоромъ *Оисей* опвожилъ нѣкогда семь паръ опроковъ во *Критъ*, и изтребя *Минотавра*, какъ себя, такъ и сихъ избавилъ отъ смерти. *Аѳиняне* опправляя опроковъ сихъ, обѣщались посылашь ежегодно *Аполлону* драгоценные дары, ежели Богъ сей соблаговолитъ юношей оныхъ принять во свое покровительство; и по сіе время обѣщанія своего еще не пресступали.

Когда корабль сей бываетъ въ готовности къ отбѣзду, то священникъ *Аполлоновъ* украшаетъ корму онаго вѣнками, изъ цвѣшовъ сдѣланными; и съ сего времени начинается празднество называемое *Феорѳя*. Оное продолжается со дня отплытія корабля, до дня возвращенія его. Въ сіе время, во всемъ городѣ, никакого пролишя крови не чинишя; законы запрещаютъ казнить пресступниковъ; по чему и пользующя они довольнымъ временемъ, ежели случишя, что корабль сей удержанъ бываетъ противными вѣтрами. Сіе то празднество было причиною, что смерть *Сократова*, споль долго была отсрочена.

Ехекр. Но чтожъ, любезный *Федонъ*, происходило въ послѣдній день сей? что онъ говорилъ? что онъ дѣлалъ? кто были изъ друзей его, когда онъ скончался? Или *Архонты* никого къ нему не допускали, и онъ пресшавился, не имѣя никого изъ друзей своихъ?

Фед. Напротивъ; ихъ было очень много.

Ехекр. Дражайшій *Федонъ*, ежели ничто тебѣ не мѣшаетъ, то пожалуй расскажи намъ всю обстоятельно.

Фед. Я имѣю свободное время; и такъ съ охотою удовольствую желаніе ваше. Что можешь быть
для

для меня приятнѣе, какъ вспоминать любезнаго моего Сократа? говоришь о немъ, или слушаешь, какъ другіе говорятъ?

Евекр. Любезный *Федонъ*, слушатели твои такого же мнѣнія; и для того расскажи намъ всю такъ обстоятельно, какъ только можешь.

Фед. Я былъ изъ числа тѣхъ, кои присутствовали въ сіе плачевное время. Ахъ мой другъ! мнѣ кажется, что я и тепе, в еще вижу сіе происшествіе! Я не чувствовалъ тогда ни жалости, ни содроганія сердца, что обыкновенно бываетъ, ежели кто изъ друзей кончается въ рукахъ нашихъ. Сократъ, пьющій ядъ, казался мнѣ быть счастливымъ и достойнымъ позавидованія. Въ очахъ его написано было веселіе; а короткіе разговоры, показывали тишину и спокойствіе сердца. Поступки его не приличесивовали нисколько человѣку, отходящему преждевременно къ тѣнямъ *Орхусодымъ*. Онъ казался быть бессмертнымъ, который отходитъ въ обѣщанія вѣчности, и надѣется наслаждаться счастіемъ никогда ненарушимымъ. Какъ же могъ я имѣть страшныя сіи чувствованія, кои происходятъ въ насъ, взирая на обыкновенно умирающихъ человѣковъ. Однакожъ философскіе разговоры Учителя нашего, уже не производили въ насъ сего чистаго веселія, къ которому приобыкли. Мы чувствовали нѣкое чудное и не обыкновенное смѣшеніе веселія и горести; ибо удовольствіе наше, было безпрестанно провождаемо слѣдующею мыслію: *пскорѣ лишимся мы его на пѣки*. Мы всѣ были въ странномъ состояніи семъ, коего противныя дѣйствія, столь же странно изображались на лицахъ нашихъ. Иногда мы смѣялись, иногда плакали; а часто случалось, что мы улыбались, и въ тоже самое время глаза наши наполнены были горчайшими слезами; во всемъ же томъ превосходилъ насъ *Алполлоторъ*; ты знаешь его, и вѣдаешь, сколь онъ мягкосердеченъ.

Ехекр. Какъ мнѣ ево не знать?

Фед. Онъ находился въ непрестанномъ движеніи; чувствованія его были гораздо живѣе нашихъ; онъ возхищался, когда шолько улыбались; кагда же мы чувствовали жалость, тогда онъ упопалъ во слезахъ; такъ, что мы почти болѣе тронуты были имъ, нежели взоромъ умирающаго друга нашего.

Ехекр. Скажи же мнѣ, кто были тогда у Сократа?

Фед. Изъ здѣшнихъ жипелей были *Аполлодоръ*, *Критопулъ*, *Критонъ* Опець его, *Ирмогенъ*, *Елистенъ*, *Ехинъ*, *Антисѳенъ*, *Ктезилъ*, *Мекексенъ*, и еще нѣкоторыя. Я думаю, что *Платонъ* былъ болѣе.

Ехекр. Былъ ли кто изъ чужестранцевъ?

Фед. Изъ *Фиды* были *Симмій*, *Кепитъ* и *Федонтесъ*; а изъ *Мегары*, *Еклидъ* и *Терпсѳонъ*.

Ехкр. Какъ? развѣ *Аристиппъ* и *Клеомротъ* при томъ не были?

Фед. Нѣтъ, они были тогда въ *Егинѣ*.

Ехекр. Болѣе ни кого не было?

Фед. Еще ни кого я не помню.

Ехекр. Скажижъ, любезный *Федонъ*, о чемъ вы говорили?

Фед. Я расскажу тебѣ всѣ, съ начала до конца. Со времени заключенія *Сократа* въ темницу, ходили мы къ нему каждой день, собираясь въ той судебной палатѣ, въ которой сдѣланъ приговоръ его; ибо она близко темницы: гдѣ и упражнялись до тѣхъ поръ въ разговорахъ, покаместъ темницу опворяли; что чинилось обыкновенно не очень рано; какъ же скоро была опперта, то входили мы къ *Сократу*, и по большой части, провождали тамъ цѣлой день. Въ послѣднее утро, собрались мы гораздо ранѣе; ибо на канунъ дня сего, увѣдомились мы, о пришествіи корабля изъ *Дила*; и для того вознамѣрились прити въ послѣдній разъ сей, какъ можно ранѣе. Какъ уже были мы вмѣстѣ, то пришелъ къ намъ спражъ, кошорой обыкновенно оппираль

пиралъ темницу, и просилъ насъ не много пообождать, до того времени, какъ онъ насъ позоветъ; ибо теперь у Сократа, говорилъ онъ, находящагося одиннадцать мужей, для снятія съ него оковъ и для объявленія, что онъ сего дня долженъ умереть. Не много спустя позвалъ онъ насъ. Вошедъ въ темницу, увидѣли мы Сократа, безъ оковъ, лежащаго на постелѣ. Ксантилла, ты знаешь ее, сидѣла подлѣ его въ горестномъ молчаніи, держа на колѣняхъ дитя свое; какъ скоро увидѣла насъ, то произнесла великой вопль: *Ахъ Сократъ! друзья твои видятъ тебя въ послѣдній разъ, и ты болѣе ихъ не увидишь!* При сихъ словахъ залилась она слезами. Сократъ обратившись къ Критону, сказалъ, *мой другъ, пели отпести ее домой.*

Критонцы служивши повели ее вонъ; а она произносила великой вопль, и била себя въ груди. Мы же спояли какъ нѣмые. На конецъ Сократъ сѣлъ на постелѣ, и поширая бывшую въ оковахъ ногу, сказалъ: *Друзья мои! сколь странна кажется мнѣ вещь сія, которую обыкновенно называюшъ приятностію! Сколь она удивительна! съ перваго взгляда кажется, что чувствованіе сіе совсѣмъ прошивное неприятели; ибо ни что не можетъ быть человеку приятно, и въ то же самое время неприятно; однакожъ не можно имѣть одного изъ двухъ чувствовоній сихъ, не чувствуя вскорѣ по томъ и другаго; кажется будио концы ихъ между собою связаны. Ежелибы примѣтилъ сіе Есолъ, то можетъ быть, сочинилъ бы онъ слѣдующую басню: „Боги, желали соединить спорящія между собою чувствованія; но какъ сдѣлать сего было имъ не возможно, то связали они концы оныхъ; и съ того времени, слѣдуютъ онѣ безпрестанно, одно за другимъ „ Я теперь оное испыталъ. Оковы причиняли мнѣ болѣзнь, а по опнятіи оныхъ воспослѣдовало чувствованіе приятное.*

Хорошо, что ты вспомнилъ мнѣ Сократъ, сказалъ Кепитъ, перебивъ его рѣчь. Говорятъ, что ты бывъ въ темницѣ, упражнялся во Стихопворствѣ, что есть преложилъ въ стихи *Есолопы басни*, и сочинилъ одинъ *Имнѣ* въ честь *Аполлона*. Многие, а особливо Стихопворецъ *Еденъ*, спрашиваютъ меня, чтобы тебя къ сему побудило; ибо ты никогда предъ симъ въ Стихопворствѣ не упражнялся. Скажи мнѣ, что я имъ отвѣтствовать долженъ, ежели объ ономъ спрашивать будушъ? *Еденъ* конечно не преминетъ спросить.

Скажи ему сущую правду, любезный *Кепитъ*, продолжалъ *Сократъ*, что я писалъ стихи не въ томъ намѣреніи, чтобы его превзойти во Стихопворствѣ; ибо я знаю, сколь шрудно сіе предпріятіе; но единственно слѣдуя сновидѣнію, которому намѣрился я во всемъ повиноваться: по чему и въ семъ родѣ *Музыки*, желалъ испытать силы свои. Я изъясню тебѣ сіе. Въ прошедшія времена, очень часто снился мнѣ одинъ сонъ: Оный казался мнѣ въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: *Сократъ, прилагайся къ Музыкѣ и упражняйся въ оной*. По сіе время, приказаніе сіе почицалъ я не за иное что, какъ за одобреніе, которое чинятъ бѣгающимъ въ запуски; сонъ сей, думалъ я, не приказываетъ ничего новаго, ибо наисовершеннѣйшая *Музыка* есть *Философія*, къ которой я всегда прилѣжалъ; слѣдственно, хочешь онъ возбудить, мою любовь и ревность къ *Мудрости*, что бы оныя не простыли. Но какъ уже приговоръ мой былъ слѣланъ, и *Аполлоново* празднество смерть мою на нѣскольکو времени удалило, тогда впало мнѣ въ мысль, не въ обыкновенной ли *Музыкѣ* вѣлѣно упражняться; по чему имѣя довольно свободнаго времени, и не хотѣлъ я мысль сію безплодною осипавить. Я началъ Похвальною Пѣснью въ честь Бога, котораго празднество тогда отпра- влялось. По томъ вздумалъ я, что кто хочетъ быть *Питомъ*, тотъ долженъ писать выдумки, а не разсужденія;

разсужденія; Похвальные же Пѣсни, ни какихъ выдумокъ въ себѣ не заключаютъ. Но какъ я самъ дара къ выдумкамъ не имѣю, то воспользовался выдумками другихъ, и преложилъ въ стихи нѣскольکو *Есолопыхъ басенъ*, первыя, которыя мнѣ попались. — Воишь, любезный *Кедитъ*, что ты можешь сказать *Едену*; не забудь при томъ ему опъ меня поклониться; ежели онъ мужъ мудрый, то конечно скоро мнѣ послѣдуетъ. Что до меня принадлежитъ, то кажется по всему, что я по приказанію *Аѳинянъ*, еще сегоже дня, въ путь мой отправлюсь.

И ты желаешь сего *Едену*? сказалъ *Симмѣй*. Я его знаю очень коротко, и сколько о немъ судить могу, то конечно не будетъ онъ благодарить за желаніе твое. — Какъ? перебилъ его рѣчь *Сократъ*, развѣ *Еденъ* не философъ? — Я почишаю его философомъ, отвѣчалъ *Симмѣй*. — Когда по такъ, продолжалъ *Сократъ*, то онъ и всѣ тѣ, которые заслужили имя сіе, съ охотою послѣдовать мнѣ будутъ; я не говорю, чтобъ онъ самъ себя убилъ: всякому извѣстно, что дѣло сіе не позволено. — Говоря сіе, спустилъ онъ обѣ ноги свои съ постѣли, чтобъ въ семъ положеніи продолжать разговоръ свой. Что жъ сіе значитъ, *Сократъ*? спросилъ *Кедитъ*; ты говоришь, что не позволено убивать себя, однакожъ всякой философъ долженъ съ охотою слѣдовать умирающему?

Какъ? *Кедитъ*! отвѣчалъ *Сократъ*, ты и *Симмѣй* слушали ученіе *Филолая* философа; развѣ никогда онъ сего вамъ не сказывалъ? — Ни чего, любезный *Сократъ* — Хорошо же! я очень много слыхалъ о дѣлѣ семъ, и для того съ охотою вамъ оное сообщу. Мнѣ кажется, что желающій путешествовать, долженъ спараться узнать состояніе той земли, куда онъ ѣхать намѣренъ, дабы имѣть обѣ оной доброе понятіе; и шакъ разговоръ сей согласуется съ неперешнимъ состояніемъ моимъ; а сверхъ сего я не думаю, чтобъ сего дня до захо-

жденія солнца, могли мы предпринять что нибудь сего важнѣе. — Чемъ можно доказать, спросилъ Кепитъ, что самоубійство есть дѣло непозволенное? Хотя Филолай и другіе учителя очень часно говорили, что сіе непозволено, но ни чего одна-кожъ болѣе никто изъ нихъ о семъ мнѣ не сказалъ — Очень хорошо! посмотримъ, не найдемъ ли мы чего болѣе. Какъ ты думаешь Кепитъ? я утверждаю, что самоубійство во всѣхъ возможныхъ случаяхъ непозволено. Намъ извѣстно, что есть люди, коимъ бы лучше было умереть, нежели жить. Можетъ быть покажется тебѣ весьма странно, что святость обычаевъ, запрещающъ несчастнымъ дѣлать себѣ добро, но повелѣваетъ ожидать онаго отъ благодѣтельной руки другаго — Одинъ Юлитеръ можетъ сіе исполковать, отвѣчалъ Кепитъ, улыбаяся.

Со всѣмъ тѣмъ однакожъ опровергнувъ сіе видимое несогласіе не великаго труда стоить. Хотя то, что въ Тайнствахъ сказывающъ, будто чело-вѣки распавлены на землѣ сей на подобіе часовыхъ, и слѣдовенно не позволяется имъ остав-лять свои мѣста, пока ихъ не смѣнятъ; хотя, говорю я, сіе и не безъ основанія, но не легко понять можно; однакожъ я имѣю такія доказатель-ства, которыя очень не трудны. Я дѣлаю, что слѣдующее правило неоспоримо; и слѣдовательно не требуетъ доказательства: Боги (или теперь могу я сказать Богъ, ибо здѣсь никого нѣтъ, кромѣ бы намъ опасенъ былъ) Богъ есть нашъ Владыка, а мы его достойнѣе, и прощидѣннѣе его старается о нашемъ благѣ. Ясны ли предложенія сіи?

Очень ясны, отвѣчалъ ему Кепитъ. — Такой невольникъ, которой находишься у добраго господина, достоинъ наказанія, ежели онъ прошивишься намѣреніямъ онаго. Неправда ли? — Безъ сомнѣнія. — Ежели невольникъ сей питаетъ хотя малую искру справедливости въ сердцѣ своемъ, то съ радостию дол-женъ

женъ онъ исполняшь желанія господина своего, тѣмъ
наипаче, ежели онъ увѣренъ, что всѣ сіи желанія,
единственно клоняшся къ собственному благу его.
Очень хорошо, любезный Сократъ.

Но какъ же, Кеситъ, когда Безначальный Архи-
текторъ сотворилъ споль хитро составленное че-
ловѣческое шѣло, и вложилъ въ оное разумное Су-
щество, то какія имѣлъ онъ при томъ намѣренія,
благія или злыя? — Безъ сомнѣнія благія.

Ежелибъ онъ съ волею человека совокупилъ на-
мѣренія злыя, то въ такомъ случаѣ долженъ бы
онъ былъ измѣнить Существу своему, то есть без-
конечной благости. Но чтожъ бы ты сказалъ о ша-
комъ Богѣ, который измѣнилъ бы Существу своему?

Любезный Сократъ! я бы почелъ сего Бога вы-
мышленнымъ, которому легковѣрной народъ при-
писуешь различные виды. Я, помню доказатель-
ства свои, которыми ты, при нѣкоторомъ случаѣ,
опровергнулъ порочное заблужденіе сіе.

Тотъ же Богъ, любезный Кеситъ, который со-
творилъ шѣло, даровалъ ему и силы, его укрѣпля-
ющія, содержащія и охраняющія отъ безвремен-
наго уничтоженія. Не должно ли бы и силамъ симъ
преблагія намѣренія предписать? Можемъ ли мы
какія другія представить? Слѣдственно, какъ вѣро-
ноподданные, обязаны мы должностъ сію почитать
свято, дабы чрезъ то допустить созрѣть намѣре-
ніямъ нашего Владыки, и не упошреблять насилія
въ теченіи оныхъ; но наипаче стараться, чтобъ всѣ
наши дѣйствія согласовались съ оными. Для того
то я и сказалъ, любезный Кеситъ, что Философія
есть совершеннѣйшая Музыка; ибо она на-
учаетъ насъ, чтобъ мы сколько намъ возможно, со-
гласовали мысли наши и поступки съ намѣреніями
Всевышняго. Ежели Музыка есть такая наука,
которая учитъ согласовать слабое съ сильнымъ,
грубое съ нѣжнымъ, и неприяшное съ прияшнымъ,
то конечно ни какая Музыка не можетъ уподобиться

Философіи, учащей насъ, не только мысли наши и дѣйствія между собою, но и дѣйствія конечнаго съ намѣреніями Безконечнаго, и мысли жителей земли сей, съ мыслями Всевѣдущаго согласовать и приводить въ стройство, преисполненное чудесъ — Ахъ Кедитъ, кто же такъ дерзокъ изъ смертныхъ, который бы осмѣлился разрушить сіе восхищающее согласіе?

Таковой смертный, любезный Сократъ, доспоинъ ненавести боговъ и чловѣковъ.

Скажи же мнѣ, любезный другъ, сіи еспесивенныя силы, не суть ли служебники Божества и исполнили его повелѣній? — Конечно.

Слѣдовательно, они суть вѣрнѣшіе провозвѣстники воли и намѣреній Божества, нежели внутренность приносимыхъ жертвъ. Ибо конецъ, къ которому клонятся сошворенныя Всевышнимъ силы наши, безъ сомнѣнія еспь ничто иное, какъ повелѣніе онаго. Не правдали? — Кто можеть сему проповѣрѣчить?

И такъ сколь долго помянушме провозвѣстники насъ увѣдомляють, что сохраненіе жизни нашей принадлежитъ къ намѣреніямъ Бога, споль долго и мы обязаны согласовать поступки наши съ волею его, не имѣя ни малѣйшаго права, чинить сопротивленіе силамъ укрѣпляющимъ естество наше, или служителямъ Всемудраго во исполеніи должностей ихъ препятствовать. Обязательство сіе продолжается до того времени, какъ Всевышній, чрезъ шѣхъ же самихъ провозвѣстниковъ, соблаговолишь намъ объявить именно, чтообъ мы жизнь сію оставили, подобно какъ я сего дня такое повелѣніе получилъ.

Я совершенно увѣренъ, сказалъ Кедитъ. Однакожъ шѣмъ менѣе понимаю сіе. Любезный Сократъ! какъ ты предъ симъ сказать могъ, что каждый философъ долженъ желать слѣдовать умирающему: ежели утверждаемое тобою правда, что мы суть Божіе достояніе, и что онъ печется о благѣ нашемъ,

шемъ , то помянутое предложеніе кажется мнѣ бышь не разсудительнымъ. Какъ ? не долженъ ли каждый разумный человекъ соболѣзновать , ежели онъ принужденъ оставишь службу такого благодѣтельного Господа , который всѣми силами печется о благѣ его? Хотя бы онъ и надѣялся могъ получить свободу, чрезъ смерть свою, и сдѣлаться собственнымъ своимъ господиномъ, то какъ же безсмысленный младенецъ ласкаться можетъ, что онъ счастливейше будетъ подъ собственнымъ своимъ управленіемъ, нежели подъ призоромъ премудрѣйшаго Воспитателя? Напротивъ я считаю за великое безуміе, ежели кто упорствуя, спарается получить свободу, и не хочетъ надъ собою терпѣть преблаженнаго Господа. Разумный человекъ, съ радостію подвергаетъ себя призорѣнію другаго, ежели почитаетъ его за разумнѣйшаго предъ собою. И такъ я дѣлаю заключеніе со всѣмъ твоему противное, и говорю, что Мудрей умирая долженъ болѣзновать, а безумный радоваться.

Сократъ слушалъ его съ великимъ вниманіемъ, и казалось, что веселился остроуміемъ его. Потомъ обратившись къ намъ сказалъ: кто хочетъ спорить противъ Кедита, тотъ будетъ имѣть довольно много труда.

Однакожъ, любезный Сократъ, сказалъ Симонъ, мнѣ кажется, что сей разъ справедливость на спорѣ Кедита. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ побудить разумнаго человека, что бы онъ безъ сожалѣнія лишился призорѣнія премудрѣйшаго Надзирателя? Ежели я, любезный Сократъ, не ошибаюсь, то всѣ Кедитопы доказательства клонятся единственно противъ теперешняго поведенія твоего. Ибо не только ты насъ, которыхъ смерть твоя такъ огорчаетъ, спокойно и съ охотою осматриваешь, но лишаешься призорѣнія и попеченія такого Владыки, котораго ты самъ научилъ насъ почитать, за премудрѣйшее и всеблажайшее Существо.

Мнѣ кажешся, сказалъ Сократъ, что вы меня обвиняете; и такъ мнѣ должно оправдаться надлежащимъ образомъ.

И конечно, сказалъ Симмиѣй.

Хорошо, продолжалъ Сократъ; я постараюсь, чтобъ сія оправдательная рѣчь моя, была нѣсколько лучше той, которую говорилъ я предъ моими судьями.

Послушайте, Симмиѣй и ты Кепитъ, ежелибъ я въ томъ мѣстѣ, куда я теперь опхожу, не надѣялся 1) быть подъ призрѣніемъ того же блажайшаго Надзирателя, 2) не обрѣсти душъ умершихъ, коихъ сообщество или обхожденіе гораздо превосходнѣе здѣшняго; то конечно презирать смерть самопроизвольно и бросаться въ объятія оныя, былобъ дѣло безумное: но я имѣю наиупѣшишельнѣйшую надежду, что ни первое ни второе отъ меня опняпо не будетъ. Признаюсь, что послѣдняго изъ двухъ сихъ съ точностію не утверждаю; что же принадлежишь до того, что Божіе попеченіе и тамъ надомною простирается будетъ, то сіе, любезные друзья, утверждаю съ такимъ вѣроятіемъ и съ такою надеждою, съ каковыми еще ни чего и никогда во всю мою жизнь не утверждалъ; и для того то не огорчаешь меня кончина моя, ибо я знаю, что не все еще кончается со смертію нашею; за смертію слѣдуетъ другая жизнь, но еще такая, которая, слѣдуя древнимъ преданіямъ, гораздо блаженнѣе для добродѣтельныхъ, нежели для порочныхъ.

Ахъ! дражайшій Сократъ, сказалъ Симмиѣй, перебивъ рѣчь его, ты хочешь взять съ собою сладостное утѣшеніе сіе, заключающееся во внутренности сердца твоего! По справедливости долженъ ты высочайшее благо сіе удѣлить друзьямъ твоимъ; когда ты увѣришь насъ во мнѣніи твоемъ, то самымъ шѣмъ и опровдаешься.

Я постараюсь, сказалъ Сократъ; однакожь пускай на передъ говоришь Критонъ: мнѣ кажешся, что онъ уже давно нѣчто говоришь хочешь. Я?

Я? я ни чего не намѣренъ говорить, любезный другъ, отвѣчалъ Критонъ. Но сей человекъ, долженствующій тебѣ принести ядъ, не даетъ мнѣ покоя и велишь тебѣ просить, чтобъ ты не такъ много говорилъ. Онъ сказываетъ, что ты разгорячишься, отъ чего пиіе оное не будетъ имѣть надлежащаго дѣйства; такимъ образомъ часто долженъ онъ былъ дѣлать второе, а иногда и третье пиіе, ежели не воздерживающія отъ разговоровъ.

Пускай идетъ онъ съ Богомъ! сказалъ Сократъ, и исправляетъ должность свою. Онъ можетъ приготовить вторичное или третичное пиіе, ежели думаетъ имѣть въ томъ нужду. Я уже ожидалъ отвѣта сего, сказалъ Критонъ; однакожь человекъ сей не будетъ доволенъ симъ отвѣтомъ. Охъ! оставь его, сказалъ Сократъ; я долженъ теперь дать отчетъ судіямъ моимъ, для чего человекъ, который состарѣлся въ любви ко Премудрости, при послѣднемъ концѣ своемъ долженъ быть веселаго духа, ожидая по смерти своей наивеличайшаго блаженства. Какими же доказательствами я сіе утверждаю, постараюсь вамъ, любезные Симмѣй и Кедитъ объяснить.

Не многимъ извѣстно, друзья мои! что въ самомъ дѣлѣ предавшіеся любви ко Премудрости всю жизнь свою употребляють только на то, чтобъ познать смерть, и научиться умирать. Ежели сіе правда, то какое же бы было неразумительное дѣло, во всю свою жизнь всѣ желанія и всѣ старанія клонить къ одному концу; достигнувши же споль давно желаемаго конца, огорчаться.

Симмѣй засмѣявшись вскричалъ: божусь тебѣ Юпитеромъ; я принужденъ смѣяться, хотя и очень мало склонности къ тому имѣю: что ты теперь говоришь, то народу покажется не столь странно, какъ ты думаешь; особливо здѣшней народъ можетъ тебѣ сказать, что онъ знаетъ, сколь охотно философы желаютъ смерти, и для того способуютъ тебѣ достигнуть желанія твоего.

Я на всё съ тобою *Симмэй* согласенъ: но чшобъ оное было извѣстно народу, на сіе никогда несогласуся. Онъ не знаетъ той смерти, которая Философы споль жадно жалаютъ, и не вѣдаютъ, по колику они оную заслуживаютъ. Но что мнѣ до народа? я говорю теперь съ моими друзьями.

Уже ли смерть есть чтонибудь такое, чего не можно исполковать?

Для чего вѣтъ, отвѣчалъ *Симмэй*.

Смерть сія не иное что, какъ ошдѣленіе души отъ тѣла. Не по ли называется умереть, когда душа тѣло, а тѣло душу взаимно такимъ образомъ оставятъ, что уже ни какого сообщенія между собою не имѣютъ, но каждая изъ нихъ и остается особо? Не можешь ли ты яснѣе исполковать, что смертію называютъ?

Нѣтъ, любезный *Сократъ*.

Подумай, любезный другъ! сходны ли мысли твои съ моими? Какъ тебѣ кажется, прилѣпится ли любитель истинной Премудрости, къ такъ называемому сластолюбію, и будетъ ли онъ стараться о дорогихъ напиткахъ, или о богатомъ столѣ?

Всево менѣе, отвѣчалъ *Симмэй*.

Предастъ ли онъ себя любви?

Споль же мало.

Въ разсужденіи же прочихъ тѣлесныхъ спокойствъ, на примѣръ въ одеждѣ, будетъ ли онъ наблюдать пышность и богатство, или токмо удовольствуется необходимымъ, а излишнее презришь?

Безъ чего токмо обойтися можно, отвѣчалъ *Симмэй*, о томъ никогда Мудрый не печется. Но не можно ли сказать вообще, продолжалъ *Сократъ*, что философъ старается отъ всѣхъ излишнихъ попеченій о тѣлѣ своемъ освободитися, дабы тѣмъ удобнѣе углублять въ познанія о душѣ своей?

Конечно.

И такъ не опличается ли онъ уже и симъ отъ прочихъ людей, что не допускаетъ тѣлеснымъ попеченіямъ

печеніямъ овладѣть собою, но наипаче ошбучаетъ душу свою ошъ всякаго сообщенія съ шбломъ?

Такъ кажется.

Ахъ, *Симмэй*! большая часть людей тебѣ скажутъ, что тотъ недостойнъ быть на свѣтѣ, который не хочетъ наслаждаться жизнью своею. По ихъ мнѣнію, тотъ желаетъ смерти, который прошившя плотскимъ хотѣніямъ, и ошъ всякаго сластолюбія воздерживается.

Самая правда, любезный *Сократъ*.

Я продолжаю далѣе. Тѣло наше не мѣшаетъ ли часто любящимъ философію въ размышленіяхъ ихъ; и могутъ ли они надѣяться нарочитаго успѣха въ философіи, ежели не научатся преодолевать плотскіе предмѣты? — Я изъяснюсь — Чинимыя зрѣнію и слуху нашему, различными предмѣтами, впечатленія не суть еще истинны, но токмо причины чувствованій; ибо, что бы сдѣлалась шиковыми, надлежитъ, что бы разумъ выводилъ онья изъ предмѣтовъ. Не правда ли?

Безъ сомнѣнія.

Но и шогда, какъ они суть простыя чувствованія, не должно на нихъ полагаться съ основаніемъ. Справедливо изрѣченіе нѣкоторыхъ Стихотворцевъ, что чувствы насъ обманываютъ, и что онѣ ни чего ясно не понимаютъ. Все что мы видимъ, или слышимъ, преисполнено безпорядкомъ и шемношою; но когда уже симъ обоимъ чувствамъ не можемъ мы приписать ясности, то о прочихъ чувствахъ, которыя гораздо сихъ шемнѣе, и думать не чего.

Конечно шакъ.

Но что же должна душа наша дѣлать, ежели хочетъ постигнуть истинну? мы видимъ, что ежели она полагается на чувствы, то бываетъ обманута.

Справедливо.

Слѣдовательно, надлежитъ ей размышлять, разсуждать, заключать и находить, дабы симъ образомъ

разомъ проникнуть въ существо вещей, по елику
по возможно,

Такъ.

Но когда же можно свободнѣе размышлять? Я
думаю въ то время, когда мы шакъ сказать сами
себя не чувствуемъ, и когда намъ ни зрѣнїе, ни
слухъ, ни приятныя или неприятныя чувствованїя
не напоминаютъ о бытїи нашемъ. Тогда по душа
наша не внимаетъ шѣлу, и поелику по можно, ос-
тавляемъ съ нимъ сообщенїе, дабы собравъ всѣ си-
лы свои, шѣмъ удобнѣе могла разсмащривать не
чувствованїя, но существо вещей, не впечатленїя
въ шомъ видѣ, въ какомъ мы получаемъ ихъ, но
единственнo шѣ истинны, которыя они заключаюшъ.

Справедливо!

Вотъ еще случай, гдѣ душа должна убѣгать
шѣла, и сколько по можно спарашся его уда-
ляшся.

Всеконечно такъ.

Но чшобъ еще болѣе обѣяснить: Всевышнее Со-
вершенство есть ли одна мысль, неимѣющая внѣ-
шняго предмѣша, или подлинное существо, внѣ
насъ бытїе свое имѣющее? — Конечно подлинное,
безграничное и внѣ насъ пребывающее, которому
бытїе, любезный Сократъ, преимущественно предъ
другими приписать должно.

А Всевышняя Благость, и Всевышняя Премудрость,
не суть ли и сіи, чшо нибудь существующїя?

Конечно такъ, онѣ суть не раздѣлимыя свойст-
вы Всесовершеннѣйшаго Существа, безъ коихъ и
быть они не могутъ.

Но кто же научитъ насъ познавать Существо
сіе? Видали ли мы его когда глазами нашими?

Конечно нѣтъ!

Равнымъ образомъ, не слыхали и не осязали; ни-
когда и никакое внѣшнее чувство не предспавляло
намъ Премудрости, Благости, Совершенства, Краси-
шы, Силы мыслишь и проч: однакожъ мы знаемъ,

чшо

что всё онъ существующе въ самой вещи, да и въ высочайшемъ степени. Можетъ ли кто изъяснить намъ, коимъ образомъ получаемъ мы сїи понятїя?

Единый гласъ Юпитера, сказалъ Симмѣй, дражайшій Сократъ! я вѣпорично на него пошлюся.

Какъ? друзья мои! ежелибъ мы услышали, что кто то въ другой комнатѣ играетъ очень хорошо на флейтѣ, не побѣжалибъ бы мы всё туда, чтобъ узнать того, кто такъ слухъ нашъ забавляетъ.

Можетъ быть не въ сей часъ, отвѣчалъ Симмѣй улыбаясь, ибо мы теперь слышимъ преизящнѣйшую музыку.

Ежели мы разсматриваемъ картину, продолжалъ Сократъ, то всегда стараемся узнать мастера, написавшаго оную. Но когда же въ насъ самихъ есть такое совершеннѣйшее изображеніе, какое только божескія и человѣческія глаза когда нибудь видали, изображеніе всевышняго Совершенства, Благости, Премудрости, Красоты и проч: то для чего не стараемся, узнать живописца, начертавшаго оныя?

Я теперь вспомнилъ, сказалъ Кепитъ, прервавъ рѣчь его, что я когда то слышалъ отъ Филолая изъясненіе, сходственное разговору сему.

Любезный Кепитъ! сказалъ Сократъ, не хочешь ли ты мнѣніе блаженнаго Филолая сообщить друзьямъ твоимъ?

Съ радостію, отвѣчалъ Кепитъ, ежели друзья мои не хотящъ охотнѣе слышать изъясненїя Сократа. — Филолай сказывалъ, что всё понятїя, кои имѣетъ душа наша о вещахъ непблесныхъ, получила она не отъ внѣшнихъ чувствъ, но сама отъ себя, примѣчая собственныя свои дѣйствїя, и чрезъ то научилась, познавать существо и качества свои. — Чтобъ представить сіе яснѣе, то часто присовокуплялъ онъ къ сему слѣдующую баснь: „Займемъ у Омира, говаривалъ онъ, шѣ двѣ бочки, Часть I. 3 „кошорья

„коперья стоятъ въ прихожей у Юпитера; но при
 „томъ испросимъ позволеніе, чтобъ не наполняя
 „оныя счастьемъ или несчастіемъ, но стоящую на
 „правой сторонѣ истиннымъ существомъ, а стоящую
 „на лѣвой, недостатками и безпорядкомъ. — Какъ
 „скоро Всемогущество Юпитера намѣрено сотворить
 „какой нибудь духъ, то почерпаетъ изъ обѣихъ
 „бочекъ сихъ, простираетъ взоръ свой на вѣчную
 „судьбу, и по разположенію ея, творитъ смѣшеніе
 „существа и недостатковъ, которое и составляетъ
 „въ себѣ совершенное основаніе будущаго духа. Для
 „того то и находимъ мы между всѣми душевными
 „существами удивленія достойное сходство; ибо
 „всѣ онѣ почерпнуты изъ однѣхъ бочекъ, а разли-
 „чаются только смѣшеніемъ. Слѣдственно, ежели
 „душа наша, которая точно также ничто иное
 „есть, какъ такое же смѣшеніе существа и не-
 „достатковъ, начнетъ сама себя разсматривать,
 „то получитъ понятіе о существѣ духовъ и пре-
 „дѣлахъ ихъ, о могуществѣ и безсиліи, о совер-
 „шенствѣ и недостаткѣ, о разумѣ, мудрости, си-
 „лѣ, намѣреніи, красотѣ, правосудіи и о множе-
 „ствѣ другихъ вещей безтѣлесныхъ, о коихъ внѣш-
 „нія чувства наши оставили насъ навсегда во глу-
 „бочайшемъ невѣдествѣ,,.

Какъ это хорошо! сказалъ Сократъ. Ахъ лю-
 безный Кепитъ! ты владѣль такимъ сокровищемъ,
 а не хотѣлъ мнѣ показать онаго до смерти моей!
 Постараемся же разсмотрѣть, какимъ образомъ мо-
 жемъ мы, наслаждаясь онымъ до смерти нашей.
 Филолай говаривалъ такъ: душа разсматривая
 сама себя, познаетъ и другіе души подобныя ей.
 Не такъ ли?

Такъ точно.

Разсматривая собственныя свои способности, по-
 лучаетъ она понятіе о вещахъ нетѣлесныхъ, и
 чтобъ удобнѣе различить оныя, то каждой даетъ
 особенное имя?

Конечно

Конечно такъ.

А ежели захочетъ она думать о существѣ ея превозходящемъ, на примѣръ о Демонѣ, то откуда получаетъ она понятія, къ оному принадлежащія?

Кепитъ молчалъ, а Сократъ продолжалъ далѣе: Ежели я не ошибаюсь, то мнѣнїе Филолая есть слѣдующее: хотя душа никогда не можетъ предсавить себѣ совершенно о существѣ, оную превозходящемъ, или о способностяхъ совершеннѣйшихъ, нежели шѣ, копорыя она сама имѣетъ; однакожъ она совершенно можетъ себѣ предсавить возможность такой вещи, копорой принадлежитъ болѣе существа, нежели недоснашковъ, то есть, копорая болѣе совершенна, нежели она сама; или не инаково ль шолковалъ сіе Филолай?

Нѣтъ.

И о всевысочайшемъ Существѣ, о всевысочайшемъ Совершенствѣ имѣетъ она также не болѣе, какъ сей блескъ воображенія. Она не можетъ предсавить себѣ существа его во всемъ его пространствѣ; (*)

3 2

однакожѣ

(*) Нѣкоторые философы хотятъ насъ уничтожить своимъ разсужденіемъ, будто мы ничего не знаемъ о Богѣ, что онъ есть, а пѣдаемъ токмо то, что онъ не есть; и не примѣтнымъ образомъ пыподятъ такое заключеніе, что намъ о Богѣ и о свойствахъ его ни малѣйшаго не извѣстно. Признаться надлежитъ, что мы отъ истиннаго понятія о какой вещи отстоимъ еще гораздо далеко, ежели только знаемъ, что она того или сего имѣть не можетъ. Но сколь часто, при томъ же и съ основаніемъ примѣчено, что мы несовершеннѣйшему Существу отрицаемъ однѣ недостатки и ограниченность; и что сей родъ отрицанія равняется съ утвержденіемъ. Ежели мы иногда качества Бога изъясняемъ отрицательно, то надлежитъ сіе приписать началу мыслей нашихъ о Богѣ, которое происходитъ отъ отрицанія собственныхъ нашихъ

однакожъ разсуждая о существѣ своемъ, то, что находимъ въ немъ справедливаго, благаго и совершеннаго, отдѣляемъ въ мысляхъ своихъ оныя недостатки, съ которыми они смѣшаны и симъ образомъ постигаемъ она шакую вещь, которая состоитъ

шукмо

слабостей и недостатковъ. На примѣръ слово непремѣнность есть отрицанье несовершенства, въ самомъ же дѣлѣ есть оно понятіемъ утвердительнымъ, а сѣе и есть все то же; а что мы сѣе понятіе изъясняемъ отрицательнымъ образомъ, причиною тому, что понятіе оное получили мы, отрицая премѣнность въ насъ самихъ находящуюся. И слѣдственно въ разсужденіи семъ, пышепомянутое предложеніе не основательно, ибо мысли наши о Богѣ не означаютъ того, чего онъ не имѣетъ, но то, что онъ имѣетъ. Ежели же предложеніемъ симъ хотятъ показать, что мы утвердительнохъ качествъ Божіихъ не видали, и не имѣли отъ нихъ никакого самими нами чувствуемаго представленія, то на сѣе соглашаюся, пыключивъ тѣ слѣдствія, кои иной бы захотѣлъ пыпести изъ сего по себѣ непиннаго предложенія. Малое понятіе, которое мы имѣемъ о Богѣ, не теряетъ чрезъ сѣе ни правды ни истинны, ни силы ни употребленности своея. Хотя мы и не можемъ сами чувствопать безконечнаго Божія совершенства; однакожъ разсмотрѣвъ пнутренно сами себя, научились познавать основанье совершенства сего, которое съ сопокупленнымъ отдѣленіемъ недостатковъ и границъ, дѣлаютъ намъ множество правилъ и заключеній совершенно истинными. Заундерзонъ не чувствопалъ никогда свѣту, однако же общее сходство зрѣнія съ прочими чувствами учинило возможнымъ, что онъ чрезъ слово получилъ нѣкоторое понятіе о Лучахъ, и на сихъ правилахъ основанная Теорія Оптики, которую изъяснялъ онъ слушателямъ своимъ, не менѣе была основательна.

токмо изъ существа Справедливости, Благости и Совершенства. — Аполлодоръ, которой по сіе время повторялъ пихо слова Сократовы, пришелъ здѣсь въ такое восхищеніе, что вскричалъ: которая состоитъ изъ единого существа, изъ единой истинны, изъ единого совершенства.

Сократъ же продолжалъ далѣе: видите друзья мои! сказалъ онъ, сколь прилѣжно любящіе премудрость удаляться должны отъ чувствъ и отъ предметовъ ихъ, ежели желаютъ познать всевышнее и совершеннѣйшее Существо, въ которомъ познаніи состоитъ блаженство истинное? Упражняющейся въ такихъ размышленіяхъ долженъ, зашворишь глаза свои и уши, удалить отъ себя племскія приятности, и ежелибъ то было возможно, совершенно забыть о тѣлѣ своемъ, дабы тѣмъ удобнѣе могъ онъ себя опредѣлить на душевныя свои мысли и внутреннія оныхъ дѣйствія.

При такихъ размышленіяхъ тѣло не только бесполезной, но и шягостной шоварищъ разуму своему: ибо здѣсь ищетъ онъ не краски и не величины, не голоса и не движенія; но шакое существо, которое всѣ возможные цвѣты, величины, шоны, движенія, и что еще болѣе, всѣ возможные духи наяснѣйшимъ образомъ себѣ представляетъ, и во всѣхъ возможныхъ порядкахъ самъ произвестъ можетъ. Какой же бесполезной шоварищъ въ пупи семъ тѣло наше!

Сколь высокія, но припомъ сколь справедливыя мысли! вскричалъ Силмгй.

Истинные философы, сказалъ Сократъ, размышляющіе о правилахъ сихъ, не могутъ имѣть другаго мнѣнія, какъ слѣдующее: они говорящъ одинъ другому: Смотри! здѣсь ложная дорога, которая отъ часу далѣе ведешъ насъ отъ цѣли нашей, и всю надежду нашу дѣлаешъ шщешною. Мы увѣрены, что познаніе истинны есть единственнее желаніе наше. Однакожъ сколь долго мы здѣсь на земли свя-

заны съ тѣломъ; сколь долго душа заражена земною язвою, столь долго не возможно ласкаться намъ, усидѣть совершенно въ желаніи нашемъ. Намъ надлежитъ искашь истинну. Но ахъ! Тѣло наше не даетъ намъ свободнаго времени къ важному предпріятію сему. Сего дня къ содержанію онаго потребно все стараніе наше; заупра заразится оно болѣзнями, которыя паки намъ въ желаніи нашемъ препятствуютъ; по шомъ слѣдуютъ прочія плотскія заботы, любовь, страхъ, хощенія, желанія, пустыя мысли и глупости, которыя безпрестанно насъ занимаютъ, манятъ насъ отъ одной суены къ другой; и такимъ образомъ истинной предмѣтъ желанія нашего, то есть премудрость, оспается тщетнымъ.

Кто между челоуѣками производитъ брань, возмущенія, ссоры и несогласія? кто же другой, какъ не тѣло наше, и его ненасытныя желанія; ибо всѣхъ безпокойствъ источникъ есть сребролюбіе; и ежелибъ душа не должна была стараться о жадныхъ желаніяхъ тѣла нашего, то конечно бѣ никогда, и никакого богатства не пожелала. Такимъ образомъ всегда мы находимся во упражненіи, и рѣдко имѣемъ свободное время ко премудрости. На конецъ получа свободное время, готовимся обнять истинну; но тѣло, сей блаженства нашего нарушителъ, паки предстанетъ въ души нашемъ, и вмѣсто истинны предлагаетъ намъ тѣни свои. Чувства, противъ воли нашей, представляютъ намъ обманчивые свои виды, и наполняютъ душу заблужденіемъ, темношою, лѣносцію и безумствомъ. Какъ же можетъ она, находясь въ такомъ безпорядкѣ, искашь и постигнуть истинну? ни какъ невозможно! И такъ должны мы ожидать блаженныхъ минутъ сихъ, въ которыхъ находясь со внѣ и внутри въ покоѣ, бываемъ столь счастливы, что совершенно забываемъ тѣло наше, и можемъ разсмапривать истинну душевными очами. Но сколь же рѣдки и сколь крашки блаженные сіи минуты! —

Теперь

Теперь ясно видимъ, что мы не прежде можемъ достигнуть цѣли нашей, то есть премудрости, какъ по смерти нашей; сколь же долго живемъ, то никакой надежды къ оному не имѣемъ. Ибо ежели душа наша находясь въ тѣлѣ, не можетъ истинну познать ясно, то должны мы полагать одно изъ двухъ: или мы никогда оную не познаемъ, или познаемъ ее по смерти нашей, ибо тогда тѣло ославляетъ душу, и такъ чаятельно, въ постиженіи премудрости будешь она менѣе имѣть препятствія. Но ежели мы и въ сей жизни желаемъ, изготovitъся ко блаженному познанію оному, то надлежитъ намъ не болѣе позволять тѣлу нашему, какъ чего необходимость пребудетъ; воздерживаться отъ желаній и хотѣній его, и сколько возможно чаще упражняться въ размышленіяхъ, доколѣ Всевышній не соизволишь освободить насъ. Тогда по освобождаясь отъ размышлений тѣлесныхъ, можемъ мы надѣяться, взираетъ на источникъ истинны, всевышнее и совершеннѣйшее Существо, ясными и здравыми чувствами; и можемъ увидѣть, что и другіе купно съ нами будутъ наслаждаться блаженствомъ симъ. Вотъ, любезный Симмѣй! разговоры прямо любящихъ истинну, когда они разсуждаютъ о соспояніи своемъ; мнѣ кажется, что они такимъ образомъ мыслить должны; или ты думаешь иначе?

И я своего же мнѣнія, любезный Сократъ?

Слѣдовенно, ежели мнѣніе сіе справедливо, каждый сего дня за мною слѣдующій долженъ имѣть высочайшую надежду, что въ томъ мѣсцѣ, куда мы придемъ, гораздо скорѣе получимъ то, чего мы во всю нашу жизнь столь тщетно желали.

Безъ сомнѣнія!

И такъ я сего дня отправляюсь въ путь мой съ доброю надеждою, купно со мной и всякъ любящій истинну, ежели онъ помыслишь, что не очистившимъ и не приготovitъвшимъ себя не дозволено, приступать къ таинствамъ премудрости.

Прошивъ сего не можно спорить, сказалъ *Симмѣй*.

Но сіе очищеніе естъ ничшо иное, какъ удаленіе внѣшнихъ чувствъ отъ души, и всегдашнее упражненіе въ размышленіи о существѣ и качествахъ души нашей, удаляя отъ нее все не принадлежащее къ ней; однимъ словомъ стараніе, какъ въ здѣшней такъ и въ будущей жизни, освободить душу отъ тѣла нашего, дабы тѣмъ удобнѣе могла она себя разсмащривать и достигнуть познанія истинны,

Безъ сомнѣнія.

Отдѣленіе тѣла отъ души называется смертію.

Конечно.

И такъ истинные любители премудрости употребляютъ всѣ возможные старанія, что бы сколько можно приблизиться смерти и научиться умирать. Не правда ли?

Кажется такъ.

Но не было ли бы сіе неразумительно, ежели бы человекъ старающійся во всю свою жизнь научиться умирать, ежели бы такой человекъ, говоря, при приближеніи смерти огорчался, не было бы сіе доспойно посмѣянія?

Безспорно.

И такъ, любезный *Симмѣй*, смерть не можетъ никогда истинному философу казаться страшною, на прошивъ всегда долженъ онъ ей радоваться. Товарищество съ тѣломъ опягощаетъ ихъ при всѣхъ возможныхъ случаяхъ; ибо поелику они желаютъ достигнуть предмета бышя своего, по поелику должны они стараться разлучить душу свою отъ тѣла, дабы, такъ сказать, всѣ свои силы собрать въ одно мѣсто. Но сіе разлученіе, сіе столь давно желаемое освобожденіе души отъ тѣла, естъ смерть. Какое же безуміе, шрепѣтать и болѣзновать, видя ее приближающуюся. Съ радостію и удовольствіемъ должно намъ отправляться въ такой путь, чрезъ которой надѣемся мы приити въ обѣщанія любви нашея, по естъ премудрости, и избавитесь

тягоспнаго

тягостнаго сотоварища, причинившаго намъ толико горестей. Какъ? простые и незнающіе люди, у которыхъ смерть пожрала любовницъ ихъ, женъ или дѣтей, въ горести своей ни чего съ такою жадностію не желаютъ, какъ оставишь свѣтъ сей, и соединишься съ предметомъ ихъ любви и желанія? А сіи, то есть, философы, которые увѣрены, что нигдѣ любовь свою въ такомъ сіяніи не увидятъ, сіи преисполнены ужаса? сіи трепещущіе? и безъ радости отправляются въ путь сей? — Ахъ, любезный другъ! нѣтъ ни чего безумнѣе шакого философа, который боится смерти.

Какъ сіе прекрасно, вскричалъ Симмѣй!

Трепещь и боязнь при приближеніи смерти не сутьли знаки, что такой человекъ любитъ не премудрость, но тѣло свое, богатство, честь или всѣ при вкупѣ.

Безъ сомнѣнія.

Кому приличествуетъ болѣе добродѣтель, называемая мужество; не философамъ ли?

Ни кому болѣе.

А умѣренность, сію добродѣтель, состоящую въ привычкѣ обуздывать желанія свои, и быть благонравну и остроумну въ поступкахъ своихъ, не должно искасть, преимущественно предъ прочими, у презирающихъ тѣло свое и прилѣпляющихся къ единой философїи?

Не опмѣнно.

Мужествожь и умѣренность прочихъ людей покажутся тебѣ безумїемъ, ежели ты размотришь оныя съ примѣчанїемъ.

По чему, любезный Сократъ?

Ты вѣдаешь, продолжалъ онъ, что большая часть людей почитаютъ смерть за великое зло.

Это правда.

Слѣдственно, ежели такъ называемые храбрые и мужественные люди умираютъ съ неуспрашимо-стію, то сіе чинятъ они, убѣгая зла еще большаго,

Не инако.

Слѣдственно всѣ мужественные люди, исключая философа, бывають не устрашима отъ страха. Неустрашимость же, производящая отъ страха, не пропивнали совсѣмъ разсудку?

Безспорно.

То же самое и съ умѣренностію. Отъ неумѣренности бывають они умѣренны и воздержны. Можетъ бытъ покажется сіе невозможнымъ; однакожъ точно такава безразсудная умѣренность сія. Они воздерживаються отъ нѣкоторыхъ сластолюбій, дабы тѣмъ покойнѣе наслаждались другими, коихъ они болѣе желаютъ. Они для того надъ первыми господствуютъ, чтобъ раболѣпствовать симъ послѣднимъ. Спроси ихъ, они безъ сомнѣнія тебѣ скажутъ, что отдашь себя во власть желаній своихъ, естъ неумѣренность; но и сами они чрезъ то токмо получили власть надъ нѣкоторыми желаніями, что отдались въ невольничество другимъ еще порочнѣйшимъ. Не можноли же сіе назвашь бытъ воздержну чрезъ неумѣренность?

Кажется такъ.

Ахъ дражайшій Симонъ! мѣняшь сластолюбіе на сластолюбіе, болѣзнь на болѣзнь, страхъ на страхъ, подобно какъ размѣниваешь большую монету на большее число мѣлкихъ. Нѣтъ? это конечно не путь ко истинной добродѣтели; одна только естъ справедливая монета, за которую всю отдашь должно, то естъ премудрость. Имѣя оную, получишь всѣ добродѣтели, храбрость, умѣренность и правосудіе. Однимъ словомъ премудрость естъ источникъ добродѣтели, власти надъ желаніями, надъ пороками и надъ всѣми страстями; безъ премудрости не можно ни чего получить, кромѣ что промѣняешь страсти на одинъ пустой видъ добродѣтели, раболѣпствующей пороку, и ничего здраваго или истиннаго въ себѣ не имѣющей. Истинная добродѣтель естъ исправленіе нравовъ, очищеніе сердца, а не премѣ-

премѣ-

премѣненіе однихъ желаній на другія. Правосудіе, умѣренность, мужество, мудрость не сущьмѣна одного порока съ другимъ. Предковъ нашихъ, которые установили Телеты или празднества совершеннаго примиренія, безъ сомнѣнія за мудрыхъ людей почитать должно: ибо чрезъ сію загадку хотѣли они дать знать, что кто не примирившись или не освятивъ себя, оставитъ свѣтъ сей, тотъ будетъ жесточайше наказанъ; а очистившейся и примирившейся, по смерти своей, съ Богами обитать будетъ. Исправляющіе таинства сего празднества обыкновенно говорятъ: *многоносящихъ Тирсита или Вакха, но мало подухновенныхъ*. По моему мнѣнію, чрезъ подухновенныхъ разумѣютъ они тѣхъ, кои посвятили себя истинной премудрости. Я во всю мою жизнь ничево не щадилъ, но напрошивъ употреблялъ всевозможное раченіе, чтобъ сдѣлался такимъ подухновеннымъ; были ли спаранія мои тщетны, или koliko я успѣлъ въ намѣреніи своемъ, о семъ я обстоятельно узнаю въ томъ мѣстѣ, куды я, когда Богу угодно, прииду скоро. —

Вотъ мое оправданіе, Симмѣй и ты Кедитъ! Вотъ для чего безъ горести я оставляю наилучшихъ своихъ друзей, и столь мало шепещу, видя приближающуюся смерть. Хотя простые люди пому и не вѣрятъ; однакожъ я надѣюсь найти тамъ лучшихъ друзей, и лучшую жизнь, нежели тѣ, которыхъ я здѣсь оставляю.

Ежели шеперешнее оправданіе мое принято вами лучше, нежели говоренная мною предъ судьями рѣчь, то я совершенно доволенъ.

Сократъ окончалъ рѣчь свою, а Кедитъ началъ говорить: это правда, любезный Сократъ, ты совершенно оправдался; однакожъ утверждаемое тобою о душѣ многимъ покажется невѣроянно: ибо они думаютъ обыкновенно, что душа оставивъ тѣло, уже ни гдѣ болѣе не находишся, но тотъ же часъ послѣ смерти человека пропадаетъ и уничтожается; и что

она на подобіе паровъ или тонкаго дыму, выходитъ изъ шѣла и подымается на воздухъ, гдѣ пропадаетъ, и такимъ образомъ совсѣмъ кончаетъ бытіе свое. Ежелибъ возможно было доказать, что душа можетъ существовать сама собою, не имѣя нужды, сопряженною быть съ шѣломъ, то надежда, копорою ты ласкаешься, имѣла бы не малую вѣроятность. Ибо какъ скоро можетъ быть лучшее состояніе по смерти нашей; то всякій добродѣтельный человѣкъ долженъ съ основаніемъ надѣяться, что онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ имѣть лучшую участь. Однакожъ и единую возможность, что души послѣ смерти думаютъ, что они имѣютъ волю и разсужденіе, единое сіе, съ шрудомъ, говорю я, понять можно; и такъ любезный Сократъ! сіе требуетъ еще доказательства.

Ты справедливо говоришь Кедитъ! отвѣчалъ Сократъ. Но что же дѣлаешь; не постарайся ли намъ, изыскать на сіе доказательствы?

Я имѣю великое желаніе, отвѣчалъ Кедитъ, узнать о семъ мнѣніе швое.

По крайней мѣрѣ, продолжалъ Сократъ, ежелибъ кто услышалъ разговоръ нашъ, хотя бы онъ былъ писатель комедіи, то и шотъ бы не могъ мнѣ попрекнуть, что забавляюсь бреднями, копорыя ни пользы ни важности въ себѣ не имѣютъ. Напротивъ, предпринимаемое нами разсужденіе такой есть важности, что каждый стихотворецъ прежде приступленія къ разсужденію оному, позволилъ намъ призвать на помощь копорое нибудь Божество. — Онъ замолчалъ, и сидѣлъ углубленъ въ мысляхъ; по шомъ началъ говорить: Однако же, друзья мои! я думаю, что достойнѣйшее молишвоприношеніе единому Божеству, могущему насъ покровительствовать, есть исканіе истинны чистымъ сердцемъ. И такъ приступимъ къ намѣренію нашему.

Смерть, любезный Кедитъ, есть ничто иное, какъ естественная переменна состоянія человѣческа-

го. Постараемся же разсмотрѣть, какимъ образомъ происходитъ переменна оія, какъ въ тѣлѣ человѣческомъ, такъ и въ душѣ его. Не такъ ли?

Надлежитъ намъ во первыхъ разыскать вообще, что такое естественная переменна, и какимъ образомъ природа производитъ премѣны свои, не только что въ разсужденіи человѣка, но и въ разсужденіи звѣрей, произрастѣній и вещей неодушевленныхъ? Мнѣ кажется, что такимъ способомъ приближимся мы къ нашему намѣренію.

Способъ сей кажется мнѣ удачливымъ, сказалъ Кепитъ, и такъ во первыхъ надлежитъ намъ сдѣлать изъясненіе, что такое есть переменна.

Я думаю, отвѣчалъ Сократъ, мы говоримъ, что вещь переменилась, ежели изъ двухъ противоположныхъ и ей принадлежащихъ предопредѣленій, одно престаешь, а другое начинается имѣть настоящее бытіе свое. На примѣръ хорошо и дурно, правосудно и не правосудно, благо и зло, день и ночь, сонъ и бдѣніе, не суть ли противоположныя опредѣленія, которыя могутъ быть въ одной и самой тойже вещи.

Конечно.

Ежели завянетъ роза, и потеряетъ прекрасный образъ свой, не говоримъ ли мы тогда, что она переменилась?

Конечно.

А ежели неправосудный человѣкъ пожелаетъ, переменить образъ жишя своего, то не долженъ ли онъ принявъ противоположное и сдѣлаться правосуднымъ?

Какъ же иначе?

Такимъ же образомъ, ежели въ чомъ нибудь произошла переменна, то не опмѣнно надлежитъ, чтобы предъ симъ противоположное оной было. Такимъ образомъ бываетъ день послѣ ночи, а ночь послѣ дня; вещь спановится хорошею, великою, тяжелою, казисшою, и такъ далѣе, бывъ предъ симъ гадкою, малою, легкою и не казисшою. Не такъ ли?

Такъ

Такъ дѣйствительно.

И такъ переменна вообще есть ни что иное, какъ послѣдованіе противоположныхъ назначеній, одного за другимъ, которыя въ одной и въ самой той же вещи возможны. Оспанемся ли мы при семъ изъясненіи? кажется, что Кепитъ еще не рѣшился?

Самая малость, любезный мой Сократъ, слово противоположно приводитъ меня въ нѣкоторое сомнѣніе. Мнѣ кажется невѣроятно, что бы два совершенно одно другому противоположныя состоянія, могли слѣдовать одно за другимъ непосредственно.

Справедливо, отвѣчалъ Сократъ. Мы видимъ, что природа во всѣхъ переменнахъ своихъ находитъ среднее состояніе, которое такъ сказать служитъ ей переходомъ отъ одного состоянія къ другому противоположному; на примѣръ, за днемъ слѣдуетъ ночь посредствомъ сумерекъ, за ночью же слѣдуетъ день посредствомъ утренней зари. Не правда ли?

Конечно.

Природа дѣлаетъ большое малымъ посредствомъ нечувствительнаго умаленія, а малое большимъ чрезъ приращеніе.

Справедливо.

Хотя мы въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходамъ симъ и никакихъ именъ не даемъ; однакожь не можно сомнѣваться, чтообъ они въ самомъ дѣлѣ не существовали, ежели каждое состояніе не премѣнно должно слѣдовать противоположенному ему! ибо не должно ли, чтообъ переменны, которыя должны бытъ естественны, производились силами еъ томъ же естествѣ находящимися?

Безъ того какимъ образомъ были бы онѣ естественными?

Но оныя начальныя силы находятся въ безпрестанномъ дѣйствіи и въ безпрестанной живости; ибо ежели бы онѣ хотя на одну минуцу престаили дѣйствовать, то уже бы ихъ ни что кромѣ всемогущества къ дѣйствію паки возбудишь не могло.

Но

Но то, что всемогущестьво сдѣлать можеть, не назовемъ ли мы природою?

Какъ возможно? сказалъ Кедитъ.

Въ томъ, любезный другъ, что теперь производящія естественныя силы, работали онѣ уже искони, ибо онѣ праздными никогда не были, но токмо дѣйствіе оныхъ мало по малу стало быть видимо; на примѣръ сила естества, перемѣняющая дневное время, и теперь работаетъ, что бы привели на оризонтъ ночь, а она путь свой ведетъ чрезъ полдень и вечеръ; сїи же суть переходы отъ рожденія дня до смерти его.

Справедливо.

Во время сна, жизненные силы работаютъ къ будущему бдѣнію, ровно какъ во время бдѣнія приготовляють онѣ сонъ.

Безспорно.

Однимъ словомъ, ежели какое ни есть состояніе должно сдѣловать за противоположнымъ ему, какъ сїе при всѣхъ естественныхъ чинихся перемѣнахъ: тогда безпрестанно дѣйствующія естества силы, напередъ уже надъ сею перемѣною работаютъ, и такъ сказать въ предвидущемъ состояніи сѣютъ семена ко произведенію будущаго. Не сдѣлаешьлижъ изъ сего, что природа должна проходить чрезъ всѣ естественныя состоянія, ежели намѣрена произвести состояніе противное первому?

Безъ сомнѣнія.

Помысли о семъ хорошенько, любезный другъ, что бы послѣ не быть въ сомнѣніи, и не думать, что ты много со мною согласился. Ко всякой естественной перемѣнѣ потребны три вещи: предвидущее состояніе, которое перемѣнить должно; состояніе сдѣдующее за онымъ, которое противоположно первому; на конецъ переходы, или состоянія, находящіяся между первыми двумя, которыя, такъ сказать очищаютъ путь естеству отъ одного состоянія къ другому. Согласенъ ли ты со мною?

Конечно,

Конечно, вскричалъ Кепитъ, конечно! Я не понимаю, какъ можно сомнѣваться въ истиннѣ сей.

Посмотримъ, сказалъ Сократъ, покажется ли тебѣ и слѣдующее такъ же справедливо. Я думаю, что все то, что премѣнно, не можетъ пребыть непремѣнно ни единого мгновенія ока; но что время безпрестанное имѣя теченіе, и непрерывно опсылая будущее ко прошедшему, превращаетъ и все, что премѣнно, и каждое мгновеніе ока показываешь его въ новомъ видѣ. Не одного ли ты со мною мнѣнія, любезный Кепитъ?

По крайней мѣрѣ оно кажется мнѣ вѣроятно.

Я же думаю, что оно неоспоримо: ибо все премѣнное, ежели оно есть имѣющее дѣйствіе, и не одно только понятіе, должно имѣть силу дѣйствовать, и способность ко спрѣданію. И такъ хотя оно дѣйствуетъ, или страдаетъ, безъ сомнѣнія инако уже становится, нежели предъ симъ было; и какъ силы естества никогда въ покоѣ не бывають; то что же можетъ прошивишься стремленію премѣнности въ пуши онаго, хотя на малое мгновеніе ока?

Теперь я прямо удостовѣренъ.

Сіе ни мало справедливости не прошивно, когда нѣкоторыя вещи кажутся намъ нѣсколько времени бышь непремѣнными: ибо хотя пламя кажется намъ безпрестанно тоже; однакожь оно есть ничто иное, какъ пылающее теченіе изъ горящаго тѣла безпрестанно воздымающееся, и дѣлающееся на конецъ невидимымъ. Цвѣты иногда кажутся бышь глазамъ нашимъ непремѣнны; но однакожь солнечные лучи безпрестанно одни другихъ перемѣняютъ. Когда же мы изыскиваемъ истинну, то о вещахъ должны разсуждать по существу ихъ, а не по обманчивымъ представляющимъ намъ видамъ.

Божусь Юпитеромъ! сказалъ Кепитъ, сія истинна открываетъ намъ, не менѣе новые какъ и возхищительные виды въ природѣ вещей. Друзья мои! продолжалъ онъ обратившись къ намъ, отношеніе

шеніе сего ученія къ естеству нашей души, кажется мнѣ, общаваешь наиважнѣйшія слѣдствія.

Прежде, нежели приступлю къ разысканію сего, сказалъ Сократъ, остаешь мнѣ еще одно предложеніе сдѣлать. Мы согласились, что *премѣняющееся* не можетъ быть *непремѣннымъ* ни на единое мгновеніе ока; но поелику прошедшее время спановившя спарбе, по толику *возрастаетъ* и *цѣпь* связанныхъ однѣхъ съ другими *перемѣнъ*, которыя во время сіе происходили. Помысли же теперь, *Кедитъ!* какимъ порядкомъ *пекутъ* мгновенія времени одно за другимъ, прерывающимся или не прерывающимся?

Я не понимаю, сказалъ Кедитъ, что ты чрезъ сіе сказать хочешь.

Мнѣніе мое объясню я тебѣ примѣрами. Намъ кажется, что вся поверхность тихой воды течетъ *безоспановочно*, такъ сказать *единымъ шѣломъ*, и что каждая водяная *часпица* имѣетъ съ окружающими ее общія границы; на противъ же того въ *песчаномъ пригоркѣ*, состоящемъ изъ множества *песчинокъ*, каждая песчинка кажется имѣетъ *особыя предѣлы*. Не правда ли?

Эпо я понимаю.

Когда я выговариваю слово *Кедитъ*, не слѣдуютъ ли шупъ два слога одинъ за другимъ, между которыми ни какого *прешьяго* не находится?

Такъ!

Слѣдовательно слово *Кедитъ*, не идетъ въ *непрерывающемся* порядкѣ, но слоги, изъ которыхъ оно состоитъ, слѣдуютъ въ *прерывающемся* связаніи одинъ за другимъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ *особыя границы*.

Конечно.

Однакожъ въ понятіи, которое привязываетъ духъ мой ко слову сему, не находяшя ли *часпи*, имѣющія *особыя границы*?

Я думаю, что нѣтъ!

И справедливо; ибо всѣ части и означенія сложнаго понятія имѣющія печеніе свое въ такой связи, что ни какъ не можно назначить предѣловъ, при копорыхъ бы однѣ окончивались, а другія начинались; по чему и соспавляющіе онѣ не прерывающееся цѣлое; напропивъ же того каждой слогъ имѣющіе опредѣленные границы; и многіе совокупленные слоги, соспавляющіе какое нибудь слово, слѣдуютъ одно за другимъ прерывающимся порядкомъ.

Это очень ясно.

И такъ теперь спрашиваю я о времени: чему ты его уподобляешь? выговариваемому слову или понятію? Соспавляющія его мгновенія, слѣдуютъ ли одно за другимъ въ непрерывающемся или прерывающемся порядкѣ?

Въ непрерывающемся, отвѣчалъ Кеситъ.

И конечно такъ, сказалъ Симмѣй; ибо вить чрезъ послѣдованіе нашихъ понятій познаемъ мы время; и такъ какимъ же образомъ бышь можемъ, чтобъ свойство слѣдствія не было одинако во времени и въ понятіяхъ?

По этому, продолжалъ Сократъ, части времени слѣдуютъ въ непрерывномъ порядкѣ, и имѣютъ общія границы?

Конечно!

Малѣйшая частица времени, есть такое слѣдствіе мгновений, и можемъ еще въ гораздо меньшія частицы раздѣлиться, копорыя однакожь всегда сохраняютъ въ себѣ всѣ свойства, времени принадлежащія. Не такъ ли?

Кажется, что такъ.

И такъ нѣтъ двухъ мгновений, копорыябъ были одно къ одному самая ближайшія, то есть, между копорымибъ не можно было полагать еще шрешьяго?

Сіе слѣдуетъ изъ утвержденнаго прежде.

Движенія, и вообще всѣ переменны въ естествѣ происходящія, въ такомъ же ли порядкѣ идутъ, какъ и время, или нѣтъ?

Въ такомъ же.
И такъ онѣ слѣдуютъ одна за другою въ непре-
рывающейся связи, подобно какъ и время?

Точно такъ!

Слѣдственно не можно себѣ представить двухъ
соспояній, которыя былибъ между собою самыя
ближайшія, но есть, между которыми не находи-
лось еще прешьяго?

Такъ кажешся.

Безъ сомнѣнія, чувствамъ нашимъ кажешся, будто
премѣны вещей производятъ съ разстановкою, ибо
сіи премѣны примѣчаютъ онѣ не прежде, какъ уже
по нѣкоторомъ чувствительномъ пропеченіи време-
ни; однакожъ природа не престаешь ни мало, пу-
темъ своимъ шествовать, и вещи перемѣняютъ по-
тихоньку и въ непрерывающемся слѣдствіи. Малѣй-
шая сего слѣдствія частица есть сама слѣдствіемъ
премѣнъ; и какъ бы кто ни старался, всевозможно
тѣснѣе соединитъ два соспоянія, однакожъ всегла
останется между ними переходъ, совокупляющій
ихъ, и который, такъ сказать, показываетъ при-
родѣ путь отъ одного ко другому.

Я совершенно, сказалъ Кепитъ, все сіе понимаю.

Друзья мои! вскричалъ Сократъ, теперь по
время приближишься къ намѣренію нашему. Мы со-
брали основанія, защищающія вѣчнось нашу, и я
предвозвѣщаю себѣ совершенную побѣду. Но послѣ-
дуя обыкновенію полководцевъ, не осмотримъ ли
еще, прежде вступленія въ бой, силы наши, дабы
тѣмъ надежнѣе познать ихъ крѣпость и слабость?

Аполлоторъ просилъ, что бы повторить вкрат-
цѣ всѣ прежде приведенные доводы.

Положенія, сказалъ Сократъ, о истиннѣ кото-
рыхъ мы болѣе уже не сомнѣваемся, суть слѣдую-
щія:

I.) Ко всякой естественной перемѣнѣ, потребны
три вещи: 1) Окончаніе соспоянія перемѣняющейся
вещи. 2) Соспояніе, заступающее мѣсто предвѣдуща-

го, и 3) Средня состоянія, или переходы, дабы пере-
мѣна не чинилась вдругъ, но мало по малу.

II) Что премѣнно, то не можетъ ни на единое
мгновеніе ока оставаться не премѣннымъ.

III) Слѣдствіе времени идешь непрерывающимъ
порядкомъ, такъ что нѣтъ двухъ мгновений,
копорыя былибъ одно ко другому самая ближайшя.

IV) Слѣдствіе премѣнъ подобно слѣдствію вре-
мени, и равномерно идешь въ такомъ же непрерыва-
ющемся порядкѣ, и въ такой же связи, такъ что
не можно привести двухъ состояній, коибъ между
собою самая ближайшя были, или между копоры-
мибъ не находилось какого перехода. Вышь мы о сихъ
пунктахъ во всемъ согласны?

Конечно согласны, сказалъ Кепитъ?

Жизнь и смерть, любезный Кепитъ, суть со-
стоянія противоположныя? Не правдали?

Безъ сомнѣнія.

А умираешь, не естъ ли переходъ отъ жизни ко
смерти?

Конечно.

Ся великая переѣна, чаятельно, касается рав-
но до души и до тѣла: ибо въ жизни сей оба сіи су-
ществува въ тѣснѣйшемъ союзѣ.

По всему такъ кажется.

Что дѣлается съ тѣломъ по семъ важномъ произ-
шествіи, сіе можемъ познать изъ опытовъ; ибо все
величину имѣющее можно осязать чувствами; но
какъ, гдѣ, и что будетъ душа по сей жизни,
сіе постигается однимъ разумомъ; понеже душа, по-
средствомъ смерти, теряетъ способность, бышь
предвержена чувствамъ нашимъ.

Безъ сомнѣнія!

Не разберемъ ли мы на передѣ, дражайшій мой,
видимое во всѣхъ премѣнахъ его, а по томъ, ежели
то можно, невидимое сравниемъ съ видимымъ?

Мнѣ кажется, что это наилучшей способъ, от-
вѣчалъ Кепитъ.

Въ шблѣ всякаго живошнаго, любезный Кедитъ! безпрестанно происходитъ, что однѣ частицы умираюшъ, а другія соспавляются вмѣстѣ, и что сіе клонится то къ сохраненію, то къ разрушенію живошной махины. При самомъ такъ сказанъ рожденіи живошнаго, зачинаюшъ уже смерть и жизнь между собою борются.

Сіе видимъ изъ ежедневныхъ опытовъ.

Какъ называемъ мы то состояніе, спросилъ Сохратъ, въ которомъ всѣ чинящіяся въ наслаждающейся живію махинѣ перемѣны, клонящія болѣе къ сохраненію, нежели къ разрушенію шбла? не называемъ ли мы оное здравіемъ?

Конечно!

На противъ же, перемѣны клонящіяся къ разрушенію великой махины сей, умножающія болѣзнями или спароспїю, копорую называшъ можно естесшвенною болѣзнію.

Конечно!

Разрушеніе сіе чинится непримѣтнымъ образомъ мало по малу. На конецъ рушится зданіе сіе, и распадается на самыя малѣйшія частицы. Но что же тогда чинится? Пересшаюшъ ли частицы сіи перемѣняться? Пересшаюшъ ли онѣ дѣйствовать и спрадать, или онѣ совсѣмъ уничтожающіяся?

Я не думаю, сказалъ Кедитъ!

Этому конечно бытъ не можно, продолжалъ Сохратъ, ежели то истинно, въ чемъ мы уже согласились: ибо естъ ли какая середина между бышїемъ и небышїемъ?

Никакой.

Слѣдстввенно, бышїе и небышїе суть два состоянія, слѣдующія одно за другимъ непосредстввенно, и одно другому ближайшія: но мы видѣли, что природа не можетъ произвестъ такихъ перемѣнъ, копорыябъ чинились вдругъ и безъ переходовъ. Памятуешъ ли ты сіе предложеніе?

Очень помню, отвѣчалъ Кедитъ.

И такъ природа не можетъ произвести ни бышя ни уничтоженія?

Конечно не можетъ :

И такъ при разрушеніи тѣла ни что не пропадаетъ ; разпавшіяся части продолжающъ существовать, дѣйствовать, спрдавать, соспавляться и раздѣляться, до того времени, какъ чрезъ безконечные переходы, превращаясь онѣ въ части другаго составленнаго тѣла. Иное будетъ пылью, иное сыростию, одно подыметъ въ воздухъ, другое входитъ въ произрастѣніе, а изъ произрастѣнія входитъ въ животное, оставяжъ звѣря служимъ пищею червяку. Не сходно ли сіе съ опытами ?

Совершенно, любезный Сократъ, отвѣчали Кешитъ и Симмѣй въ одно время.

И такъ мы видимъ, друзья мои ! что природа не такъ раздѣлила жизнь отъ смерти въ разсужденіи тѣла, какъ то чувствува наши показуюшъ. Онѣ суть члены непрерывающейся связи перемѣнъ, постепенными переходами наибѣснѣйше между собою соединенные. Нѣтъ такой минушы, въ кошорой бы по спрогоспи сказать можно было : Теперь животное умираетъ : равнобрно такъ же сказать не можно : теперь оно заболѣло, или теперь оно здоровѣло. Безъ сомнѣнія перемѣны сіи должны чувснвамъ нашимъ казаться какъ раздѣленными, ибо мы не прежде ихъ примѣчаемъ, какъ по нѣкоторомъ времени; но довольно мы знаемъ, что онѣ въ самой вещи раздѣлены бышь не могутъ.

Мнѣ пришелъ теперь въ мысль одинъ примѣръ, который обьяснитъ предложеніе сіе. Очи наши ограниченныя на нѣкоторое пространство земли, различаютъ ясно утро, полдень, вечеръ и полночь. И намъ кажется, будто сіи времена отдѣлены отъ прочихъ. Но ежели кто разсмаприваетъ весь земный шаръ вообще, то совершенно познаетъ, что переходы дня и ночи находяшя въ тѣснѣйшемъ между собою союзѣ, и слѣдственно, нѣтъ такого мгновенія ока, кошорое

которое не было бы, въ самое одно время, и утромъ, и вечеромъ, и полднемъ и полнощью.

Омиру, какъ стихотворцу, позволяется раздѣлить дѣла боговъ своихъ на четыре дневныя время, какъ будто бы такому Существо, которое не ограничено на малую часть земнаго шара, дневныя времена казались въ самомъ дѣлѣ раздѣленными эпохами, и каждая минута не была въ одно время и днемъ и ночью. Стихотворцамъ позволяется принимать подобіе за самую истинну; но слѣдуя справедливости, *Апроръ* надлежало бы, своими розовыми перстами, безпрестанно небесныя врата держа въ опверзными, и желтую епанчу переносить съ одного мѣста на другое; равнымъ образомъ, какъ и боги, ежели они хотя бы спали только ночью, должны или спать безпрестанно, или никогда не спать. — Разсуждая вообще такимъ же образомъ, не можно различить и дней въ недѣлѣ; ибо неразрывное и одно съ другимъ связанное не можно раздѣлить на части, какъ токмо въ одномъ воображеніи, или нашими обманчивыми чувствами; на противъ разумъ научаетъ насъ, не останавливаться тамъ, гдѣ нѣтъ дѣйствительнаго отдѣленія. Ясно ли сіе, друзья мои?

Очень ясно, отвѣчалъ *Симлаъ*!

Тоже самое примѣчается при жизни и смерти животныхъ и произрастѣній. Въ слѣдствіи переменъ, которыя какая нибудь вещь претерпѣла, тогда токмо, по разсужденію чувствъ нашихъ, начинается эпоха, когда она дѣйствительно представляется чувствамъ нашимъ произрастѣніемъ, или животнымъ; а сіе и называемъ мы возхожденіемъ произрастѣнія, и рожденіемъ животного. Вторую эпоху, то есть ту, когда движенія произрастѣній или животныхъ отвлекаются отъ чувствъ нашихъ, называемъ мы смертію; а третіе, когда на конецъ образъ животного или произрастѣнія исчезаетъ, и становится невидимымъ, называемъ разрушеніемъ животного или произрастѣнія. Но въ природѣ, все

сіи перемѣны суть членами неразрывной цѣпи, суть постепенно производящими разверстіями и затвореніями самой вещи, которая безчисленными видами закрывается и раскрывается. Не имѣете ли о семъ какого нибудь сомнѣнія!

Ни малѣйшаго, отвѣчалъ Кедитъ!

Когда мы скажемъ, продолжалъ Сократъ, что душа умираетъ, то должно намъ положить одно изъ двухъ: или всѣ ея силы, способности, и всѣ дѣйствія и страданія, перестаютъ вдругъ, и она, такъ сказать, во мгновеніе ока исчезаетъ; или подобно тѣлу претерпѣваетъ многія постепенно слѣдующія превращенія, безчисленные преобразованія, непрерывающимся порядкомъ произходящія, а въ семъ шакъ сказать теченіи бываетъ такая эпоха, въ которой она не дѣлается уже болѣе душою человека, но претворяется въ нѣчто другое, подобно какъ и тѣло, по безчисленныхъ перемѣнахъ претаетъ быть тѣломъ человека, но превращается въ пыль, воздухъ, произрастѣнія, или въ части другаго животнаго. Есть ли же еще третій случай, какъ душѣ умирать, такой, говорю, случай, который бы инако назывался, нежели *пдрузъ* или *мало по малу*?

Нѣтъ, отвѣчалъ Кедитъ. Раздѣленіе сіе со всѣмъ разрушаетъ возможность.

Хорошо, сказалъ Сократъ. И такъ сомнѣвающіеся, не можетъ ли душа быть смертною, пускай выбираютъ одно изъ двухъ: хотя бы ли они, чѣмъ она умирала вдругъ; или чѣмъ она мало по малу кончала бышіе свое. Любезный Кедитъ! не примешь ли ты на себя заспушишь ихъ мѣсто, и сдѣлаешь выборъ сей?

Но надобно вѣдать, отвѣчалъ Кедитъ, будутъ ли они довольны мнѣніемъ повѣреннаго ихъ? Не лучше ли разсмотрѣть намъ оба сіи обспояшельства; ибо, ежели не будутъ они довольны и останутся при своемъ мнѣніи, то можетъ быть уже завпре не будетъ шакого человека, который бы могъ опровергнуть ихъ мнѣніе.

Любезный Кепитъ! отвѣчалъ Сократъ, Греція есть проспанное государство, да и между варварами конечно много такихъ находишся, которые сердечно ищутъ имѣть о семъ познаніе — И такъ постараемся оба сіи обстоятельство разсмотрѣть. Первое изъ оныхъ есть слѣдующее: *можетъ быть душа погибаетъ и другъ и исчезаетъ въ одно мгновение ока.* Сей образъ смерти въ себѣ и по себѣ есть возможенъ. Но можетъ ли онъ произведенъ бытъ природою?

Никакимъ образомъ: ежели то истинно, въ чемъ мы всѣ предъ симъ согласились, что природа не можетъ произвеси никакого уничтоженія.

Да и не имѣли ли мы права, на оное согласишся, спросилъ Сократъ. Между *бытїемъ и небытїемъ* находишся такая ужасная пропасть, чрезъ кошую безпрестанно поспешенно дѣйствующая вещьми природа, ни какъ перескочишь не можетъ.

Совершенная правда, сказалъ Кепитъ; но ежели уничтожишся она сверхъестественною силою, или Божествомъ, то что ты на сіе скажешь?

О дражайшій мой! вскричалъ Сократъ, колико мы счастливы, колико блаженны, ежели ни чего болѣе не спашимся, кромѣ непосредственной дѣсницы единого Чудотворителя! Мы опасались, что не смертно ли существо души нашея само по себѣ; и опасность сію стараемся опровергнуть основательными разсужденіями; но что можетъ бытъ Богъ, всеблагій Творецъ и Хранитель вещей, уничтожилъ ее чрезъ нѣкое чудо? — Ахъ нѣтъ, любезный Кепитъ! скорбе можно опасаться, чтобъ солнце не превратило насъ въ кусокъ льда, нежели ожидать отъ само-существующей Благости того въ основаніяхъ своихъ злаго поступка, то есть разрушенія насъ какимъ чудотвореніемъ.

Я не подумалъ, сказалъ Кепитъ, чтобъ мое возраженіе было почти богохуленіемъ.

И такъ сей образъ смерти, сказалъ Сократъ, по естѣ мгновенное уничтоженіе, уже не устрашаетъ насъ болѣе; ибо оно не возможно для природы. Но друзья мои, помыслимъ и о слѣдующемъ! Положимъ, чинобъ оно было возможнымъ, то спрашивается: когда, и въ которое время должна исчезнуть душа наша? Чаятельно въ то время, когда уже нѣбо болѣе не имѣемъ въ ней нужды, то естѣ во мгновение смерти?

Кажется, что такъ.

Но мы видѣли, что нѣтъ такого мгновенія, когдабъ сказать было можно, теперь животное умираетъ, разслабніе животной машины давно уже начало свое прияло прежде еще, нежели дѣйствія онаго учинились примѣтными; ибо въ животномъ всегда находятся такія движенія, которыя сохраненію цѣлаго прошивны; но токмо онѣ мало по малу умножаются до тѣхъ поръ, какъ уже движенія всѣхъ частей не спанутъ согласно къ одному концу спремишься, но каждое изъ нихъ имѣетъ будеть особую цѣль; и тогда то уже машина сія разрушается, сіе чинится такъ нечувствительно, и въ такомъ непрерывающемся порядкѣ, что каждое состояніе можно именовать общимъ предѣломъ предвидущаго съ послѣдующимъ, дѣйствіемъ предвидущаго и причиною послѣдующаго. Видимъ мы также согласились въ этомъ?

Конечно согласились!

И такъ, ежели смерть тѣла должна быть также и смертію души: то равномерно не можетъ быть такого мгновенія ока, въ которое бы сказать можно было: теперь душа исчезаетъ; но подобно, какъ движенія въ частяхъ машины мало по малу онѣ предпославленной имъ цѣли удаляются, и душа теряетъ силы и внутреннее дѣйствіе свое. Не такъ ли, любезный Келитъ?

Конечно такъ!

Но разсмотри! какой чудной оборотъ прияло рассужденіе наше; оно подобно сшапуъ прадѣда моего

Дедала,

Дедала, кажется, чрезъ нѣкую внутреннюю пружи-
ну, совратилось со своего прежняго мѣста.

Какъ это?

Мы положили, что прошивники наши опасаются, что душа уничтожается вдругъ, и хотѣли рассмотреть, основательнѣ ли сей страхъ ихъ, и ли нѣтъ. По томъ разбирали мы, въ которое мгновение могла она уничтожиться; сие самое разсирательство привело насъ къ прошивности нашему предположенію, то есть, что душа не вдругъ исчезаетъ, но внутренняя оной сила и дѣйствованіе уменьшающіяся мало по малу.

Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Кепитъ. Сямъ по полагаемое мнѣніе опровергнулось такъ сказать само собою.

И такъ остается намъ еще рассмотреть, не могутъ ли внутреннія силы души мало по малу исчезнуть, подобно какъ части машины одна ошъ другой ошдбляющіяся.

Это правда!

Послѣдуемъ же неотлучно за сими вѣрными поварщиками, то есть за душою и тѣломъ, которые и смерть должны имѣть общею, чтобъ увидѣть, гдѣ они на конецъ остановятся. Сколь долго тѣло пребываетъ здраво, сколь долго большая часть движений машины клонящая къ сохраненію и къ благосостоянію цѣлаго, сколь долго орудія чувствованій сохраняютъ принадлежащія имъ свойства; сколько долго и душа пребываетъ въ полной силѣ своей, чувствуетъ, мыслитъ, любитъ, отвращается, понимаетъ и желаетъ. Не правда ли?

Безспорно!

Тѣло впадаетъ въ болѣзнь. Тогда примѣчается въ машинѣ чувствительное нестройство движений ея, ибо многія изъ нихъ уже несогласно стремятся къ сохраненію цѣлаго, но каждое изъ нихъ имѣетъ особенную цѣль, противоположную прочимъ. Чтожъ тогда дѣлается съ душою?

Опытъ насъ научаетъ, что она тогда ослабѣваетъ, чувствуетъ непорядочно, мыслишь ложно, и часто дѣйствуетъ несходно мыслямъ своимъ.

Очень хорошо! я продолжаю. Тѣло умираетъ: то есть кажется, что уже все движенія не клоняся болѣе къ жизни и къ сохраненію цѣлаго; однакожь внутренно могутъ быть еще нѣкоторыя слабыя движенія, доставляющія душѣ нѣкія темныя представленія; и такъ сила души нѣкоторое время должна только надъ оными упражняться. Не такъ ли?

Все конечно!

По томъ слѣдуетъ изслѣніе. Части, которыя до сего времени имѣли одинъ общій конецъ, и составляли одну машину, получаютъ теперь разныя предопредѣленія, и становятся разнообразными частями совсѣмъ различныхъ машинъ. А душу? любезный Кепитъ! гдѣ оставимъ? машина ея уже разрушилась. Оставшія отъ оной части, уже не принадлежатъ болѣе ей, и не составляютъ уже цѣлаго, которое могло бы быть одушевлено. Уже нѣтъ болѣе членовъ чувствъ, уже нѣтъ болѣе орудій осязанія, посредствомъ которыхъ могла бы она имѣть какое чувствованіе. И такъ развѣ все въ ней должно быть пусто? развѣ исчезли все ея чувствованія и мысли, воображенія, желанія и оповращенія, склонности и страсти, не оставивъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ?

Это быть не можетъ, сказалъ Кепитъ. Ибо сіе было бы ничто иное, какъ совершенное уничтоженіе; а мы видѣли, что никакое уничтоженіе не состоитъ во власти природы.

Чтожь вы думаете? друзья мои! — Душа наша не можетъ во вѣки уничтожиться; ибо послѣдній шагъ, сколько ни разширяй оной впередъ, пребудетъ всегда такимъ отъ бытія къ ничтожеству скачкомъ, которой ни въ существѣ одной какой вещи, ни въ цѣлой связи основанія имѣть не можетъ. И такъ она будетъ продолжаться, она будетъ существовать вѣчно.

вѣчно. Еслижѣ она существовать будетѣ , то принадлежитѣ ей дѣйствовать и страдать ; а когда будетѣ она дѣйствовать и страдать , то должно ей имѣть понятія ; ибо чувствованіе, мысли и желаніе суть единыя дѣйствія и страданія, принадлежащія существу мыслящему. Понятія происходятѣ отѣ чувствованія чувствѣ. Отѣ чего же могутѣ производиться чувствованія чувствѣ, ежели нѣтъ ни орудій, ни членовѣ чувствѣ ?

Мнѣ кажется, сказалѣ Кедитѣ , что ни чего не можетѣ быть справедливѣе, какѣ сіе слѣдствіе заключеній ; однакожѣ совсѣмѣ тѣмѣ ведетѣ оно къ явному противурѣчію.

Одно изѣ двухѣ, продолжалѣ Сократѣ ; или душа должна быть уничтожена, или и по изплѣннн шѣла должна она имѣть понятія. Хотя и кажется, что оба сіи случая не возможны ; однакожѣ одинѣ изѣ нихѣ долженѣ быть неоплѣнно. Поспараемсяжѣ , не найдемѣ ли какого выхода изѣ Лабиринта сего ? Съ одной стороны духѣ нашѣ не можетѣ естественнымѣ образомѣ быть уничтоженѣ. На чѣмѣ же основывается невозможность сія ? — Не огорчайтесь , друзья мои ! слѣдуя за мною по пути терніемѣ исполненномѣ ; онѣ приведетѣ насѣ въ одну изѣ прекраснѣйшихѣ спиранѣ , каковыми духѣ человека врядѣ ли когда восхищался. Отвѣщайте мнѣ : не слѣдуетѣ ли изѣ нашего справедливаго объясненія о силѣ и естественной премѣнѣ , что природа не можетѣ ни какого произвести уничтоженія ?

Безѣ сомнѣнія !

И такѣ съ сей стороны не можемѣ мы ни какого надѣяться выхода ; должно намѣ обратиться. Душа не можетѣ исчезнуть , но должна и послѣ смерти существовать, дѣйствовать, страдать и мыслить. Здѣсь предположимѣ намѣ невозможность, чтобѣ душа наша безѣ впечатлѣннн на чувствы могла имѣть понятія ; но кто же отвѣчаетѣ намѣ за невозможность сію ? не чрезѣ опыты ли мы знаемѣ , что мы

въ злѣшней жизни, безъ впечатлѣній на чувства наши, не можемъ мыслишь?

Не инако.

Но по какому праву хотимъ мы, опытность сію разпространить и за предѣлы сея жизни, и природу неоптѣнно лишить возможности, что бы она душѣ нашей подавала мысли, и безъ сего изъ членовъ составленнаго тѣла? Какъ ты думаешь, Симмѣй! не показался ли бы намъ такой человекъ чрезвычайно смѣшнымъ, которой бы не выѣзжая никогда изъ Аѳинскихъ стѣнъ, захотѣлъ изъ собственныхъ своихъ опытовъ вывести слѣдствіе, что и на всемъ земномъ шарѣ день и ночь, лѣто и зима бывающъ въ одно время, какъ у насъ въ Аѳинахъ.

Ни чего не можешь быть безразсуднѣе.

Ежелибъ дитя могло думать еще во утробѣ матери своей, могли ли бы его увѣрить, что онъ оподѣлившись отъ корня своего, на вольномъ воздухѣ прияснѣйшимъ свѣтомъ солнца наслаждаться будешь? Не могло ли бы оно на противъ вздумать изъ насмѣящихъ его общоупительствъ доказать намъ невозможность такого состоянія?

Кажется, что такъ.

А мы слѣпошснвующіе, умнѣе ли мыслимъ, когда заключены въ жизнь сію, хотимъ собственными опытами доказать то, что природа можешь произвести и послѣ сей жизни? — И единый только взоръ на неизчерпаемую многообразность природы, можешь удостовѣрить насъ въ неосновательности заключеній нашихъ. Сколь бы недоспащочна, сколь слаба былабъ она, еслибъ могущество ея не далѣе опытовъ нашихъ простиралось!

Конечно?

И такъ сію опытность можемъ, съ праведливымъ основаніемъ, отвергнушь, противуполагая оной совершенную невозможность, чтобъ уничтожился духъ нашъ. Омиръ, не безъ причины Ирою своему влагаетъ во уста рѣчь сію; *по истиннѣ! и пѣ самыхъ жилищахъ*

Оркуса

Оркуса душа еще движется, хотя усопшее тѣло туда и не проходитъ (*). Понятія, котороря подаютъ намъ Омирѣ объ Оркусѣ и о спранспвующихъ тѣняхъ, хотя и не во всемъ сходны съ истинною, однакожь, любезные друзья! по подлинно, что духъ нашъ и надъ смертію и надъ изпѣніемъ торжествуетъ; оставляетъ мертвое тѣло, которое во исполненіе намереній Всевышняго, приемлетъ пышущу разнообразныхъ видовъ, и самъ возносится по верхъ праха, и продолжаетъ уже по другимъ естественнымъ, но свышземнымъ законамъ, озираетъ дѣла Творца своего, и наполняется мыслями о силѣ Безковечнаго. Но помыслише, друзья мои! ежели душа наша, и по смерти тѣла своего, живетъ и мыслитъ, то не будетъ ли она и тогда, подобно, какъ и въ нынѣшнемъ сословіи, спарашся о блаженствѣ своемъ?

Кажется очень вѣроятно, сказалъ Симонъ; однакожь я уже болѣе не довѣряю мнѣніямъ моимъ, а лучшебы желалъ знать твои доказательствы.

Доказательствы мои суть слѣдующія, отвѣчалъ Сократъ: ежели душа мыслитъ, то должно, чтобы въ ней понятія перемѣнялись понятіями, чтобы иныя мысли ей были приятны, а другія неприятны, то есть, чтобы она имѣла волю; ежелижъ она имѣетъ волю, то къ чему можетъ воля сія стремиться, какъ не ко приобрѣшенію высочайшаго степені благосостоянія или блаженства?

Сіе было всѣмъ ясно. Но какъ? продолжалъ Сократъ: въ чемъ же состоитъ благосостояніе духа, неимѣющаго болѣе нужды, спарашся о нуждахъ тѣла

ла

(*) Платонъ принялъ сей Омировъ стихъ въ другомъ смыслѣ, нежели новѣйшіе толкователи, и приподитъ его въ 3 книгѣ республики своею яко хулы достойный. Но я надѣюсь, что мнѣ позволено принять его здѣсь въ наилучшійшемъ означеніи.

да своего? Его не прельстятъ ни яспвы, ни питіе, ни любовь, ни сладоспрасніе; возхищающее въ жизни сей осязаніе, обоняніе, зрѣніе и слухъ тамо не заслуживаетъ болѣе вниманія его; едва оспалось ему слабое, и можетъ быть раскаяніемъ исполненное напосинаніе о сладостяхъ, копорыя вкушалъ онъ въ бѣсѣдѣ тѣла своего. Возжелаетъ ли жѣ онъ ихъ всего болѣе?

Столь же мало, отвѣчалъ Симмѣй, какъ разумной человекъ пожелаетъ дѣтскихъ игрушекъ.

Такъ не пожелаетъ ли онъ великихъ богатствъ?

Какъ можетъ сіе быть въ такомъ состояніи, гдѣ чаятельно, никакой собственности и никакого богатства имѣть не можно?

Однакожъ честолюбіе есть такая спрасъ, копорая, по видимому, можетъ еще оспашься и оспѣленному оспѣ тѣла духу; ибо сколько судить можно, то она мало зависитъ оспѣ плотскихъ поспребностей: но въ чемъ же будетъ безтѣлесной духъ сей, полагаешь преимущесшвы, доставляющія ему честь? Конечно не въ могущесшвѣ, не въ богатствахъ, и не въ благородствѣ: ибо всѣ сіи глупосши покидаетъ онъ съ тѣломъ на землѣ.

Безъ сомнѣнія.

И такъ ему ничего болѣе не остается, чтобъ могло его оспличить оспѣ прочихъ подобныхъ ему твореній, какъ премудросшь, любовь, добродѣтели и познаніе истинны. Сверхъ же сего благороднаго честолюбія, еще возхищается онъ приятными душевными чувствованіями, копорыя душа безъ тѣла своего вкушала, бывъ еще на землѣ, то есть красошою, порядкомъ, равномѣріемъ и совершенствомъ. Сіи чувствованія столь тѣсно соединены съ еспествомъ духа, что никогда оставить его не могутъ. Слѣдсшвенно кто на землѣ спарался одушѣ, кто въ жизни сей упражнялся во премудросши, въ добродѣтели и въ чувствованіи истинныя красошы, тотъ, говорю я, надѣясь можетъ, и въ будущей жизни упраж-

упражнятыся въ оныхъ, и поспешенно приближаться ко Всевышнему, яко первоначальному существу, источнику всей премудрости, собору всѣхъ совершенствъ, словомъ къ самой красотѣ. Друзья мои! вспомните же возхищающія васъ оныя минушы, которыми вы наслаждались, когда душа ваша, будучи влекома духовными красотами, забывала шло и по потребности его, и не внимала ничего, кромѣ небесныхъ чувствованій. Какая сладость! какое возхищеніе! одно шокмо ближайшее присуствіе Божества въ состояніи, произведеть высочайшее сіе возхищеніе. Да и въ самой вещи, каждая мысль о красотѣ душевной есть ничто иное, какъ согляданіе божественнаго Существа; ибо примѣчаемое нами хорошее, порядочное и совершенное, есть одно шокмо слабое подражаніе красоты, порядка и совершенства Безначальнаго. Я памятую, что при нѣкоторомъ случаѣ исполковалъ я сіи понятія довольно ясно; и для того теперь выведу шолько сіе слѣдствіе: ежели правда, что по жизни сей, премудрость и добродѣтель составляютъ наше честолюбіе, а стараніе о приобрѣтеніи красоты душевной, порядка и совершенства будеть нашими желаніями; то непрерывающееся шамо пребываніе наше будеть непрерывнымъ Божества созерцаніемъ, будеть небеснымъ веселіемъ, которое, сколь ни мало теперь повимаемъ оное, служитъ добродѣтельному. безконечною наградою за благородныя труды его. Суеты міра сего не сутьли прахъ во сравненіи съ такою вѣчноштію! ни что суть бѣдность, презрѣніе и поноснѣйшая смерть, ежели онѣ приговоряють насъ къ такому блаженству! друзья мои! кто имѣеть чистую совѣсть въ поступкахъ, шотъ не можетъ печалиться, опправляясь въ блаженной шупь сей. Пускай, взирая на прагъ смерти, шрепѣщеть шотъ, кто въ жизни сей и боговъ и чловѣковъ озлобилъ; кто время свое проводилъ во скопскомъ сластолубіи; кто обоготворяемой имъ чести заклалъ чловѣческія жертвы; такой чловѣкъ, гово-

рю, не можетъ возрѣть на прошедшее безъ раскаянїя, а на будущее безъ ужаса, Но какъ я, благодарю Бога! не могу себѣ ничемъ такимъ попрекать; ибо во всю мою жизнь съ великою ревностію искалъ истинны, а добродѣтель любилъ болѣе всего; по радуюсь, слыша гласъ Божій, призывающій меня, наслаждаюсь онымъ свѣтомъ, котораго я, бывъ здѣсь во мракѣ, искалъ полико. Вы же, друзья мои! разберите прилѣжно основанїя моей надежды; и ежели онѣ и васъ увѣрятъ, то благословите путь мой, и живите такъ, чтобъ когда позоветъ васъ смерть, безъ робости могли ей слѣдовать. Можетъ быть Божество и соединитъ насъ нѣкогда въ дружбѣ нашей. Съ какимъ же тогда восхищеніемъ вспомняемъ мы нынѣшній день!

Конецъ I Разговора.

II.

*Четыре стелени позроста
челоуѣческаго(*)*.

ОТРОКЪ.

Обратите взоръ свой на сего великую о себѣ надежду подающаго и веселіемъ преисполненнаго младенца. Зракъ лица его подобенъ Ангельскому, и сіе подобіе происходитъ отъ всеильной десницы Всевышняго Творца міра. На челѣ сего младенца просіяваетъ, такъ сказать, красный весенній день. Лазуревый свѣтъ очей его, уподобляется

ся

(*) Переведено съ Нѣмецкаго языка.

ся цвѣту небесъ, коего приязность усугубляютъ еще розы, на смѣющихся ланипахъ его процвѣтающія. Живопись зрится во всѣхъ жилахъ его, и на устахъ изображается веселіе. Нравъ его столь чистъ, какъ шончайшій ефиръ, и въ дѣйствіяхъ своихъ непороченъ онъ, яко голубица. Онъ повинуется гласу родителей своихъ, и яко агнецъ незлобивый, грядетъ во слѣдъ матери его, со щаніемъ примѣчая ея мановенія, яко младыя ласпочки, зря родителей приносящихъ имъ пищу.

Во глубокое еще устро, возпрянувъ отъ сна, отъ глубины души своея, благодарныя моленія предъ жертвенникомъ Спасителя своего проливаетъ, и гласъ его въ вечернее время разверзая сводъ небесный престолола Божія достигаетъ. Хопя и во время мрачныя нощи отъ сна онъ пробуждается; однако и тогда успрашающія мечтанія не нарушаютъ его покоя, ибо недремлющее Всевышняго Око на него призираетъ, и Ангелы Божіи на лице его разсыпаютъ спокойствіе. Онъ чпитъ поучающія юности его уста, и заповѣди Господни душу его напаяютъ, яко вода жаждущую землю. Когда онъ возводитъ взоръ свой на отца своего, тогда сердце его радостію исполняется, и приязное его зываніе благоденствіе родителя составляетъ. Любовію преисполненные матерніе взоры, всю утробу его оживотворяютъ, аки лучъ солнца теплотою сво-

ею, отъ хлада ноцнаго увядающимъ прозябеніемъ новыя подаєтъ силы, и нѣжныя ея лобызанія производятъ въ немъ живность. Тогда по лѣта его купно съ разумомъ возрасташа начинають, и онъ преуспѣваетъ въ мудрости и въ добродѣтеляхъ. Онъ со тщаніемъ изучается иносстраннымъ языкамъ, охота и прилѣжность путь къ наукамъ ему отворяють. Все его упражненіе состоитъ въ ариѳметикѣ, писаніи и во прилѣжномъ чтеніи нравоучительныхъ басенъ. Такимъ по образомъ, подъ покровительствомъ родителей, безмятежно и спокойно, яко тихій источникъ, часы его протекають; и тогда по сей отрокъ начинаєтъ бытъ юношею.

ЮНОША.

Се предстоитъ взору нашему добродѣтельный юноша, опрада и успѣшеніе своихъ родителей. Все его желаніе спремисся къ тому, что бы ходити путемъ Божіимъ, и день и ночь поучатися святому его закону. Проливаемая имъ моленія, яко кадило благовонное, возходятъ до небесъ и воздѣяніе рукъ его есть яко жертва вечерняя. Онъ испытуєтъ еспесва успавы, и находить Творца своего споль же великимъ во швореніи малаго червя, какъ и лучезарнаго солнца.

Изъ Греческихъ и Римскихъ писателей почерпаетъ онъ неощбенную премудрость.

Предводи-

Предводителю спивуемъ будучи здравымъ разсудкомъ и правдолюбиемъ, обрѣшаетъ онъ красочу въ оныхъ. Онъ не раззоряетъ сосудовъ, хранящихъ прахъ древнихъ племенъ народовъ, и не ищетъ доспомянутой воединыхъ покмо гробахъ; духъ его, яко орелъ парящій на высоту возлетаетъ, оставя сию мрачную науку роющимся въ землѣ слѣпымъ крошамъ. Правопознаніе являешся предъ нимъ во приятнѣйшемъ видѣ, и шворенія древнихъ стихотворцевъ исправляющъ вкусъ его. Чистая исторія, чудится онъ судьбѣ поль многихъ и сильныхъ царствъ во вселенной, и возжигая ношю свѣпильникъ, читаетъ повѣствованіе о судьбинахъ своего опечесва. Ему извѣсны уже предѣлы опдаленѣйшихъ сшранъ; во свободные часы измѣряетъ онъ пространство полей и удолевъ, или со тщаніемъ начерпаваетъ на бумагѣ челоуческой образъ съ жилами и мускулами, чшобъ узнать сложеніе его. Иногда слухъ его плѣняешся приятнымъ согласіемъ мусикійскимъ; иногда съ добродѣтельными друзьями своими прогуливаетъ по зеленымъ полямъ, или бѣдитъ съ ними на ладѣ по изобильному рыбоу езеру; добронравіе его и заблаговременное помышленіе о будущемъ блаженствѣ, исполнены всякаго благоуханія. Плащемъ не показываешъ онъ полученнаго умника, и шляпу не изгибаетъ такъ, какъ вершопрашные щеголи. Тогда шо уже собирается онъ въ пушь, и

намѣряется осмопрѣшь отдаленные госу-
дарствы и грады. Отецъ даетъ ему благо-
словеніе въ дорогу, а матерь прерывающими-
ся вздохами изъясляетъ желаніе, паки
узрѣшь его невредима. Сестры проливаютъ
горчайшія слезы о его опшесствѣи, и братія
прощаяся съ нимъ, его лобызаютъ. По отѣ-
вѣдѣ своемъ имѣетъ онъ самъ надъ собою
полную власшь; но благодать небесная
показываетъ ему путь днемъ, а Божія пре-
мудрость возжигаетъ свѣспильникъ ношю
въ пути его. Онъ испышуетъ все, что ни
повспрѣчается, и избираетъ себѣ лучшее.
Его не искушаютъ никакіе обѣпы, ибо
истинная Вѣра охраняетъ его отъ соблаз-
новъ. Умѣренность въ пищѣ отвращаетъ
отъ него всѣ болѣзни, и здравіе, яко дражай-
шій залогъ, спущешествуетъ съ нимъ. Онъ
избѣгаетъ роскоши, яко зіяющей паспи-
львиной, удаляется отъ сонмища зернци-
ковъ, ищущихъ погибели чужеспранца, по-
чишая оное увеселеніе за непопрѣбное дѣло.
Онъ не пропускаетъ ни какихъ зрѣлищъ, слу-
жащихъ ко исправленію чловѣческихъ нра-
вовъ. Танцовать и биться на шпагахъ почи-
таетъ за безвинное дѣло, а вѣдять верьхомъ
и бышь въ шомъ искуснымъ за благопри-
стойность; однакожъ во время пированія,
въ цѣломудріи своемъ онъ споль же не поко-
лебимъ душею, сколь сохраненъ перспень
на рукъ его; брата своего, который его оби-
дитъ, не умерщвляетъ, хотя и умѣетъ дѣй-
ствовашь

спивовашь шпагою; держишъ коней не для того, чшобъ гоняшся за зайцами и топшашь нивы, но для посбщенія живущихъ въ опдаленіи друзей своихъ. Злашья цбпи, коими ко слбпому раболбспву привыкшій народъ возносишся, по мнбнію его сущь каковы, связующія ему руки и ввергающія по шомъ въ ббдносьть. Единая вольносьть и добродбшель дбйспвуюшъ въ его духъ. Онъ разсмашириваетъ въ шонкосьть и сравниваетъ полипику придворныхъ людей съ подвигами вбрнбйшихъ сыновъ опечества. Въ шбхъ обрбшаетъ онъ обманчивое ухищреніе, и ужасается искусству ихъ въ возложе-ніи на выи народовъ шягоспнаго ига; въ сихъ напрошивъ того благородное намбреніе къ соединенію блаженспва своихъ собратшй, и къ соблюденію согласія и шишины между согражданами.

По шомъ, яко пчела, изъ благоуханнаго сада возвращается онъ во свое опечество, по приобрбшеніи сокровища премудросши. Сшремитъ пасш въ оббятія своего родштеля и дражайшія мапери, и съ радосши проливаетъ шоки слезъ. Братія и сесштры его лобызаюшъ; и въ праздное вечернее время повбдаешъ онъ имъ о своемъ пушешеспвіи. Благовоспишанная дщерь нбкошораго сосбда, кошорая сверьхъ душевныхъ добродбшелей, одарена всбми прелесшями цвбпущія младосши и приятною осанкою, шакъ ему полюбилась, какъ Рахиль Іакову; и опецъ

помолвилъ ее за него. Тогда начинаютьъ они другъ друга любить, и увбрять въ помъ себя взаимно, оббщаясь не рушимо храниши во вбки вбрность брачнаго ложа. Тогда женихъ купно съ любезнбйшею своею невбспою, шеспвуютъ во храмъ, дабы упвердити бракъ свой закона таинспвомъ; и съ сего времени начинается оный юноша быть мужемъ.

МУЖЪ.

О коль счастливъ потъ, коего юношескія лбпа невинностію будучи ограждены, прошекли, и копорый ни какихъ зловредныхъ слбдспвій, отъ шумнаго вина и другихъ крбпкихъ напитоковъ производящихъ, не чувспвовалъ. Все время супружества его протекаетъ, яко дни злапыхъ вбковъ, и брачное ложе его усплано бываетъ всегда прияпными розами. Провидбніе даруетъ ему здравыхъ и опцелюбивыхъ чадъ; они споятъ вокругъ стола его, яко насажденные маслячныя опросли, и яко гроздіе виноградное вьются около своея мапери. О воспитаніи ихъ пекутся общими силами ихъ родители, а преуспбяніе въ добродбшеляхъ исполняетъ сердца ихъ веселіемъ. Бережливостъ располагаетъ ихъ домоводствомъ и труды услаждають ихъ ясшвы; но однакожъ и щедро плапятъ они учишелямъ наставляющимъ дбшей ихъ въ полезныхъ и честныхъ знаніяхъ, и не имбютъ недоспашка въ деньгахъ, для веденія дбшей своихъ по спези

по стези страха Божія, премудрости и добродѣтели. Когда услышанъ будетъ гласъ гремящія трубы, созывающій смертныхъ предъ судилище, и когда Искупитель смертныхъ рода приидетъ, судити живыхъ и мертвыхъ, тогда возстанутъ таковыя родители изъ гробовъ своихъ, покажутъ дѣтей, коихъ провидѣніе Божіе имъ даровало, и получатъ возмѣздіе за вѣрность. Тако провождаетъ сей мужъ жизнь свою, будучи опецъ своей семьи, и вѣрнѣйшій опечества гражданъ. Онъ достойно чпитъ начальниковъ, отъ Бога надъ нимъ поставленныхъ, и съ радостнымъ сердцемъ, клянется предъ олтаремъ въ сохраненіи вѣрности ко своему Государю. Когда во благоденствіи опечество его процвѣтаетъ, тогда чувствуетъ онъ въ душѣ своей успокоеніе, и злобная зависть никогда еще въ сердцѣ его не водворялась; онъ вѣрно должность свою исполняетъ, и зрѣніе его никогда не ослабляется блескомъ злата въ даваніи суда; онъ ходатайствуетъ за вдовъ и сиротъ, и тяжкое бѣдности ихъ бремя облегчаетъ; каждый угнетенный находитъ у него себѣ покровительство и неимущіе помощи его никогда лишены не бываютъ; онъ всегда преклоняетъ ухо свое ко гласу приносящихъ жалобы, и ищущіе правосудія не находятъ его послѣ полудни спяща. Лишь токмо день разсвѣтаетъ, то уже двѣрь къ дому его отверзается, и въ вечернее время ни кого не отпускаетъ

опускаетъ съ отказомъ. Онъ никакихъ даровъ не приемлетъ и тѣмъ доходовъ своихъ не умножаетъ, ибо Господь благословитъ домъ его довольствомъ. Онъ облачается въ бодрость, и правдолюбіе украшаетъ главу его; дѣла предковъ его, служатъ ему зеркаломъ, и совѣты разумныхъ подають мыслямъ его упражненіе. Гдѣ онъ ни идетъ, повсюду грядетъ челолюбіе, и величіе никогда не удаляется отъ него. Юноши узрѣвъ его въ такомъ видѣ, воздають ему должное почтеніе, а старостію обремененные мужи желаютъ ему благоденственной и долговременной жизни. Онъ щипся изпребывать въ обществѣ пагубную роскошь, наблюдаетъ умѣренность, избѣгая пышности и дороговизны въ потребныхъ къ жизни челолюбческой вещахъ; имѣетъ попеченіе о ревностныхъ проповѣдникахъ; учащихъ полезными книгами снабждаетъ; защищаетъ выгоды ремесленниковъ; доспойную мзду своимъ согражданамъ воздаетъ за трудолюбіе; призираетъ учащихъ военному искусству, и валы и стѣны градскія укрѣпляетъ. Припадъ на колѣна, возсылаетъ моленіе къ небесамъ о сохраненіи спокойствія и мира въ опечесствѣ своемъ. Когда же Вержовныя Власти принуждены бывають, на чашь брань, для защищенія вѣры и своихъ союзниковъ, или для охраненія предѣловъ своея земли отъ нашесствія непріятели; тогда препоясуетъ онъ мужествомъ и вооружается велико-

ликодушїемъ ; онъ никакой опасности не испрашешся, и смертоносныя стрѣлы его не ужасаютъ. Живопомъ своимъ жертвуетъ онъ опечеснву, и кровь свою проливаетъ для защищенїя вольности. Господь низлагаетъ враговъ его, и они повергаются на подобїе пожинаемыхъ класовъ, и на воздухъ раздается радостный гласъ побѣдителя. Сей славою и честїю увѣнчанный випязь, возвратившись во свое опечеснво, силился пройти сквозь многочисленныя толпы воздающихъ ему похвалы народовъ, и сопровождаемъ супругою и чадами своими, повергается въ объятїя преславаго отца своего и дражайшїя матери. Блаженные родители лобызаютъ сына своего, и еще возрѣвъ на него, съ веселїемъ умираютъ. О священная, о достойная мзда крепости, мужества и старости!

Градъ долгое время наслаждается плодами мира; опечеснво любящїй мужъ провождаетъ жизнь свою для пользы согражданъ своихъ, и тогда глава его украшается сѣдыми власами, признакомъ почтеннѣйшїя старости.

СТАРЕЦЪ.

Приятно бываетъ солнце, когда оно въ осеннее время скрывается на Западъ, и приятнѣе того послѣднїе дни жизни крошкаго и опечеснво любящаго старца. Онъ уже покойся отъ трудовъ и дѣлъ, силы его
изпоще-

изпощевавшихъ, и увеселяется одними духовными размышленіями: проходящъ мыслію въ безмолвномъ уединеніи, что содѣлалъ въ жизни, и совѣсть его не изобличаетъ, и представляя во умѣ дѣла свои, чувствуетъ и увѣряется, что всѣ записаны во книгѣ живописной. Поучая чадъ своихъ премудрости, и показывая чадамъ, внукамъ и правнукамъ пути Божіи увеселяется; безвинное ихъ веселіе приносилъ ему опраду, и радостныя возклицанія малолѣпныхъ дѣтей оживляющъ его душу. Столь быспрошекающъ днемъ часы его, а въ вечернее время доблественно на молитвѣ подвизается и отъ глубины своего сердца просилъ Создателя о сохраненіи своего опечесва: уже скорыми спопами шествуетъ къ вѣчности, часъ уже приближается, и жизнь его, яко возженный въ пользу человѣческую свѣщильникъ, угасаетъ. Сія вѣсть прознаменуетъ ему миръ къ Богу. Давно уже ожидаетъ онъ блаженныя премѣны оной жизни; смертный одръ возбуждаетъ въ душѣ его благочестіе, и Ангелы священнымъ обѣмлемы ужасомъ, чудятся кончинѣ сего къ вѣчной жизни преселяющагося мужа. Уже вкушаетъ онъ небесную сладость, и уже морщливое лице его преображается во свѣтлое, каковое имѣютъ Ангелы. Вѣрная его супруга со прискорбіемъ у одра его сидя, во слезахъ ушопаетъ. Онъ еще разъ, во знакъ горестнаго съ нею разлученія, любви испол-

исполненнымъ взоромъ изъясляетъ ей свою горячность, и прерывающимся гласомъ тихо вѣщаетъ: *Скоро, скоро я тебя узрю въ жилищѣ блаженныхъ; не сътуй, дражайшая! и съ твердымъ духомъ ожидай пришествія Спасителя своего.* Тогда благословляетъ онъ чада своихъ и многочисленное плѣмя, и закрывая помные свои очи, видитъ уже Господа лицомъ къ лицу.

Смерть сего мужа всему граду чувствительна и прискорбна; граждане оплакиваютъ вѣрнѣйшаго сына опечесова; церковь соболѣзнуетъ о добродѣтельномъ Христіанскія Вѣры подвижникѣ; чада рыдаютъ о попечительномъ родителѣ; сограждане съ прискорбнымъ лицомъ шествуютъ во слѣды гроба его, и проливаемые ими слезы вмѣсто надгробныя рѣчи ему служатъ; имя его начерпывается во глубинѣ ихъ сердецъ, и у позднѣйшихъ потомковъ оно никогда изъ памяти не изпребилося.

Съя статья сообщена къ намъ отъ передатившаго ее, г. гимназиста Т. Кирѣака.

III.

О Д а Б О Г Ъ.

О! ты, копорому вселенна
 Единый кажешся черпогъ;
 Кѣмъ вся природа оживленна;
 Непосшижимый въ шайнахъ Богъ!
 Во храмъ Твой дивный и священнй
 Не можешъ умъ чепросвѣщеннй,
 Ни грѣшникъ вѣчно досягнутъ:
 Предъ шѣмъ шруба Твоя возшрубншь,
 Кто испннну, кто ближнхъ любншь,
 И за Тобой дерзаетъ въ пущь.

Куда нашъ умъ ни возлешаетъ,
 И вображенъе ни парншь,
 Создатель свыше обншаетъ,
 И шамъ во славѣ Онъ горншь,
 Сѣдящъ на пламенномъ престолѣ,
 Сквозъ шверды небеса опшолѣ,
 Сквозъ дневнй блескъ и мракъ ночнй,
 Сквозъ вихри вѣ кругъ мїры носящн,
 Сквозъ шучн, облака гремящн,
 Ты видишь, Боже, шаръ земнй!

Сїя песчнка, погруженна
 Въ пространной свѣта глубнѣ,
 Всегдашней шемою окруженна,
 Сквозъ солнце видима Тебѣ.
 Тобой рожденнаго опъ вѣка
 На ней Ты видишь челобка;

Сокрыто сердце видишь въ немъ ;
Всѣ мысли Ты его читаешь ;
И духомъ съ нимъ Ты обитаешь
На отдаленномъ кругѣ семъ.

* * *

Ты видишь мысли дерзновенны,
Подобны легкимъ облакамъ,
Тебя постигнушь усремленны:
Но умъ нашъ не повяшенъ намъ.
О смертный! къ доспигенью Бога
Тебѣ назначена дорога ;
Ищи ее въ душѣ твоей !
Но спроси сердце взбунтовали ;
Всѣ наши мысли взволновали,
И Бога скрыли отъ очей!

* * *

Еще ни звезды не сіяли ;
Не колебался Океанъ ;
Огонь, вода и вѣтры спали ;
Начала не было временъ :
Но Вышній самъ свѣшилъ собою,
И правилъ будущей судьбою ;
Въ смѣшеніи стихійномъ зрѣлъ
Небесну твердь, моря и сушу,
И жизнь дающую тварямъ душу ;
Шаръ солнечный предъ Нимъ горѣлъ.

* * *

Когда вѣковъ круги начнутся,
Когда устроены будутъ свѣтъ,
Онъ зналъ; гдѣ кедръ вознесушся,
И гдѣ былинка возраспешъ,
Всѣ тайны вѣдалъ онъ природы ;
Взиралъ на всѣхъ животныхъ роды,
Что были, есть, и будутъ впредь ;
Вещамъ не полагая чину,
Уже Онъ вѣдалъ ихъ судьбину,
И могъ имъ бышь не повелѣшь.

Какъ солнце землю освѣщаетъ,
 Такъ солнце освѣщаетъ Богъ.
 Его вселенна не вмѣщаетъ;
 Не постижимъ Его чертогъ:
 Но все живетъ Его дхновенемъ;
 Растетъ единымъ мановеньемъ;
 Мiры всѣ, движетъ перемъ Его:
 Речетъ, и время течь престанетъ;
 Речетъ, и солнце вновь проглянетъ,
 И паки сотворится свѣтъ.

Но Богъ Свое творенье любитъ,
 Храня порядокъ въ мiрѣ семъ;
 Безъ нужды крайней не погубитъ
 Ни капли водъ, ни шравки въ немъ:
 Кипитъ ли море, солнцель пимитъ?
 Все къ лучшему концу спремится:
 Что кажешся неспройсвомъ намъ;
 То къ пользѣ служишь всей вселенной:
 Но нашъ разсудокъ ослѣпленной,
 Во гнѣвѣ Бога кажетъ шамъ.

Въ злашой являясь порфирѣ
 Входяще солнце, говоришь:
 Есть Богъ, вещей правитель въ мiрѣ,
 Кошорый свѣту жизнь даритъ.
 Прекрасна дщерь Его, природа,
 Гласитъ для каждаго народа:
 Господь единый всѣмъ Отецъ.
 Гласящъ безчисленные мiры,
 Бореи, громы и зефиры,
 Сколь мощенъ и великъ Творецъ.

IV.

ОДА СЧАСТІЕ (*).

Всѣхъ желаніевъ начало,
 Сщасстье! нашихъ цѣль сердецъ;
 Ты насъ вшедшихъ въ свѣтъ встрѣчала,
 Ты нашъ будешь зрѣшь конецъ;
 Чпо ны есмь, и гдѣ, не знаемъ;
 Но лишъ мыслишь начинаемъ,
 Мы грядемъ тебѣ во слѣдъ.
 Мы тебя всѣ ищемъ щепенно;
 И заходимъ не примѣтно
 Во пучину люшыхъ бѣдъ.

* * *

Мы ища тебя, страдаемъ
 И помимся всякій часъ;
 Но шобой не обладаемъ,
 Хоть всегда ны близко насъ.
 Или нашихъ душъ по свойство,
 Чпобъ терпѣши безпокойство,
 Не вкушая шя во вѣкъ!...
 нашихъ бѣдъ не ты причина!
 Есть на свѣтѣ бѣдъ пучина,
 Въ коей понешъ человекъ.

* * *

Сей ища тебя, помимся:
 Опѣ него ны прочь бѣжишь;
 Сей не шѣмъ пушемъ спремится,
 На которомъ ны лѣжишь;
 Тотъ нашедъ тебя, не знаетъ,
 И въ швоихъ рукахъ спенаешъ,

Часть I.

К

МЫСЛЬ

(*) Сѣя Ода писана къ Его Препосходительству Михайлу Матвѣевичу Хераскову, и сообщена къ намъ при письмѣ изъ Москвы, для напечатанія.

Мысль въ пороки углубя;
 За инымъ бѣжишь ты само:
 Онъ спарается упрямо,
 убѣгани опѣ тебѣ.

*

*

Счастье! мы тебя имѣемъ
 Всегда передъ собой:
 Но властѣи не умѣемъ,
 Сообщая съ тобою.

Не въ могуществѣ и власни,
 Не въ высокой самой часни,
 Не въ богатствѣ, не въ чинахъ,
 Не на знаменности дорогахъ,
 И не въ царскихъ ты чертогахъ:
 Но живешь у насъ въ сердцахъ.

*

*

Въ самой лучшей смертныхъ часни,
 Посреди богатствъ, утѣхъ,
 Величайшей люди власни,
 Иногда несчастнѣй тѣхъ,
 Кто средь хижины убогой,
 Добродѣтелию спрогой
 Наслаждая, живешь:
 Богачи слезъ въ морѣ понути,
 И Цари на тронахъ спонути,
 Коль въ сердцахъ спокойства нѣти.

*

*

Ктожъ о счастьѣ ложнымъ слухомъ
 Мысль свою не повредишь;
 Тотъ своимъ великимъ духомъ
 Счастье самъ въ себѣ родишь.
 Кто себя не беспокоитъ,
 Въ сердцѣ храмъ по тѣ счастью строишь;
 Счастье въ немъ свой зиждетъ тронъ;
 Грусть изъ сердца удалишь,
 И во вѣки не вселишь
 Въ немъ щеславцевъ гордыхъ спонъ.

* * *

Кто Счастливей былъ въ семь мѣрѣ,
 Александръ иль Діогенъ?
 Александръ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ,
 Всюду славой окруженъ;
 Царь нещетнаго народа;
 И казалась вся природа,
 Быть въ числѣ его рабовъ.
 Чтожъ покой въ немъ возмущаетъ?
 Ариспошель возвѣщаетъ:
 Тьмы другихъ ему мѣровъ.

* * *

Возвѣщаетъ, какъ сей воинъ
 И однимъ не овладѣлъ:
 Не былъ вѣчно онъ достоинъ,
 Вниши счастья въ предѣлъ.
 Діогеновы желанья:
 Чшобъ лучей дневныхъ сїянья
 Александръ не опивращалъ
 Предъ его вертепомъ стоя.
 Сей мудрецъ, Царя, Героя
 Больше счастья ощущалъ.

* * *

О Хераскопъ! ты свидѣшель
 Можешъ вѣрный въ томъ мнѣ бытъ,
 Что хранящимъ добродѣшель
 Должно счастье служить.
 Если малымъ кто доволенъ,
 Кто не гордъ, спокоенъ, воленъ;
 Тотъ есть счастливъ человекъ.
 Ктожъ за счастьемъ стремится,
 Тотъ въ пупи семъ ушомишя
 И не будетъ счастливъ въ вѣкѣ.

В. Майкопъ.

V.

БОЗАЛДАБЪ,

ПОСТОЧНАЯ ЛОПЪСТЬ (*)

Duc, me parens, celsiq Dominatur poli, quo-
cumq placuit.

Всевышній Творецъ Небесъ! поведи меня,
куда возхощеши.

Сенека въ Клеант.

Бозалдабъ, Калифъ Египетскій, пре-
проводилъ жизнь свою во спокойствіи и
приятности, чрезъ многіе годы. Каждое
утро умащалъ онъ главу свою, украшен-
ную сѣдинами, елѣмъ радости. Но въ еди-
ный изъ сихъ дней, единородный сынъ его
Аборамъ, для копораго собиралъ онъ всѣ
свои неизчешныя богатства, и разпроспра-
нял предѣлы своего государства завоева-
ніями, находясь на звѣриной ловлѣ, и ша-
мо забавляясь, пораженъ былъ смертонос-
ною стрѣлою, пущенною отъ руки сокро-
венныя, и копорая прервала печеніе жиз-
ни, на земномъ шарѣ, сего любимаго Бозал-
дабомъ Князя юношества.

Бозалдабъ

(*) Переведена со Шведскаго языка.

Бозалдабъ предавшись отчаянію, не хотѣлъ обиташь въ чертогахъ царскихъ; но избралъ для пребыванія своего темную пещеру, находившуюся въ горѣ, лежащей не далеко отъ столицы. Онъ раздралъ свои ризы, перзалъ сѣдые власы, билъ себя во грудь, повергся на землю, и не хотѣлъ никакова приняшь утѣшенія отъ руки перблivosпи. Никто изъ придворныхъ льстивцевъ не осмѣлился тогда къ нему приблизиться; даже что запрешилъ онъ къ себѣ входъ и самымъ шѣмъ, кои искренно его любили. Бозалдабъ не хотѣлъ слышать никакого гласа, опричь страшнаго крика ношыхъ пшицъ, лепшающихъ вокругъ ужасныя его пещеры, въ копорой вознамѣрился онъ пресѣчь дыханіе свое.

„Возможно ли почиташь Небо милосердымъ? (вопїялъ онъ въ горести и отчаяніи,) которое находить удовольствіе, поражая чловѣческія души злополучїями неожиданными; и которое попускаетъ, что бы творенія его спрадали въ несносныхъ несчастїяхъ! — Коль много обманываются учители наши, утверждая безъ всякаго основанія, что Провидѣніе, любя родъ чловѣческій, низпосылаетъ на него единое милосердіе и справедливость! — Не вижу ли я прошивнаго сему ученію? вмѣсто милосердія и утѣшенія, низпосылающа отъ Неба роду чловѣческому единыя мученія: наипрекраснѣйшіе цвѣт-

„ки, растущіе въ садѣ надежды подсѣкают-
 „ся и превращаются во прахъ; нѣтъ ни
 „кому пощады, нѣтъ сожалѣнія — О если
 „бы Небо одарено было благопворностію,
 „о коей проповѣдуютъ наши *Иманы* (*),
 „то безъ сомнѣнія бы отвращало оно всѣ
 „напасты и злополучія, превращающія
 „свѣтъ сей въ мучительную пещеру, въ
 „долину исполненную суеты, скуки
 „Ненавистна мнѣ жизнь моя! Я предупре-
 „жду назначенную минути кончины моея!
 „Довольно я жилъ! —

Произнеся сіи хулишельныя слова,
 подѣмлетъ онъ руку свою, копорую
 яроспъ и опчаяніе вооружили кинжаломъ,
 и спремившя пронзипъ сердце свое: но
 вдругъ возгремѣлъ страшный громъ, пещера
 его разсѣлась, ужасная молнія освѣпила
 оную: Калифъ ужаснулся, и въ сіе мгно-
 веніе предспало предъ него нѣкое Суще-
 ство, имѣвшее видъ величественный и пре-
 возходный предъ человѣческимъ; оно было
 одето въ ризу небеснаго цвѣта, и держа-
 ло въ рукѣ своей пальмовую вѣтвь; и ко-
 порое взявъ *Калифа* за прѣпѣщую руку,
 произнесло сіи слова, повелительнымъ,
 приятнымъ гласомъ: *слѣдуй за мною на
 вершину сея горы!*

Небесный жипель, возведъ *Калифа* на
 гору, вѣщаетъ ему: я есмь *Калокъ*, Ангелъ
 міра,

(*) *Иманы*, Жрецы.

міра. Обрати очи твои въ сію долину и виждь. Бозалдабъ обрапя взоръ свой, увидѣлъ островъ пуспый, ни кѣмъ необитаемый и безплодный. Онъ обозрѣлъ на ономъ чело- вѣка, блѣдна, изсохша, полумертва и по-гибающа отъ глада и жажды. Сей несчаст- ный былъ купецъ: онъ плакалъ, рыдалъ и произносилъ безпрестанно жалобы, что не можетъ обрѣсти никакихъ плодовъ, для насыщенія, ниже какого источника, для утоленія жажды; просилъ помощи отъ Неба, для защищенія себя отъ люпыхъ шигровъ, угрожающихъ разперзать его на части. Оно повергаетъ маленькій ящичекъ, наполненный драгоценными каменьями, яко бремя бесполезно опягощающее, и въ сей крайности ему ненужное. Съ превеликимъ трудомъ, спремисся взойти на пригорокъ, дабы могъ удобнѣе опшуду дать знашь, ес- ли бы увидѣлъ плывущій мимо сея пу-спыни корабль. — „Правитель небесъ! „вскричалъ Бозалдабъ, не допусти погибну- „ши сему несчастному, или бышь пищею „люпымъ звѣрямъ! — Умолкни, вѣщалъ Ан- гелъ, и внимай. Калифъ умолкъ; и увидѣлъ корабль, приспавшій ко берегу острова. Не можно изобразить живо радости, которую вкушалъ купецъ въ сіе время. Собираетъ ос- шавшійся силы; бѣжитъ съ пригорка; по- вергается къ ногамъ перваго челоуѣка, всту- пившаго съ корабля на островъ; обнимаетъ колѣна его; цѣлуетъ прахъ ногъ его; имс- нуетъ

нуеть его избавишелемъ своимъ; возвѣщаетъ
 кратко и смятенно о своемъ несчастіи, и
 проситъ, дабы онъ взялъ его съ собою, и
 отвезъ въ отечество. При семъ случаѣ, воз-
 поминаетъ купецъ о брошенномъ ящичкѣ,
 бѣжитъ за нимъ, приноситъ, и половину
 находящагося въ немъ сокровища вручаетъ
 своему избавишелю, въ воздаяніе за спасе-
 ніе его жизни. Мореплаватель прельщаетъ
 сокровищемъ, созываетъ всѣхъ своихъ со-
 товарищей, повѣспвуетъ о несчастномъ
 купцѣ, и предлагаетъ, что бы отнявъ
 оставшееся сокровище, оставя несчастна-
 го купца на произволь его судьбины. Мо-
 реплаватели соглашаются, отнимаютъ
 ящичекъ съ камнями, садятся въ судно,
 оставляють берегъ, и купно съ нимъ не-
 счастливаго странника, который проливалъ
 слезы, рыдалъ, рвался, и произносилъ жа-
 лобы, которыя могли бы умягчить и са-
 мыхъ лютыхъ звѣрей, обитающихъ на семъ
 островѣ. — Небо! вскричалъ Бозалдабъ: ты
 допускаешь совершиться такой звѣрской не-
 справедливости! — „Престань роптать,
 „вѣщаетъ ему Ангелъ: возри на сей ко-
 „рабль, на которомъ несчастный хопѣлъ
 „плывъ; видишь ли, что онъ безъ руля,
 „безъ парусовъ, носится по пространству
 „бунтующаго моря, свирѣпыми вѣтрами уда-
 „ряется о камни, и на конецъ раздро-
 „бляется на части. Смоди, какъ погиба-
 „ютъ всѣ бывшіе на ономъ люди, и нѣтъ
 „имъ

„имъ спасенія. Премудрая Десница, созда-
„шая свѣтъ сей, управляетъ онымъ по не-
„изповѣдимымъ для человѣковъ судьбамъ.
„Провидѣніе опредѣлило, для избавленія не-
„счастливаго, о коемъ ты сокрушался, при-
„спать къ острову другому кораблю. Сердце
„сего странника объято было корысполюбі-
„емъ; и онъ столько же былъ самъ немилос-
„сердъ къ бѣднымъ, колико оказано было ему
„жестокости. Онъ воображалъ, будто въ бо-
„гатствѣ скрывается дѣйствующая сила,
„подобно какъ въ жезлѣ *Абдіеловомъ*, посред-
„ствомъ котораго можно было удовольство-
„вать всѣ свои желанія, и избавишься отъ
„страха. Но сего дня, началъ онъ, не только
„что презирать богатствы, но и получилъ
„къ нимъ омерзѣніе; онъ бросилъ свои драго-
„цѣнныя каменья, уразумѣвъ, что не всегда
„могутъ онѣ быть полезными человѣку. По-
„ступокъ же мореходцевъ съ нимъ, научилъ
„его опытомъ, что самая величайшя со-
„кровища, часто бывающъ главнѣйшею при-
„чиною несчастія, которое имѣвшему ихъ
„приключается. Онъ знаетъ уже теперь, что
„сокровища могутъ быть добрыми, или ху-
„дыми, полезными или вредными, смотря
„по склонностямъ того человѣка, у коего
„онѣ въ рукахъ находятся. — Блаженъ чело-
„вѣкъ, научившійся премудрости во днѣхъ
„несчастія! — Но обрати очи свои на
„другую страну, и зри на явленіе, ко-
„торое поразило тебя болѣе минувшаго.

Въ сіе самое мгновеніе, узрѣлъ *Бозалдадъ* великолѣпныя черпоги, украшенныя Ясписовыми испуканами его прародителей; двѣри сихъ черпоговъ были изъ слоноваго кости, утвержденыя въ столпахъ, сдѣланныхъ изъ голгондскаго злапа. Сквозь оныя видѣнь былъ престолъ, украшенный алмазами и другими драгоценными каменьями, собранными изъ пятидесяти царствъ. Вокругъ сего великолѣпнаго престола, спояли послы оныхъ различныхъ народовъ, одѣтые каждый по обычаю своея земли, на правой же споронѣ возлѣ престола спояла молодая княжна, могущая о красотѣ своей спорить съ небесными *Гуріями*. — Но какое удивленіе поражаетъ *Калифа*, разсмапривающаго сіе зрѣлище! Онъ видитъ любезнаго своего сына *Аборама*, коего смерть онъ оплакивалъ, сѣдющаго на семъ престолѣ. —

„О благошворный *Аллагъ!* (*) вскричалъ *Калифъ*: это сынъ мой! — Ахъ! дозвожь мнѣ, принявъ его въ объятія мои: сердце мое — Ты не можешь обнять шѣнь, неимѣющую сущесшвованія, отвѣчалъ ему Ангелъ. Се есть единое видѣніе и призракъ, копорый представилъ я, дабы показать тебѣ, какой участи былъ бы подверженъ сынъ твой, если бы онъ прожилъ долѣе на землѣ. — По чшо же не позволено ему было жить долѣе? возопилъ *Бозалдадъ*; и за чшо лишень

(*) Богъ.

„шевѣ я сего благополучія и радости, чшо
 „бы видѣшь его въ такомъ величїи и сла-
 „вѣ? — Не ропщи! умолкни и внимай по-
 „слѣдующему, вѣщаль ему жишель пяпаго
 „Неба. — *Калифъ* повинуюсь, усугубилъ
 вниманіе свое. Онъ примѣчаетъ на лицѣ сы-
 на своего, хошя оно имѣло свѣжій и ве-
 селый видъ, знаки ужаса и опчаянїя; по-
 слѣ того ярость и бѣшенство начершава-
 юшся на ономъ, руки его кажутся оба-
 греными въ крови, и вскорѣ по томъ уви-
 дѣлъ онъ его лишеннымъ ума. Огромные
 черпоги, въ которыхъ сіяло великолѣпіе
 всѣхъ воспочныхъ спранъ, превращающіяся во
 спрашную и ужасную пемницу, въ коей
Аборамъ сидишь опягченый оковами, и
 лишенный зрѣнїя. Толпа подданныхъ не
 возмогши сноситъ его жестокостей, на-
 сыщаетъ мщеніе свое лишеніемъ его жизни.
Калифъ ужасается: но жишель небесный
 вѣщаетъ ему тако: Не блаженъ ли сынъ
 „швой, чшо Провидѣніе не допустило его
 „совершитъ величайшїя злодѣянїя, и пре-
 „сѣкло жизнь его, рукою смертоноснаго
 „Ангела? И не завидна ли его участь,
 „когда Небо не допустило совершитъся
 „надъ нимъ поликимъ несчастїямъ?

„Познаю заблужденіе мое, возопилъ *Ка-*
 „*лифъ*! Я почишаю неизповѣдимыя пущи
 „судебъ Всемогущаго! О! коликихъ бѣдъ-
 „спвій, горестей и злополучій избавилъ онъ
 „меня, смертію сына моего, о коей я споль
 „безраз-

„безразсудно ропсалъ и проливалъ слезы.
 „Оуб умеръ; но смерть не допуспя его со-
 „вершитъ злодѣянїя, оставила по немъ
 „блаженную память на земли, и водвори-
 „ла душу его въ небесныя жилищи!

„Повергни кинжалъ, сказалъ ему Ан-
 „гелъ, копорымъ шы намбревался лишись
 „себя жизни: уполи печаль швою, прембни
 „воплъ и стenanіе швое въ подобоспраспное
 „смиреніе; и на мбсто негодованїя и упре-
 „ковъ, исполни сердце швое величайшимъ
 „благоговбнїемъ ко Всевысочайшему Творцу
 „міровъ. Никшо изъ смерпныхъ, не можешъ
 „проникнуть вбчныя сокровенности Прови-
 „дбнїя! Не возможешъ духъ, шoliko огра-
 „ниченный, каковъ есть человекъ, поспиг-
 „нуть намбренїя небесныя! Возмогутъ ли,
 „скажи, рвы, изкопанныя шобою около бре-
 „говъ *Нила*, вмбспить въ себя всю морскую
 „воду? — Памяшуй всегда, что совершенное
 „блаженство не можешъ бытъ участью че-
 „ловковъ: ибо оно есть свойство Суще-
 „ства высочайшаго: человекъ не могутъ,
 „повпоряю я, наслаждаться совершеннымъ
 „блаженствомъ, въ смерпности, своей.

Ангелъ, сказавъ сіе, разпростеръ крилб
 свои, и поднялся ко шверди небесной; а
Бозалдабъ возвратился въ царскїе черто-
 ги, научась отъ Ангела, что блаженство
 смерпныхъ состоитъ въ совершенномъ преда-
 нїи себя во власпъ Всевышняго Провидбнїя.

VI.

И Р И Н Ъ.

Въ единый прекрасный вечеръ, *Иринъ* съ сыномъ своимъ выплылъ въ бопикъ на море, дабы разбросити по камышамъ мрежи, которыя проспирались возлѣ береговъ, окруженныхъ деревьями, въ не далекомъ разстоянїи. Солнце тогда почти погружалось уже въ воды. Поверхность влаги и небеса, казались разкаленными въ пламени.

О! какъ преузорочно шеперь зрѣлице снраны сея, сказалъ юноша, наученный опцемъ своимъ, взираши съ примѣчанїемъ на каждое явленїе природы. Взгляни, говорилъ онъ: лебеди посреди гнездъ своихъ, окруженные радостными пшеницами своими, въ рдяномъ сїянїи волнъ купающа и возглашающъ. Посмотри; они плывущъ, и видя огненные подъ собою колебанїя, подьемлющъ пернатые свои парусы на воздухъ. Зри, какъ прияшно тамо на брегу, съ изгибающимися вешвями, въ боязливомъ шорахъ, шрепѣщущъ на берегахъ листїе; и какъ возхищительно онъ, въ зеленыхъ спруяхъ, съ шумомъ движущся небольшими вѣтрами. О какую нѣжность вдыхающъ въ чувшво, и земля, и небо, и море! Коль красна сущь всяческая! Коликїя увеселенїя и коликїя изобилїя предлагаешъ намъ природа!

Такъ,

Такъ , отвѣчалъ Иринъ : она шворитѣ
 насѣ веселыми и счаспливыми ; и блаженѣ
 явшися ею во всѣ дни живоша швоего , когда
 ты будешѣ правѣденѣ ; когда неисповыя
 спраспи не помѣшаютьѣ шихому ошущенію
 красотѣ ея . О сынѣ любезный ! я уже шебя
 скоро оспавлю ; и преизящный свѣтѣ , въ пре-
 изящнѣйшихѣ обласпяхѣ , наслѣдую въ воз-
 мездіе моея непорочности . Ахѣ ! пребудь и ты
 на всякое время добродѣтели вѣренѣ . Воз-
 плачь сѣ плачущими . Даждь отѣ шрапезы
 своея алчущему . Поборспвуй , колико мо-
 жешѣ , ко благополучію общеспва . Будь
 шрудолюбивѣ . Возкрыляйся ко Владыкѣ еспе-
 спва , коему вѣспры и море супѣ послушны :
 Ошѣ всею спройтѣ во благо духовное міра .
 И ты лучше избирай спыдѣ и смертѣ , неже-
 ли поползнисѣ когда на злодѣйспво . Чеспѣ ,
 избыпокѣ и велелѣпіе супѣ суеша . Единая
 спокойная совѣспѣ еспѣ учаспѣ наша . Въ
 шаковыхѣ размышленіяхѣ , сынѣ мой , посре-
 дѣ ни кѣмѣ независпвуемыхѣ радоспей вла-
 сы главы моея поседѣли . Хошя осьмдесятѣ
 крашѣ , дубравы окреспѣ моея хижины
 зрѣлѣ я шо зеленѣющимися , шо желтѣю-
 щими ; но моя долгоденспвенная жизнь
 прошла вся шакѣ , между неповинныхѣ уве-
 селеній и забавѣ , какѣ крошкія провѣванія ,
 проходяшѣ между благоуханныхѣ криновѣ .
 Еще вѣсна цвѣпешѣ на челѣ моемѣ . Правда
 имѣлѣ и я нѣкія прискорбности . Когда умерѣ
 братѣ швой , текли слезы изѣ очей моихѣ .

Солнце

Солнце и небеса казались мнѣ мрачными. Часно также захватывали меня непогоды среди открытаго моря; возносили меня зыбями горе, и на вершинахъ холмовъ водныхъ, возвышенъ бывалъ я съ моею лодкою въ превыспренноспяхъ подоблачныхъ. Волна съ ревомъ упадала, и я съ нею. Жипели влаги ужасались, когда надъ главами ихъ гремѣли вреющія спихіи. Они уходили въ бездны. И я думалъ также всегда, что каждый зевъ валовъ разпворяетъ мнѣ шекущіе гробы. При шомъ и буря, погруженные крыла свои въ хляби когда опрясала, тогда озера на меня проливались. Но скоро укрощалася ярость вихрей. Воздухъ спановился свѣшлымъ. Я зрѣлъ въ шихомъ сіянніи лѣпопу небесъ. Сребряною синевою покрпшый кишъ, изъ пучины шемныя, багровыми глазами, проглядывалъ сквозь криспальную покрпшку своего дома, и зрѣлъ на равнину водъ. Сонмы жильцовъ проспраннаго моря играли въ волнахъ свѣшозарныхъ. Радоспъ и покой возвращались душъ моей. . . . Но шеперь ожидается меня гробъ: Я не боюсь его. Вечеръ жизни моея будетъ споль же хорошъ, какъ день и ушро оныя. О чадо! будь благочеспивъ и добродушенъ, шо будешъ пы какъ и я счаспливъ. Природа шибъ будешъ всегда прекрасною казашъся.

Ошрокъ возклоняся на руку *Ирину*, прижималъ еіо ко ушпамъ своимъ и говорилъ: Нѣшъ! ошецъ мой, еще не умрешъ пы! Небо сохра-

сохранишь тебя къ моему утѣшенію. Изсточники слезъ текли изъ очей его. Они разклали мрежи. Между тѣмъ ночь наступила, а они тихо пригреблися обратно ко своему жилищу.

Иринъ умеръ. Его добронравный сынъ оплакивалъ его долго, и никогда не выходилъ у него сей вечеръ изъ помышленія. Священный ужасъ наполнялъ всего его, когда предспавлялся ему опеческій образъ. Благословеніе небесъ сошло на него. Древность его кажешся ему еще и нынѣ юностию дней его.

VII.

И д и л і я.

Уже въ лугахъ цвѣткы и травкы возросли;
 Зефиры тѣплоту на крыльяхъ принесли;
 Хрустальные ручьи съ вершины горъ капились;
 Долины разцвѣли, березкы распустились;
 Въ погоду шихую, и въ самый свѣплый день,
 Лишь шолько въ небесахъ изчезла ноци тѣнь,
 Овѣчекъ пасухи гнашь въ поле собралися.
 Тамъ игры разныя, и смѣхы началися.
 Такихъ веселостей, побольше чшобъ вкусить,
 Хотѣлось имъ къ себѣ пасушекъ пригласить.
 Свирѣблями они къ спадамъ ихъ вызывали;
 Пасушки пѣснями имъ голосъ подавали:
 Къ забавамъ поспѣшишь съ охотою хотяшь;
 Какъ горлицы онѣ, сквозь рощицу лешяшь.
 Едва ко пасухамъ подѣ тѣнь древесѣ сбѣжались,
 Забавы, радости и смѣхы умножались;
 Вмѣшалась въ игры ихъ и нѣжная любовь:
 Иная хочеть скрышь, что въ ней пылаеть кровь;
 Другая пасуху не скромно открываетъ,
 Что онѣ ее давно любовью зажигають;
 Являли шайнство онѣ своихъ сердець:
 Но имъ и рѣзвости любви плели вѣнецъ.
 Ирида лишь себя весельямъ не вдавала:
 Она плясать не шла, и пѣсень не воспѣвала:
 Одна у чисныхъ водѣ задумчива сидишь;
 Вздыхаетъ, слезы льетъ, на игры не глядишь;
 Пошупила она свой взоръ во быспры воды.
 Другія въ запуски, другія въ караводы,
 рѣзвясъ и бѣгая между собой въ кругу,
 Шалашъ увидѣли зеленый на лугу;
 Увидѣли; но въ пощѣ шалашъ войши не смѣли,
 И рѣзвостъ продолжать, охоты не имѣли.

къ Иридѣ всѣ онѣ со шрепѣтомъ бѣгутъ;
 въ примѣчанный шалашъ ее съ собой ведутъ.
 Она хощя сама въ томъ мѣстѣ не бывала:
 Но то видѣніе потъ часъ разполковала.
 Подружки къ шалашу за нею подошли,
 И въ ономъ чудное убранство обрѣли:
 Сплелися цѣпью въ немъ два липовыя древа;
 Изъ вѣтвѣя древесъ изображалась дѣва,
 Которая сидитъ на мягкой муравѣ,
 И звезды и луну имѣя на главѣ;
 Разсыпаны цвѣты у ногъ ея лѣжали,
 А розы передъ ней свѣтильникъ соружали.
 Пастушки видя то, не знали, что начашъ;
 И начали онѣ прилѣжно примѣчать,
 Давноль, и какъ сіе открылося явленье?
 Ириду меньше всѣхъ смущало удивленье.
 Чему дивитесь вы, и что васъ такъ спрашивѣтъ?
 Ирида вамъ теперъ сомнѣніе рѣшитъ.
 Вы зрите Божество; и въ этомъ нѣтъ обмана:
 Изобрежена здѣсь сѣдѣющая Діана.
 Мы должны жертву ей усердно принести:
 Она отъ всякихъ золъ удобна насъ спасти.
 Пастушки мнѣніе такое подтверждали,
 И жертву приносятъ онѣ Діанѣ стали.

Белиза сорвала зелену мураву,
 Вѣночикъ соплела Діанѣ на главу;
 Его на жертву ей съ почтеньемъ приносила,
 Упала передъ ней, и такъ ее просила:
 „Діана! я тебѣ вѣночикъ подношу!
 „Единой отъ тебя я милости прошу,
 „Чтобъ я любимую нашла мою овѣчку,
 „Которая вчера утѣпла, плывъ чрезъ рѣчку.

Белиза у отца овѣчку унесла,
 Печаль ему чрезъ то велику нанесла:
 Хощѣла пастуха овѣчкой подарити,
 Что бы ему свою горячность шѣмъ открыти.
 Белиза за отца наказана была:
 Ей помощи своей Діана не дала.

Белизѣ шла во слѣдѣ влюбленная Циней
 Различные плоды въ рукахъ своихъ имѣя,
 Килала ягоды къ Діанинымъ ногамъ:
 „Діана! дай вѣнецъ двумъ шающимъ сердцамъ,
 „Циней говоришь: съ Ликаспомъ мы спрадаемъ,
 „Вѣнца любви своей, три лѣта ожидаемъ.
 „Прими дары сіи, Богиня! умягчись!
 „И чистымъ пламенемъ любви не огорчись.
 Циней Тирсису сперва любовь сулила,
 И послѣ ту любовь къ Ликаспу обратила,
 За вѣрность свою наказана она;
 Удача ей въ любви Діаной не дана.

Являя нѣкую въ очахъ веселость вида,
 Вступила во шалашъ прекрасная Зенида.
 Изъ чистаго ручья ведро воды взяла,
 Діанины цвѣты и лисья полила.
 „Прими сіе, прими! Зенида ей вѣщаетъ:
 „Усердіе мое вода въ себѣ вмѣщаетъ:
 „Какъ льетъ передъ тобой ее рука моя,
 „Да льется на меня щедроша такъ швоя.
 „Діана! я тебѣ желанье открываю:
 „Мидону другомъ я сердечнымъ называю;
 „А мнѣ она уже не хочеть другомъ быть.
 „Діана! не вели Зениду ей забыть!
 Мидона нѣкогда Зенидѣ спрось открыла;
 Зенида тайну спрось подружкамъ отворила;
 Паспушки начали журить ее за то,
 И знаться не хотѣлъ съ ней болѣе никто.
 Мидонѣ сдѣлала она чрезъ то обиду:
 И не вступилася Діана за Зениду!

Ирида во шалашъ послѣдняя идетъ;
 Овѣчку за собой любимую ведетъ;
 Ее съ охотою на жертву посвящаетъ
 Слезами облившись, Діанѣ такъ вѣщаетъ:
 „Любимую тебѣ овѣчку отдаю:
 „Отъ смерти свободы, Діана! мать мою,
 „Ея болѣзнями душа моя помился:
 „Да здравіе тобой и жизнь ей возвратишься!

„Пускай погибнуть всѣ мои шеперь стада!
 „Пусшь жашва мнѣ вѣ сей годѣ не принесетъ плода!
 „Пускай вѣ моихъ садахъ увянутъ всѣ цвѣпочки,
 „Изсохнутъ по лѣсамъ на вѣтвїяхъ лиспочки!
 „Гопова, все сіе со радостью стерпѣшь;
 „Лишь шолькобѣ машь мою могла здорову зрѣшь.

Пастушки жертву такъ діанѣ совершили.
 Не кѣ играмъ ужѣ онѣ; кѣ стадамъ иши спѣшили.
 Ирида не кѣ стадамъ, а кѣ машери спѣшишь.
 Избавленну ея уже отъ скорби зришь:
 Вѣ ея обѣщїя съ веселїемъ упала;
 Чшо зрѣла вѣ шалашѣ, шо машери сказала.
 Иридѣ за сіе дала награду машь:
 Велѣла ей, любовь съ Лицидомъ увѣнчать.
 Давно взаимна спрась во двухъ сердцахъ пылала:
 Но машь желанїя вѣнчать не позволяла.
 Теперь смягченна ставъ родительская кровь,
 Вѣнчала искренность, горячность и любовь.
 Ирида каждый день кѣ діанѣ приходила;
 Благодаря ея, ужѣ прозьбой не шудила;
 Кѣ ней пѣсни искренны соспавила она,
 Чшо ей приятна часть Богинею дана.

Мы не ожидали, что бы такъ скоро исполнялись наши прозьбы въ разсужденіи присылаемыхъ къ намъ писемъ; а еще менѣе думали мы, что бы тѣ лиспы, копорые оптверзають врага нашему *Утреннему Свѣту*, могли подасть случай къ различнымъ мнѣніямъ о личныхъ и душевныхъ нашихъ свойствахъ. Однакожъ мы удостоились получить нѣсколько писемъ, копорыя почти всѣ одинакаго содержанія съ помѣщеннымъ здѣсь. Сіе письмо избрали мы предпочтительно предъ всѣми для того, что оно нѣсколько обстоятельнѣе и подробнѣе прочихъ, а при томъ и для показанія нашего безпристрастія и прощиву самихъ себя: оное есть слѣдующаго содержанія.

VIII.

Господа Издатели *Утренняго Свѣта!*

Никогда не ожидалъ я такихъ положеній и мнѣній въ *Журналъ*, каковы упопробленныя вами въ предисловіи вашего *Утренняго Свѣта*. Я оставляю безъ примѣчанія, описаніе личныхъ свойствъ вашего почтеннаго Сочлена, копорый краснорѣчіемъ своимъ всѣхъ васъ изумилъ; и сіе дѣлаю для того, что почти весь городъ

знаетъ уже нѣсколько лѣтъ сего строгаго Моралиста; а поспѣшаю къ насъ, чѣмъ вы изволили увѣдомлять насъ, что ваше Общество состоитъ изъ 10 особъ, и что всѣмъ вамъ вмѣстѣ не больше 30 лѣтъ. — Шутить ли изволили вы? или желаете, новымъ симъ и неслыханнымъ щепомъ приманишь чистопеллей? Но позвольте припамятовать вамъ, что не всякая новость нравится чистопелямъ. Я самъ писатель; но никогда не осмѣлился сообщать въ публику подобныхъ вашимъ вымысловъ; не смотря однакожъ на сію осторожность, новѣйшія мои мнѣнія рѣдко нравились чистопелямъ. Но что было бы тогда, еслибъ захотѣлъ я, предлагать о такихъ вещахъ, которыя напуръ и увѣренію cadaго человека, да и всѣмъ ежедневнымъ опытомъ явно противорѣчатъ. Научишься же, Государи мои, изъ опытовъ моихъ, остерегаться отъ вреда. Не хотите ли вы, зрячихъ чистопеллей сдѣлать слѣпыми? и не думаете ли увѣрить насъ, что трехлѣтній младенецъ можетъ читать *Сократа* и другихъ древнихъ Философовъ, да еще и переводить умѣетъ? Я не думаю, чтобы вы были Антиподы тѣхъ Праотцевъ, которые искали и находили славу свою и блаженство земное въ долготѣнной жизни. Можетъ быть хотите вы, весь Журналъ свой наполнить загадками, какъ то и названіе онаго показываетъ; не смотря на

то,

то, что вы сему изрядной сдѣлали оборотъ. Но по что оспанавливаюсь я при изслѣдованіи такого положенія, которое тѣмъ непонятнѣе для меня становится, чѣмъ больше объ ономъ разсуждаю!... Десяти человѣкамъ, да еще и писателямъ, всѣмъ вмѣстѣ 30 лѣтъ! кто это понять можетъ? и кто, при изслѣдованіи сего, не потеряетъ терпѣнія? Признайтесь, что вы о семъ положеніи не хорошо подумали, и что можетъ быть перо ваше за быспроую мысль вашихъ успѣвать не можетъ. Сію ошибку можете вы легко исправить, если скажете, что это типографская ошибка, и припишете ее наборщикамъ.

Далѣе упоминаете вы о духѣ, душѣ и тѣлѣ въ насъ человѣкахъ. Есть ли полно въ васъ разумъ? Я читалъ едва не всѣ ли сочиненія славнѣйшихъ и великихъ нашего времени Философовъ.

но нигдѣ не находилъ такихъ положеній. Признайтесь ли вамъ по совѣсти. Доселѣ я былъ такого мнѣнія и о душѣ, что не зналъ куда ее употребить; а вы прибавляете и прешіе еще менѣе понятнѣйшее существо. Къ чему сіи новости, когда и старое еще великому сомнѣнію подвержено? О! если бы я былъ Метафизикъ, то показалъ бы вамъ, что таковыми положеніями шутить не должно. Впрочемъ

Впрочемъ съ Метафисикою и безъ нея, разумѣю я только то, что мы человеки, а не духи и не души. Сими свойствами мало бы могъ я пользоваться самъ, и приносилъ пользу кр. — И такъ я сообщу вамъ, какъ приятель, опречись отъ обидъ сихъ положеній; употребите письмо мое въ пользу; напечатайте оное, и засвидѣтельствуйте явно, что я совершенно правъ. Сіе не принесетъ вамъ стыда. Я скажу по вашему, что человекъ прехъ лѣтъ легко можетъ ошибаться. О признающихся же во своихъ заблужденіяхъ, я имѣю хорошее мнѣніе; да и подлинно это весьма похвально. — Мнѣ вспрѣпилась мысль, что не съ умыслу ли написали вы сіи положенія, дабы подать похвальной примѣръ признанія своихъ погрѣшностей? И ежели это такъ, то признаюсь, что это выдуманно не худо. И теперь больше увѣренъ я въ вашей ко мнѣ благодарности за то, что не упуская времени, подаю случай къ исполненію вашего намѣренія.

Государи мои!

Вашъ покорный слуга:

Ипанъ Скородумовъ.

Сіе

Сіе письмо споль много преисполнено надеждою на свои познанія, чшо мы не думаемъ найшишь довольно мѣста, въ занятыхъ уже сего Мѣсяца лиспахъ, для помѣщенія доспапючнаго отвѣта. Но мы обѣщаемъ Г. Скородумову, чшо мы еще однажды, въ полномъ Собраніи нашемъ, подумаемъ о изданномъ предисловіи, и увѣдомимъ его о мнѣніи нашего Сообщества. Мы вѣдаемъ, какая честь сопряжена со признаніемъ своихъ погрѣшностей, предразсужденій и пороковъ; и для того шо весьма часпо удивляемся о маломъ числѣ тѣхъ, кои шесшвуютъ по доспохвальному сему пути, для доспиженія истинныя чести. Мы посшавили уже себѣ должностію, подавать всегда примѣръ, во признаніи нашихъ погрѣшностей, какъ скоро докажутъ намъ ошибку нашу. Впрочемъ должно увѣдомить Г. Скородумова, чшо наше Общество не имѣетъ ни малѣйшаго знакомства съ тѣми писателями, копорыхъ онъ наименовалъ во своемъ письмѣ, для того, чшо мы желаемъ бышь, хошя прехлѣпными, но чловѣками. Мы не безъ намѣренія выпустили и имена тѣхъ писателей, отъ коихъ Г. Скородумовъ заимспвовалъ свою Философію.

Епиштола, сообщенная къ намъ, напечатана не будетъ, хошя бы мы и искренно желали,

желали, помѣщеніемъ оныя, засвидѣтель-
ствовашь справедливую похвалу сему ис-
стинному другу Отечеству нашего, къ ко-
шорому она писана: но мы ограничили свои
листы вмѣщеніемъ въ нихъ только нраво-
учительныхъ сочиненій, служащихъ ко
исправленію нравовъ и просвѣщенію.

Типографскія ошибки въ Сентябрѣ мѣсяцѣ.

Въ именахъ подписавшихся особѣ.

стра.	стр.	напечатано.	читай
XXI	23	Иванъ Андрѣевичъ Болиско	Андрѣй Андрѣевичъ Болиско
XXII	11	Федоръ Семеновичъ Поповскій	Федоръ Семеновичъ Поповцовъ
—	33	Иванъ Григорьевичъ Рязановъ	Иванъ Гавриловичъ Рязановъ
50	15	Крисона	Крезона
51	23	Крисъ	Крезъ
—	33	кишатъ на воз- духъ	шолпятся въ воз- духъ

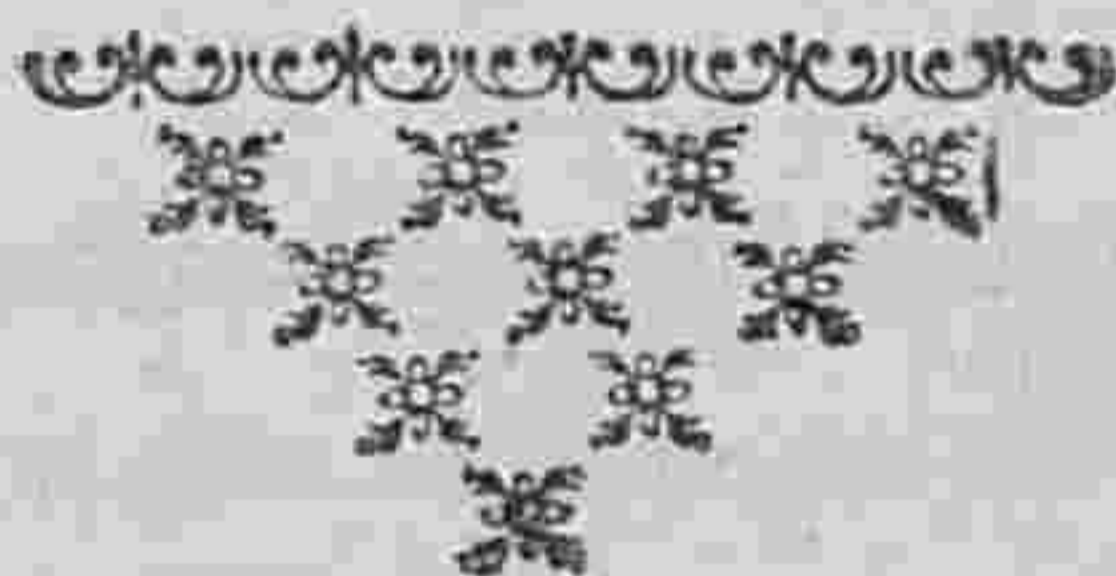
УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

мѣсяцъ Ноябрь.

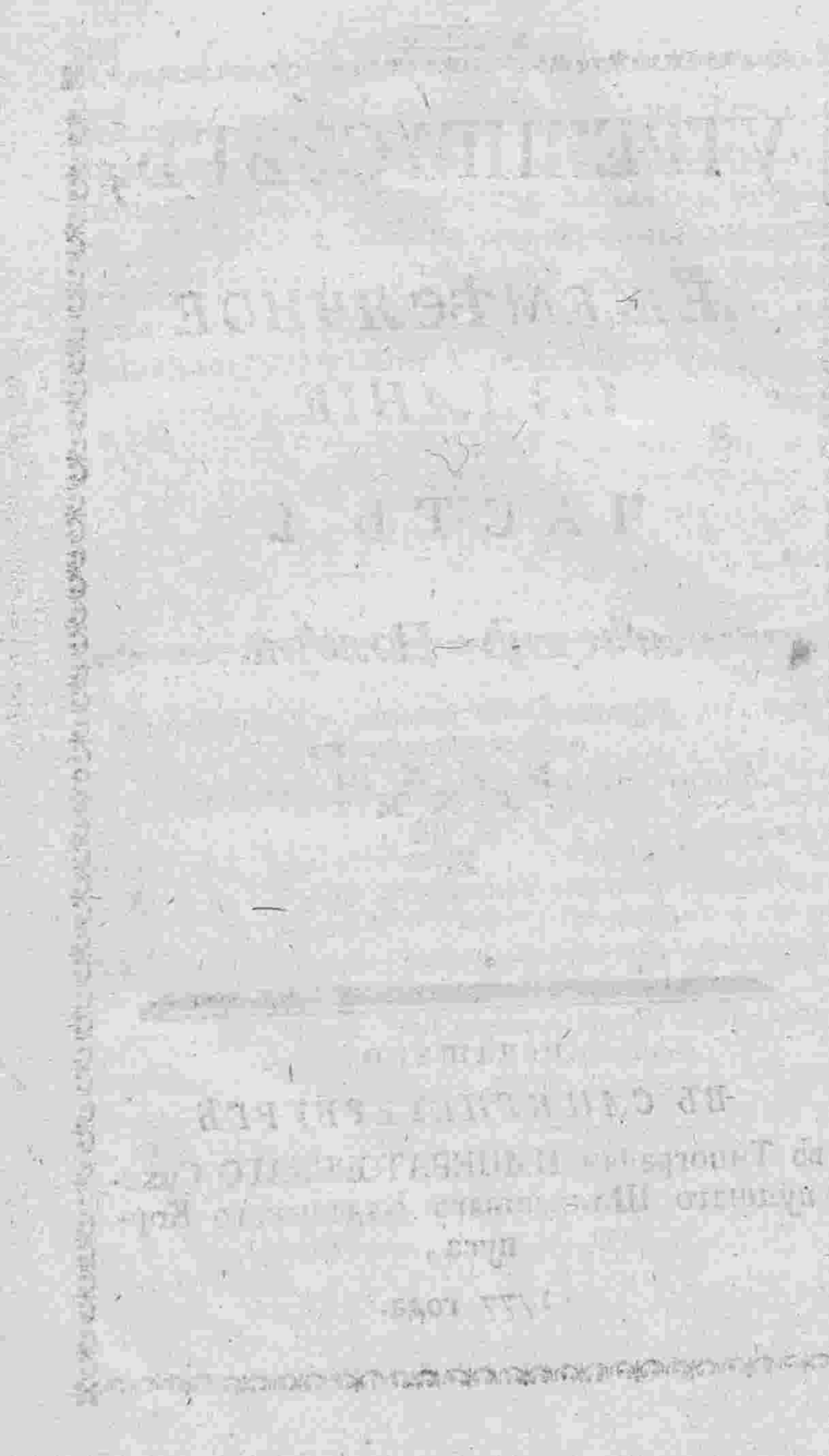

печатано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пушнаго Шляхешнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1777 года.

*Особы, подписавшіяся въ Санктпетербургѣ, и
заплатившія болѣе обыкновенной цѣны.*

Ея Высокопревосходительство Марья Павловна На-
рышкина, 1 экземпляръ 10 рублей.

Его Сіятельство Графъ Захаръ Григорьевичъ Черны-
шевъ, 1 эксем. 10 руб.

— — Графъ Федоръ Андрѣевичъ Остерманъ, 1
эксем. 10 руб.

— — Графъ Иванъ Андрѣевичъ Толстой, 1 эксем.
5 руб.

Неизвѣстный, 4 эксем. 50 руб.

Его Высокоблагородіе Федоръ Григорьевичъ Вахпинъ,
1 эксем. 5 руб.

— — Федоръ Ивановичъ Гординъ, 1 эк. 5 руб.

— — Благородіе Сергій Анисимовичъ Князевъ, 1 экс.
10 руб.

— — Никифоръ Ивановичъ Кайгородовъ, 1 эксем.
5 руб.

По обыкновенной цѣнѣ.

Его Превосходительство Александръ Ивановичъ На-
рышкинъ, 1 эксем.

— — Высокоблагородіе Алексій Ивановичъ Пушкинъ,
1 эксем.

— — Сіятельство Князь Иванъ Михайловичъ Кольцовъ
Мосальской, 1 эксем.

— — Благородіе г. Повало-Швейковской, 1 эксем.

— — Высокопреосвященство Инокентій, Архіепископъ
Псковскій, 1 эксем.

— — Благородіе г. Есауловъ, 1 эксем.

— — г. Евсѣевъ, 1 эксем.

— — г. Зубриловъ, 1 эксем.

— — Прокофій Никишичъ г. Бѣлоглазовъ, 1 эксем.

— — Коронный повѣренный г. Губкинъ, 1 эксем.

Его Превосходительство Федоръ Михайловичъ Ве-
ригинъ, 1 эксем.

- Его Высокоблагородіе Николай Павловичъ Милютинъ,
1 эксем.
- Благородіе Федоръ Ивановичъ Марковъ, 2 эксем.
- Благородіе Алексѣй Алексѣевичъ Репьевъ, 1 экс.
- — Михайло Михайловичъ Гизелевской, 1 эк.
- Высокоблагородіе Андрѣй Дмитріевичъ Еремѣевъ,
1 эксем.
- — Андрѣй Андрѣевичъ Лангель, 1 эксем.
- Благородіе Николай Львовичъ Тимановичъ, 1 эк.
- — Степанъ Ивановичъ Пенчуковъ, 1 эксем.
- Высокоблагородіе Федоръ Ивановичъ Гординъ, 1 эк.
- Благородіе Николай Ивановичъ Ушаковъ, 1 эксем.
- — Яковъ Петровичъ Чернышевъ, 1 эксем.
- — Федоръ Федоровичъ Лѣсниковъ, 1 эксем.
- — Василій Семеновичъ Хвостовъ, 1 эксем.
- Церкви Вознесенія Господня священникъ, Сергій Фе-
доровичъ Федоровъ, 1 эксем.
- Его Высокоблагородіе Александръ Вешровичъ Курба-
шовъ, 1 эксем.
- Иванъ Тимоѣевичъ г. Тимоѣевъ, 1 эксем.
- Его Благородіе Михайло Ивановичъ Лихаревъ, 1 эк.
- Сіяшельство Князь Василій Михайловичъ Долго-
руковъ-Крымской, 1 эксем.
- Благородіе Семенъ Сергѣевичъ Волчковъ, 1 эксем.
- — Иванъ Ивановичъ Нефедьевъ, 1 эксем.
- Высокоблагородіе Иванъ Ивановичъ Палибинъ, 1
эксем.
- — Илья Федоровичъ Валковской, 1 эксем.
- Ея Высокоблагородіе Анна Евдокимовна Карамыше-
ва, 1 эксем.
- Его Благородіе Федоръ Федоровичъ Арбузовъ, 1 эксем.
- Андрѣй Петровичъ г. Петровъ, 1 эксем.
- Его Благородіе Михайло Ивановичъ Поповъ, 1 эксем.
- Превосходишельство Николай Дмитріевичъ Дур-
ново, 1 эксем.
- Благородіе г. Сергѣевъ, 1 эксем.
- Иностранный купецъ г. Карлъ Ритшеръ, 1 эксем.
- Его Благородіе Николай Ивановичъ Боучаровъ, 1 эк.

Ея Превосходительство Анна Андрѣевна Муравьева,
I эксем.

Его Высокопревосходительство Александръ Ивановичъ Глѣбовъ, I эксем.

— Высокоблагородіе Борисъ Владиміровичъ Фонъ Дешель, I эксем.

— Благородіе г. Сухопрудской, I эксем.

— Высокоблагородіе г. Ушаковъ, I эксем.

— Благородіе Никиша Никишичъ Демидовъ, I эксем.

Г. Солодовниковъ, I эксем.

Ея Императорскаго Величества въ библиотечку, для придворныхъ служителей учрежденную, I эксем. подписался Камерлакей г. Ключаревъ.

Его Высокоблагородіе г. Боейковъ, I эксем.

— — Павелъ Николаевичъ Юшковъ, I эксем.

Неизвѣстный I эксем.

Его преосвященство Агей, Епископъ Бѣлогородскій, I эксем.

— Высокопреподобіе Палладій, Архимандритъ Сергіевской Пустыни, I эксем.

— Благородіе Иванъ Ивановичъ меньшей Князевъ, I эксем.

— — Данило Даниловичъ Князевъ, I эксем.

— — Сахомій Даниловичъ Князевъ, I эксем.

— — Гаврило Денисовичъ Князевъ, I эксем.

Николай Евстафьевичъ г. Лѣвицкой, I эксем.

Его высокородіе Федоръ Александровичъ Суворовъ, I эксем.

— Благородіе Сергій Андрѣевичъ Беклѣшевъ, I эк. Незвѣстный, I эксем.

Его Благородіе Пешръ Ивановичъ Демидовъ, I эксем.

— Высокоблагородіе Алексій Федоровичъ Турчаниновъ, I эксем.

Въ Москвѣ.

Его Сіятельство Князь Пешръ Алексѣевичъ Шаховской, I эксем. 10 руб.

Его Сіяшельство Князь Михайло Ивановичь Долго-
руковъ, 1 ексем. 5 руб.

Ея высокоблагородіе дѣвица Анна Александровна Янь-
кова, 1 ексем. 5 руб.

— — дѣвица Клеопатра Александровна Янькова,
1 ексем. 5 руб.

Его Высокоблагородіе Василей Васильевичь Типовъ,
1 ексем. 5 руб.

По обыкновенной цѣнѣ.

Его превосходительство Федоръ Михайловичь Ку-
пузовъ, 1 ексем.

Ея Высокоблагородіе Нашалья Андрѣевна Купузова,
1 ексем.

Его Преподобіе Московскаго Архангельскаго Собора
Протоіерей, Петръ Алексѣевичь Алексѣевъ, 1
ексем.

— Превосходительство Александръ Семеновичь Ва-
сильчиковъ, 1 ексем.

Ея Превосходительство Федосья Наумовна Ржевская,
1 ексем.

— Высокородіе Марья Васильевна Купузова, 1 экс.

Его Благородіе Сергѣй Ивановичь Ларіоновъ, 1 экс.

— Высокоблагородіе Николай Ивановичь Марковъ, 1
ексем.

Ея Высокородіе Анна Ивановна Приклонская, 2 экс.

Его Высокоблагородіе Сергѣй Федоровичь Щукинъ, 1
ексем.

— Благородіе Михайло Алексѣевичь Замятинъ, 1
ексем.

Григорій Васильевичь г. Базилевичь, 1 ексем.

Его Высокородіе Петръ Семеновичь Хлоповъ, 1 экс.

Для Вольнаго Россійскаго Собранія, членъ при Импе-
раторскомъ Московскомъ Университетѣ, 1 экс.

Его Благородіе Алексѣй Александровичь Плѣщевъ,
1 ексем.

— — Алексѣй Ивановичь Киселевъ, 1 ексем.

В о Т в ъ р и.

Его Высокоблагородіе Илья Ѳедоровичь Ладыженской,
1 ексем. 5 руб.

По обыкновенной цѣнѣ.

Его Превосходительство Тимоѳей Ивановичь Тушол-
минь, 1 ексем.

— Высокородіе Ѳедоръ Леонтьевичь Карабановъ, 1 ек.

— — Дмишрій Матвѣевичь Олсуфьевъ, 1 ексем.

Его Высокоблагородіе Семенъ Никифоровичь Шиш-
ковъ, 1 ексем.

— — Иванъ Петровичь Вульфъ, 1 ексем.

— — Петръ Яковлевичь Толстой, 1 ексем.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	страницы:
I. Оедонѣ или разговоры о безсмертіи души, разговоръ II. - - -	185
II. Разговоръ III. - - -	217
III. Писмо г. Іакова Всегдашупа, съ приобщеніемъ Сновидѣнія - - -	253
IV. Стихи ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, на благополучный день Тезоименишства ЕЯ, отъ Издашелей	277
V. Объявленіе объ учрежденіи Школы для бѣдныхъ дѣшей. - - -	281

ПОГРѢШНОСТИ.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ, въ именахъ подписавшихся особѣ, на стран. VII. строка 15 напечатано: *Его Высокородѣ, Анисимѣ Титопичѣ Князепѣ 9 ексем.*, а надлежитъ читать: *Его Высокородѣ Анисимѣ Титопичѣ Князепѣ 1 ексем.* заплатя 35 рублей.

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

ΘΕΔΩΝЪ

или

Разговоры о безсмертіи души.

РАЗГОВОРЪ II.

Учитель нашъ преславъ говоритъ , ходилъ въ садъ и въ передъ по комнатамъ, подобно человеку во глубокія размышленія погруженному. Мы всѣ сидѣли и молчали, размышляя о прежнемъ разговорѣ нашемъ: только Кеситъ и Симмѣй говорили между собой пошухоньку. Сократъ оглянувшись, спрашивалъ ихъ: для чего шакъ тихо говорите? друзья мои! развѣ не хотите намъ сказать, что во учиненныхъ нами положеніяхъ надлежитъ поправить? Я очень вѣдаю, что къ совершенной ясности не достаешь еще многого. И такъ ежели вы теперь разговариваете о другихъ дѣлахъ, то я не хочу вамъ препятствовать; если же говорите о предлѣжащей намъ матеріи, то пожалуйста откройте намъ возраженія и сомнѣнія ваши, дабы оныя всѣ мы вмѣстѣ изслѣдовавъ или могли опровергнуть, или прислать ко споронъ вашей. Тогда Симмѣй сказалъ: я долженъ тебѣ, Сократъ, признаться, что мы оба имѣемъ

нѣкоторыя возраженія , и давно уже другъ другу совѣщаемъ, открывъ оныя, желая оба слышать изъ устъ своихъ на нихъ опроверженіе; однакожь каждый изъ насъ боится, чѣмъ нѣмъ, въ настоящихъ твоихъ несчастіяхъ, не причинишь тебѣ какой досады. Сократъ услышавъ сіе, усмѣхнулся и сказалъ: *Дай!* любезный *Симмѣй!* сколь трудно для меня будетъ увѣрить другихъ, что я обстоятельство мои не столько худыми почишаю, когда и вы еще мнѣ не увѣрите, и помышляете, будто я сдѣлался теперь гораздо прискорбѣе и печальнѣе прежняго. О лебедяхъ говоряшь, что они при смерти поютъ гораздо приятнѣе, нежели во всю свою жизнь. Когда сіи птицы, какъ по описываютъ, посвящены *Аполлону*, то можнобъ сказать, что ихъ Богъ даетъ имъ, при послѣднемъ концѣ ихъ, чувствованіе нѣкоторое предвозвѣщаніе блаженства будущія жизни, и что онѣ симъ чувствомъ услаждаясь, съ приятностію воспѣваютъ. Я точно въ подобномъ съ ними состояніи. Я жрецъ сего Бога: и по истинѣ, онѣ напечатлѣвъ въ душѣ моей нѣкое предвозвѣщательное чувствованіе блаженства по смерти, которое прогоняетъ всякое прискорбіе, и при концѣ дней моихъ, побуждаетъ меня быти гораздо веселѣе, нежели каковымъ былъ я во все теченіе моея жизни. Откройтежь мнѣ, безъ всякихъ околичностей, ваши сомнѣнія и возраженія. Вопросайте меня, о чемъ вопрошать хотите, пока одиннадцать мужей по дозволяютъ.

Изрядно! сказалъ *Симмѣй*, я начну, а *Кепитъ* за мной послѣдуешь. Но мнѣ должно напередъ объяснитьсь, что ежели имѣю сомнѣнія о *безсмертіи души*, то онѣ касающіяся не до истинны сего ученія, но до возможности достигнуть называемаго доказательствомъ, едиными просвѣщеніями разсудка, или паче до того способа, который ты, о *Сократъ!* избралъ, что бы въ томъ удостовѣрить насъ самимъ разумомъ. Впрочемъ же сіе утѣшительное ученіе приемлю всею сердцемъ не только, какъ ты намъ пред-

предложилъ оное, но и какъ предали намъ его древнѣйшіе мудрецы, исключая нѣкоторыхъ ложности, прибавленныя къ тому пишами и баснопворцами.

Гдѣ душа наша не обрѣщаетъ никакого основанія подлинности, шамо, кажется, должна она ввѣряться мнѣніямъ успокоевающимъ и превозносящимъ бытіе ея; ибо сіи мысли, подобно кораблямъ на бездонномъ морѣ, ведутъ насъ яснымъ небомъ чрезъ волны жизни сея. Я чувствую, что ученію о безсмертіи души и о возмездіи добродѣтели по смерти нашей, не могу противорѣчить, не видя воспанія противъ меня безконечныхъ затрудненій, и не лишивъ удовольствительности все то, что почипалъ за истинное и хорошее. Ежели душа наша смертна, то разумъ есць ничто иное, какъ сонъ, посланный къ намъ Юпитеромъ, чпобъ насъ бѣдныхъ обманути: тогда добродѣтель теряетъ все сіяніе свое, которое представляло намъ ее божественною: въ такомъ случаѣ, прекрасное и изящное, какъ нравственное, такъ и физическое, уже не изъявляетъ подобія совершенствъ Божіихъ; (ибо ничто тлѣнное не можетъ получишь ниже слабѣйшаго луча существа существенно безсмертнаго): тогда и мы кажется посланы на землю, что бы подобно скопамъ, искаши пищу и по томъ умерети: въ такомъ случаѣ все для меня равно будеть, былъ ли я украшеніемъ шворенія или спыдомъ онаго, старался ли приумножишь число блаженныхъ или несчастныхъ: тогда и самый гнуснѣйшій смертный имѣеть власть, отрещися отъ владычества надъ собою Божія, и кинжалъ можетъ прервать томъ союзъ священный, коимъ человекъ соединенъ съ Богомъ! Ежели душа наша исчезаетъ, то премудрѣйшіе законодатели и основатели обществъ человѣческихъ, или насъ или самихъ себя обманули: слѣдственно весь родъ человѣскій, такъ сказать, согласился, производишь ложь, и изъявляетъ почтеніе къ обманщикамъ, выдумавшимъ оную; а по тому и общество, состоящее изъ свобод-

ныхъ и мыслящихъ существъ, есть ничто иное, какъ стадо безмысленныхъ скотовъ. а человекъ, — (Я ужасаюсь, разсматривая его въ подломъ семъ состоянїи!) лишенный надежды безсмертїя, сіе, говорю, чудесное швореніе есть наибѣднѣйшимъ скотомъ на землѣ, который къ несчастїю своему долженъ помышлять о своемъ состоянїи, спрашиваться смерти, и опчаяваться. И по сему не всемилостивый Богъ, веселящійся блаженствомъ шворенїя своего, но нѣкакое злобою унѣшающеея существо одарило человека преимуществами, заспавающими его шѣмъ болѣе чувствованїемъ свое несчастїе.

Я не знаю, какїй превѣпъ и ужасъ обѣмлютъ душу мою, когда поспаваю себя на мѣсто сихъ несчастныхъ, которые спрашатся совершеннаго уничтоженїя! Горестное наименованїе смерти должно всѣ радости ихъ наполнять желчїю. Когда хотятъ наслаждаться дружествомъ, познать истинну, теорїи добродѣтели, почишатъ Творца своего, и взирая на красоту и совершенство, приши въ восхищенїе; тогда ужасная мысль уничтоженїя, на подобїе спрашилища, воспаетъ въ душѣ ихъ, и ожидаемое отъ того удовольствїе превращаетъ въ опчаянїе. Малѣйшая остановка дыханїя или бїенїя пульса, лишаетъ ихъ всѣхъ сихъ веселїй; и существо, почишающее Бога, превращается во прахъ, пину и шлѣнїе.

Благодарю Боговъ, что я избавленъ сего спрахъ, который всѣ прохлады жизни моея наполнилъ бы змѣинымъ ядомъ. Понятїя мои о Богѣ, о добродѣтели, о достоинствѣ человека и о отношенїи его къ Богу, не позволяють мнѣ сомнѣваться о его предопредѣленїи. Надежда будущїя жизни разрушаетъ всѣ сіи затрудненїя, и истинны, о коихъ мы различнымъ образомъ увѣрены, приводить паки въ согласїе. Надежда сія оправдаетъ Божество, возвращаетъ благородство добродѣтели, красоту придаетъ ея сіянїе, веселїю доспавляетъ приащности его,

его, услаждаетъ бѣдность, да и самыя горести жизни сея дѣлаетъ въ очахъ нашихъ любезными, когда всю крайность ихъ сравниваемъ съ безчисленнымъ множествомъ слѣдствій вѣчнаго блаженства, изъ оныхъ произтекающаго. Ученіе, согласующееся съ толкимъ множествомъ извѣстныхъ и неоспоримыхъ истинъ, и посредствомъ котораго побороли мы поль многія затрудненія непринужденнымъ образомъ; такое ученіе, говорю, заслуживаетъ, чтобы бытъ принято, и почти болѣе никакихъ пространнѣйшихъ доказательствъ не требуетъ. Ибо взявъ сіи основанія порознь, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не имѣютъ высочайшаго степени подлинности; однакожь всѣ совокупно съ такою убѣдительностію и съ такою торжествующею силою насъ увѣряютъ, что въ совершенное приводятъ насъ спокойствіе, и всѣ сомнѣнія наши уничтожаютъ.

Но, любезный Сократъ! затрудненіе находишься въ томъ, что всѣ сіи правила не можно такъ часто и съ надлежащею имъ силою имѣти предъ глазами, дабы съ ясностію вдругъ усмотрѣть согласіе оныхъ съ познаніемъ причины. Помощь оныхъ потребна намъ во всякое время и при всякихъ случаяхъ жизни сея; однако же ни время и не всякія обстоятельство жизни сея доставляютъ намъ то спокойствіе и то размышленіе души, что бы можно помнитъ всѣ оныя основанія и чувствовать силу истинны, обрѣтающіяся въ ихъ соединеніи. Ежели мы нѣкоторую часть оныхъ совсѣмъ себѣ не представимъ, или хотя и представимъ, но не съ надлежащею живостию, то истинна теряетъ уже силу свою, и спокойствіе души наша находится въ опасности. Но ежели тотъ путь, который ты, Сократъ, избралъ, ведетъ насъ къ истиннѣ простымъ слѣдствіемъ неоспоримыхъ правилъ; то можемъ надѣяться, удостоверить себя во прямомъ доказательствѣ, и во всякое время имѣть оное въ нашей власти. Гораздо легче удержишь въ памяти нашей цѣпь ясныхъ

заключеній, нежели согласованіе многихъ истиннѣ, пребывающихъ, такъ сказать, особаго для нихъ положенія мыслей. Будучи побужденъ оными причинами, не опасаясь я предложу тебѣ сомнѣнія мои такимъ образомъ, какъ бы ты учинилъ наисмѣлвѣйшій отрицатель безсмертія.

Ежели я тебя понялъ, то доказательство твое было слѣдующее : душа и тѣло находясь въ тѣснѣйшемъ союзѣ; послѣднее мало по малу разрушается на части, а первая должна или уничтожиться или имѣть представленія. Силы естества не могутъ ничего уничтожить; а изъ сего естественнымъ же образомъ слѣдуетъ, что душа никогда не можетъ прѣстать мыслить. Но любезный Сократъ! ежели я тебѣ докажу подобными же положеніями, что гармонія должна продолжаться, хотя лира и разбита, или что хотя всѣ камни разбросаны и въ прахъ разсыпаны, однакожь порядокъ сданія существовать долженъ? Гармонія такъ же и Симетрія, скажу я, составляющіе нѣчто: не правда ли? конечно никто не будетъ противъ сего спорить; одна съ лирою, а другая со сданіемъ находятся въ тѣснѣйшемъ союзѣ: и на сіе безъ сомнѣнія со мною согласится? сравни же лиру и сданіе съ тѣломъ, а гармонію или симетрію съ душою; тогда выйдетъ доказательство, что голосъ, производимый отъ струнъ, долѣе продолжаться долженъ, нежели самыя струны, а равномѣріе будетъ споять долѣе самаго сданія; и какъ сіе положеніе въ разсужденіи гармоніи и симетрії, со всѣмъ безразсудно; ибо когда онѣ ничего инаго не означаютъ, какъ образъ и порядокъ составленія: то можетъ ли жъ сдѣлаться, чтобъ онѣ продолжались долѣе, нежели само составленіе.

Тожъ самое сказать можно и о здравіи. Оно есть качество изъ членовъ составленнаго тѣла, и которое нигдѣ индѣ не находится, какъ шамъ, гдѣ всѣ дѣйствія сихъ членовъ клоняюща къ сохраненію цѣлаго,

лаго. Оно принадлежитъ составленному; а какъ скоро составленное разрушается на части, то и здравіе изчезаетъ. Вбродно и съ жизнью чинишся самое шже. Жизнь каждаго произраспбнїя кончается въ то время, когда всб движенїя въ частяхъ онаго клоняшся къ разрушенїю цблага. Животное преимуществуетъ предъ произраспбнїями, органами чувствъ и чувствованїемъ, а человекъ имбеть предъ всбми преимущество разумомъ своимъ. Можетъ бытъ, что въ животныхъ чувствованїе, да и самый разумъ въ человекѣ, суть свойствы составленнаго, подобно какъ жизнь, здравїе, гармонїя и прочее, копорыя по качеству и существу своему, не могутъ долбе продолжаться, какъ составленїе оное, съ которымъ онб неразрывны. Ежели искусство созиданїя можетъ произраспбнїю и животному дать жизнь и здравїе, то можетъ бытъ нбкое высочайшее искусство въ соспоянїи, дать животному чувствованїе, а человеку разумъ. Мы слабымысленные не понимаемъ ни того ни другаго. Чудесное составленїе самаго малбйшаго листочка превосходитъ разумъ человека, и содержитъ въ себѣ такїя тайны, на откровенїе коихъ не достанетъ ни прилбжанїя, ни остроумїя и самыхъ позднбйшихъ потомковъ нашихъ: но какимъ же образомъ хотимъ мы извяснить, что можетъ сохраниться чрезъ дбйствїе орудїй чувствъ, или что нбтъ? Не предпишемъ ли границъ Всемогуществу и Премудрости Творца нашего? Мнѣ кажется, что одно изъ двухъ не обходимо послбдуетъ, если ничтожество наше должно будетъ рбшиться, что и самое искусство Всемогущаго не въ силахъ, произвестъ ни чувствованїя, ни мыслей, чрезъ образование тончайшаго вещества.

Ты видишь, любезный Сократъ, чего не достаетъ ученикамъ твоимъ къ совершенному и непоколебимому удостоверенїю. Ежели душа есть нбчто такое, что Всемогущїй, сотворяя внб шбла и составленїя его, соединилъ съ нимъ; то конечно спра-

ведливо. что душа и послѣ смерти продолжаться и предсавленія имѣть будетъ; однакожь кто можеть намъ за сѣе ручаться? Опыты показуютъ намъ паче совѣмъ прошивное. Сила мысли шворится купно съ шбломъ, купно съ нимъ возрасаетъ, и купно съ нимъ подвержена единымъ переменамъ. Всякая болѣзнь шбла совокуплена со слабостію, съ разолабленіемъ, съ безсиліемъ въ душѣ. А особливо дѣйствованія мозга и внутренности находяща въ шакомъ шбсномъ союзѣ съ дѣйствованіями силы мысли, что мы побуждены бываемъ, приписываемъ имъ одинъ источникъ, и слѣдовательно шолоковать о невидимомъ по видимому: подобно какъ свѣтъ и шеплоу выводятъ изъ одной причины, понеже въ переменѣхъ своихъ имѣютъ они великое сходство.

Симмѣй замолчалъ, а *К. шитъ* началъ говорить. Мнѣ кажется, что другъ нашъ *Симмѣй*, сказалъ онъ, хочеть шокмо надежно имѣть обѣщанное ему; чтожь касается до меня, любезный *Сократъ*! то я желаю имѣть болѣе нежели сколько пы намъ далъ надѣишься. Хотя бы прошивъ всѣхъ доказательствъ швоихъ ничего прошиворѣчишь было не можно, то однакожь ничего болѣе изъ нихъ не слѣдуетъ, какъ шолько, что душа, по смерти шбла, продолжается и имѣеть предсавленія: но какимъ же образомъ будетъ она существовать? Можеть быть подобно какъ въ обморокѣ, или во время сна. Душа спящаго не можеть быть совершенно безъ мыслей; окружающіе его предметы должны дѣйствовать слабымъ образомъ надъ чувствами его, и въ душѣ по крайней мѣрѣ слабыяжь возбуждаютъ чувствованія: а безъ шого усиливающіяся мало по малу впечатлѣнія не моглибъ его разбудить (а). Но чтожь это за мысли? Нѣкое темное

(а) Ежели сильныя впечатлѣнія производятъ сильныя чувствованія, то и самыя слабѣйшія еощемъ безъ дѣйствія быть не могутъ. Онѣ про-

темное чувствованіе, безъ познанія самого себя, безъ напомниманія : нѣкое соспояніе, удаленное отъ разсудка, въ которомъ мы прошедшаго не помнимъ, и которое впредь никогда на мысль намъ не придетъ, Ежелижъ душа наша, по раздѣленіи съ тѣломъ, будетъ погружена въ такомъ же снѣ или безпамятствѣ, то какую пользу получимъ отъ продолжающагося ея существованія. Кажется, что безумное бытіе болѣе удалено отъ безсмертія, котораго мы надѣемся, нежели блаженство животныхъ отъ блаженства духа познающаго Бога. Ежели то, что приключивша съ нею послѣ смерти нашей, для насъ важно, и здѣсь уже производишь въ насъ страхъ и надежду; то должно, чтобъ и въ будущей жизни сохраняли мы сіе внутреннее чувствованіе, которое въ сей жизни, не позволяешь намъ о бытіи нашемъ сомнѣваться; чтобъ мы могли то, что мы будемъ, сравнивать съ тѣмъ, что мы были, и разсуждать объ ономъ. Такъ, любезный Сократъ! Ежели я тебя уразумѣлъ, то ты по смерти своей ожидаешь лучшей жизни, величайшаго просвѣщенія разума, благороднѣйшихъ и изящнѣйшихъ побужденій сердца, нежели коковыя имѣють наиблаженнѣйшіе на землѣ человеки. На чемъ же основывается лестная надежда сія? Опустившіе познанія самого себя, въ душѣ нашей, хотя на краткое время, не есть соспояніе невозможное : ежедневные опыты въ томъ насъ увѣряють. Что же будетъ, ежели и по смерти нашей соспояніе сіе продолжится вѣчно?

Правда, ты намъ показалъ, что премѣняющееся должно безпрестанно перемѣняться; и изъ сего поученія произпекаетъ для меня нѣкоторый лучъ надежды, что всѣ страхи мои суть не основательны: ибо, ежели душа наша должна претерпѣть безчисленные премѣны, то вѣроятно, что не предопредѣлена

изподытъ чувствованія, которыя различаются отъ першыхъ единою силою.

лена она, въ вѣчности всегда только унижаться, и отъ часу болѣе лишаться божественной красоты своей; но что по крайней мѣрѣ чрезъ нѣкоторое время, она возвысится, и паки придетъ на ту степень, на которой находилась при сотвореніи своемъ, то есть будешь созерцательницею творенія Божія: а для насъ и не нужно болѣе, какъ высочайшей степени вѣроятности, дабы утвердиться во мнѣніи нашемъ, что добродѣтельнымъ предстоить жизнь лучшая. Однакожъ, любезный Сократъ! я бы желалъ слышать свое о семъ мнѣніе, ибо знай, что всѣ свои сегодняшнія слова впечатлены пребудутъ въ душѣ моей, и никогда изъ оной не изгладятся.

Мы слушали съ великимъ вниманіемъ, и какъ послѣ другъ другу признались, съ немалымъ неудовольствіемъ, видя, что намъ дѣлали сомнительнымъ и неизвѣстнымъ такое ученіе, въ которомъ уже всѣ мы казались быть увѣрены. Не токмо сіе ученіе, но и все, что мы думали и знали, казалось намъ тогда сомнительнымъ и колеблющимся; ибо мы видѣли, что или не въ состояніи были различить правду отъ заблужденія, или что ихъ самихъ по себѣ различить было не возможно.

Ерек. Меня, любезный Эдмонъ, ни мало не удивляетъ, что ты такъ думалъ; ибо и я слушая себя, былъ въ такомъ же положеніи. Сократовы доказательства совершенно меня убѣдили, и я уже ни мало, казалось, не помышлялъ, чтобъ въ безсмертій души возмогъ впредь сомнѣваться; однакожъ возраженіе Симмѣдо привело меня паки въ нерѣшимость; и я памятую, что за нѣсколько времени предъ симъ былъ сего же мнѣнія, что сила мысли есть свойство составленнаго, и основывается на дѣйствіи орудій чувствъ и на стройномъ согласіи частей. Но скажи мнѣ, любезный Эдмонъ, какъ принялъ Сократъ сіи возраженія? Былъ ли онъ столько же недоволенъ, какъ и вы, или отвѣчалъ на оныя со свойственною ему крошечностію? Удовольствовалъ

спововалъ ли васъ отвѣтъ его, или нѣтъ? Я бы желалъ вѣдать обо всемъ обстоятельно.

Фед. Ежели я когда нибудь, любезный *Ехекратъ*, удивлялся *Сократу*, по сѣе было при случаѣ семъ. Что онъ гошовъ былъ на все отвѣтствовать, сѣе ни мало не удивишельно; но мнѣ казалось достоинно удивленія, во первыхъ благосклонность, приятность и кропость, съ коими принялъ онъ разсужденія юношей сихъ; потомъ скорость, съ копорою примѣтилъ онъ, какія впечатлѣнія произвели въ насъ сѣи возраженія, и какимъ образомъ спѣшилъ онъ намъ на помощь, и такъ сказать, основовя насъ въ побѣгъ нашемъ, самъ къ бою нами предводишельствововалъ.

Ехек. Какимъ образомъ было сѣе?

Фед. Я все шеобъ разскажу. Я сидѣлъ у него на правой сторонѣ возлѣ постели, на низенькомъ стулѣ, а онъ сидѣлъ не много меня выше. Взавши меня за голову, разбиралъ мои волосы, распущенныя по плечамъ, какъ по обыкновенно онъ забавлялся оными: завтре, любезный *Федонъ*, сказалъ онъ; завтре можешъ ты сими власами усыпать гробъ друга твоего. — Чаяшельно, отвѣчалъ я.

Ахъ! не дѣлай сего, сказалъ онъ, перебивъ рѣчь мою.

Для чего? спросилъ я его. Еще сего же дня, продолжалъ онъ, должны мы обрѣзать власы наши, ежели благое ученіе наше такимъ образомъ разрушился, и мы не въ соспоявіи будемъ, паки утвердитъ оное на непоколебимомъ основаніи. Когдабъ я былъ на швоемъ мѣстѣ, и мнѣбъ разрушили подобное сему ученіе; по бы я, по примѣру нѣкопорого *Аргосца*, положилъ на себя обѣтъ, не опроцашъ мои волосы до того времени, покабъ не опровергнулъ мнѣнній *Симмѣя* и *Кепита*. Еспѣ пословица, сказалъ я ему: и самъ *Геркулесъ* съ двоими не сможетъ. Пока еще день, сказалъ онъ, по призови меня къ себѣ на помощь вмѣсто *Юлаіа* швоего. Хорошо! отвѣчалъ я, я призову

зову тебя на помощь, но не такъ какъ Геркулесъ Юлаія, но какъ Юлай Геркулеса. Все равно, отвѣчалъ онъ; но должно всего болѣе стараться, чшобъ не учинишь намъ одного проступка. Какого? спросилъ я. — Чшо бы не сдѣлались намъ ненавистниками разума, какъ нѣкопорыя люди бывають неависшники челоувѣка. Ни какое несчастіе съ онымъ сравнишься не можешъ. Ненависть разума и челоувѣка одинакимъ образомъ производитъ. Ненависть челоувѣка производитъ обыкновенно, ежели съ начала ввѣримъ себя кому нибудь слѣпо, и почишаемъ его во всѣхъ дѣлахъ вѣрнымъ, искреннимъ и честнымъ челоувѣкомъ; а по томъ узнаемъ, чшо онъ ни то ни другое; особливо ежели сіе случится нѣсколько разъ, да и въ разсужденіи такихъ, коихъ почипали мы за лучшихъ и вѣрнѣйшихъ себѣ друзей. Въ такомъ случаѣ бываемъ мы огорчаемы, обращаемъ ненависть нашу на всѣхъ людей безъ различія, и уже ни въ комъ и ни малѣйшей честности бышь не чаемъ. Не примѣнилъ ли ты, чшо сіе почти обыкновенно производитъ? Очень часто, сказалъ я. — Но не стыдно ли сіе? не называется ли сіе желаніемъ, пользоваться общесшвомъ челоувѣческимъ, не имѣя ни малѣйшаго спознанія челоувѣческаго сердца? Ежели кшо хошя мало размышлялъ, шомъ весьма легко найдешъ среднюю дорогу, которая и въ самомъ дѣлѣ имѣешъ со своей стороны истинну. Очень мало такихъ людей, копорыя бы совершенно были добрыя или совершенно злыя. Большая часть держится середины. Какимъ образомъ? спросилъ я. —

Подобно, продолжалъ онъ, какъ въ разсужденіи великости и малости, или другихъ свойствъ. Что рѣже какъ челоувѣкъ, собака или другое швореніе, коибъ были чрезвычайно велики или чрезвычайно малы, весьма быспры или весьма медлѣнны, крайнѣ хороши, дурны, черны, бѣлы и такъ далѣе? Не примѣнилъ ли ты, чшо во всѣхъ вещахъ обѣ чрезвычайности очень рѣдки, а посредшвенное напрошивъ

въ великомъ множествѣ? Такъ кажется, отвѣчалъ я. Какъ думаешь ты, сказалъ онъ, ежелибъ за чрезмерные пороки было положено награжденіе, конечно не многіе получили оное? Вѣроятно, отвѣчалъ я. И очень вѣроятно, примолвилъ онъ. Однако же въ семъ случаѣ нахожу я между разумомъ и между человѣческимъ родомъ больше несходства, нежели сходства, и ты меня своими вопросами опвелъ отъ прямого пути. Сходствіе же видится тогда, ежели кто, безъ надлежащаго разсужденія и безъ познанія свойства человѣческаго разума, принимаетъ какое нибудь заключеніе за справедливое и убѣдительное, но вскорѣ попомъ представляется оно ему паки несправедливымъ, хотя оно само по себѣ справедливо или нѣтъ. А особливо, когда съ нимъ случалось по многожды въ разсужденіи дружбы. Въ семъ случаѣ уподобляется онъ славнымъ Софистамъ онымъ, которые все имъ предлагаемое до тѣхъ поръ утверждають и опровергають, пока на конецъ вообразятъ себѣ, что они самыя мудрейшіе изъ смертныхъ; и что одни они усмотрѣли, что разумъ подобно, какъ и прочія на землѣ вещи, ни чего основательнаго и подлиннаго въ себѣ не имѣетъ, но что все, подобно, какъ въ *Эприлѣ* во время приливу и отлива, во всѣ стороны колеблется, и ни единого мгновенія ока на одномъ мѣстѣ не бываетъ.

Но положимъ, любезный *Федонъ!* продолжалъ онъ, что истинна не токмо сама по себѣ подлинна и непрѣмѣнна, но и разуму человѣческому не совсѣмъ непоспихима: то еслибъ кто оными одно другаго опровергающими ложными положеніями столь много обманулся, чтобъ раздражась на конецъ, приписалъ ихъ не себѣ и не неспособности своей, а единственно самому разсудку, и для того бы въ оспальное время жизни своей, всякое разсужденіе возненавидѣлъ, и всякое познаніе началъ отъ себя удаля-

ти: не было ли бы доспойно сожалѣнїя несчастїе человека сего?

Божусь тебѣ Юпитеромъ! отвѣчалъ я, крайнѣ доспойно сожалѣнїя. — И такъ прежде всего должны мы убѣгать заблужденїя сего и стараться себя увѣрить, что истинна сама по себѣ подлинна и непоколебима, но что разумъ нашъ бываетъ иногда такъ слабъ, что мы не можемъ ее проникнуть и сохранять. И для того что должно намъ усугубить силы наши и мужество, и беспрестанно отваживаться на новыя нападенїя. Друзья мои! мы все къ тому обязаны! вы ради предстоящей вамъ жизни, а я, ради приближающейся смерти; а сверхъ того имѣю я еще и нѣкоторую пору теплую причину, которая, слѣдуя просьбамъ людей, мнѣю, покажется можетъ быть болѣе желанїемъ имѣть право на моей сторонѣ, нежели любовїю ко истинѣ. Ежели таковыя люди разсуждаютъ о какомъ нибудь сомнительномъ дѣлѣ, то нимало не заботятся о существѣ дѣла сего, а стараются токмо утвердить мнѣнїе свое, и получить согласїе присутствующихъ. Въ одномъ буду я отъ нихъ только отпѣивенъ. Ибо старанїе увѣрить присутствующихъ о истинѣ мнѣнїя, будетъ у меня дѣло побочное; но главное мое намѣренїе состоятъ въ томъ, чтобъ увѣрить самого себя, что мнѣнїе мое согласно съ истинною, понеже я нахожу въ томъ великія выгоды. Ибо, любезный другъ, вопль какъ я разсуждаю. Ежели утверждаемое мною ученїе есть справедливо, то я дѣлаю очень хорошо, что въ немъ увѣряюся; и ежели умирающїе никакой надежды болѣе не имѣютъ, послѣ сей жизни, то по крайней мѣрѣ я выиграваю то, что при смерти моей не буду друзьямъ моимъ въ шагость моими жалобами. Я часно восхищаюсь сею мыслию, что все доставляющее роду человеческому успѣшенїе и существенныя выгоды, если бы оно было истинно, имѣетъ уже для сего единого великую вѣроятность, что оно истинно. Еже-

ли сомнѣвающіеся во ученіи о Богѣ и добродѣтели, дѣлають слѣдующее возраженіе: оное де ученіе есть полипическая выдумка, для общаго блага человѣческаго рода соопавленная: но я на сіе имѣ скажу: о друзья мои! выдумайте такое ученіе, которое обществу человѣческому былобѣ споль же необходимо; я буду биться обѣ закладѣ, что оно справедливое и истинное. Родъ человѣческой назначенъ къ общежитію подобно, какъ каждый членъ онаго къ блаженству. Все то, что ведеть насъ общимъ, твердымъ и непоколебимымъ образомъ къ намѣренію сему, все то, говорю я, соопворено Всемудрымъ Творцемъ вещей всѣхъ, и назначено бытъ способомъ къ доспигенію намѣренія онаго. Сіи лесныя предопавленія и воображенія заключають въ себѣ несказанное утѣшеніе, и показывають намъ, въ какомъ сношеніи человекъ находится со Творцемъ. И для того то я ничего споль жадно не желаю, какъ увѣрихься о истиннѣ оныхъ. Но сіе будетъ весьма не хорошо, ежели незнаніе мое еще на долгое время продолжится. Нѣшъ! я вскорѣ отъ онаго освобождуся.

Въ семъ то расположеніи, любезные мои *Симмѣй* и *Кепитъ*, обращаюсь я къ возраженіямъ вашимъ. Друзья мои! ежели желаете послѣдовать совѣту моему, взирайте болѣе на истинну, нежели на *Сократа*. Ежели вы найдете, что я пребуду вѣренъ истиннѣ, то дайте мнѣ согласіе ваше; ежели же нѣшъ, то протившеся мнѣ безъ малѣйшаго упущенія, дабы я, бывъ очень хорошаго мнѣнія ни васъ ни себя не обманулъ, и не распался съ вами на подобіе пчелы, опавляющей жало свое. И такъ приступимъ, друзья мои, къ намѣренію нашему; прошу при томъ напоминать мнѣ, ежели я пропушу доказательствы ваши, или инако предлагають ихъ буду.

Симмѣй утверждаетъ, что сила мыслить, или соопворена особо или произведена чрезъ соопавленіе и образованіе тѣла нашего: не шакъ ли?

Точно шакъ!

Въ первомъ случаѣ, то есть разсмапривая душу, какъ существо само по себѣ особо сотворенное и безпѣлесное, соглашается онъ на слѣдствіе заключеній, копорыми я доказывалъ, что душа не прешаетъ съ разрушеніемъ тѣла, и не можетъ инако изчезнуть, какъ по особливому соизволенію Всемогущаго Творца ея. Согласныли вы на сіе, или еспь кшо изъ васъ прошивнаго мнѣнія?

Мы всѣ согласны.

И что сей Всеблагій Творецъ никогда никакого творенія своего не уничтожаетъ: сколько я помню, то и прошивъ сего никшо не спорилъ.

Никшо.

Однакожъ *Симлиъ* опасается того: что можетъ бышь сила чувствованія и мыслишь не еспь особо сотворенное существо, но на подобіе гармоніи, здравія или жизни произрастѣній и животныхъ, еспь свойство искусно соспавленнаго тѣла; не сего ли ты опасашся?

Сего самаго, любезный мой Сократъ!

Посмотримъ, сказалъ онъ. Ежели мы предспавимъ себѣ то, что уже намъ о душѣ нашей извѣсно, и всегда, когда сего только пожелаемъ, узнать въ силахъ, то не будетъ ли тогда опасность швоя невозможною? Что происходитъ при искусномъ прообразованіи, или соспавленіи вещей? Не должно ли при ономъ нѣкоторыя вещи, до сего однѣ отъ другихъ удаленныя, соединить тѣснѣйшимъ союзомъ?

Безъ сомнѣнія!

Оныя вещи, совокупленныя предъ симъ съ другими, совокупающя шеперь между собою, и соспавляющъ части дѣлающія цѣлое, копорое мы называемъ *составленное*.

Конечно!

Чрезъ сіе соединеніе частей, происходитъ во первыхъ, нѣкоторый порядокъ болѣе или менѣе совершенный, въ слѣдствіе того, какимъ образомъ и порядкомъ оныя соединены.

Конечно!

Конечно!

По шомъ силы и дѣйствованіе частей сихъ, бывающъ болѣе или менѣе переменяемы, смонря какъ онѣ чрезъ дѣйствія и производѣйствія бывающъ иногда оспанавливаемы, иногда способствуемы, а иногда опвращаются онѣ прямого направленія ихъ. Не правда ли?

Такъ кажется,

Создашель такого соспавленія, иногда взираетъ токмо на сосуществованіе частей оныхъ: на примѣръ въ Архитектурѣ ничего болѣе не примѣчается, какъ порядокъ сосуществующихъ красоты и равномѣрія; а иногда взираетъ онъ на переменяющіяся дѣйствія частей къ соспавленію служащихъ, и на слѣдующую изъ оныхъ силу соспавленнаго, какъ по нѣкоторыхъ пружины и махины; часпожъ видимъ мы и то, что художникъ взираетъ на оба вдругъ, но есть на порядокъ частей и на перемену ихъ дѣйствій.

Человѣческой художникъ, сказалъ Симмѣй, слѣдоко, но Творецъ природы всегда и совершеннѣйше совокупляетъ намѣренія сіи.

Очень хорошо, отвѣчалъ Сократъ; однакожъ я не намѣренъ далѣе продолжати поспоронныхъ разсужденій сихъ, Скажи мнѣ только сіе, любезный Симмѣй! можешь ли чрезъ соспавленіе произойтишь въ цѣломъ такая сила, котораябъ не имѣла начало свое въ дѣйствіи частей, оное соспавляющихъ?

Что ты чрезъ сіе разумѣешь, любезный мой Сократъ?

Ежели всѣ части матеріи будутъ находиться одна возлѣ другой въ мертвомъ состояніи, безъ дѣйствія и сопрощивленія, можешь ли тогда художественный порядокъ и перемененіе частей оныхъ, произвестъ въ цѣломъ какое нибудь движеніе или сопрощивленіе, однимъ словомъ какую нибудь силу?

Кажется, что не можешь, отвѣчалъ Симмѣй; ибо изъ недвижущихся частей не возможно соспавити что нибудь цѣлое, которое бы двигалось могло.

Хорошо, сказалъ онъ; и такъ мы можемъ принять сіе правило. Однакожъ мы примѣчаемъ, что въ цѣломъ могутъ быть согласіе и равномѣріе, хотя каждая составляющая часть особенно ни согласія ни равномѣрія въ себѣ не имѣетъ; какимъ же образомъ чинится сіе? Одинъ тонъ не производитъ никакого согласія: но многіе составляютъ согласіе. Искусно распорядженное сдѣланіе можетъ состоять изъ камней, ни равномѣрія, ни строения въ себѣ не имѣющихъ. По чему же могу я составить изъ несогласныхъ частей цѣлое согласное, а изъ нестройныхъ совершенно стройное?

О! разность сія очевидна, сказалъ Симмэй, ибо равномѣріе согласіе, строиво, порядокъ и прочее не можно себѣ представить безъ многообразія; ибо онѣ означаютъ мѣру различныхъ впечатлѣній, коимъ образомъ намъ онѣ представляются всѣ вмѣстѣ, и въ сравненіи одного съ другимъ. И такъ къ понятіямъ симъ принадлежитъ собраніе, подобіе и сравненіе различныхъ впечатлѣній, составляющихъ цѣлое, слѣдственно и не могутъ онѣ находиться въ каждой части особенно.

Продолжай, любезный Симмэй! вскричалъ Сократъ, со внутреннимъ удовольствіемъ видя остроуміе своего друга; скажи намъ и сіе: еслибъ каждый тонъ особенно не могъ произвестъ въ слухъ наше впечатлѣніе, моглолибъ изъ многихъ такихъ тоновъ произойти согласіе?

Не возможно!

Равнымъ образомъ и равномѣріе: каждая часть должна дѣйствовать на зрѣніе наше, дабы изъ многихъ частей рождалось то, что мы называемъ равномѣріемъ.

Не опимѣнно.

И такъ мы видимъ ясно, что въ цѣломъ не можетъ быть движенія, ежели онаго основаніе не положено въ частяхъ составляющихъ цѣлое; и что все прочее, что ни происходитъ изъ свойствъ первоначальныхъ

воначальныхъ основаній и составляющихъ цѣлое частней, какъ то: порядокъ, симетрія и тому подобно должно искать въ образѣ и порядкѣ составленія. Увѣрены ли вы, друзья мои, въ семь положеній?

Совершенно.

И такъ при всякомъ, даже при самомъ искуснѣйшемъ составленіи примѣчаются двѣ вещи: во первыхъ, слѣдствіе и порядокъ частней составляющихъ цѣлое, въ разсужденіи времени или пространства; во вторыхъ совокупленіе первоначальныхъ силъ, и какимъ образомъ являющіяся онѣ намъ чувствительными въ составленномъ. Правда, чрезъ распоряженіе и положеніе частней, и простиѣйшихъ силъ дѣйствія будутъ ограничены, опредѣлены и переменены; однакожь никогда изъ составленія не можетъ произойти сила или дѣйствіе, которыхъ бы основаніе не находилось въ частяхъ составляющихъ цѣлое. Друзья мои! я остановился немного при сихъ тонкихъ размышленіяхъ, подобно, какъ бѣгающіеся въ запуски нѣсколько отдыхающіе, дабы съ большею ревностію преслѣдовать бѣгъ свой, и дабы, ежели Боги даруютъ счастье и славу, тѣмъ удобнѣе одержать побѣду. Разсмотри со мною, любезный мой Симмѣй! ежели наша сила мысли и чувствованія не есть существо особливо созданное, но свойство составленнаго: то не должна ли она, на подобіе согласія и равномѣрія, происходить изъ нѣкотораго расположенія и порядка частней, или подобно какъ сила составленнаго, имѣть основаніе свое въ дѣйствіи частей составляющихъ цѣлое.

Сіе конечно быть должно, ибо мы видѣли, что третьяго случая быть не можетъ.

Въ разсужденіи согласія мы видѣли, что на примѣръ одинъ тонъ не имѣетъ въ себѣ согласія, но согласіе состоитъ въ собраніи и сравненіи различныхъ тоновъ: нѣтъ ли въ семь какого сомнѣнія?

Ни какого.

Тоже самое примѣчаемъ мы въ симетріи и въ спройсвѣ сданія : онѣ состоятъ въ соединеніи и сравненіи многихъ неспройныхъ частей. Сіе не оспори́мо. Но сіе сравненіе иное ли что, какъ дѣйствіе силы мыслишь ? и находится ли оно индѣ гдѣ въ природѣ, какъ въ такомъ существѣ, которое мыслишь ?

Симмѣй не зналъ, что на сіе отвѣтствовать.

Въ немыслящей природѣ, продолжалъ Сократъ, слѣдуютъ только одни простые шоны, и камни одинъ за другимъ. Гдѣ же шунъ согласіе, симетрія или спройсво? Ежели не будетъ при томъ какого нибудь мыслящаго существа, которое бы различныя части собрало, сравняло оныя, и въ сравненіи семъ примѣтило нѣкоторое сходствіе, то я не знаю, гдѣ бы найшшь можно было согласіе, спройсво и прочее. Можешъ ли ты, любезный *Симмѣй*, найшшь слѣды оныхъ въ бездушнѣ природѣ ?

Я долженъ признаться въ недостаткѣ силъ моихъ, отвѣчалъ *Симмѣй*, хощя и вижу, къ чему все сіе клонится.

Счастливое предвѣщаніе ! вскричалъ Сократъ, когда уже самъ сопротивникъ чувствовалъ слабость свою. Однако же, любезный другъ, отвѣчай мнѣ не огорчаяся, ибо ты не малое имѣешъ участіе въ той побѣдѣ, которую мы надъ тобою одержашъ надѣмся : можно ли начало какой нибудь вещи изполковать изъ дѣйствій оныхъ? Можно ли шѣнь, производящую опъ дерева, почестъ за начальную причину дерева сего, или благоуханіе за причину цвѣща?

Никакъ не можно.

Порядокъ, равномѣріе, согласіе, спройность, однимъ словомъ всѣ отношенія, шребующія собранія и сравненія различныхъ частей, суть дѣйствіями силы мыслишь. Не предполагая мыслящаго существа, не принимая сравненія и сличенія различныхъ частей, самое спройнѣйшее сданіе будетъ токмо куча песку, а пѣніе соловья неприяшѣ пѣнія совы. Да, я утверждаю,

жду, что безъ сей силы сравненія не можно сказать, чпообъ въ природѣ было такое цѣлое, которагобы части существовали порознь; ибо каждая изъ сихъ частей имѣетъ особенное свое бытіе; а оныя части должно сличить, сравнить, соединить, разсмотрѣть и починаеть ихъ, яко сопряженными, ежели хошимъ увѣрить, что онѣ составляютъ цѣлое. Во всей природѣ единая шокмо сила мыслиеть можетъ, чрезъ внутреннее дѣйствіе, совершенно сличать, сравнивать и соединять: и для того, начало всего составленнаго, чиселъ, величинъ, симетріи, согласія и прочаго, должно приписывать единственно силѣ мыслящей, по елику шребуютъ онѣ сравненія и сличенія. Когда вы на се согласаетесь, то и сама сія сила мыслиеть, причина всѣхъ сравненій и численій, не можетъ произойти изъ собственныхъ дѣйствій своихъ, не можетъ находиться въ сравненіи, въ согласіи и симетріи; вообще сказать, не можетъ быть цѣлымъ, которое составлено изъ частей порознь пребывающихъ, ибо всѣ сіи вещи предполагаютъ дѣйствія и упражненія мыслящаго существа, и не могутъ иначе существовать, какъ чрезъ самыя оныя дѣйствія.

Это очень ясно, отвѣчалъ Симмъ.

Понеже всякое цѣлое, состоящее изъ частей однѣхъ внѣ другихъ пребывающихъ, предполагаетъ дѣйствіе сравненія и сличенія частей сихъ, сіи же сравненіе и сличеніе должны необходимо быть дѣйствіемъ силы мыслиеть; то и не могу я сію самую силу мыслиеть приписать цѣлому, которое состоитъ изъ частей однѣхъ внѣ другихъ существующихъ, не полагая, что какая нибудь вещь можетъ произойти отъ дѣйствія своего. Сколько я знаю, то и самыя писатели басней не осмѣлились, предлагать безумія сему подобнаго. Еще никто не приписалъ произхожденіе флейны, отъ согласія шоновъ ея, или произхожденіе солнечныхъ лучей, отъ радуги.

Сколько я примѣтишь могъ, любезный Сократъ, то уже сомнѣнїе мое опровержено.

Однакожь сіе сомнѣнїе, сказалъ на то Сократъ, заслуживаетъ, что бы размыслишь о немъ гораздо прилѣжнѣе. Но я опасаясь, что бы чрезъ трудныя разсужденїя сіи не наскучишь терпѣливости вашей. Не опасайся, любезный мой другъ, вскричалъ Критонъ, наскучишь терпѣливости ихъ. По крайней мѣрѣ не пощадишь ты моей, когда я пребовадь исполнить предложенїе. . . . Но что говорить, сказалъ Сократъ перебивъ рѣчь его, о такомъ дѣлѣ, которое уже окончано. Намъ еще должно разсуждать о такихъ, которыя еще подвержены сомнѣнїю. Однакожь о семъ уже болѣе не сомнѣваемся, что наша сила чувствованья и мыслишь, не находящаяся въ положенїи, образованїи, порядкѣ и согласїи нѣблесныхъ частей, составляющихъ цѣлое: сіе опровергли мы, не касаясь ни Всемогущества ни Премудрости Бога. Но можетъ быть, что сія сила мыслишь есть дѣйствїе составленнаго, подобно какъ сила движенїя, распространенїя и проч: кои оныя положенїя и образованїя тѣхъ частей, по существу всему, хотя и отличны, однакожь ни гдѣ кромѣ составленнаго не находятся. Любезный Симмѣй! не сіе ли шокмо осталось оныя сомнѣнїя, которое мы опровергаемъ?

Ничего болѣе!

И такъ разсмотримъ случай сей, продолжалъ Сократъ, и положимъ, что душа наша есть дѣйствїемъ составленнаго. Мы видѣли, что всѣ дѣйствїя составленнаго должны изтекать изъ силъ частей составляющихъ цѣлое. И такъ слѣдуя положенїю нашему, не должны ли части, составляющїя мыслящее нѣбо, имѣть силы, кои въ составленномъ производящъ силу мыслишь?

Безъ сомнѣнїя!

Но силы сихъ частей, составляющихъ цѣлое, какого же должны быть существа? Должны ли оныя мыслящему дѣйствїю сходствовать, или нѣтъ?

Сей

Сей вопросъ, сказалъ Силмэй, я не разумѣю.

Одинъ слогъ, сказалъ Сократъ, имѣеть съ цб-лою рбчью то сходство, что онъ примѣтенъ въ ней; но однако же цблая рбчь имѣеть разумъ, а одинъ слогъ никакого: не правда ли?

Точно такъ!

Хотяжъ одинъ слогъ производитъ примѣтное, но безъ всякаго разума, чувствованіе, однакожъ изъ собранія оныхъ происходитъ смыслъ, дѣйствующей въ душѣ нашей. Вы видите, что здѣсь дѣйствіе цблаго происходитъ отъ силъ частей, съ ними несходственныхъ.

Теперь я понимаю.

Въ разсужденіи согласія, порядка и красоты примѣтили мы самое шже. Удовольствіе, которое производятъ онъ въ душѣ нашей, происходитъ отъ впечатлѣнія частей, соспавляющихъ цблое, которыя ни удовольствія, ни опвращенія сами по себѣ произвести не могутъ.

Хорошо!

И такъ это еще примѣръ, что дѣйствіе цблаго можетъ произойти отъ силъ частей составляющихъ цблое, которыя съ оными ни мало несходны.

Я согласенъ.

Не знаю, можетъ быть уже я далеко иду, любезный другъ! но я представляю себѣ, что всѣ дѣйствія вещей тѣлесныхъ, могутъ имѣть свое происхожденіе отъ такихъ силъ первоначальнаго вещества, которыя нимало съ ними несходны. На примѣръ можетъ быть, что цвѣтъ можно раздѣлить на такія впечатлѣнія, которыя никакой краски въ себѣ не имѣютъ, да можетъ быть, и такое движеніе происходитъ отъ первоначальныхъ силъ, кои ни всего менѣе суть движеніемъ.

На сіе пребудетъ доказательство, сказалъ Силмэй.

Теперь намъ нѣтъ нужды, здѣсь останавливаться, продолжалъ Сократъ; довольно, что изъяснилъ примѣрами,

мбрами , что я разумю подъ словами : что дѣйствіе цѣлаго можетъ производить отъ силъ частей , составляющихъ оное , которыя нимало съ ними несходны. Ясно ли это ?

Очень ясно !

И такъ , слѣдую положенію нашему , силы частей составляющихъ цѣлое , былибъ сами силою мыслишь , и слѣдственно , сходственными силъ цѣлаго , изъ нихъ производящей , или онѣ былибъ совсѣмъ другаго существа , и слѣдственно несходными. Если еще прешей случай ?

Не можетъ быть !

Отвѣтствуй же мнѣ , любезный другъ , и на сіе : ежели изъ простыхъ силъ производить въ составленномъ сила онымъ несходственная , то гдѣ же находится новопроизшедшая сія сила ? Въ мыслящаго существа , силы цѣлаго суть ничто иное , какъ силы нераздѣлимыхъ простыхъ частей составляющихъ цѣлое , какъ то онѣ , дѣйствіями и производящими , одна другую перемѣняющъ и ограничиваютъ. Однакожъ , чрезъ дѣйствіе и производящее не можетъ произойти никакая сила , которая имъ была несходна. И такъ ежели мы желаемъ имѣть въ цѣломъ нечто несходное , то должно паки прибѣгнуть къ мыслящему существу , которое сравнивая и соединяя помянутыя силы , представляемъ себѣ иначе , нежелибъ оныя представили себѣ по одинакѣ и безъ соединенія. Исключая согласіе , мы видимъ сему примѣръ въ цвѣтахъ. Сложи двѣ различныя краски въ такое малое пространство , что бы взоръ нашъ не могъ ихъ различить : въ насъ будуще онѣ всегда раздѣлены , и каждая пребываетъ особо ; но чувствованіе наше составитъ изъ нихъ , такъ сказать , прешію , съ первыми двумя совсѣмъ несходную. Точно тоже самое и со вкусомъ ; и ежели я не обманываюсь , то и со всеми нашими ощущеніями и чувствованіями. Хотя чрезъ составленіе и соединеніе не могутъ онѣ

онѣ сами по себѣ бытъ инаковы, каковы онѣ суть каждое порознь; однако же мыслящему существу, которое не въ состоянїи различить ихъ ясно, могутъ онѣ инаковы казаться, нежели преждѣ соединенїя ихъ.

На сїе можно согласиться, сказалъ *Симмѣй*.

И такъ можетъ ли существо мыслящее имѣть начало свое въ простыхъ силахъ, кои не суть мыслящїя?

Невозможно! Ибо мы видѣли предѣ симъ, что сила мысли не можетъ имѣть начало свое въ такомъ цѣломъ, которое составлено изъ многихъ частей.

Совершенно такъ! отвѣчалъ *Сократъ*: соединенїе простыхъ силъ, изъ которыхъ должна произойти несходственная сила составленнаго, предполагаемъ существо мыслящее, которому онѣ въ соединенїи своемъ кажутся инаковыми, нежели каковыми онѣ суть въ самомъ дѣлѣ; слѣдственно изъ сего соединенїя, и изъ сего сравненїя, не можетъ произойти существо мыслящее. И такъ ежели чувствовать, думать, однимъ словомъ представлять, есть сила составленнаго: то не должно ли силы частей составляющихъ цѣлое сходствовать съ силою цѣлаго, и слѣдственно такъ же бытъ силами воображенїя?

Не иначе, ибо третьяго случая бытъ не можетъ?

Да и части частей составляющихъ цѣлое, доколѣ можно раздѣлять ихъ, не должны ли шакожде имѣть дѣйствїй воображенїя?

Безъ сомнѣнїя! Ибо каждая часть силъ составляющихъ цѣлое, паки состоитъ изъ множества малѣйшихъ частицъ дѣлающихъ цѣлое; и такимъ образомъ можемъ мы раздѣленїе сїе продолжать разсужденїемъ, пока на конецъ дойдемъ до частей первоначальныхъ, которыхъ суть одинаковы и не состоятъ изъ многихъ.

Скажи мнѣ, любезный *Симмѣй*, не примѣчаемъ ли мы въ душѣ нашей почти безчисленное множе-

ство мыслей, познаній, склонностей и страстей, которыя насъ безпрестанно упражняютъ?

Безъ сомнѣнія!

Но ежелибъ душа составлена была изъ частей, тогдабъ были всѣ сїи разныя пристрастія разбѣяны, нѣкоторыя въ одной, а другія въ другой части, и никогдабъ не повторялись; или по крайней мѣрѣ есть одна изъ частей сихъ, въ которой соединены всѣ сїи пристрастія?

Безъ сомнѣнія одно изъ двухъ быть должно, сказалъ Симмѣй; и какъ мнѣ думается, по первой случай быть не можетъ: ибо всѣ представленія и склонности души нашей, внутренно такъ тѣсно соединены и связаны, что неотмѣнно должны, гдѣбъ по ни было, находиться въ одномъ мѣстѣ и нераздѣльно.

Любезный Симмѣй, ты большими шагами мнѣ предшествоуешь. Мыбъ не могли ни памятовать, ни рассуждать, ни сравнивать, ни думать, да, мы бы не были пою особою, которою мы были мгновеніе ока предъ симъ, еслибъ наши мысли были раздѣлены между многими частями, и не находились гдѣ нибудь тѣснѣйшимъ союзомъ соединены. И такъ по крайней мѣрѣ должно намъ принять такое существо, которое всѣбъ мысли частей, цѣлое составляющихъ, въ себѣ соединяло; но существо сіе состоитъ ли изъ частей? — Не возможно; ибо иначе надлежалобъ паки сличать и сравнивать, дабы изъ частей сдѣлалось цѣлое, и такимъ образомъ придемъ опять шуды, откуда вышли.

И такъ оно будетъ простое?

Не отмѣнно!

И безъ пространства? ибо пространство раздѣляется, а что раздѣляется, то не есть простое.

Безъ сомнѣнія!

И такъ есть въ тѣлѣ нашемъ хотя единое существо, которое безъ пространства и безъ составленія, но простое, имѣющее силу мыслить, и всѣ наши понятія, желанія и склонности въ себѣ соединяющее.

няющее. Чтожъ препяшсвуешъ намъ назвашь существо сіе душею?

Это все равно, сказалъ Симмѣй, какъ мы оно ни назовемъ; довольно, что мое возраженіе опровергнуто, и всѣ разсужденія твои прошивъ неразрушенія мыслящаго существа суть неоспоримы.

Разсмотримъ еще сіе, сказалъ Сократъ: ежелибъ въ человѣческомъ тѣлѣ были многія подобныя сему существа, и ежелибъ мы даже всѣ первоначальныя тѣла нашего стихіи таковыми существами полагали, не потерялилибъ тогда своей силы доказательствъ мои? или таковое положеніе не принудилолибъ насъ, вмѣсто одного неизчезаемаго духа принять многіе, и слѣдственно болѣе согласишься, нежели требовали? Ибо каждое изъ сихъ существъ, какъ мы то видѣли, заключало бы въ себѣ собраніе всѣхъ представлений, желаній и вожделеній человека, и слѣдственно, что принадлежишь до обширности знанія, сила оныхъ не была бы ограниченѣе силы цѣлаго.

Конечно не ограниченѣе.

Что же принадлежишь до ясности, истинны, точности и жизни познанія; то пускай многія смѣшанныя, ложныя и пустыя мысли соединяшь вмѣстѣ; однакожъ изъ сего произойдетъ ли мысль ясная, совершенная и опредѣленная?

Кажется, что нѣтъ.

Ежели не будешь при томъ духа, который бы ихъ сравнилъ, и чрезъ размышленіе и разсужденіе, получилъ объ нихъ совершеннѣйшее познаніе; то вѣчно пребудутъ онѣ скопищемъ смѣшанныхъ, ложныхъ и пустыхъ мыслей.

Безъ сомнѣнія!

И такъ части состава мыслящей матеріи, должны имѣшь представленія, столь же ясныя, справедливыя и совершенныя, какъ и представленія цѣлаго; ибо не возможно, что бы чрезъ составленіе изъ замѣшанныхъ, ложныхъ и пустыхъ мыслей могло произойти
дѣишься

даться знаніе, которое имѣлобъ гораздо высочайшей степени совершенства.

Не оспоримо.

Но не значитъ ли сіе, что вмѣсто одного разумнаго духа, которой мы полагаемъ въ каждомъ человѣческомъ тѣлѣ, принимаемъ ихъ множество и безъ всякой нужды?

Конечно.

И очень вѣроятно, что сіи безчисленные мыслящія существа не будутъ имѣть всѣ одинакой степени совершенства; ибо шаковыя безполезныя умноженія не могутъ быть въ благоустроенномъ мірѣ семъ.

Всевышнее Совершенство Создателя міра не дозволяетъ намъ, о семъ сомнѣваться.

Слѣдственно изъ сихъ мыслящихъ существъ, которыя полагаемъ мы въ человѣческомъ тѣлѣ, будетъ одно предъ прочими совершеннѣйшее и способнѣйшее къ понятіямъ самымъ яснымъ и просвѣщающимъ. Не правда ли?

Безъ сомнѣнія!

Сіе существо простое, неимѣющее пространства, обладающее способностями воображенія, совершеннѣйшее изъ всѣхъ существъ мыслящихъ, во мнѣ обитающихъ, и заключающее въ себѣ всѣ мысли мои, въ поликой ясности, справедливости и подлинности, не есть ли душою моею?

Конечно ничто иное, любезный Сократъ, какъ душа.

Теперь время, любезный Симмѣй, обратить взоръ нашъ на путь путь, которой мы уже прошли. Мы положили, что сила мысли есть свойство соспавленнаго; но сколь чудно! изъ сего самого положенія, слѣдствіемъ разсужденій, выходитъ предложеніе совершенно прошивное, то есть, что чувствованіе и мысль, суть необходимы качества проспаго, а не соспавленнаго: не ясно ли сіе доказательство, что помянутое положеніе не возможно,

само

само себѣ прошиворѣчитъ , и слѣдственно должно быть отвергнуто?

Никто не можетъ о семъ сомнѣваться.

Пространство и движеніе, продолжалъ Сократъ, суть начальныя мысли, въ кои, какъ мы видѣли, все можетъ раздѣляться, что токмо принадлежитъ къ составленному; пространство есть вещество, а движеніе источникъ, изъ коихъ всѣ переменны производяты. И то и другое въ составленномъ являюща въ тысящѣ различныхъ видахъ , и въ телѣсномъ естествѣ представляють безконечную цѣпь чудесъ сопроеиій , начиная отъ малѣйшей солнечной пылинки, даже до самаго великолѣпія небесныхъ шаровъ, гдѣ спихотворцы жилище Боговъ постановляють. Всѣ сіи различныя составленія имѣють между собою то общее, что матеріею ихъ есть пространство, а дѣйствіемъ движеніе. Но усматривать, сравнивать, заключать, желать, хотѣть, чувствовать, веселиться и скорбѣть , все сіе требуетъ существа совсѣмъ опмѣннаго отъ пространства и движенія , совсѣмъ другаго свойства матеріи, и совсѣмъ другаго источника переменнѣ. Въ семъ случаѣ требуется, что бы въ простомъ существѣ происходило воображеніе вещей видимыхъ и отдѣленныхъ, собраніе частей порознь и сравненіе того, въ чемъ вещи между сабою сходствуютъ или различуютъ. Все , что въ семъ обширномъ пространствѣ тѣлеснаго свѣта разсѣяно, собирается здѣсь такъ сказать въ одну точку, дабы составились одно цѣлое , и чего уже болѣе чѣмъ , то въ предстоящемъ состояніи, сравнивается съ тѣмъ, что еще впередъ будетъ. Здѣсь не познаю я ни протяженія, ни цвѣтовъ, ни покоя, ни движенія, ни пространства, ни времени, но единственно внутренно дѣйствующее существо, которое и протяженіе, и цвѣты, и покой, и движеніе, и пространство, и время себѣ представляетъ , соединяетъ , раздѣляетъ, сближаетъ, сравниваетъ; которое выбираетъ, и способно ко множеству другихъ свойствъ, неимѣю-

неимѣющихъ никакого отношенія ко пространству и движенію. Веселіе и печаль, желанія и отвращенія, надежда и страхъ, блаженство и несчастье, не составляютъ, согласно съ разными мѣстами производящихся переменнѣйшихъ солнечныхъ пеллинокъ. Скромность, человеколюбіе, благожеланіе, восхищенія дружбы, и превосходное чувство страха Божія, суть нѣчто болѣе, нежели теченіе крови, и біеніе жилъ, что обыкновенно при томъ происходитъ. И такъ, любезный *Симмѣй*, вещи столько разнаго свойства, и такихъ различныхъ качествъ, не могутъ, безъ величайшей неоспоримости, быть приняты одна за другую.

Я совершенно доволенъ, сказалъ *Симмѣй*.

Прежде нежели я, любезный *Кедитъ*, обращусь къ твоему возраженію, должно мнѣ сдѣлать одно примѣчаніе. Первое, что мы знаемъ о дѣлѣ и его свойствахъ, не есть ли нѣчто болѣе, нежели то, что образъ, копорымъ оно чувствуемъ нашимъ представляется?

Скажи, любезный *Сократъ*, не много пояснѣе?

Пространство и движеніе суть въ мыслящемъ существѣ представленія того, что внѣ его въ самомъ дѣлѣ существуетъ: не правда ли?

Согласенъ.

Хотя бы мы, ко увѣренію нашему, что всѣ внѣ насъ находящіяся вещи не инаковы суть, какъ намъ онѣ представляются, и наисновательнѣйшія имѣли доказательствы; однакожъ не взирая на сіе, не примѣчаемъ ли мы, что представленіе идешь всегда впередъ, а увѣреніе, что предметъ представленія сего въ самомъ дѣлѣ существуетъ, слѣдуетъ за онымъ?

Да иначе и быть сіе не можетъ, сказалъ *Симмѣй*; ибо бытіе вещей, внѣ насъ находящихся, не познаемъ мы инако, какъ чрезъ впечатлѣніе, оными въ насъ чинимое.

И такъ въ слѣдствіи нашего познанія, мыслящее существо всегда предшествуетъ существованію простран-

странство имѣющему; прежде всего познаемъ мы, что есть мысли, и слѣдственно такое существо, которое понимаемъ; а изъ сихъ понятій уже и заключаемъ о совершенномъ бытіи іѣла и качествъ его. О истиннѣ сего можемъ мы увѣриться и іѣмъ разсмотрѣніемъ, что іѣло, какъ то уже видѣли, безъ дѣйствія мыслящаго существа, не можетъ составить цѣлаго, и что самое движеніе, ежели не сравнивать прошедшаго съ будущимъ, не было бы движеніемъ. И такъ съ коютою стороны сіе ни разсматриваемъ, прежде всего представляется намъ душа со своими дѣйствованіями, а за оною слѣдуетъ уже іѣло съ перемѣнами его. Понимающее существо предшествуетъ всегда тому, что только лишь понимать можно.

Мысль сія кажется мнѣ, друзья мои, очень изобильна, сказалъ Кепитъ.

Мы можемъ, продолжалъ Сократъ, всю цѣпь существъ раздѣлить на три члена, зачиная съ Безконечнаго, даже до малѣйшей солнечной пылинки. Первой членъ постигаетъ все, но коюраго никто другой понять не можетъ; онъ іѣкмо единъ, коего совершенство есть превыше всѣхъ скончающихся понятій. Сотворенные духи и души составляютъ второй членъ; сіи понимаютъ, но и сами могутъ быть понятны. Телесный свѣтъ составляетъ послѣдней членъ; оный для обоихъ первыхъ понятенъ, однакожъ самъ понимать не можетъ. До познаній предмѣповъ сего послѣдняго члена достигаемъ мы не иначе, какъ помощію представленія, происходящаго о томъ въ духъ; и такъ мы не можемъ быть удостовѣрены въ ихъ существованіи, когда прежде не удостовѣримся въ существованіи мыслящаго существа. И по тому ясно, что подлинность существованія іѣла предполагаетъ существованіе духовъ. Согласны ли вы на сіе?

Когда уже мы, сказалъ Симмѣй, на прежнее согласились, то безъ сомнѣнія должно согласиться и на сіе. Однакожъ,

Однакожь, продолжалъ Сократъ, мнѣніе человѣка слѣдуетъ пушемъ совѣмъ прошивнымъ. Первое, въ чемъ мы думаемъ бытъ удостовѣрены, есть существованіе шѣла и его перемѣнъ; сіе мнѣніе такъ сильно нами обладаетъ, что мы нѣкоторое время почиаемъ матерію единою въ естествѣ существующею вещію, а прочія почиаемъ за свойшвы сея самыя матеріи.

Меня крайнѣ веселитъ, сказалъ Симмѣй, ясное признаніе швое, что и самъ ты шествовалъ прошивнымъ симъ пушемъ.

Эшо правда, любезный другъ, отвѣчалъ Сократъ; первыя мнѣнія всѣхъ смертныхъ однѣ съ другими сходствуютъ. Сія то есть присиань, изъ которой онѣ всѣ отправляются въ путь, ища истинны, блуждаютъ онѣ взадъ и впередъ по морю мнѣній, доколѣ разумъ и размышленіе, дѣши Юлитеропы, не подуютъ въ парусы ихъ, и не предвѣстятъ имъ счастливаго пристанища. Разумъ и размышленіе взявъ духъ нашъ, при впечатлѣніяхъ чувствъ шѣлеснаго свѣта, отводятъ его въ настоящее его жилище, то есть въ царство существъ мыслящихъ: во первыхъ къ подобнымъ ему существамъ сотвореннымъ, кои ради конечности своея могутъ и другимъ бытъ понятны; по шомъ онѣ ихъ возвышаютъ его къ шому первоначальному Источнику понимающаго и понятію предверженнаго, къ оному все постигающему, но никому непоспимому Существу, о коемъ, ко ушѣшенію нашему, вѣдаемъ, что все шо, что мы шолько въ шѣлесномъ и душевномъ свѣшѣ видимъ хорошаго, прекраснаго и совершеннаго, все шо онѣ Него бышіе свое имѣетъ, и Всемогуществомъ Его сохраняется. Ни что болѣе не пошребно ко успокоенію и блаженству нашему въ сей и въ будущей жизни, какъ бытъ увѣрену во истиннѣ сей, и ушвердишь оную во внутренности душъ нашихъ.

Конецъ втораго разговора.

II.

ΘΕΔΩΝ

или

Разговоры о безсмертіи души.

РАЗГОВОРЪ III.

По нѣкоторомъ молчаніи, Сократъ обратившись къ Кедиту сказалъ: любезный Кедитъ! шеперь получивъ почтѣйшее понятіе о существѣ безсмертныхъ, что думаешь ты о пѣнахъ, которые нерѣдко предспавляютъ намъ Бога, зависнвующаго до спноинспвамъ смершнаго, и изъ единой ненависти неприязнь къ нему являющаго?

Ты знаешь, любезный Сократъ, какъ научились мы думать объ нихъ и о ихъ вымыслахъ.

Ненависть и зависть, сіи подлыя и чловѣческому роду споль поносныя спраспи, не совѣмъ ли противорѣчатъ Свяспсти божеспвенной?

Конечно.

И шакъ ты совершенно увѣренъ, и ни мало не сомнѣваешься, что всеспвное Сущеспво насъ сотворившее, ни тебѣ, ни мнѣ, ни прочимъ чловѣкамъ не завидуетъ, и ни къ кому не имбетъ ненависти, и никого не изгоняетъ; но напрошивъ того, всѣхъ насъ наинѣжнѣйше любитъ?

Безъ сомнѣнїя.

И шакъ въ семъ швердомъ упованїи можешь ли ты спрашишься, чтобъ Всевышнїй осудилъ тебѣ на вѣчныя бѣдспвія, и что ты всегда будешь несчастливъ, хотябъ былъ виновенъ, или невиновенъ?

Никогда, никогда! вскричалъ Аполлоторъ, хотя сей вопросъ и не до него касался. Кедитъ же отвѣчалъ, что сей страхъ оскорбиселенъ Божеспву.

И такъ, продолжалъ Сократъ, предложеніе, что Богъ не назначилъ насъ къ вѣчному несчастію, возьмемъ за основаніе подлинности познанія нашего, сколько часто будетъ рѣчь о вещахъ будущихъ, единственно отъ воли Всевышняго зависящихъ. Изъ естественнаго и качествъ сотворенныхъ вещей, не можемъ мы, во всемъ случаѣ, никакого учинить заключенія съ подлинностію: ибо изъ оныхъ слѣдуютъ только такія предложенія, кои сами по себѣ непремѣнны, и по тому не отъ соизволенія Всевышняго, но отъ познанія Его зависятъ. При такихъ разсужденіяхъ должно намъ прибѣгнуть къ совершенствамъ Божіимъ, и стараться испытать, что съ оными согласуется, и что имъ противорѣчитъ. Бѣ чемъ мы увѣрены, что не согласуется съ оными, то можемъ отвергнуть и почитать споль за невозможное, какъ бы оно противурѣчило естеству и существу разсмаприваемыя вещи. Подобно такой же вопросъ, любезный Кепитъ, имѣемъ мы и теперь разсмапривать, по причинѣ возраженія твоего. Ты согласенъ, любезный другъ! что душа есть существо простое, имѣющее бытіе свое безъ тѣла: не правда ли?

Совершенно такъ.

Ты соглашаешься такъ же, что она есть неизчезаема?

Я совершенно во всемъ увѣренъ.

До сего, продолжалъ Сократъ, достигли мы нашими понятіями о естествѣ пространства и представленія. Но теперь происходитъ сомнѣніе о будущемъ жребіи человѣческаго духа, по елику онъ зависитъ единственно отъ воли и соизволенія Всевышняго. Сотворилъ ли Онъ его такимъ образомъ, что бы онъ вѣчно продолжался въ бдящемъ состояніи и съ познаніемъ прошедшаго и настоящаго? или назначилъ ему, что бы онъ по смерти тѣла, погруженъ былъ въ состояніе, подобное сну, и ни-

когдабъ

когдабъ паки не проснулся? Не въ томъ ли ты еще сомнѣвался?

Въ самомъ этомъ, любезный мой Сократъ.

Что совершенное опмятіе познанія себя и памяти хощя на краткое время, не есть дѣло невозможное, то показуешь намъ сонъ, обморокъ, въ головѣ закруга, восхищеніе, и тысяча другихъ опытовъ. Однакожъ душа наша, во всѣхъ сихъ случаяхъ, совокуплена еще съ тѣломъ, и должна располагаться по состоянію мозга, который во всѣхъ слабостяхъ сихъ предспавляетъ ей почти непримѣтныя и скоро проходящія черты. — А изъ сего и не можно сдѣлать никакого заключенія о состояніи души, послѣ раздѣленія оныя съ тѣломъ; ибо тогда всякое сообщеніе между тѣломъ и душою прервется; тѣло не будетъ уже болѣе орудіемъ духа, а душа имѣетъ слѣдовать по законамъ, которые отъ предспавленныхъ ей здѣсь совсѣмъ отличны.

Однакожъ и сего уже довольно для сомнѣнія нашего, что опсушствіе яснаго познанія себя, какъ то чинится во время сна, не противорѣчитъ природѣ духа; и ежели сіе справедливо, то страхъ нашъ не со всѣмъ неосновашеленъ.

Но ежели мы желаемъ освободиться отъ страшнаго сомнѣнія сего, то чего намъ болѣе искать, какъ того, чтобъ увѣриться, что опасеніе наше противно Божіимъ намѣреніямъ, и что Онъ спольже мало желаетъ сего, какъ и вѣчнаго несчастія творенію своему?

Безъ сомнѣнія, сказалъ Кепитъ; ежели мы не потребуемъ такого увѣренія, которое противно естеству разсуждаемая нами вещи. Любезный другъ мой! когда я предлагалъ тебѣ сомнѣнія мои, то я самъ приводилъ правила, занятыя изъ намѣреній Творца, которыя ученію твоему придають великую вѣроятность; но я желаю слышать оныя изъ успѣшвоихъ, чего со мною купно желаюшь и друзья мои.

Посмотримъ, сказалъ Сократъ, могу ли я васъ удовольствовать. Отвѣтствуй мнѣ, любезный Келитъ! когда ты опасаясь, что при самой смерти на вѣки потеряешьъ благае познаніе себя, боишься ли ты, что оной жребій предопредѣленъ всему человѣческому роду вообще, или шокмо нѣкоторой части онаго? Всѣхъ ли насъ пожреть смерть, и говоря по шихотворчески, приведетъ насъ въ обьяпія старшаго сзого брата, вѣчнаго сна? или нѣкоторые изъ земныхъ жителей назначены, что бы небесная Аврора возбуждала ихъ къ безсмертности? Какъ скоро мы согласимся, что нѣкоторой части рода человѣческаго назначено истинное безсмертіе: шо конечно Келитъ не будетъ ни мало сомнѣваться, что сіе блаженство предоставлено правосуднымъ, и друзьямъ Боговъ и человѣковъ?

Конечно нѣтъ, любезный Сократъ! Безъ сомнѣнія Боги не раздѣляютъ такъ несправедливо вѣчную смерть, какъ Аѳинцы временную. А сверхъ сего я думаю, что въ премудрѣйшемъ планѣ шворенія, одинакія существа имѣютъ и одинакое назначеніе и слѣдственно всему роду человѣческому, послѣ жизни сей, предстоитъ одинакой жребій. Или всѣ они паки возбуждаются къ новому познанію себя; и въ такомъ случаѣ и самъ Амитъ и Мелитъ не возмогутъ сомнѣваться, что бы гонимой невинности не предстоялъ лучшій жребій, нежели гонителямъ ея; или всѣ они съ сею жизнью окончиваютъ предопредѣленіе свое и возвращаются въ шо соспояніе, изъ котораго при рожденіи ихъ взяты были; роли ихъ не долѣе продолжаются, какъ на позорищѣ жизни сей: шо окончаніи жъ онаго комедіанты спаваются паки шѣмъ, чѣмъ они были въ общежитіи. Я ужасаюсь, дражайшій другъ мой, и не смѣю далѣе продолжашъ мнѣнія моего; ибо я вижу, что оно ведетъ меня къ очевидному безумію.

Нѣтъ ничего, Келитъ, отвѣчалъ Сократъ: мы должны стараться и о шѣхъ, которые при безсмысленномъ

сленномъ заключеніи не такъ легко краснѣють. Ты утверждаешь, дражайшій мой, что по всеумудрѣйшему плану, одинакія существа имѣють одинакія назначенія? — Да.

Всѣ сотворенныя существа, кои имѣють разумъ и волю, однѣ съ другими сходны?

Безъ сомнѣнія.

И ежели нѣкоторое изъ нихъ думаетъ справедливѣе, обстоятельнѣе и совершеннѣе, болѣе понимаетъ предметовъ, нежели другое; то однакожъ нѣтъ между ими границъ, которыябъ раздѣляли ихъ на различныя чашши, но превосходятъ одно другаго непримѣшнымъ образомъ, и соспавляютъ одинъ родъ: не правда ли?

На сіе должно согласиться.

А ежели исключая насъ, есть еще духи насъ превосходящіе, которые непримѣшнымъ образомъ одинъ другаго въ совершенствахъ превышаютъ, и мало по малу приближаются къ безконечному Духу, то не принадлежатъ ли и они всѣ, сколько ихъ есть, къ одному роду?

Конечно.

Какъ оныхъ качества не существенно различаются, но мало по малу, какъ будто въ непрерывающемся порядкѣ, возвышаются: то и означенія оныхъ, касательно до существеннаго, должны сходствовать, а различаться шокмо въ непримѣшныхъ возвышеніяхъ. Ибо въ великомъ планѣ шворенія, учреждено все по совершеннѣйшимъ правиламъ согласія; по чему и назначенія существъ съ ихъ совершенствами и качествами должны сходствовать. Не сомнительно ли сіе?

Ни мало нѣтъ.

О! Друзья мои. Вопросъ, о которомъ теперь мы разсуждаемъ, начинаешь, въ разсужденіи Божественнаго плана всея вселенныя, бытъ чрезвычайно важнымъ. Заключенія наши касающіяся не до одного человѣческаго рода, но до цѣлаго царства существъ

мыслящихъ. Назначены ли онѣ ко истинному безсмертію и къ вѣчному продолженію познанія и чувствованія себя, или сіи благодѣянія Творца, по нѣкоторомъ наслажденіи, прекращаются и мѣсто свое уступаютъ вѣчному забвенію? Вопросъ сей долженъ рѣшенъ быть въ совѣщѣ Всевышняго, въ общемъ означеніи семъ: и мы разсуждая объ ономъ, не разсмотримъ ли его въ такомъ же общемъ видѣ?

Такъ кажется.

Но чѣмъ общесловеннѣе будетъ прелмѣнѣ, сказалъ Сократъ, тѣмъ смѣшнѣе учинится страхъ нашъ. Всѣ конечные духи имѣютъ врожденныя способности, которыя они чрезъ упражненіе открываютъ и дѣлаютъ совершеннѣе. Человѣкъ вырабатываетъ врожденную ему способность чувствовать и мыслить съ доснойною удивленія скоростію. При каждомъ чувствованіи изливается на него множество познаній, кои человѣческой языкъ изглаголатъ не можетъ: когда же онъ сличаетъ чувствованія сіи, когда сравниваетъ, разсуждаетъ, заключаетъ, избираетъ, опровергаетъ, по множеству оное умножается до безконечности. Въ тожъ самое время нѣкое безпрестанное дѣйствованіе открываетъ врожденныя ему способности духа, и приводитъ въ совершенство остроумію, умъ, разсудокъ, силу изобрѣшенія, чувствованіе прекраснаго и добраго, великодушіе, челолюбіе, любовь къ сожитію, и всѣ совершенства, кои каждый смертный старается приобрести на землѣ. Пускай бранимъ мы нѣкоторыхъ людей глупыми, дураками, безчувственными, подлецами и жестокосердыми: сравнительнымъ образомъ названія сіи могутъ быть иногда нѣсколько и основательными; однакожъ не было еще такого глупца, который бы не далъ чувствовать нѣкоторыхъ признаковъ разума; не было еще такого ширана, который бы не пишалъ въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшей искры челолюбія. Мы всѣ приобретаемъ совершенства сіи; разность же состоитъ токмо въ томъ, что или болѣе

или *менѣе*; да, друзья мои, мы всѣ, говорю я, приобрѣтаемъ ихъ; ибо и самому безбожнѣйшему человѣку не удалось еще, поступать совершенно пропиву назначенія его. Сколько бы онъ ни пропивился, и не пропивоборствовалъ; однакожъ самое сопротивленіе сіе имѣетъ основаніе во врожденной склонности, которая по произхожденію своему есть добрая, но чрезъ несправедливое употребленіе дѣлается испорченною. Сіе то несправедливое употребленіе дѣлаетъ человѣка несовершеннымъ и несчастливымъ; однакожъ врожденно добрая склонность печетъ ко исполненію намѣренія бытія его, хотя, такъ сказать, и пропивъ желанія его. Такимъ образомъ, друзья мои! не было еще человѣка жившаго во благодѣтельномъ обхожденіи съ подобными ему, который бы оставилъ землю сію, не бывъ болѣе совершенъ, нежели каковымъ пришелъ въ оную. То же самое происходитъ и со всѣми прочими мыслящими существами: поелику онъ, познавая себя, чувствуютъ, думаютъ, хотятъ, желаютъ, отвращающа, по толику исправляютъ онъ паче и паче врожденные имъ способности; чѣмъ болѣе оныя упражняются, тѣмъ дѣйствительнѣе чинятся ихъ силы, тѣмъ совершеннѣе, скорѣе и свободнѣе бывающъ дѣйствія ихъ, и тѣмъ удобнѣе могутъ онъ, взирая на истинную красоту и совершенство, чувствовать блаженство свое. Но чтожъ? друзья мои! уже ли всѣ приобретенныя нами божественныя совершенства сіи; уже ли всѣ онъ, подобно какъ водяная пѣна, или по воздуху лѣтящая сирѣла, исчезнутъ, не оставя по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ, что когда нибудь онъ были? Малѣйшая солнечная пылинка не можетъ въ природѣ вещей потеряться, безъ чудотворнаго уничтоженія; а оныя совершенства должны исчезнуть на вѣки? должны въ сравненіи тѣхъ веществъ, кои ихъ имѣли, безъ всякихъ слѣдствій, безъ всякой пользы, быть таковыми почищаемы, какъ будтобъ онъ никогда имъ не принадлежали?

жали? Какія же понятія о разположеніи творенія предполагаемъ мнѣніе сіе! Въ премудрѣйшемъ планѣ семъ доброе есть безконечно полезно, всякое совершенство непрерывныя имѣетъ слѣдствія; однакожь здѣсь разумѣется совершенство существъ простыхъ, существъ самихъ себя чувствуемыхъ, кошорымъ истинное совершенство въ насъпоющемъ означеніи приписывать можно; на противъ же то совершенство, кошорое мы примѣчаемъ въ вещахъ составленныхъ, есть совершенство преходящее и премѣняющееся, подобно какъ и сами вещи, коимъ оно принадлежатъ. Чтобъ сіе болѣе объяснить, друзья мои, то паки попребно взять въ разсужденіе то различіе, кошорое находишся между простымъ и составленнымъ. Мы видѣли, что безъ отношенія ко простому, то есть, безъ отношенія къ мыслящему существу, не можно составленному приписать ни красоты, ни порядка, ни согласія, ни совершенства; не можно безъ сего отношенія даже и ихъ соединить, что бы составили цѣлое. И въ великомъ планѣ міра сего, конечно не произведены сіи составленные для себя: ибо онѣ суть бездушны, не чувствуютъ бытія своего, да и сами собою ни къ какому совершенству неспособны. Намѣреніе же бытія ихъ искать должно въ живущей и чувствующей творенія части: бездушное служитъ одушевленному орудіями чувствованій, и подаютъ ему не токмо чувственное осязаніе вещей различныхъ, но и понятіе о красотѣ, порядкѣ, равномерности, средствѣ, намѣреніи, совершенствѣ, или по крайней мѣрѣ матерію къ симъ мыслямъ, кошорыя по томъ мыслящее существо само чрезъ внутреннее свое дѣйствіе образуетъ. Въ составленномъ не находимъ мы ничего, что бы само по себѣ существовало, ничего, что бы продолжалось, и что бы было постоянно, такъ чтобъ послѣ одного мгновенія ока сказать можно, что оно есть еще то же. Когда я здѣсь, друзья мои, на васъзираю, то не токмо солнечные лучи, кои о лице ваше преломляющыя,

въ непрерывномъ находятся теченіи; но и тѣла ваши во внутренномъ образованіи и составленіи ихъ претерпѣли безконечныя перемѣны: всѣ части оныхъ не суть уже тѣ, которыя были прежде; но находятся въ безпрестанномъ явленіи и теченіи перемѣнъ, которое ихъ неотрывно влечетъ съ собою. Какъ блаженные древнихъ временъ мудрецы примѣтили, что тѣлесныя вещи не существуютъ, но рождаются и исчезаютъ: то и ничего нѣтъ въ нихъ твердаго и продолжительнаго; но все влечется непрерывнымъ стремленіемъ движеній, чрезъ которыя всѣ составленныя вещи безпрестанно рождаются и раздробляются. Сіе то самое разумѣлъ Омѣръ, когда онъ называлъ *Океанъ* опшемъ, а *Тетиду* матерію всѣхъ вещей: симъ хотѣлъ онъ показать, что всѣ вещи въ видимомъ сѣмѣ происходятъ чрезъ непрестанную перемѣну, и подобно какъ въ ярящемся морѣ, не бываютъ ни одного мгновенія ока на прежнихъ своихъ мѣстахъ.

Ежели составленное уже само по себѣ ни къ какому продолженію не способно; то тѣмъ еще менѣе будетъ таковымъ совершенство онаго, которое, какъ мы видѣли, не можно ему приписать въ твореніи инако, какъ въ отношеніи къ существу чувствующему и мыслящему? И для того видимъ мы въ неодушевленномъ твореніи, что прекрасное блекнетъ и разцвѣтаетъ, совершенное поршится, и паки является въ новомъ видѣ, что мнимой безпорядокъ и спройство, согласіе и разноголосіе, приятное и противное, благое и злое, перемѣняются одно съ другимъ въ безконечномъ многообразіи, какъ того требуютъ употребленіе, польза, спокойствіе, веселіе и блаженство вещей одушевленныхъ, для коихъ все сіе сотворено.

Одушевленная часть творенія содержитъ въ себѣ два рода существъ, изъ коихъ однѣ способны токмо къ чувстввенности, а другія къ чувстввенности и къ размышленію. Оба имѣютъ то общимъ, что состоятъ изъ существа продолжающагося, и могутъ имѣть и

наслаждаться внутреннимъ совершенствомъ, которое само по себѣ существуетъ. Мы примѣчаемъ при всѣхъ животныхъ, которыя обитаютъ на земномъ шарѣ, что ихъ чувствованія, знанія, желанія и врожденныя естественныя побужденія, удивительнымъ образомъ съ нуждами ихъ согласуются, и всѣ вообще клонятся къ сохраненію, спокойствію и размноженію, а отъ части и ко благосостоянію потомковъ ихъ. Согласіе сіе находится во внутренности ихъ; ибо всѣ сіи ощущенія и побужденія природы, суть свойства простаго и невещественнаго существа, которое бывъ въ нихъ знаетъ себя и другія вещи; и потому имѣютъ они истинное совершенство, которое не только безъ всякаго отношенія къ другимъ такъ можетъ именоваться, но и собственныя свои части составленія и продолженіе свое имѣетъ. Ежелижъ неодушевленные вещи находящіяся отъ части для нихъ, дабы они имѣли пропитаніе, веселіе и спокойствіе, то и они со своей стороны способны наслаждаться благодѣяніями сими, чувствуя веселіе и скуку, приятность и неприятность, желаніе и отвращеніе, благосостояніе и несчастіе, и чрезъ самое то быть внутренно совершенными или несовершенными. Ежели не одушевленные вещи были средства, употребленные всеумудрѣвшимъ Творцемъ; то и всѣ животныя принадлежатъ къ намѣреніямъ его: ибо для нихъ единственно сотворена нѣкоторая часть неодушевленныхъ, и они имѣютъ способность наслаждаться, и чрезъ то соотвѣтственно внутренней природѣ своей сдѣлаться совершенными. Но мы примѣчаемъ со всѣмъ сему противное; сколь много мы ихъ въ свѣтѣ семъ предъ собою ни видимъ, то ни одно изъ животныхъ сихъ не имѣетъ безпрестаннаго побужденія къ высочайшей степени совершенства. Они безъ наставленія, безъ размышленія, безъ упражненія, безъ намѣренія, и безъ желанія ко знаніямъ, такъ сказать непосредственно отъ руки всемогущаго получаютъ тѣ способности, привычки и

и побужденія , кои потребны къ сохраненію и умноженію ихъ. Болѣе жъ сего они ничего не приобрѣтаютъ, хотя бы жили многіе вѣки , и размножались до безконечности. Да и то, что имѣютъ, не могутъ они ни исправить, ни испортить, ни же другому сообщить; но производятъ оное вкореннымъ въ нихъ образомъ, сколь долго сходствуетъ сіе обстоятельствовамъ ихъ , а по томъ кажется , что сами они все сіе забываютъ. Хотя человѣческимъ стараніемъ нѣкоторыя изъ дворовыхъ животныхъ и могутъ быть къ чему нибудь приучены, какъ то къ войнѣ или къ какимъ нибудь домашнимъ работамъ; однакожъ и самой способъ, которымъ они учатся, довольно уже показываетъ, что жизнь ихъ не назначена къ непрестанному приобрѣтенію совершенства ; но что нѣкоторый степень способности ими получаемая, есть послѣдней конецъ ихъ, и что сами они ничего болѣе не желаютъ, и никогда не побуждаются къ желанію вещей вышнихъ. Но хотя сіе спокойствіе и глупое удовольствованіе тѣмъ, что они уже получили, не желая возвыситься и получить величайшія знанія; хотя сіе и значитъ, что они не были главнымъ намѣреніемъ въ великомъ планѣ творенія, но послѣдними и при томъ такими средствами , которыя существуемъ достойнѣйшихъ и превозходнѣйшихъ назначеній служили ко исполненію намѣреній Бога : однакожъ источникъ жизни ихъ и чувствованій есть существо простое и само по себѣ существующее , которое во всѣхъ переменнахъ, имъ въ теченіи вещей терпимыхъ, всегда имѣетъ нѣчто твердое и продолжительное ; и по тому всѣ тѣ качества , кои оно получило чрезъ наставленіе человѣческое, или непосредственно отъ руки Божія, собственно принадлежатъ ему, и никогда уже обыкновеннымъ образомъ совсѣмъ изчезнуть не могутъ , но должны имѣть непрерывныя слѣдствія. Какъ чувствительная сія душа своего бытія никогда не кончаетъ, то и никогда не престаётъ

сшаеть она способствовать намбреньямъ Божиимъ въ природѣ, и при всякомъ продолженіи бытія своего чинится она способнѣйшею ко исполненію величайшихъ намбреньій Творца своего. Сіе согласно съ безконечнѣйшею Премудростію, съ которою Боги въ совѣтѣ учинили планъ свѣта сего, все находится въ безпрестанной работѣ и трудѣ, что бы исполнишь нѣкоторыя намбренья плана сего; каждому истинному существу предписано несказанное слѣдствіе должностей, кои оно мало по малу исполнишь обязано, а дѣйствующее существо совершая послѣднюю работу, чинится болѣе способнымъ ко произведенію слѣдующей за оною. Послѣдую первоначальнымъ законамъ, духовное существо, оживотворяющее живошныхъ, есть безконечное и продолжающее во вѣки исполнять намбренья Бога въ порядкѣ и мало по малу, какъ то ему въ общемъ планѣ показано.

Оставятъ ли сіи скоповъ и единственно чувствующія свойства со временемъ низкой степень свой, и преселятся ли когда волею Всемогущаго во сферу духовъ, сего съ точностію сказать я не могу, хотя ко мнѣнію сему и очень склоненъ.

Разумныя природы и духи, какъ то особливо человекъ на землѣ сей, занимаютъ въ великомъ мірѣ первѣйшее мѣсто. Для впораго Владыки сего шворенія, природа украшается своею дѣвичьею красошою. Неодушевленное служитъ ему не токмо къ пользѣ и спокойствію, къ пищѣ и одеждѣ, жилиществу и безопасному пребыванію, но особливо и къ веселію и наслаженію его; и высочайшія сферы и отдаленнѣйшія звезды, кои едва могутъ узрѣть очи наши, всѣ онѣ въ намбреньи семъ, должны бытъ ему полезны. Когда желаете знать назначенія его здѣсь; то посмотрите, что онъ здѣсь же дѣлаетъ. При вступленіи своемъ на позорище міра не приноситъ онъ ни искусства, ни побужденій природныхъ, ни врожденнаго влеченія, ни оружія, ни зашиты, такъ что при вшесшвіи своемъ кажется онъ

онъ недостаточнѣе и бѣднѣе всякаго животного безсмысленнаго. Но стараніе и способность дѣлать себя совершеннѣе, сіи высочайшіе дары, къ которымъ шокмо созданная природа способна есть, награждаетъ съ лихвою недостатковъ скотскихъ побужденій и искусствъ, которыя не могутъ уже никогда исправиться и быть совершеннѣе. Едва начнетъ онъ наслаждаться свѣтомъ солнца, то уже вся природа соединяясь, работаетъ ко приведенію его въ совершенство: одно изощряетъ его чувства, воображеніе и память; другое упражняетъ благородныя способности его познанія, вырабатываетъ его умъ, разумъ, остроуміе и пониманіе; красота природы исправляетъ вкусъ, и чувствованія его дѣлаетъ тончайшими; изящное возбуждаетъ въ немъ удивленіе, и такъ сказать, возвышаетъ мысли его выше сферы плѣнности сея. Порядокъ, согласіе и равномеріе служатъ ему не шокмо къ разумному веселію, но и всѣ способности души его упражняютъ во сходномъ совершенству ихъ согласіи. Вскорѣ вступаетъ онъ въ общество подобныхъ ему, дабы взаимственно одинъ другому облегчить способъ къ блаженству: примѣчай же! въ обществѣ семъ являющіяся и образующія въ немъ высочайшія совершенства, которыя до сего времени были такъ сказать скрыты. Онъ получаетъ должности, права и обязанности, возвышающія его въ число нравственной природы; мало по малу рождаются въ немъ мысли о правосудіи, справедливости, приспоспособности, чести, знатности и славѣ. Ограниченная прежде склонность любви его къ семейству разпространяется къ опечеству, а на конецъ и ко всему роду человѣческому; изъ врожденнаго же сожалѣнія производятся благожеланіе, благодѣяніе и великодушіе. Мало по малу обхожденіе, общество, разговоры и ободреніе, производятъ всѣ нравственные добродѣтели въ зрѣлость, возпламеняютъ сердца дружбою, грудь храбростію, а духъ любовію истинны; распространяютъ

въ человѣческой жизни ревность ко взаимнымъ услугамъ, производящъ по угрюмость, по забаву, по задумчивость, по веселость, кои сладостію своею всѣ уединенныя и необщественныя прихоти превозходящъ. И для того по не веселимъ насъ имѣніе всѣхъ благъ земныхъ, и наслажденіе жарчайшаго сластолюбія, ежели мы наслаждаемся оными принуждены бываемъ во уединеніи; даже самые высочайшіе и изящнѣйшіе предметы природы не возхищаютъ такъ общежитіемъ пользующагося живописнаго, по есть челоука, какъ взоръ ему подобныхъ.

Получивъ же разумная сія шварь истинное понятіе о Богѣ и качествахъ Его, по коль же смѣлѣй шагъ къ высочайшимъ совершенствамъ! Изъ общества подобныхъ ему шварей вступаешъ онъ въ общество Творца своего, познаешъ отношеніе, въ которомъ находится онъ, весь родъ человѣческой, и всякое одушевленное и неодушевленное, къ Виннику и Хранишелю всего; тогда великій порядокъ причинъ и дѣйствій въ природѣ сдѣлается ему порядкомъ средствъ и намѣреній; чѣмъ онъ до сего времени наслаждался на землѣ, было ему, шакъ сказать, низпосланно изъ облаковъ: Теперь же разходящая облака сіи; онъ зрешъ блажайшее Существо, изливающее на него благодѣянія свои. Всѣ качества душевныя и шѣлесныя, всѣ достоинства и способности, которыя онъ имѣешъ, все сіе познаешъ онъ даромъ всеблажайшаго Отца; всякая красота, согласіе, благо, премудрость, осторожность, средство и намѣреніе, которыя онъ до сего времени познавалъ въ видимомъ и невидимомъ свѣтѣ, теперь разсматриваетъ онъ, какъ мысли Всемудрѣйшаго, которыя позволяется ему чипать во книгѣ творенія, дабы чрезъ по сдѣлаться совершеннѣе. Сему любезнѣйшему Отцу и Воспитателю, сему милосивѣйшему Владыкѣ свѣта посвящаетъ онъ всѣ добродѣтели сердца своего, которыя во глазахъ его получаютъ божественное сіяніе; ибо онъ знаетъ, что чрезъ

чрезъ нихъ, единственно чрезъ нихъ Всеблажайшему угодить можемъ. Едина добродѣтель ведетъ насъ ко блаженству, и иначе не можемъ мы угодить Творцу нашему, какъ спараніемъ о приобрѣтеніи блаженства сего. Въ сихъ разположеніяхъ до какой высоты доспигаетъ человекъ на землѣ сей! Взирайте на него, друзья мои! взирайте на благомыслящаго сего гражданина царства Божія, какъ всѣ его мысли, желанія, склонности и спраши между собою согласуются, какъ всѣ онѣ клонятся ко истинному благосостоянію шварей и ко всепочитанію Творца! О еслибъ цѣлый свѣтъ могъ показать хотя одну шварь такого совершенства, поколебались бы мы тогда въ семъ подражаніи Божества, въ семъ предмѣшѣ благоволенія Божія; поколебались бы мы, говорю, въ предмѣшѣ семъ искаши конца шворенія?

Хотя черны картины сея и не касаются всѣ до человека вообще, но шокмо до нѣкоторыхъ, которые родъ человеческій украшаютъ; однакожъ они суть границею между человекѡвъ и высочайшихъ духовъ. Довольно, что они принадлежатъ всѣ въ одно отдѣленіе, и что различіе ихъ состоитъ шокмо въ болѣе или менѣе. Отъ самаго незнающаго человека до совершеннѣйшаго между духовъ всѣ имѣютъ, премудрости Божіей и способностямъ своимъ согласное назначеніе, дѣлаши себя и другихъ совершеннѣйшими. Сей путь имъ предписанъ, и наизвратнѣйшая воля не можетъ сойти съ онаго. Все, что живетъ и думаетъ, не можетъ ни мало прешаши, выработываши свои знанія и желательныя силы, превращаши ихъ въ способности, слѣдственно болѣе или менѣе, скорѣе или шие приближаши къ совершенству. Но когда доспигнуть цѣль сію? Сколько мнѣ кажется, что никогда шакъ совершенно, чтобъ не можно было свой путь продолжати далѣе: ибо сотворенныя природы не могутъ никогда доспигнуть такого совершенства, что бы далѣе онаго и думати уже не возможно было. Чѣмъ выше

выше онѣ взлетаютъ, шѣмъ болѣе открываютъ онѣ
 ондаленностей, которыхъ еще не видали, и кото-
 рыя побуждаютъ насъ шествовать далѣе. Цѣль же-
 ланія сего подобно, какъ и время, состоитъ въ без-
 пресшанномъ умноженіи. Подражая Богу, можемъ мы
 мало по малу приближаться совершенствамъ; а въ
 семъ по приближеніи и состоитъ блаженство ду-
 ховъ; но путь къ онымъ безконеченъ, такъ что
 и во вѣки окончивъ онаго не возможно. Для сего
 по и усилія наши въ жизни сей никогда не имѣютъ
 предѣловъ. Всякое желаніе человѣка простирается
 само по себѣ до безконечности. Желаніе наше къ
 знанію есть ненасытно, честолюбіе наше такъ же
 ненасытно, и самая подлѣйшая скупость мучитъ
 насъ и беспокоитъ, и никогда совершенно удоволь-
 ствована бытъ не можетъ. Чувствованіе красоты
 ищетъ безконечности: изящное привлекаетъ насъ
 неисповѣдимостию, которая ему сродна: сластолю-
 біе какъ скоро преидетъ предѣлы насыщенія, такъ
 скоро становится намъ прошивнымъ. Гдѣжъ мы ви-
 димъ предѣлы, кои преицитъ намъ не можно, тамъ
 воображеніе наше чувствуетъ себя такъ сказать
 прикованнымъ, и сами небеса кажутся намъ не мо-
 гущъ вмѣститъ бытія нашего: и для того по да-
 емъ мы волю воображенію нашему, и предѣлы оп-
 споянія удаляемъ до безконечности. Сіе безконечное
 желаніе, ондаляющее безпресшанно границы свои,
 согласуется съ существомъ, качествами и назначе-
 ніемъ духовъ: чудесныя творенія Безконечнаго имѣ-
 ютъ довольно матеріи, что бы во вѣки питать
 желаніе сіе: чѣмъ болѣе углубляемся мы въ тайно-
 сти оныхъ, шѣмъ пространнѣйшіе виды предшав-
 ляются жаднымъ взорамъ нашимъ; чѣмъ болѣе мы
 внимаемъ, шѣмъ болѣе находимъ познавать; чѣмъ
 болѣе наслаждаемся, шѣмъ болѣе неизчерпаемымъ
 находимъ мы источникъ сей.

И такъ можемъ мы, продолжалъ Сократъ, по-
 ложитъ твердо, что сіе побужденіе къ совершен-
 ству,

ству, сіе умноженіе, сіе приращеніе внутренней изящности естъ назначеніемъ мыслящихъ существъ, слѣдовательно и высочайшей конецъ творенія. Мы можемъ сказать, что сіе неизмѣримое сданіе міра произведено для того, что бы рождались мыслящія существа, кои бы часъ оиъ часу возвышались, приходили въ вѣдущее совершенство, и въ семъ приращеніи обрѣтали блаженство свое. Но чтобъ всѣ существа сіи одерживаемы были въ пути ихъ, не только одерживаемы, но и вдругъ низвергаемы во пропасть, и такимъ образомъ лишались бы всѣхъ плодовъ трудовъ своихъ; сіе Всевышнему Существу никогда угодно быть не можетъ, и въ планѣ тако-го свѣта, который изъ всѣхъ прочихъ наиболѣе ему понравился, конечно никогда поспановлено не было. Онѣ, какъ простыя существа, суть неслѣбны; какъ существа сами по себѣ пребывающія, то и совершенства ихъ суть продолжительны, и имѣютъ безконечныя слѣдствія; какъ мыслящія существа, то безпрестанно стараются о умноженіи и приращеніи совершенствъ своихъ: природа же предлагаетъ имъ довольно матеріи къ безконечному приращенію сему; а какъ высочайшей конецъ творенія, то и не могутъ предлѣжать другимъ намѣреніямъ, слѣдственно и не могутъ имѣть препятствія въ обладаніи и приращеніи совершенствъ ихъ. Прилично ли сіе Премудрости, чтобъ свѣтъ произвестъ для того, дабы духи, которыхъ Она въ него помѣстила, взирали на чудеса оной и были блаженны; но чтобъ спустя по томъ мгновеніе ока, у самихъ духовъ сихъ опннать на вѣки и блаженство ихъ и способность къ разсужденію? Согласно ли то съ Премудростію, чтобъ тѣнь блаженства, которая приходитъ и отходитъ, учинить высочайшимъ концемъ чудотвореній оной? Ахъ нѣтъ! друзья мои! не всеу Всевидящій вложилъ въ насъ желаніе къ вѣчному блаженству: оно можетъ удовольствоваться, и конечно удовольствуется. Намѣреніе творенія продолжается сколько же,

Часть I. II. какъ

какъ и твореніе самое; а удивляющіеся божественнымъ совершенствамъ споль долго, какъ твореніе, въ которомъ сіи совершенства видятся. Подобно, какъ здѣсь служимъ Владыкѣ вселенныя, выработывая способности наши: шакъ и въ будущей жизни будемъ мы продолжать, подѣ Божескимъ Его Покровительствомъ, упражняясь въ добродѣтели и во премудрости, безпрестанно чинишь себя совершеннѣе и способнѣе, исполняясь слѣдствіе Божескихъ намереній, простирающееся до безконечности. Чшобъ найпи гдѣ нибудь препяшство въ души семъ, сіе прошиворѣчишь очевидно Премудрости, Благости и Всемогуществу Божію, который дѣлая планъ міру сему, желалъ сего споль же мало, какъ и величайшаго несчастія невинныхъ тварей.

Сколь много сожалѣнія достойно состояніе умирающаго, который чрезъ несчастное и ложное умозвоаніе, лишалъ себя утѣшительнѣйшей надежды, шо есть, ожиданія будущаго! Онъ не долженъ размышлять о состояніи своемъ, жить въ зашмѣніи, или опчаяваться. Что можешъ быть ужаснѣе человѣческой душѣ, какъ уничтоженіе? И что несчастнѣе, какъ человѣкъ, взирающей на скорое сего уничтоженія пришествіе, и который ожидая онаго со страхомъ и опчаяніемъ, воображаетъ себѣ, что уже оно чувствуенъ? Во счастье вкравшись ужасная мысль сія уничтоженія между сластолюбивѣйшими предсавленіями, подобно какъ змѣя между цвѣтами, наслажденіе жизни наша напоелъ ядомъ; въ несчастіи же повергаешъ человѣка на землю безъ всякой надежды, опнимая у него единое утѣшеніе, которое можешъ умалишь несчастіе его, шо есть, надежду лучшей жизни въ будущемъ. Конечно! мысль сія предсвоящаго уничтоженія, споль мало сходствуенъ со природою души человѣческой и со всѣми ея свойствами, что съ которой стороны ни спанемъ мысль сію разсмапривать, и куды ни обратимся, всюды предсавляюща намъ шьмы глупостей

стей и противурѣчій. Что представитъ жизнь сія со всѣми трудами, заботами, попеченіями, и болѣзнями въ ней приключающимися, ежели приятныя оной минушы будутъ еще исполнены спрахомъ неизбѣжнаго уничтоженія? Что представитъ время вчерась и сего дня, коихъ завтра уже не будетъ? Нѣкую презрительнѣйшую малость, кою порою всѣ его труды, работы, старанія и безпокойства, съ которыми оную сохраняемъ, плашится очень худо. Однажъ кожъ для того, кю лучшаго не ожидаетъ, малость сія составляетъ все. Слѣдуя ученію его, теперешнее бытіе его должнобъ ему казаться высочайшимъ благомъ, съ которымъ ничю во свѣтѣ сравнить не можетъ; должнабъ болѣзнями и мученіями исполненная жизнь лучше предпочтенною быти смерти, яко совершенному уничтоженію существа его; и любовь его къ жизни ни чѣмъ бы не должна побѣждаться. Какое стремленіе, какое разсужденіе было бы столь сильно, чтобъ побудило его вдатся въ наималѣйшую опасность жизни? *Честь и Слава!* Но сіи тѣни исчезающъ, какъ скоро идетъ рѣчь о существенномъ добрѣ, съ которымъ сравнивать ихъ должно. — *Отъ сего зависитъ благо дѣтей, друзей, отечества его!* — Хотябъ отъ того зависѣло благо всего рода человѣческаго; но ему наималѣйшее веселіе нѣсколькихъ минушъ составляетъ все, чѣмъ только утѣшился надѣиися, и слѣдственно сіе есть величайшей для него важности; и такъ можетъ ли онъ вдатся оное въ опасности? То, что онъ подвергаетъ опасности, никакъ не сравнительно съ тѣмъ, чего онъ уповаемъ; ибо слѣдуя софизмамъ его, жизнь въ сравненіи со всѣми прочими благами есть наипервѣйшее.

Но не было ли такихъ ироевъ, которые не бывъ увѣрены о безсмертіи, полагали жизнь свою за защищеніе правъ человѣчества, вольности, добродѣтели и истинны? Конечно; да еще и такихъ много было; которые подвергали жизнь свою изъ намѣреній гораздъ

до менѣ сихъ похвалы достойныхъ. Однакожъ не разсудокъ, а сердце къ тому ихъ побудило; и сими подвигами опровергали они правила свои, и сами того не зная. Кто ожидаетъ будущей жизни, и почитаетъ намѣреніемъ бытія своего приближеніе, нечувствительными спешеніями, къ безконечному Совершенству, шотъ можетъ самъ себѣ сказать: „Смотри! Ты посланъ сюда съ нѣмъ, что бы способствуя добродѣтели, дѣлалъ самъ себя совершеннѣе: и такъ долженъ ты стараться, получишь доброе, ежели инако не возможно, хоша и съ опасностію живота твоего. Грозитъ ли тиранъ паденіемъ опечесиву твоему, угнѣбаемо ли правосудіе, обидима ли добродѣтель, гонимы ли законъ Божій и истина: тогда дай употребленіе изъ жизни твоей, для котораго она тебѣ и дана: умри, дабы чрезъ то челоуѣческому роду сохранить дражайшія средства ко всеобщему блаженству его! Достоинство способствовать благу, не щадя себя, дѣлаетъ все существо гораздо драгоценнѣе, и въ то же время дѣлаетъ бытіе его безконечнымъ. Какъ скоро смерть предлагаетъ мнѣ то, чего жизнь дать не можетъ, то должностъ, званіе и назначеніе мое велитъ мнѣ умереть..“ Тогда шокмо можно полагать цѣну жизни, и сравнивать оную съ прочими благими, когда разсматривается она какъ средство ко блаженству. Но какъ скоро съ жизнью теряемъ мы и бытіе наше, то уже не есть она болѣе средство, но намѣреніе и конецъ всѣхъ желаній нашихъ, высочайшее благо, которое мы шолько приобрести можемъ, которое мы стараемся получить, и которое мы любимъ единственно для него самаго; ни какое благо во свѣтѣ съ онымъ сравнится, кольми паче предпочтено оному быть не можетъ; ибо оно всѣ прочія разсужденія важностію своею превосходитъ. И для того то не могу я вѣрить, чтобъ челоуѣкъ, думающей, что съ жизнью сею все кончается; чтобъ такой челоуѣкъ, говорю я, слѣдуя своимъ

своимъ правиламъ, принесъ себя на жертву благу опечесства своего, или всего рода человѣческаго. На прошивъ я думаю, что сколь часто, на примѣръ, благо опечесства требуетъ, чтобъ гражданинъ потерялъ жизнь, или чтобъ токмо подвергнулъ себя опасности потерять оную, слѣдуя мнѣнію сему, между опечесствомъ и гражданиномъ симъ должна вспанъ война, и что еще удивительнѣе, война съ обоихъ сторонъ справедливая. Ибо опечесство не имѣетъ ли права требовать отъ гражданина сего, что онъ онъ жертвовалъ собою общему благу? кто скажетъ сему прошивное? но гражданинъ сей имѣетъ право сему совершенно прошивное, какъ скоро жизнь есть для него высочайшимъ благомъ. Онъ можетъ, онъ смѣетъ, да! слѣдуя правиламъ симъ, обязанъ онъ поступать такимъ образомъ, чтобъ искалъ паденія опечесству своему, дабы чрезъ то хощя на нѣсколь-ко дней продолжитъ драгоцѣнную жизнь свою. Слѣдуя мнѣнію сему, каждому нравственному существу принадлежитъ совершенное право, причинитъ паденіе всему свѣту, ежели чрезъ то его жизнь, то есть, бытіе его продолжится можетъ. Такое же право имѣютъ и прочія существа ему подобныя. Какое же всеобщее возмущеніе! какой безпорядокъ! какое замѣшательство произродящая во всемъ нравственномъ свѣтѣ! Война съ обѣихъ сторонъ справедливая, война всеобщая между нравственными существами, гдѣ каждое по справедливости имѣетъ на своей сторонѣ право; брань, которая сама по себѣ и правосуднѣйшимъ судіею въ свѣтѣ по праву и справедливости рѣшена бытъ не можетъ? Чпожъ можетъ быть сего безумнѣе!

Ежелибъ всѣ мнѣнія, о коихъ человѣки когда нибудь спорили и сомнѣвались, предложишь предъ судилищемъ Истинны; какъ думаете, друзья мои! не попчасъ ли бы Божество сіе рѣшило ихъ, и положило твердо, которое мнѣніе справедливо, и которое ложно? Безспорно! ибо въ царствѣ Истинны нѣтъ

ни какого сомнѣнїя, ни какого ложнаго вида; но всѣ потчасъ рѣшаются справедливо или признаны будутъ ложными. Каждой шакже, думаю, согласишься и на сіе, что такое ученїе не ошмѣнно должно бытъ ложное, которое не можетъ утвердиться, ежели въ царствѣ Истинны не полагаемъ мы прошивурбчїя, нерѣшимыхъ сомнѣнїй, или неизвѣстностей; ибо въ царствѣ семъ владычествуешъ наисовершеннѣйшее согласїе, которое ни чемъ прервано или разрушено бытъ не можетъ. Въ шакомъ же положенїи находится и правосудїе: всѣ споры и всѣ раздоры рѣшаются предъ трономъ ея по правиламъ вѣчнымъ и непремѣннымъ. Тутъ нѣтъ ни одного случая, который бы былъ сомнительенъ или неизвѣстенъ; тутъ нѣтъ ни одного права колеблющагося; тутъ нѣтъ двухъ нравственныхъ существъ, которыябъ на одну вещь имѣли равное право. Всѣ слабости сіи суть наслѣдіе непроницающаго человека, который не довольно вникаешъ въ прошивныя мнѣнїя, или не можетъ сравнивать ихъ; но въ разумѣ Всевышняго Духа всѣ должности и права нравственныхъ существъ, равно какъ и всѣ истинны, находятся въ совершеннѣйшемъ согласїи. Всякое стеченїе правъ и должностей, могущее ограниченное существо привести въ сомнѣнїе, находитъ здѣсь рѣшенїе непоколебимое; и въ разсужденїи Бога, прошивныя права столь же не разсудительны, какъ и прошивныя предложенїя, бытъ и не бытъ, приписываемыя въ одно время и одной вещи. Что же надлежитъ намъ сказать о шакомъ мнѣнїи, которое, чрезъ шѣсно совокупленныя слѣдствїя, приводитъ насъ на такїя между собою прошивныя и колеблющїяся мысли? Примутся ли онѣ предъ трономъ Истинны?

Другъ мой Критонъ, предъ нѣсколькими днями, не хотѣлъ со мною согласиться, что я республикѣ и законамъ обязанъ, подвергнушь себя назначенному мнѣ наказанїю. Ежели образъ его мыслишь не со всѣмъ

всѣмъ мнѣ неизвѣстенъ, но кажется, что въ семъ сомнѣвался онъ для того, что приговоръ мнѣ объявленный почипалъ несправедливымъ. А когдабъ онъ зналъ, что я въ самомъ дѣлѣ въ обвиняемомъ меня преступленіи виновенъ; то безъ сомнѣнія не сомнѣвался бы онъ, что республика имѣетъ право, казнить меня смертію, и я обязанъ подвергнуть себя наказанію сему. За правомъ дѣлать всегда слѣдуетъ обязанность терпѣть. Ежели республика, какъ и прочія нравственные особы, имѣетъ право, наказывать обидящаго ея (*), и ежели не довольно наказанія легкаго, то хощя и смертію казнить; то обидящей, по самой строгой справедливости, обязанъ терпѣть наказаніе сіе. Безъ сей спрадащельной обязанности, право оное было бы пусшой звукъ, слово безъ

П 4

МЫСЛИ

(*) Право мщенія или возмездія за учиненную обиду телесными болѣзнями, можетъ имѣть мѣсто и въ естественномъ состоянїи, а не имѣетъ основанія своего, какъ то утверждаютъ нѣкоторые философы, на общественномъ согласїи, и отъ принятаго права собственности не зависятъ. Человѣкъ и въ естественномъ состоянїи обязанъ стараться о сохраненїи себя, о здравїи и совершенствѣ своемъ, и имѣетъ право, употреблять позволенныя къ тому средства; по чему и можетъ онъ удержатъ другихъ, что бы они въ непинномъ исполненїи права сего ему не прелятстпопали. Слѣдственно имѣетъ онъ совершенное право, требовать отъ каждаго, чтобъ его не обижало; а для дальняго удержанія отъ обиды, пользоваться правомъ мщенія или наказанія. Тягость наказанія размѣряется по обидѣ, а особливо по пѣроятности, что оное достаточно будетъ, защититъ отъ будущей обиды. По чему и смертныя наказанія выпають справедливы, ежели легчайшя къ тому не достаточны. Ежели кто нибудь въ естественномъ состоянїи раззоритъ мою жи-

мысли и безъ означенія. Подобно какъ въ естественномъ свѣтѣ нѣтъ дѣйствія безъ оправданія, такъ и въ нравственномъ не можетъ быть права на какую нибудь особу, что бы со стороны особы сей не было обязанности (*).

Я не сомнѣваюсь, друзья мои, что Критонъ и всѣ вы въ ономъ согласны. Но мы не думали бы такъ, ежели бы послѣ жизни сея ни чего болѣе не ожидали. Слѣдую ложному мнѣнью, наивеличайшей преступникъ не былъ бы обязанъ, терпѣть наложенное на него наказаніе; но ежели онъ прошивъ республики учинился достойнымъ смерти, то имѣетъ право, причинить паденіе опечесиву своему, которое желаетъ смерти его. Что учинилось, то уже не перемѣнишь; а жизнь есть для него высочайшее благо: то какъ же можетъ онъ своему благу предпочесть благо республики? Какъ можетъ природа пред-

пред-

жину, измучить поду, или броситъ въ меня камень, того имѣю я право наказать, хотя право собственности и не предано, и общественное не заключено согласіе. Никто не будетъ спорить, что каждое государство имѣетъ право, наказатъ чужестранца, обидишаго оное, хотя пладѣнѣе сѣе и не состоитъ въ общественномъ съ нимъ согласіи. Государства даютъ взаимственное право наказывать, хотя и находятся въ естественномъ между собою положеніи.

(*) Право сильнѣйшаго не можетъ, въ царствѣ Истинны, рѣшить ни какого дѣла. Сила и право суть со естествомъ ихъ такъ различны, что какъ сила право, такъ и право силу произвести не можетъ. На одной сторонѣ право безъ обязанности на другой, должно рѣшено быть силою: но сѣе есть безсмысленно. Ежели родители имѣютъ совершенное право, требовать отъ дѣтей своихъ послушанія; то сѣи съ своей стороны обязаны имъ повиноваться. Ежели дѣти до того времени,

предписать такое право, которое не клонится къ высочайшему благу? Какимъ образомъ можетъ онъ быть обязанъ, что нибудь дѣлать, или шепѣть, что блаженству его совершенно прошиворѣчить? (*) И такъ не токмо не можетъ быть ему не позволено, но напрошивъ онъ еще и обязанъ, опустошивъ царство сіе огнемъ и мечемъ, ежели токмо чрезъ то можетъ спасти животъ свой. Но чрезъ что же могъ злодѣй получить сіе бѣдственное право? Прежде, нежели учинилъ онъ наказанія достойное преступленіе, какъ человекъ, былъ онъ обязанъ, способствовать благу человекѣвъ, а какъ гражданинъ, благу согражданъ своихъ. Чтожъ теперь освобождаетъ его отъ обязанности сей? Чрезъ что же получилъ онъ право, уничтожать подобныхъ ему? Что учинило перемѣну сію въ должностяхъ его? Кто осмѣлился отвѣтствовать: *Сіе самое учиненное имъ преступленіе.*

Еще другое несчастное слѣдствіе мерзостнаго мнѣнія сего, есть сіе, что утверждающіе оное должны отрицать Провидѣніе Божіе. Ибо, по мнѣнію ихъ, жизнь человека находится въ іѣсныхъ предѣлахъ

II 5

между

какъ сами содержатъ себя не могутъ, имѣютъ право, требовать содержаніе ихъ отъ родителей своихъ; то и сіи обязаны содержать ихъ. Несопершенному праву отвѣтствуется несопершенное обязательство. Кто токмо не чуждѣтъ начальныхъ основаній естественнаго права, тотъ не будетъ сомнѣваться и въ предложеніяхъ сихъ.

(*) Все право, естественное челоуѣку предписанная, должны имѣть концемъ своимъ его высочайшее благо. Ежели наше высочайшее благо есть блаженство; то должность наша можетъ намъ пожелать, блаженство предпочитать жизни нашей. Но ежели сама жизнь есть высочайшее благо: то не можетъ быть такой должности, которая бы принуждала насъ, лишиться жизни.

между рожденіемъ и смертію, слѣдственно и могутъ они продолженіе оной обозрѣть очами своими, и слѣдственно имѣютъ они довольно знанія разсуждать о путяхъ Провидѣнія, ежели оно есть. Теперь видите вы въ свѣтѣ семъ многія произшествія, которыя очевидно прошиворѣчаютъ понятію, которое имѣемъ мы о качествахъ Бога. Иное прошивно благости Его, иное правосудію, а иногда принуждены бываемъ думать, что жребій человѣка управляется такою причиною, которая веселился зломъ. Въ естественной части человѣка находите вы во всемъ порядокъ, красоту и согласіе, премудрѣйшія намѣренія и совершеннѣйшее согласіе между концемъ и средствами; ясныя доказательства премудрости и благости Божіей. Но въ нравственномъ и общественномъ житіи человѣка, сколько мы оное обозрѣть можемъ, слѣды божественныхъ свойствъ, бывають иногда со всѣмъ не примѣшны: порожествующіе пороки, увѣчанныя злодѣйства, гонимая невинность, угнетаемая добродѣтель представляются не рѣдко; невинные и правдивые не рѣже спирадають злодѣевъ; возмущеніе удаётся такъ же часто, какъ и премудрѣйшее законоданіе; неправедная война столь же успѣшна бываетъ, какъ и изпребленіе чудовищъ, или иное благодѣйственное предпріятіе, учрежденное ко благу рода человѣческаго: счастье и несчастіе раздѣляются равно какъ добрымъ, такъ и злымъ, безъ примѣшнаго различія, и въ глазахъ софистовъ должны раздѣлены быть между человѣками, не взирая на добродѣтель и достоинство. Ежелибъ всеумудрое, всеблагое и правосудное Существо пеклось о жребіи человѣка, и оное разпредѣляло по произволу своему: то не владычествовалъ либъ въ нравственномъ свѣтѣ такой же порядокъ, какому удивляемся мы въ естественномъ?

Правда, нѣкоторые могутъ сказать: „Всѣ сіи жалобы происходятъ отъ безпокойныхъ нравовъ, коихъ ни Боги, ни человѣки никогда удовольствоваться

„не могутъ. Исполни всѣ желанія ихъ, возведи ихъ на высочайшей степенъ блаженства : однакожь въ жадныхъ сердцахъ своихъ найдутъ они довольно своенравія и неудовольствія, что бы жаловаться и на благотѣтелей своихъ. Въ очахъ человека умѣреннаго и презваго, благая мѣра сего раздѣлены не такъ не равно, какъ по нѣкоторые думаютъ. Добродѣтели по большей часи сопутешествуютъ внутреннее спокойствіе, которое составляетъ сладчайшее награжденіе, нежели счастье, честь и знаменность. Угнѣпаемая невинность рѣдко пожелаетъ быти на мѣстѣ ширана, наступающаго на выи ея; за мечущееся въ глаза счастье заплатилабы она весьма дорого внутреннимъ безпокойствіемъ. Вообще сказать, кто болѣе взираетъ на чувствованія человека, нежели на ихъ разсужденія шотъ не найдеть состояніе ихъ столь достойнымъ сожалѣнія, какъ они описываютъ его въ своихъ рѣчахъ и разговорахъ. „ Вотъ иной что скажетъ во оправданіе пущей премудраго Провидѣнія. Но всѣ разсужденія сіи тогда шокмо дѣйствительны, когда съ жизнью нашею не все еще кончается, и когда надежды наши и послѣ сего до безконечности простираются. Въ семъ случаѣ можетъ, да и должно, для вѣчнаго блаженства нашего, быти гораздо важнѣе, ежели мы будучи окружены несчастіями, научаемся терпѣнію, швердоши и преданности воли Божіей, нежели бывъ во счастіи и изобиліи, сами себя забываемъ. Хотя я жизнь мою окончаю въ тысячѣ различныхъ мукахъ, но что мнѣ до сего нужды, ежели чрезъ сіе душа моя приобрѣла красоту спраждущей невинности, и шѣмъ за всѣ ея мученія награждена уже съ лихвою. Мука сія есть временна, а награжденіе вѣчно. Но что же награждаетъ шого, кто въ мукахъ сихъ все бытіе свое скончаетъ, и съ послѣднимъ дыханіемъ лишается всей красоты духа своего, которую приобрѣлъ онъ на землѣ сей? Не жестокъ ли жребій шакого человека? Кто сіе

сіе такъ распорядилъ, можешъ ли шотъ быть благимъ и правосуднымъ? Но положимъ, что познаніе своея невинности награждало бы всѣ горестныя чувствованія, и самое мученіе смерти, которую невинной получаетъ отъ рукъ гонителя своего; то сей мучитель, сей нарушитель Божескихъ и человѣческихъ законовъ, скончается ли онъ, говорю я, не будучи выведенъ изъ слѣпаго жестокосердія своего въ которомъ онъ жилъ, и не получа лучшаго понятія о злѣ и благѣ? не признавая никогда, что свѣтъ сей управляемъ такимъ премудрымъ Существомъ, которое находилъ удовольствіе въ добродѣтели? Ежели мы не должны надѣяться будущей жизни, то Провидѣніе не можно оправдать, ни въ разсужденіи гонителей, ни въ разсужденіи гонимыхъ.

Къ несчастію, многіе обмануты ложными сими затрудненіями, отрицаютъ Провидѣніе. Всевысочайшее Существо, говорятъ они, ни мало не печется о жребіи человѣка, хотя и одарило его совершеннѣйшею естествою природою. Добродѣтель и порокъ, невинность и злодѣйство, служатъ ли кто ему или его прогнѣвляють, все сіе, говорятъ они, ему равно. Къ сему присовокупляють еще многія какъ смѣшныя, такъ и порочныя мнѣнія, которыя неопмѣнно родятся, какъ скоро сойдешъ съ пути истинны. Я почишаю, друзья мои, за излишнее, говоритъ много о неосновательности мнѣній сихъ: ибо всѣ мы увѣрены, что находимся подъ Божіимъ покровомъ, и что доброе получаемъ отъ десницы Его, а несчастіе не иначе къ намъ приходитъ, какъ его попущеніемъ.

Но мы знаемъ вѣрнѣйшей и легчайшей путь для выхода изъ лабиринта сего. Въ нашихъ глазахъ нравственное свѣта сего столь же мало противно совершенству Создателя, какъ и естествонное. Подобно находящіяся въ частяхъ естествоннаго свѣта безпорядки, какъ то буря, гроза, землетрясеніе, наводненіе, моровая язва и прочее, клонятся всѣ къ

къ совершенству неизмѣримаго цѣлаго; такъ же равно и въ нравственномъ свѣтѣ, въ жребіи и приключеніяхъ человека, всѣ временныя недоспадки способуютъ къ вѣчному совершенству; временныя несчастія къ продолжительнѣйшему исправленію, да и самыя спсранія претворяются въ привычку, и которыя для нашего блаженства суть не обходимы. Что бы разсматривать жребій единого человека во всемъ его видѣ, то надлежитъ намъ обзрѣть его во всей вѣчности. Тогда токмо можемъ мы разсуждать и разсматривать пути Провидѣнія, ежели мы вѣчное продолженіе разумнаго существа приведемъ подъ одинъ предмѣтъ слабости нашей приличной. Но еслибъ сіе было возможно, то буди, друзья мои, увѣрены, что бы тогда не хулили, не роптали и не были не довольными, а будучи преисполнены удивленія, началибъ почитать и обожать премудрость и благость Владыки мѣра.

Изо всѣхъ сихъ доказательствъ, друзья мои! слѣдуетъ твердое увѣреніе будущія жизни, которое совершенно успокоитъ насъ можетъ. Сила чувствованія не есть свойство тѣла или искуснаго строенія его; но существуетъ сама по себѣ, и по естеству своему есть достояніе существа простаго, и слѣдовательно не исчезаетъ. Да и совершенство, которое приобрѣтено существомъ симъ, въ разсужденіи его самаго должно быть безконечныхъ слѣдствій, и безпрестанно дѣлаться способнѣйшимъ ко исполненію намѣреній Божіихъ въ природѣ. А особливо душа наша, какъ существо разумное и старающееся о совершенствѣ, принадлежитъ къ роду духовъ, составляющихъ намѣреніе творенія, и непрестающихъ взирать на дѣла Божія и прославлять оныя. Начало бытія ихъ, какъ мы видѣли, есть желаніе и безпрестанное приобрѣтаніе одного совершенства послѣ другаго; существо ихъ способно къ безпрестанному приращенію; склонность ихъ идетъ очевидно до безконечности, а природа неушолимою жаждою исполненымъ

неннымъ желаніямъ ихъ предлагаешь неизчерпаемый источникъ. Сверхъ же того, какъ существа нравственные, имѣють онѣ порядочное собраніе правъ и обязанностей, которое было бы преисполнено глупости и противорѣчій, ежелибъ онѣ были удерживаемы въ пути ихъ къ совершенству, или отъ онаго были отгоняемы. На конецъ безпорядокъ и неправосудіе, которыми кажутся нами владычествуютъ въ жребіи человека, приводяшь насъ на пространную связь слѣдствій, въ которой все то рѣшилось, что намъ кажется непонятнымъ. Кипо здѣсь съ твердосію, и такъ сказать не взирая на несчастіе, исполняешь свою должность, и всѣ превратности сносишь, отдавая себя въ волю Божію; тогда долженъ на конецъ наслаждаться награжденіемъ добродѣтели своей: а порочный не можетъ безъ того умереть, чтобъ какимъ то образомъ ни было, не узналъ, что злодѣйство не есть путь ко блаженству. Однимъ словомъ, сіе противорѣчило бы всѣмъ качествамъ Бога, Его премудрости, благости и правосудію, ежелибъ онѣ разумныя и о совершенствахъ спарающіяся существа, сотворилъ токмо на краткое время.

Ежели кто изъ васъ скажетъ: „Хорошо, Сократъ, ты показалъ намъ, что мы должны утѣшаться „будущею жизнію: скажи же намъ и то, гдѣ пре- „бывають будутъ усопшихъ души: въ которомъ мѣ- „стѣ Еѳира будутъ имѣть жилище свое? чемъ бу- „дутъ упражняться? какимъ образомъ награждаются „добродѣтельные, а порочныя приведутся къ луч- „шему познанію?“

Ежели кто такимъ образомъ меня спроситъ, „тому въ отвѣтъ скажу: Другъ мой! ты пребуешь отъ меня болѣе, нежели въ чѣмъ должно ты моя состоишь. Я проведу тебя чрезъ всѣ кривизны лабиринта, и покажу тебѣ изъ онаго выходъ: здѣсь кончится должность моя. Другіе путеводинтели могутъ тебя далѣе вести. Будутъ ли души безбожныхъ шерпѣть хладъ или жаръ, гладъ или жажду; „будушь

будуть ли онѣ утопать въ болотѣ Ахерузскомъ, или до того времени, какъ очиснятся, провождаютъ время свое во мрачномъ шаршарѣ, или въ пламѣ Пирифлегетона; а души блаженныхъ находясь въ землѣ блистающей златомъ и драгими камнями, будутъ ли чистѣйшимъ воздухомъ питаться и наслаждаться сіяніемъ утрення зари, или покоясь во обѣщаніяхъ вѣчныя юности, вкушаютъ нектаръ и амвросію: обо всемъ ономъ, другъ мой, ничего я подлиннаго не знаю: философіяжъ вѣщаетъ намъ о награжденіи добродѣтели и о наказаніи порока. Чтожъ касается до меня, то я довольствуюсь тѣмъ, что могъ себя увѣрить, что я вѣчно буду подъ покровительствомъ Бога, что Его святое и правосудное провидѣніе и въ сей и въ будущей жизни обо мнѣ печется, и что истинное блаженство мое состоитъ во красотѣ и совершенствахъ духа моего; а оныя суть умеренность, правосудіе, свобода, любовь, благожеланіе, познаніе Бога, споспѣшествованіе намѣреніямъ Его и преданіе себя во свящую волю Его. Всѣ блаженства оныя ожидаютъ меня въ будущей жизни, куда я спѣшу; и что бы вступить съ твердымъ духомъ въ путь къ оной жизни меня ведущей, то ничего болѣе знать я нужды не имѣю. Вы, Симиѣй и Кедитъ, и прочіе друзья мои! всѣ вы послѣдуете мнѣ, каждый во свое время. Неизбѣжимый жребій зоветъ уже меня къ себѣ, такъ сказалъ бы писатель трагедій; уже время иппи въ баню; ибо я почитаю за приличное принявъ ядъ послѣ бани, дабы женщинъ избавишь отъ труда, омывашъ пѣло мое.

Какъ Сократъ пересталъ говорить, то началъ Критонъ: да будетъ такъ! сказалъ онъ; но что же приказываешь ты мнѣ и друзьямъ твоимъ въ разсужденіи дѣтей твоихъ, и о прочихъ обстоятеляхъ домашнихъ; чѣмъ можемъ мы тебѣ услужить?

Тѣмъ, любезный Критонъ! чшобъ вы жили такъ, какъ уже давно я васъ просилъ. Болѣе прибавилъ къ оному ничего не имѣю. Ежели вы будете наблюдать сами себя, то будете полезны мнѣ, моимъ и самимъ себѣ, хошя бы того и не общали; когда же пренебрежете себя, и не будете слѣдовать по снѣзямъ, сего дня и въ прежнія времена онъ меня вамъ показаннымъ, то ни къ чему не послужишь, хошябы вы теперь и гораздо болѣе общали.

Мы, отвѣчалъ Критонъ, упопробимъ всѣ сшаранія наши, что бы тебѣ, дражайшій Сократъ, повиноваться. Но какимъ же образомъ поступать съ тобою послѣ смерти твоей?

Какъ хошяте, отвѣчалъ Сократъ; ежели по возможно, чшобъ я онъ васъ не ушолъ?

Въ сіе время смотрѣлъ онъ на насъ, и улыбаясь сказалъ: друзья! я не могу увѣрить Критона, что тотъ есть насшоящей Сократъ, который теперь говоришь, и нѣкошорое время разговаривалъ съ вами. Онъ все еще думаетъ, что усопшее шѣло, которое онъ скоро узришь, и которое теперь есть моею токмо обершкою, что шѣло сіе есть Сократъ; и въ семъ мнѣнїи спрашиваетъ, какимъ образомъ долженъ онъ похоронить меня. Всѣ мной приведенныя доказательсшва ко увѣренїю васъ, что я, какъ скоро ядъ окончишь свое дѣйствїе, не буду уже болѣе у васъ, но преселюсь въ жилище блаженныхъ; всѣ сіи доказательсшва кажутся ему выдумкою, что бы васъ и самого себя утѣшилъ. Я прошу васъ, друзья мои! поручишесь за меня Критону во преки тому, какъ онъ ручался судьямъ. Онъ отвѣчалъ за меня, что я не убѣгу; а вы должны ему опвѣщшвать, что я тотчасъ послѣ смерти моей уйду, дабы могъ онъ шѣло мое сжечь, или закопать въ землю и не шакъ печалился, подобно какъ бы мнѣ случилось наивеличайшее несшпїе; и чшобъ онъ при похоронахъ шѣла моего не говорилъ: Сократа кладутъ на одръ, Сократа выносятъ, Сократа погребаютъ!

юшѣ! Вѣдай, дражайшій мой Критонъ! что тако-
 выя рѣчи, не токмо прошивны истинны, но и духу
 умершаго обидны. Будь же покоенъ, и говори, да
 погребешся тѣло мое. Впрочемъ ты можешъ его по-
 хоронить, какъ тебѣ за благо разсудится, и какъ
 ты думаешъ, что по будетъ согласно съ законами.
 Послѣ сего вышелъ онъ въ другую комнату, чтобъ
 вымыться. Критонъ пошелъ за нимъ, а намъ велѣлъ
 онъ оспаться. Мы оспались, и отъ части разговари-
 вали о томъ, что слышали, повторяли нѣкоторые
 доказательства и разсуждали объ оныхъ, что бы
 надлежаще увѣриться; отъ части же опчаявались,
 ожидая великаго несчастія, которое намъ предсто-
 яло. Ибо намъ не иначе казалось, какъ бы лишали-
 ся нашего отца, и оспавались во свѣтѣ семь си-
 рошами. Послѣ того, какъ онъ вымылся, принесла
 къ нему дѣшей его, (ихъ было шрое, двое малень-
 кихъ, а шрешей взрослой;) съ оными купно пришли
 женщины къ дому его принадлежащія. Онъ разгова-
 ривалъ съ ними, въ присутствіи Критона, и окон-
 чивъ все то, что имѣлъ онъ сказать имъ, выслалъ
 ихъ вонъ, а самъ вышелъ опять къ намъ. Солнце
 было уже на закатѣ; ибо онъ замѣшкался въ помѣ-
 нупой комнатѣ. Вышедши сълъ онъ, но говорилъ
 уже очень мало; ибо вскорѣ по томъ вошелъ офи-
 церъ присланный отъ одиннадцати мужей, копо-
 рыи спавши подлѣ него, говорилъ слѣдующее: о
 Сократъ! я примѣчаю въ тебѣ отъ прочихъ осуж-
 денныхъ нѣчто опмѣнное. Всѣ оные, когда я, по при-
 казанію вышней власпи, имъ объявлялъ, что уже
 время принять ядъ; всѣ они опчаявались и меня про-
 клинали; но ты кажешся мнѣ спокойнѣйшимъ и
 скромнѣйшимъ мужемъ изъ всѣхъ, копорые до сего
 времени въ мѣсто сіе всшупали; особливо же ты
 кажешся таковымъ теперь. Я совершенно увѣренъ,
 что и теперь ты на меня не негодуешъ, но на тѣхъ,
 (ты знаешъ ихъ!) копорые причиною тому. Ты вѣ-
 даешъ, Сократъ, съ какою вѣдомостію пришелъ я

къ тебѣ. Прости! сноси съ терпѣнїемъ, чего перемѣнить не можно. Сказавъ сіе заплакалъ и пошелъ вонъ. Сократъ обратился къ нему: прости, другъ мой, сказалъ онъ, мы исполнимъ, чего ты потребуешь. По томъ обратившись къ намъ, говорилъ: какой честной мужъ! онъ часто меня посѣщалъ, и иногда разговаривалъ со мною. Какой доброй и честной человекъ! смотришь, какъ онъ искренне плачетъ обо мнѣ! Однакожъ, любезный Критонъ, мы и въ самомъ дѣлѣ должны повиноваться ему: вели принести ядъ, ежели онъ готовъ; ежели же нѣтъ, то что бы приготоовили.

Къ чему такъ скоро, любезный Сократъ! сказалъ Критонъ: я думаю, что солнце свѣтитъ на горизонтѣ, и еще не сѣло. Другіе, послѣ объявленія, обыкновенно проводятъ довольное время, и ядъ не прежде принимаютъ, какъ наѣвшись и напившись, а иногда помышляютъ и о любви. Мы можемъ еще нѣсколько обождать. — Пускай, любезный Критонъ, поступающъ такъ тѣ, которые думаютъ, что чрезъ мѣшкотность сію нѣчто выиграли; но я имѣю причины дѣлать сему прошивное. Я не надѣюсь ни чего выиграть, ежели буду продолжатъ; но на прошивъ самъ себѣ казаться буду смѣшнымъ, ежелибъ теперь спалъ скупясь жизнью, которая болѣе мнѣ уже не принадлежитъ. исполни мою волю, и не одерживай меня.

Послѣ сего Критонъ далъ знакъ мальчику, стоявшему возлѣ него, который вышелъ вонъ, и приготоовивъ ядъ, привелъ того человека, который долженъ былъ лишь и дать оной Сократу. Сократъ увидѣвъ его идущаго, сказалъ: Мой другъ! поди сюда: что я долженъ при томъ дѣлать? я думаю ты знаешь. — Ничего инаго, отвѣчалъ сей, какъ выпивъ, ходишь до того времени, пока ошяжелѣютъ ноги; по томъ надлежитъ тебѣ лечь: вотъ все. При семъ подалъ ему сосудъ. Сократъ принялъ его, любезный Евекратъ, съ самымъ покойнымъ духомъ, безъ

безъ трясенія и не перемѣнивъ ни мало цвѣща въ лицѣ, и взирая полными глазами на человека сего, сказалъ: Какъ ты думаешь, можно ли пролить нѣсколько капель въ жертву благодаренія Богамъ? Тутъ болѣе нѣтъ, отвѣчалъ сей, какъ что не опмѣнно для тебя надобно. Да будетъ такъ, отвѣчалъ Сократъ. Однакожь я могу принести вамъ молишву: Вы, которые меня къ себѣ призываете, о Боги! даруйте мнѣ счастливейшій путь! съ этими словами понесъ онъ сосудъ къ рпу, и выпилъ его съ спокойнѣйшимъ духомъ.

До сего времени нѣкоторые изъ насъ могли еще воздержаться отъ слезъ; но видя его пьющаго, силы наши насъ ошавили. У меня самого не капали слезы, но лились ручьями; я принужденъ былъ закрыть лице мое епанчею, что бы безпрестанно плакать, не о немъ, но о самомъ себѣ, что я такъ несчастливъ, лишаюсь шакого друга.

Критонъ, который еще прежде меня плакать началъ, вспалъ и бѣгалъ назадъ и впередъ по темницѣ; а Аполлоторъ, который почти все время плакалъ, зачалъ рыдать и произносить жалобы такъ, что у всѣхъ сердце кровію обливалось. Одинъ Сократъ былъ спокоенъ: Что вы дѣлаете? вскричалъ онъ, малодушные! для сего почто выслали я женщинъ, что бы онѣ не плакали и не рыдали; ибо я слыхалъ, что должно стараться, умирать при благословеніи и добрыхъ желаніяхъ. Успокойтесь! покажите себя мужьями! — Услышавъ сіе, мы смыдились и престали плакать. Онъ ходилъ назадъ и впередъ до того времени, какъ уже почувствовалъ, что ноги его начали тяжѣть; по семъ легъ на спину, какъ по ему совѣтовалъ невольникъ. Вскорѣ по томъ человекъ, принесшей къ нему ядъ, щупалъ его и примѣчалъ ноги и дыханіе. Онъ подавивъ ему ногу спросилъ, чувствуетъ ли онъ? Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ. По томъ подавивъ лядвею опнялъ руку, и далъ намъ знать, что онъ

холоденъ, и началъ костьнеть. И паки его пощупавъ сказалъ: какъ скоро дойдешь до сердца, то онъ умретъ. Вскорѣ по томъ началъ леденѣть и желудокъ. Сократъ раздѣвся, ибо онъ былъ закрытъ, сказалъ: Критонъ (сіи были послѣднія слова) не забудь, другъ мой, принести пѣтуха Ескулапу въ жертву; ибо мы ему однѣмъ должны. — Исполню, сказалъ Критонъ; не имѣешь ли еще чего приказать? На сіе ничего онъ не отвѣчалъ. Спустия не много началъ попягиваться. Помянутый человекъ закрылъ его паки. Критонъ примѣня, что очи его были открыты, закрылъ ему оныя, такъ же и ротъ.

Вотъ, о Ехекратъ, кончина друга нашего! кончина такого мужа, который, безъ всякаго сомнѣнія, былъ чеснѣйшій, премудрѣйшій и правосуднѣйшій изъ всѣхъ человекъ, которыхъ мы шокмо знали.

К О Н Е Ц Ъ .

Третьяго и послѣдняго разговора.

III.

*Письмо Іакопа Всегдатута,
сѣ приобщеніемъ сно-
пидѣнія.*

Господа Издашели *Утренняго Свѣта!*

Сѣ превеликимъ удовольствіемъ, уви-
дѣлъ я *Утренній Свѣтъ*, на оризонтѣ нашѣ
восходящій. Вы возвѣспили во предисловіи
вашемъ о восхожденіи онаго, равномѣрно и
о намѣреніяхъ вашихъ, сопряженныхъ сѣ
симъ ежемѣсячнымъ изданіемъ, которыя, по
мнѣнію всѣхъ благоразумныхъ, неоспоримо
включаютъ васъ въ число друзей человѣче-
скаго рода, и приносятъ честь вамъ, и
любезному Отечеству нашему. И такъ, да
будетъ благословенно сіе безкорыстное ва-
ше намѣреніе; да будетъ благословенно, па-
ки повпоряю я; и да возможемъ мы достиг-
нути до сего *свѣтлаго солнца въ полудни*, ко-
торого вы, хотя и не признаешь, безъ
сомнѣнія суть предшечи и предпосланники!

Вы увидите изъ продолженія сего пи-
санія, что желанія мои суть не тщетныя
напыщенія словъ; вы усмотрите, что хо-
тя малость моего знанія и не допускаетъ
меня, бытъ сочлѣномъ достохвальнаго об-
щества вашего; однакожъ я имѣю горящее
желаніе, воспользоваться вашимъ позволе-

ніемъ, дабы и мое малое нѣчто возмогъ при-
совокупить къ достиженію вашего намѣре-
нія. Должно признаться, что при семъ же-
ланіи, я не совсѣмъ безкорыспенъ: ибо весь-
ма желаю, что бы вы изтолковали нѣко-
торое сновидѣніе мнѣ случившееся, коего
таинственное, магическое или каббалисти-
ческое знаменованіе, нѣкогда, весьма упра-
жняло мой разумъ. Спашься можетъ, что
симъ опваживаюсь я, бышь опъ васъ по-
чтеннымъ за малоумнаго сказащеля бред-
ней; но желаніе, дабы *сновидѣніе* мое было
изтолковано, впорымъ между васъ *Іосифомъ*,
преодолѣваетъ мой страхъ.

До нынѣ, и я почиталъ *сновидѣнія* ни
за что; но сообщаемое мною сдѣлало меня
внимательнымъ; мнѣ кажется, что не всѣ
сновидѣнія суть достойны презрѣнія. Вы пре-
спанете, Государи мои, *сновидѣніе* сіе по-
читать дѣйствіемъ распаленныя силы во-
ображенія, когда узнаете о сложеніи и обра-
зѣ жизни моея. Я нахожу себя принужден-
нымъ, описать вамъ и то и другое, дабы
симъ опразитъ вдругъ всякое подозрѣніе о
сновидѣніи моемъ; хотя я все стараюся упо-
треблять къ тому, дабы возмогъ оставить
путешествіе мое, чрезъ сей свѣтъ, въ еди-
номъ мгновенно-примѣтномъ уединеніи.

Уже около 81 года, жаръ любви не
превожилъ пульса моего, ни на одну се-
кунду, скорѣйшимъ біеніемъ. *Адскій камень*

(*) гнѣва, со всею сожигающею силою своею, не можетъ оказатъ ни малѣйшя власпи надъ моимъ нравомъ. Я ничего не пью, окромъ воды: въ семъ случаѣ, можетъ бытъ, участвуемъ предразсужденіе, которое нѣкогда вложилъ я себѣ въ голову, будто *Иппокрена Геден* почерпнута изъ середины великолѣпныя *Невы*. А что бы не допустить ни воспочныхъ зелій, ни полудневныхъ винъ, къ разгоряченію моего зрени, для сего служу я самъ себѣ поваромъ. Три печенныя рѣпы и чашка уксусомъ наполненная, супъ обыкновенное мое лакомство, для того, что я не много самъ собою занимаюсь. Изъ сего вы, Государи мои, легко усмотрѣть можете, что все описанное мною, не даетъ во мнѣ мѣста ни малѣйшей искрѣ огня; и что чрезъ сіе, самъ себя дѣлаю неспособнымъ къ вымысламъ стихотворческимъ. Я живу въ чепверпомъ жильѣ, или лучше сказать на чердакѣ, въ небольшой горницѣ, для того только, что бы удобнѣе могъ пользоваться чистѣйшимъ воздухомъ; а дабы не могъ я ни простудить, ниже разгорячить моего мозга, для сего закупаю я всѣ скважины войлоками. Въ горницѣ моей нѣтъ камина; слѣдовательно и не могу я, хотя бы и желалъ, подобясь *Волтеру*, разгорячать мою голову предъ онымъ. Тѣло мое содержитъ почно 4 фута и 3 дюйма, въ чепверо; и я споль

Р 4

много

(*) *Lapis infernalis*.

много оберегаю оное опѣ всякихъ сильныхъ движеній , что неопѣнно надобно зминуть и 27 секундъ , дабы возмогъ я перемѣнить мѣсто средоточія послѣдняго моего , или конечнаго существованія : какъ повѣствую о движеніи наши испытатели естества.

Узнавъ всѣ сіи обстоятельствова , вы теперь можете , Государи мои , удобнѣе и надежнѣе разсуждать о моемъ свидѣніи. Еще нѣчто оспалось , присокупить къ открытію моихъ обстоятельствъ: ибо мнѣ самому нужно , что бы разсужденіе ваше было обстоятельно; я весьма долговременно упражнялся во чтеніи *Аверасовыхъ* , *Абумароновыхъ* , *Абенсиновыхъ* и *Алгузелевыхъ* сочиненій , и безмѣрно удивлялся премудрости сихъ *Арабскихъ* *Философовъ*. Послѣ того переѣхалъ я со чтеніемъ въ *Персію* , и тамъ читалъ подлинную *Зороастрову* книгу *Зендъ-а-веста* ; важность и высокость мыслей , обрѣщенные мною въ сей похвалями превозносимой книгѣ , упразнили меня до самыя полуночи.

Сердце мое погружено было во уныніе , каковое чувствуемъ иногда опѣ познанія нашея слабости; но при томъ ощущалъ возвышеніе духа , произпекающее опѣ уѣренія въ возможности существованія сего духа ; и копорое оживляеца надеждою , такъ что на конецъ удобно будеть , достигнуть до вышины сея возможности. Въ семъ рас-

положеніи , легъ я на постѣлю , и препроводилъ еще болѣе двухъ часовъ , въ разсужденіяхъ о мысляхъ *Бактрійскаго Мудреца* ; послѣ чего заснулъ непримѣнно , съ желаніемъ , да буду и я одаренъ высокими сего Царя знаніями . — И вскорѣ увидѣлъ слѣдующее *сновидѣніе* .

* * *

С Н О В И Д Ъ Н І Е .

Казалось мнѣ , будто нахожусь я на прияпнѣйшихъ и цвѣтущихъ лугахъ , на коихъ щедрая природа все изпощила , дабы каждую травку и распѣніе одѣшь свѣжею и живою зеленью . Благоуханіемъ различныхъ распѣній по лико оживляло жизненные мои духи , колико увеселяли душу мою чистотою и свѣтлостью воздуха , и величественная синеша небеснаго свода . Подъ каждымъ шагомъ , рождались новые цвѣтки и новая порода различныхъ родовъ ; и казалось , будто почипали они во мнѣ власшищеля своего . Повсюду , куда я ни обращался , представлялось мнѣ , что и сама *натюра* чудилась о пребываніи своемъ въ сихъ мѣстахъ , и находилась въ шикомъ и удивленномъ размышленіи о себѣ самой , равнобрно и обо мнѣ . Нигдѣ не усмотрѣлъ я ни малѣйшихъ слѣдовъ *плѣнности* . И таковое положеніе долженствовало , неминуемо произвести наживѣйшее дѣйствіе въ восхищенномъ сердцѣ . Всѣ члѣны мои преиспшали отъ благоговѣйнаго восторга . Ощущеніе

щеніе удобочувствваемое, но не удобоизбяс-
 няемое, волновалося въ жилахъ, а глаза
 мои наполнились слезами благодарности.
 На конецъ внушенность моя, спбсненная
 горящимъ благоговбніемъ, испорглася во
 слбдующихъ воздыханіяхъ: „Повсюду зрю
 „Тебя, о Существо! отъ слабаго зрбнія че-
 „ловбческаго сокровенное, непонимаемое и
 „непоспигаемое! Всб дбянія Твои, возвб-
 „щають Твою Премудроспъ, Твое Всемогу-
 „щество и Твою Любовь! Желаніе узрбпи
 „Тебя, о всевысочайше-чиспбйшее, все-
 „высочайше-духовнбйшее Существо, ли-
 „цемъ кб лицу, находясь въ сей моей сквер-
 „ной, нечиспой и плбнной плоши, хопя
 „и кажешся дерзоспнбйшимъ паче желанія
 „слбпаго кроша, спремящагося взирашь на
 „свбшное и лучезарное Солнце: но сего
 „желаешъ душа моя; и мнб кажешся, что
 „сіе желаніе соразмбрно намбренію Твоему,
 „въ сошвореніи меня: Ты восхотблъ одарить
 „меня премудроспю избранныхъ Твоихъ,
 „дабы я возмогъ, яснбе уразумбпи дбла
 „Твои, и по онымъ познавати Тебя. „ —
 По окончаніи сего, слышалоса мнб, буд-
 то нбчто движешся позади меня: я обра-
 шился, и увидблъ древняго, но швердаго
 и благообразнаго *Старца*, имбющаго ве-
 личеспвенный видб, споящаго предо мною
 въ одеждб древнихъ *Маговъ*, и копораго
 глава славною *Митрою* была покрыта. Онб
 успремилъ на меня взорб свой, преиспол-
 ненный

ненный любовью и ревностію, проникнувшій во глубину внутренности моея, какъ что я исполнясь благоговѣнія, хотѣлъ было повергнуться къ ногамъ его; но *Старецъ*, не допусая исполнить сего, произнесъ, шепотомъ и внятнымъ гласомъ, сїи слова: „Я услышалъ прошеніе швое: ты хочешь, не испытавъ ни силъ ни мужества своего, знаши о вещахъ, копорыя могущъ бышь поспигнуть только съ крайнѣйшимъ стремленіемъ всѣхъ душевныхъ и плесныхъ силъ. Единое невѣжество удобно къ такому дерзновенному желанію. Однакожъ вѣдай, что не отъ одинаго желанія, но отъ вольности швоей и всѣхъ челоуковъ зависитъ, бышь счастливыми или несчастливыми въ достиженіи исполненія такихъ желаній. Во всякомъ челоукѣ находятся пошребныя къ тому силы: и единое самопроизвольное употребленіе оныхъ, шворишь всю разность, копорую мы въ общежитіи примѣчаемъ. Хочешь ли приближиться къ цѣли швоихъ желаній? — Вооружись мужествомъ, неусыпнымъ прилежаніемъ и безпреспаннымъ присутствіемъ духа; убѣгай всевозможно разсѣянїа души швоея; превозносись великодушно надъ всякимъ посмѣянїемъ и презрѣнїемъ, и одолевай мужественно шруды и опасности. — Премудрость, добродѣтель и честь не встрѣпящая во вѣки на пущи, усланномъ розами; а Провидѣнїе никогда еще

„не

„не избирало въ любимцы свои ни мало-
 „душнаго, ни сластолюбца, ни праздно-
 „любца. И такъ, если желаешь ты еще,
 „послѣ слышаннаго побою, шествовать по
 „сему пути, то прими отъ меня сей пер-
 „стень, коего сверкающей камень будешь
 „приносить неизрѣченную пользу, въ пред-
 „приемлемомъ побою пути. Если обратишь
 „поверхность онаго къ себѣ, то познаешь
 „самаго себя и будущую судьбу твою; еже-
 „ли же отъобразишь поверхность камня отъ
 „себя, тогда все будешь познавать, выклю-
 „чая себя самаго. Пользуйся всегдашнимъ
 „употребленіемъ сего камня; и не позабы-
 „вай его и тогда, когда при концѣ твоего
 „путешествія, будешь носить сію драгоцен-
 „ность съ честью и славою.», Окончавъ сіи
 слова, почтенный *Старецъ* дунулъ на меня
 и исчезъ.

Я почувствовалъ въ себѣ великую пе-
 ремѣну: въ жилахъ моихъ пропекало нѣчто
 сильнѣйшее чуждаго пламени; мои жизнен-
 ные духи сдѣлались работящѣе, и я почув-
 ствовалъ въ себѣ тѣ самыя движенія и си-
 лы, копорыя ощущалъ я на 15 или на 18
 году отъ моего рожденія. Удивляясь столь
 быстрой перемѣнѣ, я хотѣлъ обратиться раз-
 мышленія мои на оную; но вдругъ почув-
 ствовалъ себя сѣдящаго на весьма быспромѣ
звѣрь, высокими перьями и другими веща-
 ми великолѣпно украшенномъ. Сей упря-
 мый и неукротимый *звѣрь* нѣсколько разъ
 покушался,

покушался, сбить съ себя сбдока, и на конецъ закуся удило, помчался съ такимъ стремленіемъ, что ни какъ уже не возмогъ я удержатъ его. Сбрый мракъ окружилъ меня оповсюду; на правой и на лбвой сторонб увидблъ я пропасти мглою покровенныя; и я не могъ никуда прыгнушь со збря, безъ очевидныя смерпельныя опасности. Носясь такимъ образомъ долгое время по верхб несчастія и смерти, и не имбвъ силы власпвовашь не токмо разумомъ своимъ, но ниже чувспвами, не примбшилъ я, скрылась ли земля подб моимъ Пегасомъ; а только почувспвовалъ, что я ниспалъ съ онаго, и капился, не могши ни за что удержатся, долгое время, но сколько, того сказашь не могу. Когда же дыханіе мое, опб толико быспраго стремленія, начало уже прерыватся, то почувспвовалъ я себя лбжащаго на нбкоемъ родб оружія, у входа весьма страшныя пещеры.

Довольно прошло времени послб паденія моего, пока возмогъ я опамятоватся послб случившагося мнб обморока; но пришедб вб себя, не видалъ я позади себя ничего инаго, окромб высокихъ и ушесиспыхъ камней и безмбрныхъ пропастей гибели; предб собою же видблъ одну вышеупомянутую страшную пещеру. Свиспб и ревб вбшровб оглушали меня, а съ ними совокупившіеся вопли и крики чепвероножныхъ и крылатыхъ животныхъ, усугубляли ужасб мой,

мой, который на конец овладелъ всѣмъ моимъ человѣчествомъ. Будучи въ такомъ состоянїи, сколько я ни размышлялъ, однакожь не находилъ никогда способа къ спасенїю, и не имѣлъ уже ни малѣйшїя надежды къ моему избавленїю. Но вспомня о перстнѣ моемъ, тотчасъ обратилъ я блистающей онаго камень къ себѣ; и еще болѣе тогда ужаснулся, увидя, что все случившееся со мною прежде, никакого вреда мнѣ не причинило; и тогда по отчаянїе мое ежеминутно начало возраспашь, и я не вѣдая что предпрять, и бывъ безупѣшенъ, ломалъ себѣ руки. Сими движенїями нечаянно отворотилъ я попернось камня отъ себя; и тогда пускльй и слабый лучъ надежды, блѣснулъ мнѣ въ глаза; и я вообразилъ, что состоянїе мое можетъ еще быть поправлено. И какъ въ сіе время вспало мнѣ въ умъ увѣщанїе древняго *Мудреца*, совѣтовавшаго, въ напастяхъ вооружаться мужествомъ и терпѣнїемъ, то не имѣвъ вѣрнаго друга и предводителя, ободрился и укрѣпилъ самъ себя, сколько было возможно.

Тогда успремилъ я взоръ свой на пещеру, которая показалася мнѣ сотворенною въ единое время со вселенною; при входѣ въ оную, хопя и все было покрыто сѣрымъ мхомъ, но однакожь видны были признаки двухъ высокихъ и твердыхъ столповъ, нѣкогда тамо стоявшихъ. Я удивился, видя сіи знаки искусства въ такомъ пустомъ и оставлен-

оставленномъ мѣстѣ ; и чѣмъ болѣе старался , открываешь ближайшія слѣды сего искусства , тѣмъ больше усмапривалъ , что сіе ни что иное было , какъ прежде бывшее упражненіе *натуры* и учениковъ ея . Находясь въ нерѣшимости , ипшишь ли далѣе , или гдѣ остановишься , я испрашивалъ совѣта у *перстня* моего , съ болышею робостію , нежели какъ прежде , и вскорѣ послѣ того получилъ я слѣдующую мысль . — Вокругъ себя ничего болѣе не видишь ты , окромѣ пропастей и гибели . У подошвы камня сего находящіяся кровожадныя чудовища , кракодилы и змѣи , зіяють на самамалѣйшій твой просупокъ , который неминуемо повергнетъ тебя имъ на събденіе . Ежели останешься здѣсь на пустомъ и ото всего обнаженномъ мѣстѣ , тогда ничего инаго не сдѣлаешь , какъ только умножишь число робкихъ и слабыхъ душъ ; а сверхъ того , сіе было бы прошивно и своему доброду , въ разсужденіи чловѣка , о себѣ мнѣнію , и увѣщанію явившагося тебѣ *Мудреца* . Пещера сія темна , и кажется будно лучи благошворящаго солнца никогда во внутренность ея не проникали ; но какъ *натура* , прежде временъ , удостоила сіе мѣсто вниманіемъ своимъ , преимущесвенно предъ другими , то не лучше ли ввѣришь себя мрачности ея , нежели при полномъ свѣтѣ дня , оставшись здѣсь безъ всякія прохлады , удовольствія , спасенія и помощи , унывать и опчаяваться .

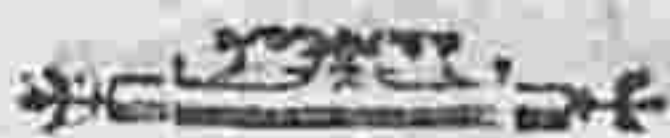
Можетъ

Можешъ спасться будешъ ты столько
 счастливъ, что лучами *перстня* своего, про-
 гонишь сію темноту, и обрящешъ гдѣ ни-
 будь радостный для себя изходъ. — Съ си-
 ми мыслями, исполненными надежды, всту-
 пилъ въ пещеру; но вдругъ объятъ былъ
 ужаснымъ страхомъ и препитомъ, и оста-
 новясь, вопрошалъ самъ себя: Что хочешъ
 ты дѣлать? развѣ желаешъ самоизвольно
 и съ разсужденіемъ предаться опасности?
 не ужели можешъ ты вѣрно заключать, что
 гдѣ есть входъ, тамъ и изходу быть
 должно? будешъ ли ты имѣшь довольно
 силы и мужества, дабы преодолѣшь всѣ
 могущія воспрѣпятися тебѣ препятствія?
 хопя неискусство свое въ управленіи ди-
 кимъ звѣремъ, низвергло тебя въ сіе состо-
 яніе; однакожъ ни одинъ изъ благоразумныхъ
 не только что обвинялъ тебя за сіе не-
 будешъ, но еще спанулъ сожалѣшь, а не
 проклиналъ тебя. Но ежели теперь, въ со-
 вершенномъ разумѣ, поспѣшишь ты къ по-
 гибели своей, тогда по самой справедли-
 вости, заслужишь отъ всѣхъ челоуковъ
 хулу и посмѣяніе. — Послѣ сего хопѣлъ
 было уже возвратиться, и искать другаго
 пути, для изхода изъ сихъ пропастей; но
 возрѣлъ на *перстень*, и слѣдующая мысль,
 подобно солнечнымъ лучамъ, прорывающимъ
 ся сквозь мрачныя и густыя тучи, проник-
 ла въ душу мою. Какую явную отговорку,
 мыслилъ я самъ въ себѣ, изыскиваетъ

робкое сердце свое, къ оправданію прусливости своей? Оно спремися опврашисъ шебя опъ пущи, ведущаго къ своему спокойствію, удовольствію, счастію, и исполненію своихъ желаній. Премудрость и честь, коихъ ты искалъ съ такою алчностію, можешъ ли обрѣсти на стѣзяхъ слабосердія, любоспокойствія и сластолюбія? Добродѣтель не была бы оною, ежели бы приобрѣтаема была сими према пороками. Премудрость и добродѣтель, не суть ли два сокровища, за копорья мужественнымъ духомъ, постоянною мыслію и великодушіемъ, безпрестанно надлежитъ сражаться и бороться съ пороками? Куда дѣвались ученія и увѣщанія явившагося тебѣ Старца? Можешъ бытъ невидимое тебѣ око его, со превыспренности взираетъ на твою нерѣшимость съ соболѣзнованіемъ; можешъ бытъ, по достойнымъ почтенія ланітамъ его, спруяшся слезы, столь чистыя, какъ роса небесная, изѣвляя негодованіе прошиву недостойнаго поступка своего. — О Боже! какая ужасная мысль! оказашъ недостойную, неблагодарную, и униженную страхомъ душу, предъ наилучшимъ другомъ своимъ! — Ободрись, мужайся и успремись въ сей путь, *Египетскою* темною омраченный. Ироя познаюшъ во бранехъ, добродѣтель въ опасности, а благоразуміе на кормилѣ, во время бури. Кажется, что Провидѣніе нарочно для испытанія своего,

Часть I. С сей

сей путь предположило; и такъ можешъ ты навѣрно надѣяться, что при концѣ путешествія, ожидающее тебя награжденіе, тѣмъ драгоцѣннѣе будешъ, чѣмъ болѣе употребишъ ты трудовъ и работы на приобретение онаго. Но спранспвуя въ сей темнотѣ, спарайся направлять стопы твои съ осторожностію, съ разсужденіемъ и съ благоразуміемъ: не простирай впередъ другія твоя ноги, доколѣ не увѣришся, что первая стопа непоколѣбимо. И если при извѣстномъ всѣмъ справедливомъ и осторожномъ твоемъ поступкѣ, прешкнешся нога твоя о камень, или и совсѣмъ падешъ, то и тогда хулу и посмѣянія челоуѣческія восприимай съ великимъ равнодушіемъ. — Наполнясь сими размышленіями, схватилъ я изъ того оружія, на коемъ низверженный лѣжалъ, мечъ обоюду изощренный и подобно пламени сіяющій, и вступя въ пещеру съ твердымъ упованіемъ, отправился въ путь мой.

По совершеніи первыхъ трехъ шаговъ, темноша сдѣлалась такъ густа, что сіяніе перстня моего, предолѣшь оныя не могло; по чему принужденъ былъ держать оный почти только на ладонь отъ земли. Болѣе 7 часовъ, шествовалъ я нагнувшись во глубину пещеры, но ничего инаго не вспрѣчалъ, кромѣ змѣевъ и разныхъ пресмыкающихся гадовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ подымаяся на извивистыхъ хвостахъ своихъ
въ

въ верхъ, разверзали пасти, и производя
 страшное шипеніе и визги, хотѣли успра-
 шить меня; но какъ скоро приближался къ
 нимъ съ *перстнемъ*, то уползали они пош-
 часъ въ узкія скважины, коихъ весьма много
 находилось по обѣимъ сторонамъ пещеры;
 другіе же по приближеніи къ нимъ *перстня*,
 пошчасъ умирали. Чѣмъ далѣе вступалъ я
 во глубину сихъ мраковъ, тѣмъ болѣе каза-
 лось мнѣ исчезали сіи пресмыкающіяся га-
 дины, а на концѣ и совсѣмъ преодолѣлъ
 ихъ силою моего *перстня*. По нѣкоторомъ
 времени, пришелъ къ огромному и оповсюду
 блистающему камню, котораго поверхность
 казалась мнѣ покрытою алмазами. Какъ
 скоро приблизился я къ нему и освѣтилъ
 оный *перстнемъ*, то увидѣлъ, что это ни-
 что иное было, какъ зеленоватый и поло-
 вино прозрачный *роговый камень*, который
 по образу *гверсты* и шамъ и сямъ выросъ.
 На поверхности сего камня, сидѣла огне-
 цѣпная обезьяна въ ростъ человѣческой.
 Какъ скоро звѣрь сей увидѣлъ меня, пошчасъ
 прыгнулъ, и сдѣлавъ множество забавныхъ
 скачковъ и ласкапельствъ, повалился къ но-
 гамъ моимъ. Когда размышлялъ я, что мнѣ
 предпріяшь съ сею обезьяною, то вскочила
 она, и давала мнѣ знать, что бы я рубилъ
 мечемъ моимъ камень, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ
 онъ наиболѣе сіяетъ. Едва исполнилъ я сіе,
 то камень разсѣлся, и я увидѣлъ въ разсѣ-
 линѣ онаго лѣспницу, изъ чернаго мрамора,

съ рукоятками сдѣланными изъ чистаго золота.

Безъ дальнаго размышленія, вспунилъ я въ пущь сей, ибо обезьяна служила мнѣ пушепроводительницею. Лишь только сошелъ я внизъ 700 ступеней, то вошелъ въ залу, 27 кристальными свѣщильниками освѣщенную, и копорыя стѣны обиты были чернымъ бархатомъ; на восточной же ея сторонѣ поставлена была софа, а надъ оною доска изъ яшмы небеснаго цвѣта, на копорой находилась вырѣзанными изъ массивнаго золота буквами составленная надпись: *Счастливей смертный! совершай начатую стезю путешествія твоего, и вѣдай, что свѣтъ единымъ только свѣтомъ возвышается.* Хотя и уразумѣвалъ я, что сіе увѣщаніе обращенное будто ко мнѣ, прилично есть и всему человѣческому роду, однакожь получилъ отъ него не малое утѣшеніе: только слова *свѣтъ возвышатъ единымъ свѣтомъ*, пребыли для меня неразрѣшимую загадкою. Пушепроводительница препроводила меня еще чрезъ 7 залъ, кои въ великолѣпїи, богатствѣ, украшенїи и порядкѣ одна другой не уступали. Наипаче же внимательнымъ учинило меня сіе, что каждая изъ сихъ зала, посвящена была одной изъ седми свободныхъ наукъ; по чему и находились тамъ изящнѣйшіе инструменшы *Геометрическіе, Арифметическіе, Механическіе, Архитектурные, Астрономическіе, Музыкальные* и такъ далѣе; къ

сѣму

сему присовокуплены были наидрагоценнѣйшія картины и кабинеты различныхъ родовъ. Въ сихъ залахъ препроводилъ я 9 дней, а въ 10 вступилъ въ новую залу. Она украшена была 4 большими спѣнными свѣщниками, сдѣланными изъ масифнаго золота; изъ коихъ въ каждомъ поставлено было по 12 зажженныхъ благоуханныхъ восковыхъ свѣчь. Посреди залы, между сихъ четырехъ свѣщниковъ, воздвигнута была гробница изъ бѣлаго мрамора, у коей гзимсѣ и лейспы украшены были фіолетовыми поласами ала-грекѣ, или по греческому вкусу, а на углахъ оныя находились изсѣченныя изъ камня обезьяны въ разныхъ видахъ и положеніяхъ. Въ четвертомъ углу чертога сдѣланы были, какъ будто въ нишѣ, 4 балдахины, у коихъ сѣ покрывалъ висѣла не проницаемая бахрама, за коею казалось иѣчто нарочно сокрытое. Около каждого изъ сихъ балдахиновъ, висѣло по 18 горящихъ печальныхъ серебряныхъ свѣшильниковъ, которыя всей залѣ придавали благоговѣйный и печальный видъ. Зрѣлище сіе привело меня въ великое удивленіе; но оно умножилось еще болѣе, когда увидѣлъ я, что огнецвѣтная обезьяна, почерпнувъ нѣсколько воды изъ колодезя, въ отдаленномъ углу находящагося, опрыскала ею вышепомянутыхъ обезьянъ, и которыя оживясь прикосновеніемъ сея воды, подняли свою избавительницу и понесли къ колодезю, и

сами съ нею низринулись въ оный. Пошеряніе сея пупеводительницы хошя и безмѣрно меня опечалило, но я ожидалъ конца сего явленія, съ великою неперемѣливостію. Вскорѣ увидѣлъ я, восстающаго изъ гробницы чрезъбеспшвеннаго роста челоуѣка, одѣпаго въ спальныя лапы, покрывающія всѣ части шѣла его, и копорыя изъ разныхъ бляхъ и шинъ весьма шѣсно сплочены были; а на нихъ вырѣзаны были разныя фигуры и харакширы, изображавшіеся прежде обыкновенно на *талисманахъ*; но сіи были слабое подражаніе оныхъ. Сіе огромное чудовище усшремилось на меня, съ нѣкоторымъ родомъ оружія, каковыя нашивали прежде скипающіеся рицари, а на концѣ онаго вмѣсто знамени, висѣла ландкарша; я не могъ совершенно разобрать, копорая часть свѣша изображена была на оной; однакожъ показалось мнѣ будшо написано было: *Theatrum belli*, то есть *театръ войны*, будшо предспавляла она завоеваніе нѣкоего государствва, находящагося въ одномъ изъ *драбантовъ Сатурновыхъ*.

Послѣ жестокаго и больше ушомительнаго, нежели опаснаго сраженія, повергъ я сего исполина. Желаніе увидѣшь врага моего въ лицѣ, побудило меня поспѣшишь снятіемъ шлема со главы его. Но въ какое пришелъ я удивленіе! увидѣвъ, что сражался я прошиву одного бездушнаго оружія, копорого части шоль шѣсно между собою

соплѣшны были, и въ кошоромѣ ничего шѣлеснаго не было. Сколь много успы-дился я, узнавъ, что всѣ силы мои изпо-щаль прошивъ воздуха: бывъ обманушъ пред-разсужденіемъ зрѣнія и воображенія моего. Наполнясь негодованіемъ, попчасъ разрѣ-залъ я всѣ ремни, соединявшія сію воору-женную химеру, и всѣ часпи сихъ лапъ ввергнулъ въ колодезь.

Едва сіи часпи, вергнутыя мною, ус-пѣли доспигнуть до дна колодезя, то ус-лышалъ я весьма приятную *гармонію*. Гроб-ница и колодезь исчезли, 72 свѣшильника преврапились въ блиспающія звѣзды, и флеръ висящій надъ балдахинами, прешво-рился въ моръ, бѣлизною подобный снегу. Во время сихъ превращеній и *гармоніи*, свѣш-лый облакъ наполнилъ половину чершого; посреди онаго явилась благообразная жена, одѣтая въ бѣлыя апласныя ризы; всѣ поступки ея и движенія, были непри-нужденны и величественны; она была окружена священнымъ свѣшомъ, на челѣ ея сіяло свѣшное пламя, а подъ ногами находился полумѣсяцъ, коего серебряные рога обращены были къ верху. Двѣ другія жены, привлекающія къ себѣ любовь и по-чпеніе, находились по обѣимъ сторонамъ у первыя. Стоящая на правой сторонѣ об-лечена была въ ризу розоваго цвѣша съ сере-бромъ, а стоящая на лѣвой сторонѣ одѣта была въ ризу небеснаго цвѣша съ золопомъ;

первая стояла лѣвою ногою на черепахѣ, а другая имѣла подлѣ себя, на лѣвой сторонѣ, темнокраснаго орла; первая держала въ правой рукѣ пятиугольную сѣшлоблистающую звѣзду, копорая была столь же велика и прелестна, какова ушренная звѣзда; вторая жена держала въ лѣвой рукѣ золотый спаканѣ, надѣ коимѣ носился не большой серебряный облакѣ. Жена находящаяся въ срединѣ, сдѣлала знакѣ, что бы я приблизился къ ней; и какѣ скоро я приблизился исполненѣ благоговѣнїя, то подала она мнѣ съ любовїю, благосклонноспїю и милоспїю *ключѣ*, произнеся слѣдующїя слова: „Любезный смертный! ты славно вступишь въ путь швой: мужайся, бодрствуй, да возможеша совершишь оный съ поolikoю же славою. Сей *ключѣ* будешь способствовать тебѣ къ выходу ихъ сихъ мѣстѣ; однакожѣ вѣдай, что врагга опверзшая симѣ *ключемѣ*, опкроюшь тебѣ новый путь къ неизрѣченнымѣ препствїямѣ, прудамѣ и упражненїямѣ. Примѣчай *перстень* швой болѣе, нежели дѣлалъ ты до сего времени. Будь внимательнѣ ко всему; будь перпблївѣ и мужественѣ. Паче всего, старайся сердце швое наполнять одною послѣ другой добродѣтели; и вѣдай, что истинная Премудрость, никогда не водворяется въ души, исполненные злобою и безчестїемѣ. По окончанїи сихъ словѣ, облакѣ подвѣлся,

и сіи божественныя жены сокрылись отъ глазъ моихъ.

Оставшись одинъ въ сей пещерѣ, я разсмапривалъ данный мнѣ *ключъ* съ великимъ вниманіемъ; и не могъ довольно надивипься преизящности искусства, съ копорымъ оный былъ сдѣланъ. *Омировъ щитъ*, копорый велѣлъ онъ сковать *Вулкану*, для *Ироевъ* своея *Илліяды*, въ сравненіи съ симъ *ключемъ*, былъ ни что иное, какъ пѣнь. Наисильнѣйшее краснорѣчіе было бы безсильно, описать оный по достоинству. И какъ думаю я, что таковой *ключъ* съ начала свѣта не былъ еще ни изобретенъ, ни сдѣланъ, то и почишаю себя безсильнымъ, подать и самамалѣйшее объ ономъ понятіе. Съ начала вообразилось мнѣ, будто я могу оппираться онымъ всякіе замки, однакожъ я весьма обманулся; ибо онъ хошя и входилъ во всякіе замки и въ нихъ оборачивался, но не оппиралъ ни единого: и какъ спросилъ я совѣта о семъ новомъ приключеніи у *перстня* моего, то узналъ, что истинное употребленіе сего *ключа* мнѣ еще неизвѣстно: по чему возвратился я паки въ чертоги *свободныхъ наукъ*. Прежде всего началъ я искать книгъ, изъ коихъ бы могъ научиться истинному употребленію сего *ключа*. Весьма много нашелъ я таковыхъ, и многія изъ нихъ читалъ; но или сами Сочинители оныхъ не знали что писали, или я не довольно былъ ученъ, что бы могъ ихъ разумѣть, пошому что я не научился дѣйствовать *ключемъ*.

Я чиналъ рукописи, и началъ дѣлать опыты механическіе, геометрическіе, метеорологическіе и астрономическіе; однакожь и чрезъ сіе не научился употребленію *ключа*. Сіе лишило бы меня всей надежды, если бы созерцаніе *перстня* моего, не внушило мнѣ желанія, возвратиться паки еѣ шу залу, въ которой я получилъ *ключь*. Сдѣлавшись ко всему внимательнѣе прежняго, увидѣлъ я, что подъ древними досками сея залы, точно сокрыты были 50 дѣбрей, весьма естественны, но однакожь и весьма искусно сдѣланныя; 48 изъ сихъ дѣбрей показались мнѣ весьма часно опворяемыми, но 49 дѣбрь гораздо меньше, а 50 почти и со всѣмъ казалась мнѣ неопворяемою. Мой *ключь* казался бытъ сдѣланнымъ удобнымъ для оппиранія всѣхъ дѣбрей, но со всѣмъ тѣмъ не опперъ я онымъ ни одной. Сколь много долженъ былъ я тогда преодолевать малодушіе и неперпѣливостъ! Печаленъ и почти безупѣшенъ, взиралъ на всѣ вещи окружающія меня; и какъ испуганнымъ глазамъ кажется все вдвое, по каждая вещь показалась мнѣ достойною вниманія моего. На мѣстѣ, гдѣ находился колодезь, увидѣлъ я небольшую полированную спальную дощечку; и какъ увѣренъ былъ, что она на сіе мѣсто положена была не безъ намѣренія, то и освѣщалъ оную весьма долго *перстнемъ* моимъ, пока примѣтилъ на ней едва видимую надпись, подавшую мнѣ сіе наспавленіе: *Поди отъ Востока*

стока на Югъ , отпуду поди на Западъ , и
возвратись чрезъ Полнощъ къ Востоку; но при
томъ не надѣйся ни на какую нечаянность.
Тогда исполнился я радости, думая, что
нашелъ путь къ выходу изъ сея пещеры.
Но не долго сія радость продолжалася ,
и я паки погрузился въ печаль , вспомя ,
что находясь въ сей земной пропасти , не
могу различать странъ Свѣта. По счастью
вспомнилъ я совѣтъ жены, явившейся мнѣ:
*Будь внимателенъ ко всему ; будь терпѣливъ
и мужественъ*; по чему и вооружился я пер-
пѣніемъ — Крѣпче ли я заснулъ послѣ сего,
или иное что было причиною, но *сновидѣ-
ніе* мое исчезло въ сихъ обстоятельствѣхъ.

Еще и теперъ, кажется мнѣ, Государи
мои , нахожусь я въ сей древней и подзем-
ной пещерѣ; и еще не могу я пользоваться
употребленіемъ сего ключа! Выведите меня
изъ заключенія моего; научите оппираться
хотя одну изъ 50 двѣрей , и исполкуйте
мнѣ истинное знаменованіе сего *сновидѣнія*;
вы обяжете несказанно симъ того , копо-
рый съ опмѣнною къ вамъ преданностію
пробываетъ ,

Государи мои!

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Іакобъ Всегдадутъ.

Мы благодаримъ г. Іакова Всегдадута
за доброе его мнѣніе о прудахъ нашихъ , и
приемлемъ ласкашельное для насъ мнѣніе
его ,

его, за поощреніе въ исполненіи нашего намѣренія. Что касается до сновидѣнія его, то не нашедъ между насъ ни одинаго *Іосифа*, не смѣли мы принявъ, изъяснять оный, хотя и весьма желали бы ему пѣмъ услужить. При окончаніи чпенія въ собраніи нашемъ сего сновидѣнія, нѣкто изъ сочлѣновъ нашихъ очень сердился и не годовалъ на г. *Іакова Всегдашута*, за то что онъ переверопился съ боку на бокъ и пѣмъ помѣшалъ продолжаться сновидѣнію: ибо онъ наслышавшись отъ своей мамки, точно утверждаетъ, что сновидѣнія всегда прерываются отъ сихъ перевероповъ. Впрочемъ онъ возимѣлъ споль великое желаніе, увидѣвъ подобный оному сонъ, что охотно соглашается, бспъ по при рѣны, не пить вина, не употреблять пряныхъ зелій и не сидѣть предъ каминомъ, хотя онъ и весьма любитъ оный: ибо ключъ полученный г. *Іаковомъ Всегдашумомъ* и 50 я двѣрь прельщающъ его и приводящъ въ восхищеніе, не взирая на сіе, что онъ еще и первыхъ 49 двѣрей не видалъ. Жена одѣтая въ бѣлое апласное плашье воспаменяетъ въ немъ желаніе, познакомишься съ нею короче; ибо онъ увѣряетъ, будто точно видалъ ее издалека не спящій; и хотя мы, желая остеречь его, говорили, что по плашью можно ошибиться: но онъ во мнѣніи своемъ сполько увѣренъ, что мы на конецъ оставили его слѣдовашь желанію своему. — Поперпимъ, а осьлибо и онъ что нибудь во снѣ увидитъ!

IV.

С Т И Х И

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,

ЕКАТЕРИНЪ АЛЕКСѢЕВНЪ II,

ИМПЕРАТРИЦЪ И САМОДЕРЖИЦЪ

ВСЕРОССИЙСКОЙ,

на

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ЕЯ,

сочиненные на случай заведенія перваго училища для бѣдныхъ дѣшей, копорое *Издатели Утренняго Свѣта* учреждающъ въ Санктпешербургѣ, и со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ

Высочайшему Имени

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,

посвящаютъ

въ 24 день Ноября 1777 года.

ПРИКАЗЪ КОМУСЬ

ВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

АНТИКОНТРАБАНДА

ВЪ СВЯЗИ СЪ

ПРОСЬБОЮ

КОМУСЬ

ВЪ СВЯЗИ СЪ

ПРОСЬБОЮ

КОМУСЬ

ВЪ СВЯЗИ СЪ

ПРОСЬБОЮ

КОМУСЬ

ВЪ СВЯЗИ СЪ

ПРОСЬБОЮ

О Ангелъ нашихъ Спранъ! МОНАРХИНЯ сердецъ!
Порфира небеса намъ солнце ТВОЙ вѣнецъ!
При нарѣченіи ТЕБЯ ЕКАТЕРИНОЙ,
Намъ жребій счастливый назначенъ былъ судьбиной.
Оно явилось во свѣшлыхъ намъ лучахъ,
И пламень радости зажгло у насъ въ сердцахъ;
Полнощную Спрану какъ утро озарило,
Врата Россійскаго блаженства отворило;
Оно наполнило, родъ смертныхъ веселя,
Великимъ селъ числомъ и сшепи и поля;
Оно печальныхъ вдовъ и сирыхъ утѣшаетъ;
Достоинства бодритъ, пороки усрашаетъ;
Щедротъ и Совѣсти соорудило Храмъ. —
Неколѣбимое спокойство зиждетъ намъ!
О Немъ гремятъ вездѣ не молчной славы звуки;
Живитъ Художества, живитъ Оно Науки;
И Юношъ и дѣвицъ приемля въ свой покровъ,
Готовитъ истинныхъ Опеческу сыновъ.
Такъ вѣшви масличны во дни весенни зрѣютъ,
Когда на древѣ ихъ лучи злашыя грѣютъ;

Они питаемы росою , процвѣтушѣ ,
 Согрѣны теплотой , желанный плодъ дадутѣ . —
 Да вѣчно времена Аспреины продлятся ,
 Попомки Именемъ ТВОИМЪ возвеселятся !
 ТОБОЙ взведенные блаженства на степенѣ ,
 Приносимъ жершву мы , для насѣ вѣ безцѣнный день ,
 Вѣ сей день , когда вѣ сердца веселій не вмѣщаемъ ,
 ТЕБѣ , Училища , Богиня посвящаемъ :
 Сей малый Храмъ ТВОИМЪ возрѣннемъ освѣти ! —
 Чшо лучше вѣ даръ ТЕБѣ имѣемъ принесши ?
 Какъ ТЫ о насѣ пеклась , какъ ТЫ о насѣ рачила ,
 Другъ друга просвѣщая взаимно научила :
 ТЕБѣ приносимъ шю , ТОБОЙ дано чшо намъ :
 МИНЕРВѣ мы своей , Минервинѣ спавимъ Храмъ .

V.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

Отъ Издашелей Ушренняго Свѣ-
та о учрежденіи училища
для бѣдныхъ и сиротствую-
щихъ дѣтей, при церквѣ
Владимірскія Богоматери.

Богу благословляющу, и всѣмъ благонамѣреннымъ
Единоземцамъ споспѣшествующимъ усердному намѣ-
ренію нашему, нынѣ предприемлемъ мы, самымъ дѣ-
ломъ открытъ одно Училище, при церквѣ Влади-
мѣрскѣя Богоматери, въ 24 день Ноября, въ день
для всея Россіи дражайшій и радостный, Тезоиме-
нишства ВСЕАВГУСТѢЙШІЯ МОНАРХИНИ Нашея
ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ; по чему и именуемъ оное
Училище ЕКАТЕРИНИНСКОЕ. — Да будетъ сія
посвящаемая Имени ЕЯ жертва благоугодна Вели-
кой МОНАРХИНѢ Нашей!

Сіе Училище учреждается для бѣдныхъ и сирот-
ствующихъ дѣшей; по чему и будутъ принимаемы
въ оное обоого пола дѣши, коихъ родители суть
свободнорожденные, или освобожденные, но бѣдностію
угнетаемые, или по какимъ другимъ обстоятель-
ствамъ дѣшей своихъ научить немогущіе.

Число сихъ бѣдныхъ дѣшей въ ЕКАТЕРИНИН-
СКОМЪ Училище назначается отъ 30 до 40, обо-
ого пола, приходящихъ въ оное для обученія, копо-
рыя всѣ обучаемы и снабждаемы будутъ книгами,
бумагою, перьями и прочими потребностями безде-
нежно.

Но какъ не взирая на всѣ милосердія и щедроты отъ Престола Великія **МОНАРХИНИ** Нашея изливаемой, чаятельно могутъ еще сыскапьяся и такія сиротспивующія дѣти, кои или лишась родителей, или же хошя и имѣютъ оныхъ, но удрученныхъ староспїю и болѣзнями, слѣдовательно и неимѣвшихъ случая, пользоваться Монаршими щедротами; то если бы шаковыя здѣсь въ городѣ сыскались, для сихъ назначается мѣсно для десяти дѣтей мужеска пола съ шѣмъ, что оныя, сверхъ наученія и доспавленія нужныхъ для ученія вещей, содержаны будутъ платьемъ, обувью, пищею, и дасья имъ мѣсно для жишья.

Въ семъ *Училище* приходящія и живущія въ ономъ дѣти обучаемы будутъ *Россѣйскому* чтенію и *письму* самокрапчайшимъ и ближайшимъ способомъ; когда же разумѣніе и понятіе ихъ позволятъ, тогда будутъ имъ преподаваться въ началѣ *первыя* основанія *христѣанскаго* закона, съ толкованіемъ; по томъ крапчайшія и нужнѣйшія *правила* *Россѣйской* *грамматики*, также и *арифметики*. При томъ всевозможное прилагаемо будетъ попеченіе и о нравахъ сихъ дѣтей, и что бы онѣ не отвращались отъ ученія, но паче заохочивались къ дальнѣйшему продолженію онаго. Ибо *Издатели* *Утренняго* *Слѣта* всѣ силы свои напругаютъ къ тому единому, дабы споспѣшествовать, колико возможно, истинному просвѣщенію, ушверждая оное на *благонравіи* и на *любви* къ *Отечеству*.

Не трудно примѣшпшь, что намѣреніе Учредительней сего *Училища* склоняется не только къ обученію и содержанію сихъ дѣтей, но и къ заведенію порядочнаго и постояннаго *Училища*, въ которомъ бы наилучшимъ и крапчайшимъ способомъ дѣти научались, приобыкали ко *благонравію* и заохочивались къ дальнѣйшему ученію, для собственной своей и *Отечества* своего пользы. По чему уповашельно сыщущся и доспашочные родители, кошо-

которые пожелаютъ, отдашь дѣшей своихъ для наученія. Въ такомъ случаѣ, сіи дѣши равнобѣрно принимаемы будутъ въ сіе *Училище*; но съ такою ошмѣною, что должны платишь за ученіе, за книги и прочія потребности по 12 рублей въ годъ. Усердствующимъ же дашь болѣе оставляется свобода: ибо сіи деньги употребляемы будутъ въ пользу бѣдныхъ дѣшей.

Дѣши, принятыя на все содержаніе Общества и по окончаніи сей части ученія не будутъ оставляемы безъ присмотра; и если родители или родственники ихъ пожелаютъ, то будутъ отдаваемы для обученія ремесламъ, удобнѣйшимъ къ доставленію имъ вѣчнаго пропитанія; и ежели къ сему потребуется необходимо нужное вспоможеніе въ содержаніи ихъ, то и тогда помогать имъ Общество не опречется. Сіе разумѣется о дѣтяхъ мѣщанскихъ и разночинцовъ; но касательно до другихъ сословій дѣшей, если усмотрѣны будутъ въ нихъ способности и прилѣжаніе къ наукамъ, и если родители или родственники ихъ будутъ на сіе согласны, то Учредители сего *Училища* приемлютъ на себя попеченіе, отдашь ихъ для обученія другимъ наукамъ и языкамъ, что нужно и соопвѣтствовать будетъ ихъ сословію, помогая въ нужныхъ случаяхъ иждивеніемъ своимъ.

Что касается до дѣшей приходящихъ только въ *Училище*, то симъ по окончаніи сей части ученія, даваны будутъ апешашы и награженія въ книгахъ сословія, соопвѣтствующія ихъ успѣхамъ и поведенію, и по сему возвращаемы будутъ къ родителямъ или родственникамъ ихъ. Имена вступающихъ и обучившихся будутъ припечатываемы при Журналѣ нашемъ, дабы всѣ благонамѣренныя и пекущіяся о пользѣ общей Особы вѣдали о дѣйствительныхъ успѣхахъ *Училища*.

Издавши *Утренняго Слѣта* не сомнѣваются, что родители или родственники, немогущіе научишь дѣшей своихъ, или паче еще и подашь имъ

какое либо воспитаніе, ввѣряя дѣтей своихъ попеченію ихъ; по чему и просятъ они всѣхъ желающихъ отдать дѣтей своихъ въ сіе новоучрежденное *ЕКАТЕРИНИНСКОЕ Училище*, что бы шаковые явились къ Діакону Николаю Васильеву, находящемуся при церквѣ *Владимѣрскѣя Богородицы*, и записали бы свои и дѣтей своихъ имена; по чему сіи и будутъ считаться учениками. Что же касается до дѣтей, приемлемыхъ на содержаніе, то просятъ *Издатели*, дабы родители или родственники сихъ послѣднихъ, представили свидѣтельство, подписанное священникомъ ихъ прихода и двумя бывающими достойными вѣрояшя, что предшавляемая ими дѣти подлинно ихъ, и что они сами не могутъ ихъ ни воспитать, ни научить.

Если сіе усердное наше попеченіе Всевысочайшій Царь Царей благословишь, и покрывъ десницею своею; если сія жертва явится благоугодна предъ Престоломъ Великія *МОНАРХИИ Нашей*, и если на конецъ достопочтенные наши Сograждане и Единоземцы не отрекутся, подкрѣпляя силы наши; то вскорѣ предпримемъ, учредимъ и другое подобное сему *Училище*, на *Васильевскомъ островѣ* при Церквѣ Святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

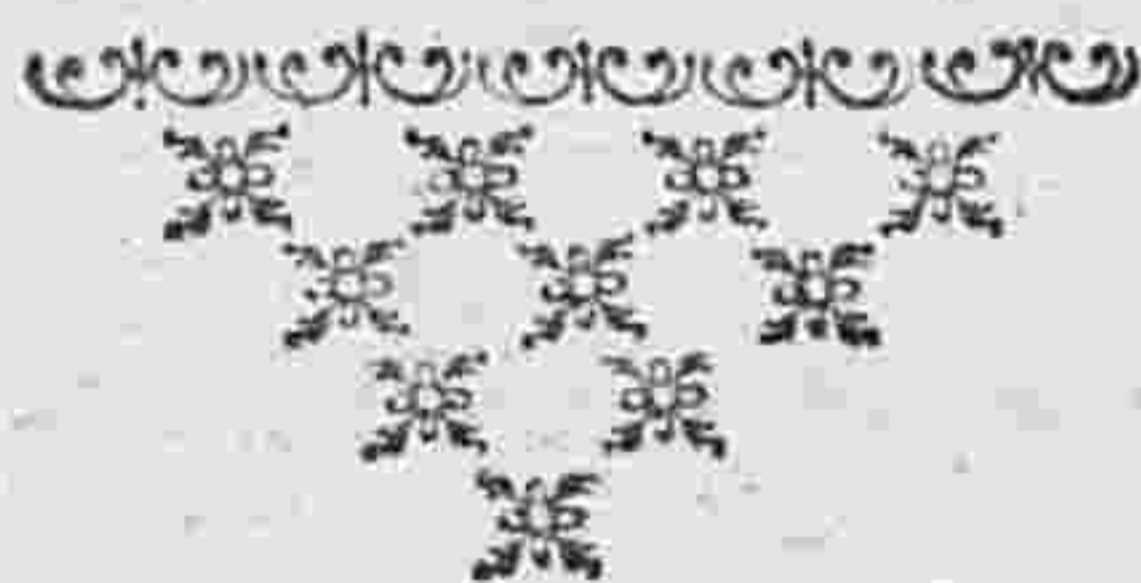
УТРЕННІЙ СВѢТЪ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИЗДАНІЕ.

ЧАСТЬ I.

мѣсяцъ Декабрь.

печашано

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Сухо-
пушнаго Шляхешнаго Кадетскаго Кор-
пуса,

1777 года.

*Особы подписавшіяся въ Декабрѣ мѣсяцѣ :
Въ Санктпетербургѣ.*

Неизвѣстный, подписавшійся Декабря 18 дня, 1 экземпляръ 50 руб.

Его Высокоблагородіе Василей Николаевичъ Зиновьевъ, 1 эксем. 10 руб.

Ея Благородіе Екашерина Ивановна Лазарева, 1 экс. 5 руб.

Его Благородіе Михайло Ивановичъ Молдавской, 1 эксем. 5 руб.

— — Александръ Александровичъ Саблуковъ, 1 эксем. 4 руб.

По обыкновенной цѣнѣ.

Его Превосходительство Пётръ Семеновичъ Свислуновъ, 1 эксем.

Неизвѣстный, 1 эксем.

Его Преосвященство Самуилъ Архіепископъ Росиновскій и Ярославльскій, 1 эксем.

Неизвѣстный, 1 эксем.

Его Высокопреподобіе Іоаникій Архимандритъ и ректоръ Александрневской семинаріи, 1 эксем.

— Благородіе г. Турганиновъ, 1 эксем.

— — г. Абалдуевъ, 1 эксем.

— — Сергѣй Петровичъ Хипровъ, 1 эксем.

— Высокоблагородіе Иванъ Дмитриевичъ Дьячковъ, 1 эксем.

— — Иванъ Ивановичъ Блюмъ, 1 эксем.

Нерехотской Купецъ г. Суворовъ, 1 эксем.

Его Высокоблагородіе Фѣдоръ Ивановичъ Межениновъ, 1 эксем.

— — Демьянъ Демьяновичъ Обаленскій, 1 эксем.

— — Иванъ Алексѣевичъ Ушаковъ, 1 эксем.

— Сіясельство Князь Егоръ Барисовичъ Туркиспановъ, 1 эксем.

— Высокопреподобіе Еѳимій Архимандритъ Тихвина Монастыря, 1 эксем.

въ Москвѣ.

- Его Превосходительство Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, 1 эксем. 25 руб.
 — Высокоблагородіе Петръ Алексѣевичъ Тапищевъ,
 1 эксем. 5 руб.

По обыкновенной цѣнѣ.

- Его Сіяшество Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, 5 эксем.
 — Высокоблагородіе Василей Ивановичъ Баженовъ,
 1 эксем.
 — — Павелъ Ивановичъ фонъ-Визинъ, 1 эксем.
 — — Иванъ Демидовичъ Рогожинъ, 1 эксем.
 Его Сіяшество Князь Василей Голицынъ, 1 эксем.
 — — Князь Сергѣй Одоевской, 1 эксем.
 — — Князь Илья Борисовичъ Туркиспановъ, 2 эк.
 — — Князь И. Одоевской, 1 эксем.
 — Высокоблагородіе Петръ Ивановичъ Кошелевъ, 1 эксем.
 — Высокородіе Петръ Пепровичъ Моисѣевъ, 1 эксе.
 — Высокоблагородіе Иванъ Семеновичъ Мясниковъ,
 2 эксем.
 — — Иванъ Николаевичъ Баншышъ-Каменской, 1 эк.
 — Благородіе Иванъ Андрѣевичъ Барнашевъ, 2 экс.
 — Высокородіе Василій Семеновичъ Васильчиковъ,
 1 эксем.
 — Сіяшество Князь Петръ Александровичъ Черкаской, 1 эксем.
 Неизвѣстный, 3 эксем.

Въ городѣ Коломнѣ.

- Его Высокоблагородіе Петръ Фодоровичъ Жуковъ,
 Коломенскій Воевода, 3 эксем. который по усердію своему принялъ на себя трудъ, споспѣшествовать намѣренію нашему, собраніемъ нижеподписавшихся Особъ въ томъ городѣ.
 — — Аршемій Ларіоновичъ Павловъ, 1 эксем.

Его

Его Благородіе г. Николай Степановъ 1 ексем.

— — Иванъ Еѳимовичъ Лукинъ, 1 ексем.

— — Г. Михайло Шануровъ, 1 ексем.

Коломенскаго Магисправа Бургомистръ и Депутатъ
г. Мѣщаниновъ, 3 ексем.

Въ городѣ Вязмѣ.

Вяземскій купецъ Тихонъ Аѳанасьевичъ Маслени-
ковъ, 1 ексем. 10 руб.

Въ Тулѣ.

Успенской церькви Іерей Сергій Игнашѣевичъ 1 екс.
по обыкновенной цѣнѣ.

*

*

*

Мы просимъ всѣхъ подписывающихся Особъ со-
общать къ намъ для припечатыванія имени, оп-
чества, фамилію, чины, или соспоянія каждаго, да-
бы мы могли безошибочно помѣщать оныя.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Декабря мѣсяца.

страниц:

I. О достоинствѣ человека въ отно-
шеніяхъ къ Богу и міру - -	285
II. Пиръ семи Мудрецовъ - -	298
III. Новыя Метеорологическія наблю-
денія къ систимѣ погодъ, учинен-
ныя Ебергардомъ Иоанномъ Шрете-
ромъ, 1777 года въ Санктпетер-
бургѣ. - - - - -	349

УТРЕННІЙ СВѢТЪ.

I.

О достоинствѣ челоуѣка,
въ отношеніяхъ къ Богу
и міру.

Ежели захопимъ мы, разсмапривать
Человѣка надлѣжащимъ образомъ, во всѣхъ
окрѣспіюспяхъ его; тогда неминуемо дол-
женспвуемъ разобрашь и то, въ какихъ
отношеніяхъ находится онъ ко всѣмъ ве-
щамъ, въ его сущимъ. Но ежели разсмо-
трѣнія наши ограничимъ и на одну толь-
ко внутренность его; то и тогда безъ пре-
кословія долженспвуемъ признашь, что
въ природѣ челоуѣческой находится много
такого, что внушаетъ въ насъ истинное
къ нему почитаніе и искреннюю любовь.
Безсмертный духъ дарованный челоуѣку,
его разумная душа, его тѣло, съ несрав-
неннѣйшимъ искусствомъ сооруженное къ цар-
ственному сданію, и его различныя силы,
суть такія вещи, копорыя безмѣрно важны

и трудны для разсмотрѣнїя посредственно рачительнаго. Между шѣмъ, человекъ со всѣми дарованїями, находящимися въ немъ, тогда только являясь въ полномъ сіяніи, когда взираемъ мы на него, яко на часть безконечныя цѣпи дѣйствительно существующихъ вещей.

Когда единожды во предисловіи нашемъ изъяснились мы и обѣдали любезнымъ согражданамъ нашимъ, стараться мало по малу познакомить ихъ самахъ съ собою, и прежде всего высокое достоинство человеческое представить понятнымъ; но и желали бы мы усердно, дабы всѣ почтенные чинашители наши, съ самаго начала, возвѣмили се высокое понятїе о свойствахъ человеческихъ: ибо мы предполагаемъ, что ни единый человекъ не можетъ ни мыслишь, ни дѣлать благородно, когда онъ возвышаясь благородною гордостїю, не будетъ почищать себя важною частию творенїя.

Правда, есть много и такихъ людей, которые ослѣпляясь щепилою гордынею, думаютъ о себѣ очень много. Но мы постараемся доказать, что таковой высокомерный горделивецъ ни истинныя своя цѣны, ни высокаго достоинства человеческого, опыюдь не знаетъ, и превозносится шѣмъ, что къ человеческой природѣ или не точно принадлежить, или составляетъ малѣйшую часть его совершенствъ. Богатство и знатность рода, не точно произшека-

изпекають изъ челоѡческой природы; слѡдовашельно высокомѡрїе богача или дворянина естъ смѡшная гордостъ. Но кто хочеть мыслишь о себѡ возвышенно, и гордиться челоѡческимъ достоинствомъ, тотъ долженъ разсмапривать себя совсѡмъ въ другихъ видахъ.

Много было нравоучителей, да еще и нынѡ находящїеся между челоѡками прѡсмькающїеся души, которые челоѡческую природу споль спрашно унижаютъ, что, если бы возможно было имъ повѡришь, надѡжало бы спыдись бышь челоѡкомъ. Иные думаютъ, что Божеспвенное Смиреномудрїе шребуеть, дабы о челоѡчествѡ имъ шоль низкїя понятїя; и по шому почишаютъ за должностъ свою, прѡришельнѡйшими и гнусѡйшими образованїями, учинить челоѡческую природу мерзоспною и ненависпною. Но челоѡкъ себя за ничто почишающїй, не можетъ и къ другимъ имъ шоль никакого почшенїя, и въ обоихъ сихъ случаяхъ являетъ низкостъ мыслей.

Внѡ челоѡка находишся высочайшїй Виновникъ природы и весь мїръ. И такъ если мы возхощимъ, разсмапривать челоѡка въ опношенїи его ко всѡмъ вещеспвамъ, внѡ его существующимъ; тогда долженспваемъ обозрѡшь непокмо то, въ каковомъ опношенїи находишся онъ къ Богу, но и се, сколь тѡсно связанъ онъ со всемїрнымъ сданїемъ.

Когда разсмаприваемъ мы, въ какомъ
 отношеніи человекъ, по еспешву своему,
 находипся къ Богу, по всеконечно должно
 возъмѣть превозходное поняпше о челове-
 ческой природѣ, если разсудить, что сія
 человеческая природа отъ Бога произше-
 каешъ, отъ Него безпреспанно сохраняеш-
 ся, и что Онъ самъ ее къ тому употре-
 ляешъ, дабы открыть Себя и свою сла-
 ву достойную обожанія, и представить
 оную въ мѣрѣ свѣплѣйшею и блистатель-
 нѣйшею. Богу было бы возможно, произ-
 вести другія безчисленные творенія: без-
 конечно многія иныя отъ насъ отпѣнныя
 люди сушь возможны; и мы бы вѣчно пребы-
 ли въ нашемъ *первомъ ничтожествѣ*, если бы
 нашъ Творецъ не преимущественно насъ
 извелъ изъ онаго своимъ Всемогущеспвомъ.
 Онъ возхотѣлъ устроишь мѣрѣ, копорый бы
 Его Божества достоинъ, и Его Премудроспи
 приличенъ былъ. И такъ при семъ посту-
 пилъ Онъ, какъ мудрый строитель, копо-
 рый лучшія дерева, лучшія каменья и проч.
 избираешъ; и по тому мы надежно увѣрены
 бышь можемъ, что, понеже Богъ изъ всѣхъ
 возможныхъ веществъ, копорыя на мѣсто
 насъ могли бы произведены бышь, преиму-
 щественно насъ, какъ свое совершеннѣйшее
 твореніе, одушевить удоспоилъ; по слѣдо-
 вательно мы и были лучшее въ царствѣ
 веществъ, изъ коихъ Господь насъ предвиз-
 бралъ. Всякое иное существо, сотворенное

вмѣсто

вмѣсто насъ , столькожъ бы совершенно , какъ мы , занимало наше мѣсто въ семъ мѣрѣ; слѣдовательно мы Богу были удобнѣе другихъ безчисленныхъ веществъ , Имъ несотворенныхъ для того , что Онъ насъ сотворилъ. И если великій и премудрый монархъ возхощетъ , возложитъ на кого важную должность , и изъ множества особъ , ему для сего представленныхъ , единую избретъ; тогда по справедливости заключитъ возможно , что такое избраніе той особѣ шворитъ великую честь. Сколь же таковое избраніе мало въ сравненіи со избраніемъ Всемогушаго и Премудраго Творца ! Благоразумнѣйшій монархъ во своемъ выборѣ можетъ ошибиться : но Всевидящій не можетъ обмануться ; слѣдовательно по справедливости можемъ мы по для себя великою честью почитать и шбмъ гордиться , что Богъ насъ изъ многихъ другихъ возможныхъ веществъ въ чловѣковъ избралъ , чловѣками создалъ , и чловѣками сотворилъ.

Къ сему еще слѣдуетъ , что Онъ насъ своимъ Провидѣніемъ отъ самаго перваго мгновенія времени нашего бытія во вѣки вѣковъ сохраняетъ хошетъ. Мы въ шотъ же бы часъ погрузились паки въ первое наше ничтожество , если бы Творецъ насъ такъ сказать не безпреспанно носилъ на своихъ дланяхъ ; если бы въ нашихъ дѣйствованіяхъ ежечасно своимъ Могуществомъ не дѣйствовалъ ; и еслибъ все окрѣстъ насъ

такимъ порядкомъ не учреждалъ, что бы мы безпрестанно жишь могли. Когда же Великій Богъ, Господь господей ежечасно нами упражняешся, то изъ того единственно слѣдуетъ, что Онъ непрестанно о насъ помышляетъ, что Его бдящее Око безпрестанно на насъ и на наши малѣйшія дѣянія обращено, и что Онъ въ насъ ежеминутно дѣйствуетъ. И такъ предписалъ уже Онъ начертаніе всей нашей жизни даже до будущія вѣчности; и такимъ образомъ учреждаетъ все, дабы сіе начертаніе во всѣхъ его частяхъ совершенно точно исполнено было. Какоюжъ радостію и какимъ благороднымъ возвышеніемъ духа, сія мысль долженствуетъ оживлять каждого человека особенно и всѣхъ совокупно, созерцающихъ все сіе во всей важности и во всѣхъ отношеніяхъ! Сколько радуясь, и сколько гордясь служащіе земному монарху, когда познають, что онъ объ нихъ часто воспоминаетъ, и часто увѣряетъ о попеченіи своемъ о ихъ благоденствіи! Но сколь далеко отстоятъ сіи воспоминанія и увѣренія отъ тѣхъ, кои произтекаютъ отъ Существа Всевысочайшаго! Первыя иногда бывають для нѣкоторыхъ только намѣреній, для другихъ же позабываются и безъ дѣйствія остаются; да и одни неприятели наши часто разрушаютъ все наше земное счастье: но въ промыслѣ Божіемъ о насъ сего измѣненія не долженствуетъ

емъ

емъ опасаться ; ибо въ каждое мгновеніе ока приобретаемъ мы новыя доказательства о непремѣнной Его къ намъ любви , милоспи и щедростѣ; даже и тогда, когда дѣйствіями нашими и не заслуживаемъ оныхъ. И такъ сія мысль, что Всевысочайшее Существо безпрестанно объ насъ помышляетъ, и преимущественно предъ всѣми другими твореніями объ насъ печется, не долженствуетъ ли вперяшь въ насъ почтеніе къ самимъ себѣ? Сіе Всевысочайшее и Милосердое Существо никогда не позабываетъ, и никогда не теряетъ насъ изъ вида, между безчисленнымъ множествомъ тварей. Онъ, яко Всевѣдущій, можетъ помышлять о всемъ; яко Всемогущій, можетъ обо всемъ пещися; яко сушая Любовь и Милость, изливаетъ благодѣянія избраннѣйшему творенію своему, даже что и беспуднѣйшая неблагодарность человѣческая оныхъ не отвращаетъ.

Какое отношеніе можетъ съ нѣмъ сравняться, въ копоромъ мы человѣки находимся, какъ человѣки къ нашему Богу, къ нашему Создателю, къ нашему Отцу? Познайше же, любезные сочеловѣки сего міра, величіе и достоинство, копорыми вы, въ семъ отношеніи, превознесены. Мы увѣрены, что вы чувствуете въ сердцахъ вашихъ ощущенія, приличныя сему вашему достоинству.

Очевидно, что Богъ насъ сотворилъ и содержитъ для того, дабы нами свое Величество, Силу, Славу и Премудрость

вселенной предъявиши. Мы дѣло рукъ Его; а дѣло превозносишь творишеля своего. Когда мы совершеннѣйшія изъ всѣхъ веществъ, которыя бы могли вмѣсто насъ сотворены быть; то Богъ поспунилъ бы прошиву собственныя своея чести, если бы онъ вмѣсто насъ другое что сотворилъ. А если мы такія творенія, которыхъ Виновникъ естества самъ почелъ достойными, помѣстивъ на чреду своихъ величайшихъ и славнѣйшихъ дѣяній, то для чего же сіе не должно, намъ дать достопочтеннѣйшаго и преимущественнѣйшаго вида во всѣхъ окрѣстностяхъ творенія?

Могущъ сказать, что все здѣсь о нашемъ отношеніи къ Богу говоренное, можетъ быть сказано и о червякѣ, который въ нашихъ глазахъ есть презрѣннѣйшее твореніе; и слѣдовательно не понятно, какъ сія мысль въ насъ челоѣкахъ такія высокія помышленія о самихъ себѣ внушить удобна? Неоспоримо, что всѣ швари въ равномъ отношеніи къ Богу, въ разсужденіи ихъ бытія и сохраненія, состоятъ; но сіи суть противъ разумныхъ шварей несмысленныя, и разумнымъ подчиненныя творенія. Человѣки, какъ разумное существо, принадлежатъ ко класу твореній перваго степени; слѣдовательно, что о всѣхъ шваряхъ сказано быть можетъ, то преимущественно и прежде о челоѣкахъ должно быть сказано. Съ нашимъ предмѣшомъ не согласно, выскивать изъ

высочайшей Теологіи основанія къ доказа-
тельству того, что Богъ человекѣвъ пре-
имуществовенно, своея любви и почи-
анія, предъ всѣми другими тварями пред-
почилъ. Сверхъ сего мы не хотимъ, сими
мыслями человекѣвъ возгордиться. Гордый
все окрѣстивъ себя презираетъ, и хочетъ
единый имѣти все, что имя чести но-
ситъ. Но благородная гордость думаетъ о
себѣ возвышенно, присвоивъ себѣ честь со-
размерную своему существу, а при томъ
и о другихъ думаетъ высоко, и отъ всего
сердца готова, имѣ такую же честь, или
еще и большую, приписывать, когда того
истинна пребудетъ.

Если теперь рассмотримъ, въ какомъ
отношеніи состоятъ человекѣки, по своему
существованію, къ прочимъ тварямъ и къ ос-
татку всего міра; то предположимъ, что
всѣ вещества въ мірѣ такимъ образомъ
другъ со другомъ соединены, какъ рѣки съ
океаномъ, которыя попеременно свои воды
другъ другу сообщаютъ. *Всякая вещь въ мі-
рѣ есть цѣль всѣхъ другихъ и средство ко
всѣмъ другимъ.*

Если человекѣвъ почтемъ за цѣль
всего міра, то какъ великолѣпно поста-
влены они въ ономъ, какъ средоточіе въ сей
окрѣстности творенія; какъ владыки міра;
какъ божества, для коихъ солнце сіяетъ,
звезды блистаютъ; которыми звѣри слу-
жатъ; для коихъ расцветаютъ зеленѣютъ,
процветаютъ и плоды приносятся. Человекѣки,

преимущественно предъ другими твореніями, имѣютъ, по естеству своему, возможность, міръ себѣ представлять, объ ономъ размышлять и рассуждать. И такъ можно ихъ почесть за власнищелей, для коихъ нѣкто театрѣ со всѣми машинами великолепно устроилъ, оперу сочинилъ, и оную дѣйствительно представляетъ, дабы и очи и ушеса сихъ власнищелей увеселены были. Весь міръ есть сей театрѣ, а человѣки суть зрители сего міра, которые должны оный созерцая, веселишься и всяческія выгоды изъ онаго извлекаши; да и надѣжно сказать возможно, что Богъ весь міръ для каждаго человѣка устроилъ такимъ, каковъ онъ есть, а не иначе. Исполненъ сею мыслию, спускай, во время прекраснаго лѣтняго вечера, во приятный садъ прогуливаешься; тогда по истиннѣ о себѣ не низкія мысли возмѣнешъ. Увидишь, какъ намъ и небо и земля свои услуги оказываютъ; какъ онѣ насъ щедрятъ, и рачительно плащятъ намъ должную дань; луна освѣщаетъ намъ зрѣлище природы; звезды украшаютъ своды небесныя; зефиръ шумящій деревьями вѣетъ намъ благоуханіемъ, собраннымъ со цвѣтовъ; бдящій соловей увеселяетъ пѣніемъ нашъ слухъ; словомъ, вся пварь спремится къ намъ, дабы доставиши или выгоду какую или удовольствіе. И такъ человѣки могутъ, по благоугожденію своему, всѣмъ царствовать, и всѣмъ учреждать, а изъ прочаго, что не

въ ихъ власти соспоитѣ, могутъ они себѣ по крайней мѣрѣ, когда возхопятъ, почерпать увеселеніе. И по тому всякій человекъ можетъ, нѣкопорымъ образомъ, сказать самъ въ себѣ : *весь міръ мнѣ принадлежитъ.*

Если же мы воззримъ на человека, какъ на *средство* всѣхъ прочихъ вещей сего міра ; то и по сему не меньшихъ же мыслей должны мы быти о немъ. Если бы люди были токмо единою *цѣлію* всѣхъ вещей сего міра , а при томъ не былибъ *средствомъ* оныхъ ; то были бы они подобны шмелямъ, копорые у трудолюбивыхъ пчелъ подаютъ медъ, а сами онаго не дѣлаютъ. Тщешная честь ! бѣдное достоинство , которое людей ровнялобъ со свиніями , продающими все время жизни своея , и въ сласподобіи валяющимися во грязи ; и копорыя уже послѣ смерти спановятся *средствомъ*. Истинные человекѣ не должны тако проводить жизнь. Если они хотятъ быти властителями міра и достойными почтенія ; то да будутъ подобны *достопочтеннымъ* монархамъ , копорые себя опцами опечеспва своимъ сочеловѣкамъ оказываютъ , и копорые по думаютъ , что чѣмъ важнѣе и достойнѣе почтенія санъ въ общежитіи , тѣмъ болѣе особа, облеченная въ оный, долженспвуетъ опечеспву служити и быти полезною. Какое величіе ! какое достоинство ! какое превозходство ! Всякій, въ государствѣ ли, въ

въ землѣ ли какой, или во градѣ живущій человекъ почиая себя *средствомъ*, долженствуетъ, своему отечеству и каждому своему сочеловѣку служить и бытъ полезенъ. Какое благородное упражненіе, какое гармоническое велелѣпіе, какая искренняя любовь, вѣрность, честность и справедливость, въ таковыхъ мѣстахъ будутъ встрѣчаться на улицахъ! И когда единое сіе воображеніе вливаетъ уже во всѣ наши жилы сладчайшее чувствіе удовольствія; то чтожъ бы было, если бы сіе въ самомъ дѣлѣ исполнялось? если бы всякій человекъ по величію своего достоинства поступалъ? — И такъ если люди будутъ почиаять себя за *средство* всѣхъ вещей сего міра; то не согрѣшая могутъ думать, что они въ ономъ много значатъ, и что оспашку прочаго свѣта въ нихъ великая нужда: собственная польза сего міра пребуетъ онаго. Міръ и всѣ прочія творенія, исключая человекѣвъ, не могли бы ни какимъ образомъ такъ бытъ совершенны, и споль бы хорошо имъ не было, если бы мы не были человекѣми, какъ теперъ они по обрѣтаютъ, когда мы человекѣ.

Сія послѣдняя мысль открываетъ намъ, въ человекѣской природѣ, еще особливую сообразность съ Богомъ, которая придаетъ ей совершенно достопочтенный видъ. Богъ никоимъ образомъ отъ вещи внѣ себя не можетъ имѣть пользы: ибо Онъ самъ въ

въ Себѣ столь совершенъ, что Ему самаго Себя для Себя довольно, и не имѣетъ нужды ни въ какой вещи. Онъ на противъ того самъ всесовершенно полезнѣйшее Существо, сотворяетъ всѣ дѣла совершенными, сколько возможно, и имъ всѣмъ всяческое благо угощая и подавая, онымъ утверждаетъ ихъ благоденствіе, единственно только для нихъ, а не для Себя. Здѣсь да вообразитъ себѣ каждый изъ человѣковъ, которые по достоинству человѣческому живутъ, какъ цари міра, себя *средствомъ* почитаютъ, окрѣстивъ себя только единое устрояютъ благо, во всѣхъ частяхъ себя до совершенства довести стараются, и всякое благодѣяніе чинятъ не изъ какого другаго намеренія, какъ только изъ единого удовольствія шворить добро; таковыя человѣки да возимѣютъ шѣмъ болѣе божественное мнѣніе о себѣ самихъ, чѣмъ болѣе они, исполненіемъ сего своего царственнаго достоинства, Всевысочайшему Божеству уподобляются. И такъ человѣки, почитаемые *средствомъ*, суть болѣе, нежели когда бы они только почитаемы были единою *цѣлію* или *средоточіемъ*, для котораго всѣ вещи на свѣшѣ пребываютъ. — И такъ при столько ясныхъ доказательствахъ и истинныхъ, нужно лишь намъ, желая искренно благосклоннымъ читателямъ нашимъ, неупомимаго наблюденія и сохраненія величія ихъ достоинства.

II.

П И Р Ъ

СЕДМИ МУДРЕЦОВЪ.

Діоклисѣ.

Глубокою и непроницаемою птьмою невѣжеспва и заблужденія продолженіе времени покрываетъ всѣ вещи, любезный мой *Никархъ*, если и шеперь уже люди вѣрятъ лжесплешенымъ вымысламъ и повѣспямъ о пѣхъ дѣлахъ, копорыя еще во свѣжей нашей памяти содержатся: ибо не седмь шолько оныхъ Мудрецовъ присупспвовали на пиру, какъ шебѣ сказано, но вдвое больше было возлѣжащихъ, въ числѣ копорыхъ и я находился, по знакомспву съ *Періандромъ* и *Θалесомъ*, копорый по приглашенію *Періандра* ко мнѣ зашолъ. И такъ несправедливо казалъ, кшо о бесѣдахъ происходившихъ на пиру рассказывалъ шебѣ; и видно, что онъ самъ не былъ учаспникомъ онаго. Но какъ мы шеперь имѣемъ свободное время, а спароспъ наша не дозволяетъ намъ, опкладывать смѣло бесѣду нашу до другаго времени; шо, если угодно, я расскажу шебѣ подробно о всемъ, что на пиру оноmъ происходило.

Періандръ дѣлалъ пиръ не въ самомъ городѣ, но въ госпинницѣ *Лихійской*, близъ храма

храма *Венеры*, копорой въ то время и жертвоприношеніе опправляемо было: ибо онъ послѣ смерти матери своей *Мелиссы*, копорая отъ любви лишилась жизни, въ первой разѣ вознамѣрился тогда, умилоспившъ ее приношеніемъ жертвъ, бывъ побужденъ къ тому нѣкими сновидѣніями о *Мелиссѣ*. Тогда было лѣто, и вся дорога, даже до самаго моря, отъ множества пѣшеходцовъ и колесницъ покрыта была пылью и прахомъ; по чему для каждаго изъ званыхъ приуготовлены были пребогатыя колесницы. *Θалесъ* увидя одну изъ оныхъ привезенную для него у воротъ, улыбувшись сказалъ: *Отпустите ее домой къ хозяину*. И такъ пошли мы пѣшкомъ по приятнѣйшему полю прохаживаясь въ разныя стороны, а къ намъ и претій приспалъ *Нилосенъ Навкратовъ*, мужъ предоспойный, имѣвшій знакомство пѣсное съ *Солономъ* и *Θалесомъ* во *Египтѣ*. Онъ былъ тогда впопрично присланъ къ *Віасу*: и хотя не зналъ и самъ причины своей посылки; однако имѣя запечатанную грамоту на имя *Віаса*, догадывался, что онъ привезъ ему другой еще вопросъ къ рѣшенію отъ *Амазиса*, *Египтскаго* государя, отъ копораго и повѣлно было ему, чтообъ въ случаѣ, ежели *Віасъ* откажетъ принять грамоту для рѣшенія, отдасть оную первѣйшимъ *Мудрецамъ* *Греческимъ*. Я очень радъ, говорилъ *Нилосенъ*, сему приятнѣйшему для меня случаю,

случаю, который, сверх чаянїя моего, доставилъ мнѣ честь пользоваться сообществомъ вашимъ при семъ собранїи, и подать сію грамоту, (показывая намъ оную) которую и намѣренъ я представить во время пира. *Θалесъ* разсмѣявшись сказалъ ему: ежели что либо недоброе въ той грамотѣ, то можешь отвести оную въ городъ *Прїену* къ *Віасу*, который рѣшитъ и сію задачу, такъ же какъ и первую. Какая то была первая задача, спросилъ я? Египетскій Царь *Амазисъ*, отвѣтствовалъ мнѣ *Θалесъ*, прислалъ къ *Віасу* закланную жертву, пребудя отъ него, чтобъ онъ прислалъ къ нему и самую лучшую и самую худшую часть оныя, на что *Віасъ* нашъ преславно отвѣчалъ, препроводивъ къ нему отрѣзанный у шельца языкъ, чѣмъ онъ и привелъ себя у всѣхъ въ славу и удивленіе. Не сіе одно, сказалъ *Нилоксенъ*, привлекаетъ ему славу и удивленіе общее; но и то, что онъ не удаляется содружества Царей, какъ ты дѣлаешь. *Амазисъ* съ особливымъ удовольствіемъ и почтеніемъ слышитъ и о тебѣ, какъ ты безъ всякаго труда и орудія смѣрялъ высоту пирамиды, по соображенію одной пѣни происходящей отъ палки и пирамиды, полагая размѣрность пѣни къ палкѣ почною размѣрностію высшы пирамиды по ея пѣни.

Но *Амазисъ*, какъ я уже и сказалъ тебѣ, не доволенъ тобою за то только, что ты

ты не любишь Царей ; къ сему же дошли до ушей его нѣкопорыя язвительныя сказанныя тобою рѣчи прошивъ тиранновъ : ибо , когда *Молпагоръ Тонецъ* спросилъ тебя , что ты видѣлъ необыкновенное въ свѣтѣ , *тиранна состарѣвшагося* , отвѣщивалъ ты ему ; и опять , когда въ нѣкоемъ собраніи предложенъ былъ вопросъ о животныхъ , то ты сказалъ : что изъ дикихъ звѣрей нѣтъ хуже тиранна , а изъ ручныхъ льстеца . Но сіе , продолжалъ *Фалесъ* , *Питтакъ* сказано шуткою нѣкогда въ разговорахъ съ *Мирсиломъ* ; для меня же удивительнѣе видѣшь кормчаго корабельнаго состарѣвшагося , нежели тиранна . По чему я почитаю *Солона* премудрымъ , что онъ отказался отъ предлагаемой ему верховной власти , и *Питтакъ* ежели бы не принялъ на себя правленія , то не говорилъ бы онъ , что трудно быть добрымъ человекомъ : *Періандръ* будучи зараженъ верховною властію , какъ наследственной болѣзнію , кажущаяся мнѣ , не безуспѣшно освобождается отъ оной , будучи снабденъ полезными правилами и бесѣдами мудрыхъ наставляемыхъ , которыми повинуюсь не принимаешь совѣта отъ *Фразивула* моего согражданина , которъй онъ подавалъ ему , чтобъ первѣйшихъ изъ гражданъ и лучшихъ старѣйшинъ угнеталъ онъ всячески : ибо нѣтъ никакого различія между пшѣмъ крестьяниномъ , которъй вмѣсто ржи и пшеницы собираетъ саранчу

и гусеницу, и между шѣмъ правителемъ, который лучше хочетъ управлять рабами, нежели добрыми людьми. Многія трудности и попеченія, привязанныя къ царской власти, награждающія единственно только пою честію и славою, если государь такъ управляетъ своими подданными, какъ лучшей изъ людей добрыми, и какъ большій великими. Впрочемъ госпъ нашъ завелъ насъ въ рѣчь ни мало неслужащую къ дѣлу, и позабылъ стараться о приуготовленіи всего попребнаго къ пиру: ибо по моему мнѣнію не только хозяинъ, но и званный госпъ имѣетъ свои приборы и приуготовленія для онаго. *Сидаритяне* имѣли обычай, приглашать женщинъ на пиръ за годъ прежде для того, чтобъ имъ довольно было времени для нарядовъ и уборовъ своихъ къ оному: а я думаю, что еще больше попребно времени тому для надлѣжащаго приуготовленія, кто хочетъ съ почтенною благоприспоспѣшностію на пиршествѣ торжествовать: ибо несравненно труднѣе приобрести благо нравіе, нежели украсить себя велелѣпіемъ; любители мудрости на пиръ собираются не для того, дабы какъ сосуды были наполнены брашенъ и пишія, но что бы сказать, послушать, или содѣлать что либо достойное и приятное, какъ случай кому дозволилъ, если совозлѣжащіе желаютъ провести время весело и приятно. Пищу дурную можно оставить, и недоброе вино перемѣ-

перемѣнишь другими напиткими: безпокойный же, неучтивый и неугомонный гость испортишь не только весь вкус брашенъ и пишя, но и всю приятность *Музикѣи*, такъ что съ великимъ трудомъ огорченія и досады, причиненной во время пира, избавишься можно: а нѣкоторые заспоря при спанкахъ и буылкахъ, и язвительно браня другъ друга, питають отъ сего случая взаимную вражду во всю жизнь свою. По чему *Хилонъ* весьма справедливо опвѣщивовалъ тѣмъ, которые приглашали его на пиръ, что онъ не согласится быть на ономъ прежде, нежели узнаеть по имени всѣхъ званыхъ: ибо ежели бы необходимость заставила, говорилъ онъ, бхашь вмѣстѣ съ незнаемыми на кораблѣ, или бывъ въ военной службѣ, тогда и неприятное сообщество должно сносить; а самовольно вступать на пиршествахъ во всякія знакомства, и безъ разбору дружитися съ людьми, дѣло есть неразумнаго чловѣка. Египтяне имѣли обычай, во время пира приносишь въ гостинницу предъ очи возлѣжащихъ мертвыя чловѣческія кости, напоминая совозлѣжащимъ, что и они всѣ не въ долгомъ времени таковыми же будутъ. Сей образъ угощенія хотя и не у мѣста, да и не весьма приятенъ взору пиршествующихъ; однако имѣеть свою пользу, научая людей не сладострасіямъ и роскоши, но взаимной любви и дружбѣ, и показуя, что крапкая жизнь

человѣческая не должна бытъ почитаема многолѣпною по худымъ дѣламъ.

Продолжая сей разговоръ, достигли мы до гостинницы. *Θалесъ* не захопѣлъ умовенія, сказавъ, что онъ лице свое помазалъ уже благовоніями: однако ходилъ смолрѣшь поприща, мѣста уготованнаго для борцовъ, и роши до самаго моря прекрасно расположенной. Сіе сдѣлалъ онъ не для того, яко бы удивлялся чему либо изъ тѣхъ предмѣшовъ; но чшобъ *Періандру* не подашь виду, что онъ презираеть велелѣпіе его и вкусъ. Прочіихъ же служители омывши и помазавши, вводили каждого въ гостинницу, въ предвѣрїи кошорой сидѣлъ *Анахарсисъ*, а предъ нимъ стояла дѣвица, кошорая расчесывала ему волосы. Она увидя *Θалеса* подбѣжала къ нему ласковѣйшимъ образомъ, а *Θалесъ* поцѣловавъ ее, разсмѣвшись сказалъ: прибери сего гостя нашего получше, чшобъ онъ не сполько былъ дикъ, и страннымъ бы не казался, хошя впрочемъ онъ довольно смиренъ и крошокъ. Какая бы то была дѣвица, спросилъ я? Слышалъ ли ты, сказалъ мнѣ *Θалесъ*, о премудрой и славной *Евметидаѣ*? такъ называлъ ее отецъ; вообще же она именуется *Кліоулина*. Я слышалъ, выговорилъ *Нилоксенъ*, что она весьма умно рѣшила нѣкошорыя гаданія, и опѣ себя многія припчи и ино-сказанія вымыслила, также и многіе вопросы сокровеннѣйшей науки предложены были

опѣ

отъ нея, которые дошли даже до Египта. Не въ семъ единомъ, отвѣчалъ *Θалесъ*, она имѣетъ превосходность, и съ состязателями и совопросниками входитъ въ сей родъ обращенія: но одаренная удивительною духа возвышенностію, качествами благосклонностію и кротостію украшенными, и разумомъ челоѡколюбивымъ, научаетъ владыкъ земныхъ быти опцами народовъ. Сіе довольно видно, сказалъ *Нилоксенъ*, и попроситъ и по вкусу ея одѣянія. Но для чего бы она споль ласкова была къ *Анаркисису*? Для того, говорилъ *Θалесъ*, что мужъ сей есть воздерженъ, презвѣ, искусенъ въ знаніяхъ многихъ вещей; онъ показалъ ей способъ того состява, которымъ *Скиѡи* больныхъ своихъ врачуютъ; и я мню, что она и теперь бесѣдуетъ съ нимъ о чемъ либо полезномъ: понеже споль ласково и дружески съ нимъ обходится.

Лишь только мы приблизились къ гостинницѣ, попалъ намъ въспрѣчу *Алексидемъ Милезскій*, побочный сынъ *Θразивула* шираи. на, вышедшій изъ гостинницы съ возмущеннымъ духомъ, и говоря во гнѣвѣ нѣчто самъ съ собою, чего однако мы разумѣть не могли. Онъ увидя *Θалеса*, и пришедъ въ себя нѣсколько: жестокою, сказалъ, обиду мнѣ *Періандръ* сдѣлалъ: во первыхъ удержалъ меня ужинашь у себя, не давъ мнѣ расплашиться съ кормчимъ корабля, чего мнѣ очень хотѣлось; во вторыхъ позвавши на

ужинѣ, назначилъ мнѣ самое послѣднее мѣсто, предпочитая мнѣ *Еолянѣ* и многихъ другихъ небольшихъ острововъ жителей. Изъ сего весьма ясно заключається, что онѣ презираетъ родителя моего *Өразивула*, и шѣмъ умножаетъ мое прошиву его огорченіе. Развѣ ты опасаяся, выговорилъ ему *Өалесѣ*, что мѣсто по своему положенію приносить тебѣ честь или униженіе такъ, какъ Египтяне учатъ о звездахъ, что онѣ по возвышенію и униженію мѣста гдѣ находяпся, или шеряютъ, или умножаютъ свои силы? и развѣ ты хуже того *Лакедемонца*, который, когда въ нѣкоемъ собраніи отъ начальника посаженъ былъ въ самомъ послѣднемъ мѣстѣ, сказалъ ему: Государь мой! ты очень хорошо дѣлаешь, что способъ находишь починить и сіе мѣсто? Ибо не о томъ спарашься надлежитъ, въ какомъ мѣстѣ, или послѣ кого сидѣшь намъ на пиру; но о томъ, дабы мы довольны были шѣми, съ кѣмъ доспалося намъ сидѣть, и шопчасъ показашъ свое удовольствіе и исканіе дружбы совозлѣжащихъ, не ропща на хозяина, что онѣ посадилъ насъ въ такомъ мѣстѣ, но благодаря его за то, что съ такими людьми помѣстилъ насъ: ибо кто сердится за мѣсто, тотъ явно показуетъ больше неудовольствія на шѣхъ, съ кѣмъ сидитъ онѣ, нежели на того, кто посадилъ его тамъ; и сей обоимъ неприятенъ. Это однѣ шолько пущыя слова, прогово-

проговорилъ шутъ *Алексидемъ* : а я при-
мѣшилъ , что и вы господа мудрецы такъ
же гоняетесь за чепухой. Сказавъ сіе ,
пошелъ мимо насъ. Мы смотря на его , до-
вольно удивлялись его грубости : но *Фалесъ*
прервавъ наше удивленіе , сказалъ : этотъ
человѣкъ сущая скопина и уродъ : знаете
ли , что онъ сдѣлалъ , еще будучи робен-
комъ ? Когда принесли отцу его *Фразивулу*
благовоннаго мира , то *Алексидемъ* выливъ
онъ въ чашу , и приливъ горячаго вина къ
тому , выпилъ все , въ досаду своего роди-
теля.

Между сихъ разговоровъ пришедъ слу-
га , сказалъ намъ , что *Періандръ* приказалъ
просить насъ къ себѣ съ *Фалесомъ* , чтобъ
посмотрѣть тамъ нѣкое принесенное къ не-
му сей часъ животное , которое не зналъ и
самъ *Періандръ* , какъ назвашь , чудомъ ли
или уродомъ , или то было слѣпымъ слу-
чаемъ произведенное твореніе , что его мнѣ-
ніе весьма смущало : ибо казалось ему ,
что таковымъ приношеніемъ жертва ос-
квернилась. Выговоря сіи слова , повелъ насъ
въ одну изъ находящихся избушекъ около
саду , гдѣ увидѣли мы молодого паслуха ,
лицемъ недурнаго , который развязавъ мѣ-
шокъ , показалъ намъ жеребенка , по словамъ
его , у котораго однако верхнія части до-
шби и до рукъ человѣкообразныя были , а
другіе члены конскіе , впрочемъ голосъ былъ
новорожденнаго младенца плачущаго.

локсенъ посмотри , и съ омерзѣніемъ вдругъ
 отврати глаза , вскричалъ : дьяволъ побери
 его ! Но *Θалесъ* посмотри нѣсколько на па-
 спуха , и по обыкновенію своему улыбнув-
 шись сказалъ : развѣ ты думаешь , *Діоклесъ* ,
 что можешь умилоспивить духовъ побор-
 никовъ зла страшнымъ приношеніемъ ? А для
 чего же нѣтъ , сказалъ я *Θалесу* ? ибо ясно
 можно видѣть изъ сего нѣкое предназна-
 чаніе брани и несогласія ; и я опасуюсь ,
 что бы сіе зло не коснулось ложа и по-
 томства , судя по сугубому показанію гнѣ-
 ва Богини *Венеры* , копорая и по первому
 опкровенію еще не умилоспивлена . *Θалесъ*
 ни чего не отвѣтствовалъ на сіе , но раз-
 смѣвшись вышелъ . Когда же *Періандръ*
 встрѣпясь съ нами у двѣрей спросилъ , что
 мы думаемъ о томъ чудовищѣ , то *Θалесъ*
 взявъ его за руку сказалъ : что тебѣ при-
 кажетъ *Діоклесъ* , ты сдѣлай то въ свобод-
 ное время ; впрочемъ я совѣтую тебѣ , мо-
 лодыхъ паспуховъ заранѣе женишь . *Періан-*
дру сіе показалось очень забавно : ибо онъ
 и хохоталъ довольно , и *Θалеса* обнявши
 поцѣловалъ . Тогда *Θалесъ* : я думаю , ска-
 залъ *Діоклесу* , что мнимое тобою предзна-
 менованіе уже сбылось : ибо видишь , какой
 уронъ послѣдовалъ намъ , что и *Алексидемъ*
 ужинаеть съ нами не захотѣлъ . По томъ
 вошли мы внутрь госпинницы , и *Θалесъ*
 погромче закричалъ : гдѣ же то мѣсто , за
 копорое *Алексидемъ* сердился , что его
 шамъ

тамъ сажаютъ? И когда указали ему оное, то *Θалесъ* сѣвши тамъ, а мы подлѣ его, сказалъ, что онъ заплашилъ бы дорого, что бы за однимъ споломъ быль съ *Ардаломъ*. *Ардалъ* же оный былъ *Трезенскій* жипель, перво-священникъ и прубачь *Ардалидскихъ* мусъ. *Езопъ*, присланный отъ *Креза* къ *Періандру*, и при томъ въ *Дельфы* къ *Капищу* отправленный, наводился пупъ же, и сѣвъ на низкомъ спулѣ близъ *Солона*, предсѣдщаго всѣмъ, зачалъ говорить слѣдующую припчу. „*Лидійскій* оселъ увидя лице свое въ рѣкѣ, и удивляясь спану своему, красотѣ и важности пѣла своего, зачалъ вдругъ рѣзвиться и прыгать, какъ конь: но вспомня, что онъ ословъ сынъ, опустилъ голову и всю спѣсь съ оною. „*Выслушавъ* сіе *Хилонъ*: и пы кажешся мнѣ, сказалъ ему лаконически, очень пупъ, и ослиному шествѣю подражаешъ. *Мелисса* между пѣмъ присупя къ *Періандру*, сѣла подлѣ его, а *Евметида* за ужиномъ сидѣла. Я находился близъ *Віаса*. *Θалесъ* посмотря на меня, для чего, говоритъ мнѣ, не сказалъ пы, *Діоклесъ*, *Віасу*, что *Навкратскій* госпъ прибылъ отъ своего государя съ нѣкоторыми вопросами къ нему для рѣшенія, чтобъ онъ при презвомъ и здравомъ разумѣ подумалъ объ нихъ. Ты безпрестанно спращаешъ меня, *Θалесъ*, таковыми своими наспавленіями: а я знаю, что *Вакхъ* всегда силу свою имѣетъ, и отъ мудрыхъ *Лизійскимъ*, то есть удоборѣшительнымъ

называется. По чему я и не опасуюсь, чтобъ по мбрѣ исполненія даровъ сего Бога, потерялъ я силы разума, и меньше бы имѣлъ способности ко прѣнїю. Такими шутками они между собою забавлялись за ужиномъ.

Когда я смотрѣлъ на пирѣ, и примѣшилъ, что все было тамъ умѣреннѣе обыкновеннаго, то пришло мнѣ въ мысль, что пирѣ мудрыхъ и честныхъ людей не умножаютъ, но уменьшаютъ издержки: ибо излишнія приправы пицей не употребляются у нихъ, ни чужестранныя дорогія вины и закуски, на которыя *Періандръ* издерживаетъ ежечасно великое число денегъ; да и онъ же самъ созвавши *Мудрецовъ* на пирѣ, самой умѣренной и скромной столъ имъ предложилъ, и не только во всемъ касающемся до стола и убранства гостиницы приказалъ наблюдать посредственность, но и супругу свою, впрочемъ пребогато одѣтую, представилъ имъ въ простомъ и скромномъ одѣянїи. Подали плоды и пишье, мы онаго не много прикушали, и *Мусикїя* на трубахъ здоровье наше мало поигравъ ушла. *Ардалъ* между тѣмъ спросилъ *Анахарсиса*, есть ли у *Скиѳовъ* мусикійскія трубы? на что онъ вдругъ отвѣчалъ ему, что у *Скиѳовъ* и дерева такого нѣтъ, изъ чего дѣлаются Мусикійскія трубы. Но я думаю, продолжалъ *Ардалъ*, что у *Скиѳовъ* есть богослуженіе и Боги? Конечно есть, сказалъ *Анахарсисъ*, Боги, разумѣющіе человѣческой языкъ;

языкъ; и Скионы не такъ думаютъ, какъ Греки, которые хопя преимуществуютъ надъ всѣми вишійствомъ и знаніями; однако мнятъ, что будпо Боги лучше внемлютъ гласу древъ или костей, нежели человѣческому языку. Чпо бы сказалъ ты, проговорилъ ты Езопъ госпю, ежели бы увидѣлъ ты нашего времени дѣлапелей мусикійскихъ трубъ, которые бросаютъ кости молодыхъ лошаковъ, и лучше употребляютъ ослиныя, утверждая, что сіи лучшей голосъ даютъ; и сіе заподлинно удивленія достойно, что осель, животное грубое и опъ мусикии весьма удаленное, имѣетъ кости весьма тонкія и преспособныя къ мусикійскимъ трубамъ. По сему насъ и хулятъ, выговорилъ при семъ Нилосенъ, Бузиритскіе жители, что мы имѣемъ во употребленіи ослиныя трубы, а у нихъ за нечеспие почитается, имѣть какую либо мусикійскую трубу, по тому что она, по мнѣнію ихъ, голосъ издаетъ подобный ослиному крику; извѣстно же вамъ, что ослы у Египтянъ нечиспыми почитаются, по причинѣ повѣсти о Тифонѣ.

По семъ разговорѣ всѣ замолчали. Періандръ примѣтя, что Нилосенъ хочетъ, но не смѣетъ начать говорить: я похваляю, сказалъ онъ, обычаи гражданскіе, гдѣ прежде госпямъ, а по томъ уже своимъ согражданамъ даютъ отвѣты. И такъ если угодно, прекратимъ мы нашу бесѣду, какъ мало значущую и припшельскую; да предложатся

же здѣсь Египетскіе оныя вопросы, которые почтенный *Нилоксенъ* привезъ къ *Віасу*, и *Віасъ* вмѣстѣ съ нами имѣетъ рѣшить оныя. И гдѣ же лучше, проговорилъ *Віасъ*, или съ кѣмъ удобнѣе можно сдѣлать опытъ въ рѣшеніи задачъ? А тѣмъ паче, что *Амазисъ* Государь повелѣлъ предложить оныя мнѣ прежде, а по томъ и всѣмъ вамъ, достойно-почтеннымъ Мудрецамъ. *Нилоксенъ* по семъ поднесъ грамоту *Віасу*, прося его, чтобъ распечатавъ, читалъ онъ вслухъ всѣмъ написанное, котораго содержаніе было слѣдующее.

„*Амазисъ*, Царь Египетскій, *Віасу* премудрѣйшему изъ Грековъ здравія желаетъ!
 „Египетскій Царь спорилъ со мною о превосходствѣ разума, и бывъ мною побѣжденъ
 „во многихъ другихъ, нынѣ пребудетъ на конецъ отъ меня нелѣпой и странной вещи,
 „что бы я море выпилъ, съ тѣмъ условіемъ,
 „что если я сдѣлаю сіе, то многіе города и села опадутъ онъ въ мое владѣніе: а
 „ежели не буду въ состояніи учинить того, то потеряю лучшія мои селенія, находящіяся около *Елефантины*. Прошу
 „тебя, разсмотришь сіе, какимъ бы способомъ можно произвести въ дѣйствіе, и
 „немедлѣнно съ симъ же подадимъ *Нилоксеномъ*, о томъ меня увѣдомъ. Впрочемъ
 „если что потребно для согражданъ и приятелей твоихъ, я не оставлю сдѣлать имъ удовольствіе. Прости! „

Про-

Прочитавъ сіе и не много помедля, *Віасъ* нѣсколько подумалъ съ собою, и поговоря мало съ *Кливуломъ*, который подлѣ его сидѣлъ, обратясь къ *Нилоксену*, сказалъ: не уже ли *Амазисъ*, Царь шоль богатыхъ страны, имѣющій во своей державѣ шолікое множество народовъ, захочетъ выпить море для того, чшобъ получить во владѣніе свое нѣсколько кусочковъ земли и убогихъ деревушекъ? Тебя, отвѣчалъ ему *Нилоксенъ*, спрашивающій шолько, какимъ бы образомъ можно выпить море, а не для чего выпить? Донеси же своему Государю, продолжалъ *Віасъ*, чшобъ онъ Египтскому Царю сказалъ, дабы шотъ всѣ рѣки впадающія въ море ошановилъ, пока *Амазисъ* будетъ выпивать въ море шу шолько воду, копорая нынѣ въ немъ: ибо о насшоящемъ шолько море дѣло идетъ, а не о шомъ, копорое отъ будущаго впечатенія рѣкъ имѣетъ умножаться. *Нилоксенъ* услыша сей отвѣтъ, отъ удовольствія не могъ удержаться, чшобъ не обнятъ *Віаса* и не облобызатъ его. Но когда всѣ другіе хвалили и одобряли отвѣтъ *Віасовъ*, то *Хилонъ* поднявшись сказалъ: любезный госпъ *Нилоксенъ*! прежде нежели *Амазисъ* выпьетъ море, поспѣши возвратишься на корабль въ домъ, и донеси ему, чшобъ онъ не имѣлъ попеченія о шомъ, какимъ образомъ шакую бездну соленыхъ влагъ выпить, но о шомъ бы больше старался, какъ царствованіе свое для подданныхъ сдѣлатъ приятнымъ и удобоноси-

боносимымъ. Въ сихъ правилахъ *Віасъ* преискуснѣйшій человекъ, и если Царь *Амазисъ* послушаетъ его наставленій, то не будетъ имѣть надобности въ золотыхъ сосудахъ ради умовенія ногъ своихъ, чшобъ шѣмъ величаться предъ Египтянами, и за добродѣтель всѣ возлюбятъ его и будутъ почитать вѣрно. Не бесполезно будетъ, сказалъ *Періандръ*, ежели и всѣ мы такимъ же почтимъ *Амазиса* подаркомъ: ибо симъ способомъ и посольство больше возымѣетъ важности, и для насъ оно будетъ полезнѣе. Такъ по справедливости, проговорилъ *Хилонъ*; *Солону* надлежитъ начать рѣчь: во первыхъ, что онъ и лѣтами старѣе всѣхъ, и въ большомъ мѣстѣ сидитъ; во вторыхъ, онъ же превосходнѣйшее и важнѣйшее имѣетъ званіе Аѳинскаго законодавца. Тогда *Нилосенъ* шихонько мнѣ сказалъ: во многомъ ошибаются люди, и вѣрятъ ложно; многіе нащепъ мудрыхъ забавляются пустыми слухами, которые или сами вымышляютъ, или отъ другихъ скоропостижно принимаютъ, какъ и къ намъ дошло въ Египетъ, что будто *Хилонъ* прервалъ дружбу съ *Солономъ* за то, что сей назвалъ законы премѣннѣ подверженными. Смѣшная сія выдумка, сказалъ я ему: такъ по сему *Хилонъ* долженъ былъ перваго опровергнуть *Ликурга*, по тому что съ законами и всю республику *Лакедемонскую* перемѣнилъ. Между шѣмъ *Солонъ* не много подумавъ съ собою, зачалъ

говорить о дѣлахъ до Государей касающихся, къ чему *Віасъ*, *Θалесъ*, *Анахарсисъ*, *Кліо-вулъ*, *Питтакъ* и *Хилонъ* не упустили и своихъ мнѣній прибавить. Но *Езопъ*, привыкшій къ насмѣшкамъ: надлежалобъ, сказалъ, о семъ говорить намъ особливо, дабы воображая быти совѣтниками и друзьями Государей, не сдѣлались мы судьями ихъ. На конецъ же *Періандръ* разсмѣявшись: достойны мы по справедливости, сказалъ, посмѣянїя, что оставя прочіе вопросы *Амазиса* Царя, въ постороннїя совѣтмъ вступили словопрѣнїя. Не угодно ли тебѣ господинъ *Нилоксенъ* предложить послѣднїя задачи своего письма, пока присутствїе сихъ господъ продолжается. Тогда *Нилоксенъ* выступя на средину, говорилъ слѣдующее: вопросъ оный или пребыванїе Егїпскаго Царя не иное что есть, какъ то, о чемъ говорилъ *Архилохъ*:

Изломанну стрѣлу кто назоветъ стрѣлой?

Но государь мой *Амазисъ* въ родѣ вопросовъ и задачъ благороднѣе и скромнѣе онаго. Онъ пишетъ, чтобъ Егїпскій Царь прислалъ ему отвѣты на слѣдующїе вопросы: что древнѣе всего? что прекраснѣе всего? что наибольше? что премудрѣйшее? что общее всѣмъ? что наиболее полезнѣйшее? что наивреднѣйшее? что сильнѣйшее? что удобнѣйшее? Какъ же онъ отвѣчалъ, спросилъ *Періандръ*? Услышите потчасъ, продолжалъ *Нилоксенъ*; и прошу ваше дасть о томъ

томъ

шомъ мнѣніе : ибо *Амазисъ* тщательное прилагаетъ вниманіе къ тому, что бы данные отвѣты сходственно истинны не хулимы были ; а въ которыхъ есть погрѣшности , тѣ не оставались бы безъ вида и доказательства.

Я хочу вамъ донести , что отвѣчалъ Египетскій царь. Что древнѣе всего ? время. Что наибольше всего ? міръ. Что премудрѣйшее ? правда. Что прекраснѣе ? сіяніе свѣта. Что всеобщее ? смерть. Что наиболѣзнейшее ? Богъ. Что наивреднѣйшее ? злый духъ. Что сильнѣйшее ? счастье . Что наибуднѣйшее ? то что пріятно. Выслушавъ сіи отвѣты *Фалесъ* спросилъ *Нилоксена*: доволенъ ли былъ *Амазисъ* сими рѣшеніями ? и когда *Нилоксенъ* отвѣчалъ , что нѣкоторые похвалили онъ , а другія не показались ему ; такъ надобно же , продолжалъ *Фалесъ*, взявъ оныя въ разсужденіе и испытать тщательно : ибо всѣ онъ , кажется мнѣ , заключаютъ въ себѣ несправедливой смыслъ , и ложное понятіе. Какъ можетъ быть , на примѣръ , время древнѣе всего , когда часть нѣкая онаго есть уже прошедшая , другая часть будущая , а третья настоящая ? А что правду называетъ онъ мудростію , то сіе все поже , какъ если бы назвалъ онъ свѣтъ окомъ ; и если для него прекраснѣе всего сіяніе свѣта , то для чего онъ оставилъ самое солнце ? Что же онъ говоритъ о Богѣ и о духахъ , то мнѣ кажется , сія

мысль

мысль его дерзкая и опасная; также и сказанное имъ о счастіи несходно съ здоровымъ разсужденіемъ: ибо если бы оно было нѣчто сильнѣйшее и крѣпчайшее, то такъ скоро и удобно не перемѣнялось бы.

Но ниже смерть самая можетъ назваться всеобщею, поелику она до живущихъ не принадлежитъ. Впрочемъ чтобъ не показались мы оговорщиками чужихъ мнѣній, то лучше скажемъ и наши мысли; и я первый хочу произнести на всѣ помянутые вопросы мои отвѣты. Что есть древнѣйшее? Богъ: ибо онъ безначаленъ. Что наибольшее? мѣсто: ибо всѣ вещи объемлются міромъ, а міръ мѣстомъ. Что прекраснѣе? міръ: ибо все въ немъ стройно и порядочно. Что премудрѣйшее? время: ибо оно изобрѣло все, и изобрѣшетъ еще многое. Что всеобщее? надежда: ибо и не имѣющіе ничего имѣютъ нѣкую надежду. Что наиболее полезное? добродѣтель: ибо она и посредственныя вещи добрымъ употребленіемъ дѣлаетъ полезными. Что наивреднѣйшее? душевный порокъ: ибо онъ и всѣ прочія добра расплѣваетъ. Что сильнѣйшее? нужда: ибо она одна не преборима есть. Что наимудобнѣйшее? то что сходственно съ природою: ибо есть удовольствія и прищности такія, которыя часто скуку наводятъ, и раждаютъ сами собою омерзѣніе.

Когда сіи отвѣты *Салесовы* начали всѣ похвалять, то *Кліодимъ* обратился къ

Нилосену сказалъ: такіе шо вопросы и отвѣты Царямъ приличествуютъ. Варваръ же оный, который предлагалъ Амазису Царю, чтобъ выпить море, достоинъ былъ такого же отвѣта, который Питтакъ въ Лесвахъ сдѣлалъ Аліатину, писавшему къ нему нѣчто нелѣпое: ибо тотъ мудрецъ ничего больше въ отвѣтъ не сказалъ ему, какъ только, что онъ долженъ ѣсть лукъ и горячій хлѣбъ. На сіе Періандръ Кліодиму сказалъ: у древнихъ Грековъ обычай былъ предлагать такого рода задачи: ибо извѣстно намъ, что спихотворцы собирались въ Халкиду къ погребенію Амфидаминта, которые въ шо время почишались между лучшими мудрецами. Амфидаминтъ былъ мужъ славнѣйшій качествами градоначальника, который многія оказавъ достопамятныя услуги Этетріенскимъ жителямъ, на конецъ въ сраженіи за городъ Дилантъ убитъ. Отличныя достоинства сего мужа, были предлогомъ пѣсносложенія многихъ спихотворцовъ: и когда великое множество спихотворческихъ пѣсней сочиненныхъ на войну оную, наводили сомнѣніе въ побѣдѣ такъ, что читая однихъ, можно было думать, что первая сторона побѣдительница, прочешши же другихъ, не лзя было не признашся, что бы противная сторона не была побѣдоносная, къ каковому сомнѣнію много придавали уваженія, и славнѣйшіе оные пѣснотворцы Омиръ и Исодъ; шо они сошедшись въ помянутый

ный городъ сдѣлали, говоритъ *Лесхисъ*, слѣдующую задачу:

*Скажи, о Муса! намъ, чего ни въ древи вѣки
Не видѣли, и впродъ не узрятъ человѣки?*

На что *Исїодъ* отвѣчалъ въ тоже самое время безъ малѣйшаго замедлѣнїя:

*Тамъ кони бурные огнемъ дыша бѣжатъ,
Звеса свергнули со колесницей въ адъ.*

Сей отвѣтъ *Исїоду* приобрѣлъ великое почтеніе отъ всѣхъ, и онъ златымъ преножникомъ подаренъ былъ. Сіе весьма различествуесть, сказалъ шутъ *Клїодимъ*, отъ шутъ сочиненій *Евметида*, которая сплетаетъ оныя, такъ какъ нѣкія жены дѣлаютъ плетенія злата, для забавы, и предлагаютъ ихъ можетъ бытъ своимъ же собесѣдницамъ: однако смѣшно бы было, если бы мудрые почиали оныя слова важными. *Евметида* хотѣла отпѣшествовать прошиву *Клїодима*: но стыдъ покрылъ лице ея и непорочность заградила ея уста. Тогда *Езопъ* желая опмспитъ за ея *Клїодиму*: не смѣшно ли паче шо, сказалъ ему, что мы не можемъ рѣшитъ задачу ея? какова на примѣръ та, которую она предложила намъ предъ ужиномъ. *Мнисифилъ Аѳинѣецъ*, соповарищъ и другъ *Солоновъ*, обратясь шутъ къ *Перїандру* сказалъ: мнѣ кажется, что разговоръ, какъ вино на пиру, всѣмъ долженъ бытъ общій, какъ и дѣлается въ общинахъ.

щенародїи. Все то , что вы здѣсь сказали о самодержавїи и царствованїи, не касаетсѣ до насъ простаковъ ; и такъ не бесполезно было бы, если бы подъ руководствомъ *Солона*, всякъ изъ васъ сказалъ намъ нѣчто о правленїи такого общества, гдѣ всѣ равные , и равными правами пользующся. Сїе предложенїе понравилось всѣмъ ; и первый *Солонъ* зачалъ говорить ему тако : не безъизвѣстно уже тебѣ, почтенный *Мнистифилъ*, какое мое мнѣнїе есть о правленїяхъ народныхъ : но если и нынѣ хочешь слышать что либо отъ меня , то я скажу тебѣ , что градъ по моему мнѣнїю долженъ быть счастливъ, и сохранить свое народное правленїе, въ которомъ обидящїе со вредомъ или безъ вреда подвергаются суду. Второй *Вїасъ* сказалъ: тамъ народное правленїе и соспоянїе счастливо, гдѣ всѣ такъ боятся закона, какъ самовластнаго Государя. Третій *Фалесъ* : гдѣ граждане ни весьма бѣдны , ни весьма богаты. Четвертый *Анахарсисъ* : гдѣ все прочее равно для всѣхъ : но добродѣтель всему предпочитается, а порокъ паче всего уничижается. Пятый *Кліовулъ* : что народъ благоуспѣшенъ въ своемъ правительствѣ, гдѣ граждане больше боятся стыда, нежели закона. Шестый *Питтакъ* : гдѣ чиновначалїе препоручается добрымъ , а не злымъ. Седьмый *Хилонъ* : что счастливо общество , гдѣ больше слушающѣ законовъ , нежели законниковъ. *Періандръ* выслушавъ сїе,

сіе , и посмопря на всѣхъ сказалъ : то народное общество кажется ему бытъ блаженно , гдѣ правительство наиподобнѣйшее лучшему изъ градоначалій. По окончаніи сей бесѣды , я просилъ господъ Мудрецовъ , чѣмъ они дали свое мнѣніе , какъ надлежитъ управлять домою : ибо не много есть таковыхъ , которыми бы досталось правленіе царствъ и градовъ , а каждый изъ насъ имѣетъ свой домъ , и свое семейство. На сіе *Езопъ* разсмѣявшись , сказалъ мнѣ : несправедливо ты думаешь , ежели и *Анахарсиса* полагаешь въ число домоупроиспелей , который не только не имѣетъ дома , но еще и величается тѣмъ , что не имѣя дома обпекаетъ , какъ солнце , разныя страны. *Анахарсисъ* услыша сіе , въ отвѣтъ ему рекъ : по сему то или солнце есть одно только Божество вольное , или вольнѣйшее всѣхъ другихъ Божествъ , всѣми управляетъ , ни кому не подвластно , и держитъ Скипетръ правленія : конечно солнцева колесница красою и великолѣпіемъ удивительная , плѣняетъ тебя ? а инако бы ты не дѣлалъ сравненія для шутки съ тою колесницею и нашими. Но кажется мнѣ , продолжалъ онъ говоритъ *Езопу* , что ты домами называешь сіи глиняныя и скудельныя вмѣстилища , такъ подобно , какъ если бы косяную крышку , а не самое живошное одѣтое оною , называлъ ты черепахою. И такъ не напрасно

показался тебѣ смѣшнымъ Солонѣ, который посмотри великолѣпные чертоги Крезовы, не сказалъ тотчасъ, что господинъ оныхъ наслаждается счастливою и блаженною жизнію: ибо онъ бы хотѣлъ лучше видѣть добро и счастье сокровенное въ сердцѣ Крезовомъ, нежели во внѣшнихъ величїяхъ. Мнѣ кажется, что ты позабылъ свою лисицу, которая вступя въ споръ съ пигромъ о красотѣ и преизяществѣ своихъ уборовъ, сказала своему сопернику, чтобъ онъ смотрѣлъ больше на внутреннїя превосходства ея достоинства, а не на внѣшній видъ: ибо она шѣми несравненно превосходнѣе была пигра. Ты же смотри на сданїя каменносѣчцовъ и художниковъ, называешь пворенїя рукъ ихъ домами, а не то, что внутри дому естъ у всякаго: ш. е. супруга, дѣти, друзья, родственники и проч: въ нѣдрѣ которыхъ если кто благоуспройство ведетъ, то будетъ имѣть наилучшїй домъ и наивеликолѣпнѣйшїй, хотя бы онъ и внутри земныхъ вертеповъ или язвинъ звѣринныхъ жилъ. Я сіе сказалъ за Езопа и за себя, а теперь слѣдуетъ каждому изъ васъ произнести свое мнѣніе. Тогда Солонѣ началъ говорить слѣдующее:

По моему мнѣнію, тотъ домъ счастливъ, гдѣ имѣніе не собрано не праведно, ни въ сохраненїи онаго не нарушается добрая довѣренность, ни во употребленїи нѣтъ
никакого

никакого раскаянія. По томъ *Віасъ* : гдѣ господинъ дому, тоже по своей доброй волѣ дѣлаетъ у себя, что по закону въ гражданинствѣ. По семъ *Θалесъ* : гдѣ домоспрошитель довольно наслаждается спокойствіемъ. *Кловулъ* : гдѣ больше любятъ господина, нежели боятся. *Питтакъ* : гдѣ лишняго не пребудетъ, а въ нужномъ нѣтъ недоспашка. *Хилонъ* : хорошій домъ долженъ быть весьма похожъ на хорошій городъ, гдѣ добрый Государь владычествуетъ; по чему и *Ликургъ*, когда ему нѣкто предлагалъ, чтобы успановить въ *Спартѣ* общенародное правленіе, сказалъ: сдѣлай ты сіе прежде въ собственномъ своемъ домѣ. По окончаніи сея бесѣды *Евметида* и *Мелисса* вышли. *Періандръ* поднесъ *Хилону* великую чашу вина, а *Хилонъ* *Віасу*. *Ардалъ* смотря на сіе, и подошедъ къ *Езопу*, для чего ты, сказалъ ему, не хочешь передать мнѣ той чаши, такъ какъ и сіи господа между собою попчиваютъ другъ друга? Развѣ ты не видишь, отвѣчалъ ему *Езопъ*, что она чаша не для всѣхъ, но для одного *Солона* поставлена. Тогда *Мнисифилъ* обратясь къ *Питтаку*: для чего же, говоришь ему, *Солонъ* не пьетъ, и поступаетъ самъ противъ своихъ словъ, сказанныхъ имъ въ слѣдующемъ стихѣ:

*Венеры прелести и Вакховы богатства,
Вливаютъ мудрецамъ веселье и приятства.*

Анахарсисъ прервавъ рѣчь *Питтакову* , сказавъ ему: для того онъ не пьетъ вина , что боится строгаго закона твоего , которымъ ты установилъ , что кто въ пьянствѣ сдѣлаешь какое преступленіе. Но ты , отвѣчая ему *Питтакъ* , такъ поносно узаконеніе мое преступилъ , что и прошедшаго года и нынѣ будучи пьянъ , пребудешь бытъ увѣнчанъ и награжденъ. И для чего же не пребудешь онаго , продолжалъ *Анахарсисъ* ? Ибо если бы предложено было награжденіе тому , кто больше выпьетъ , я первый напился бы пьянъ , и пребудалъ бы за то награжденія. Или вы научите меня , на какой другой конецъ пьютъ много вина , ежели не для того , чтобъ бытъ пьянымъ ? *Питтакъ* выслушавъ сіе не могъ удержаться отъ смѣха , а *Езопъ* сказалъ слѣдующую прищчу: волкъ увидя , что пастухи бдятъ баранье мясо , подспуя ближе къ нимъ , сказалъ: о какой бы шумъ шумъ и смятеніе произошло , если бы я дѣлалъ сіе ! Доспойно *Езопъ* опмспилъ за себя , выговорилъ *Хилонъ* , которому мы прежде заградили уста , а теперь сами же мы не дали говорить *Мнисифилу* на вопросъ , для чего *Солонъ* не пьетъ вина. Тогда *Мнисифилъ* сказалъ слѣдующую причину: я знаю , что сіе есть правило *Солона* , что всякаго искусства или знанія какъ Божественнаго , такъ и человеческого , существенное дѣло есть то ,

то ,

то, что отъ нихъ производитъ, а не образъ, какимъ оно производится, и сила всякаго дѣла соспоитъ въ концѣ, а не въ томъ, что къ концу принадлежитъ. Такъ на примѣрѣ, у ткача существенное дѣло его холстъ, или сукно, а не расположеніе солнечныхъ лучей, и движеніе потребныхъ къ тому орудій; и кузнецъ оспрїе стѣкиры за дѣло свое почищаетъ, а не раскаленіе углей и другія нужныя для того приуготовленія; такъ же архитекторъ назоветъ насъ невѣжами, ежели мы почтемъ за работу его не корабли и чертоги, но песаніе досокъ, мѣшаніе извеси и проч. Равнымъ образомъ и Мусы прогнѣвавшя на насъ; если мы скажемъ, что ихъ дѣло есть гусли и свирѣли, а не очищеніе нравовъ, и умѣренность спрашей, которыхъ достигаютъ любящіе упражняющя въ пѣснословеніяхъ и стихословіи. По сему разсужденію и *Венеры* дѣло есть не плотское смѣшеніе, ниже *Вакха* пьянство: но приобрѣтеніе истинныя любви, взаимнаго согласія сердець, и дружбы, называемъ *Солонъ* дѣломъ Божественнымъ, дѣломъ Богини *Венеры* и Бога *Вакха*; и въ сихъ по чувствованіяхъ изливаемыхъ не иначе, какъ отъ небесъ, находить онъ въ старости своей сладчайшее удовольствіе и веселіе. *Венера* есть Богиня взаимной любви между супруговъ, связующая и сердца и пѣла во едино. Отъ *Вакха* же многіе, яко отъ нѣкоего

испочника почерпнувъ знакомство, смягчивъ сердца виномъ, и приведъ въ благораспоряденіе нравы, полагающъ начало приятельскаго обращенія и дружбы. И мнѣ кажется, что въ такомъ пиру для такихъ званныхъ, каковыхъ нынѣ имѣетъ васъ *Періандръ*, нѣтъ чашъ никакого дѣла: но самыя Мусы взаимною бесѣдою, яко чашею и блонудрїя распоряденнаго приятельствомъ, забавными словами, и важными при томъ разсужденіями, упоеваютъ сердца чувствованіями дружескими. Мнѣ извѣстно, что у древнихъ былъ обычай, другъ друга подчивать, и всякъ по порядку пилъ чашу извѣстной мѣры, какъ и у *Омира* видѣть можно, что *Аяксъ* подалъ чашу мяса тому, кто близъ его сидѣлъ. По окончаніи рѣчи *Мнисифилъ*, *Херсіасъ* спихотворецъ, котораго *Періандръ* просилъ уже тогда, и по прозвѣ *Хилона* паки въ милость принялъ, вставъ съ смѣсью сказалъ: не въ мѣру ли раздаетъ свой Нектаръ и самъ *Юпитеръ* званымъ на пиръ, такъ какъ *Агамемнонъ* своимъ *Ироямъ*? Ежели правда, выговорилъ шутъ *Клѣодимъ* врачъ, что голуби приносятъ *Юпитеру* Нектаръ, пролѣтая трудныя и каменистыя мѣста, то не думаешь ли ты, что Боги для того въ мѣру и раздаютъ се пишье, поелику оно съ такимъ трудомъ снискивается? Можешь бышь и такъ, отвѣчалъ *Херсіасъ*: но мнѣ бы весьма хотѣлось, что бы бесѣда о домоупроительствѣ возобновилась, и пообстоя-

тельнѣе

пелънѣ бы о томъ кто либо изъ васъ поговорилъ: ибо мнѣ кажется, что въ прежнемъ разговорѣ нашемъ не упомянуто было, какую бы мѣру положишь въ домоспрошельствѣ. На сіе *Кліовулъ* отвѣсвовалъ: что законъ умнымъ назначилъ мѣру: а для несмысленныхъ скажу я одну прищчу, которую мать моя брату моему нѣкогда пересказывала.

Луна просила матери своей, чтобъ она сшила ей приличное одѣянїе: но мать сказала ей въ отвѣтъ слѣдующее: какъ могу я сдѣлать тебѣ плашье, когда ты пере-мѣняешь спанъ швой, и иногда кажешся круглою, иногда въ полукружїи видѣ швой, иногда же съ оспрыми рогами? Равнымъ образомъ, другъ мой *Херсіасъ*! безумный и нечесливый никакой мѣры въ богатствахъ не знаетъ: ибо нужды его по прихотямъ и случайнымъ переворотамъ премѣняются, подобно тому псу *Езопову*, который зимою сгибается въ кружокъ отъ морозу, и ищетъ вездѣ найши себѣ убѣжище и домъ, а лѣтомъ пропянувшись на зеленой травкѣ, думаетъ о себѣ, что онъ великой господинъ, и не почиаетъ за нужное промыслишь себѣ домъ и жилище. Не видишь ли ты *Херсіасъ*, что многіе находяся въ убогомъ состоянїи, пѣснятся въ семъ образѣ жизни, и стараются скромно и умѣренно веспи себя; а не много времени спустя, получа нѣкїй доспашокъ, бояшся, чтобъ
св

сѣ голоду не умереть, если они не будутъ
имѣть всѣхъ царскихъ сокровищъ? *Клѣодимъ*
выслушавъ рѣчь *Клѣовула*, сказалъ: но мы ви-
димъ, что и вы господа Мудрецы не всѣ въ
равную мѣру пользуетесь добрами. На сіе
Клѣовулъ ему такъ отвѣщивалъ: другъ
мой! законъ, какъ поршней, всякому прилич-
ную и соразмѣрную часть даетъ: ибо и ты
какъ законъ не всѣмъ равную мѣру лѣкарствъ
предписываешь, не всѣмъ одинъ родъ жизни
и пищи имѣть повелѣваешь, но всякому
сходственно съ его состояніемъ. Такъ по
сему видно, сказалъ *Ардалъ*, что и при-
ятелю нашему, *Солонову* госпою *Епимениду*,
нѣкошорой законъ великъ воздерживалъ
отъ пищи, и пишалъ только малою
частью зелія уполяющаго голодъ, не вку-
шая никогда никакихъ брашенъ. Сіи слова
всѣ присѣдѣющіе со вниманіемъ и молчаніемъ
слушали: но *Фалесъ* разсмѣявшись сказалъ:
хорошо дѣлаешь *Епименидъ*, что онъ симъ об-
разомъ пропитанія избѣгаетъ труда, чтобы
молошь въ жорнахъ и варить пищу для
себя, такъ, какъ *Питтакъ* принужденъ рабо-
тать: ибо когда я былъ въ городѣ *Лесвѣ*,
то случилось мнѣ слышать пѣсню, кошо-
рую хозяйка сидя за жорнами пѣла: „мели,
„мели жорна: когда и *Питтакъ* Царь *Митти-*
„*линскій* самъ мелеть. „ Я удивляюсь, ска-
залъ *Солонъ* *Ардалу*, что ты не читалъ
у *Исіода* правила, написаннаго стихами о
образѣ пищи *Епименида*: ибо онъ первой

Епиме-

Епимениду сѣмена сея пищи далъ. И пы думашь, сказалъ *Періандръ*, что *Исіодъ* въ мысли имѣлъ какое либо зеліе, а не паче шо, чшобъ приучить насъ къ самой простой пицѣ, въ кошорой наилучшій вкусъ положенъ природою? Правда, что полезно бсшь бобы и сочевицу: но шѣ коренья и приправы, кошорыя почищаются уполяющими голодъ, больше лѣкарствомъ должны назваться, нежели пищею, поелику соспавляющся сѣ медомъ и сыромъ; и если такія приправы гошовишь для пищи, шо справедливо будешъ оное *Исіодово* слово:

И ратая труды пропали и воловъ.

Но я удивляюсь швоему госпю, любезный мой *Солонъ*, что онъ въ бышность свою у *Делійскихъ* жителей не примѣшилъ, что во храмы свои приносятъ они достопамятности и примѣры первыя пищи ихъ, шо естъ самородныя произрастѣнія, кошорыхъ пользу и доброшу безъ сомнѣнія и *Исіодъ* похваляетъ. Кромѣ сего, сказалъ *Анахарсисъ*, оныя произрастѣнія весьма споспѣшествующъ къ сохраненію здравія въ цѣлоспи. Можно видѣшь, выговорилъ шупъ *Кліодимъ*, что *Исіодъ* былъ искусный врачъ, что онъ шакъ умно. о способѣ пищи, о умѣренности вина, о пользѣ чистой воды, о баняхъ для женскаго пола, и о дѣпорожденіи написалъ. Но мнѣ кажется, что *Езопъ* справедливѣе ученикомъ *Исіода* можешъ назваться, нежели

нежели *Епименидъ* : ибо потъ отъ бесѣды и ястреба съ соловьемъ взялъ начало своей мудрости, полъ изящной и полъ многоязычной. Я бы желалъ услышать отъ самаго *Солона*, по какой причинѣ, и по какому уславу *Епименидъ* употреблялъ сей образъ пищи: ибо я думаю, что онъ въ бытность свою въ *Афинахъ* частое и пѣсное велъ съ *Епименидомъ* обращеніе. Я не имѣлъ нужды, опвѣчалъ *Солонъ*, спрашивать у его причины тому образу его жизни, когда сіе весьма ясно видно, что ближайшее изъ тѣлесныхъ къ лучшему и верховному добру есть наименьшее употребленіе пищи: ибо по мнѣнію *Мудрецовъ*, верховное добро есть въ томъ, чтобъ не употреблять совсѣмъ никакой пищи. Ежели дозволено говорить то, что я думаю, сказалъ *Клѣодимъ*, то мнѣ сіе предложеніе не кажется бытъ основательно. Какъ можно уничтожить употребленіе стола и пищи, вещь посвященную *Богамъ* дружбы и спраннолюбія? ибо, какъ *Оалесъ* говоритъ, если огонь изъ свѣта вынесшь, то смѣсь послѣдуешь во всей громадѣ вещей: такъ равнымъ образомъ, если столъ и пищи оставишь, то всѣ семейства уничтожатся, испразднится *Вестальскій* священный огонь, не надобны будутъ чаши *Боговъ*, сонмища и гостинницы, первые между чловѣковъ чловѣколюбнѣйшіе союзы, и весь образъ житія чловѣческаго разспроится : ибо люди послѣ

пру-

трудоу имѣютъ нужду въ отдохновеніи и забавахъ : между прочими же лучшая для нихъ забава приуготовленіе спола , и наслажденіе онаго. Сіе зло коснется и самаго земледѣлія, безъ упражненія котораго земля оспанется не очищена и не успроена , безплодна и пуста, а съ земледѣліемъ вмѣстѣ пропадутъ художества и ремесла , которыя оное питаютъ и содержатъ; и жертвоприношенія Богамъ истребятся; Солнцу честь будетъ воздаваема малая, а Лунѣ и того меньше: ибо люди отъ тѣхъ свѣтилъ ничего больше не будутъ получать, кромѣ свѣта и теплоты. Какая жертва принесется *Юпитеру* росодапелю, *Церерѣ* плодохранипельницѣ, и *Нептуну* полей питапелю? Кому будетъ изливаться свои дары *Вакхъ* , Богъ веселія, ежели мы не спанемъ и скапъ оныхъ? Чшо принесемъ на жертву, чшо посвящимъ олпарю, какое первое всесоуженіе возложимъ на жертвенникахъ? Все сіе связано съ паденіемъ священнѣйшихъ вещей. Правда , чшо скопское дѣло еспь всѣхъ и во всемъ и скапъ сладоспастій; но и убѣгаютъ всѣхъ удовольспвій , и во вся опвращались отъ наслажденія оными, дѣло еспь несмысленнаго. Духъ чловѣческой имѣетъ свои собспвенныя и превосходныя добра и утѣшенія: но изъ тѣлесныхъ удовольспвій по испиннѣ сказатъ, нѣтъ простѣе и непорочнѣе , какъ наслажденіе пищей , чшо всякому самымъ опыпомъ извѣспно.

Когда

Когда *Клїодимъ* окончалъ рѣчь свою, то я
 заснувъ мѣсто его, сказалъ ему: для чего же
 ты умолчалъ о томъ, что съ пищею вмѣстѣ
 и сонъ возбуждается? А ежели сонъ оста-
 вить, то и сновидѣній никакихъ не будетъ,
 а чрезъ сіе древнѣйшій оный образъ гаданія и
 предсказыванія уничтожится. При томъ и
 самая жизнь наша будетъ безпорядочна, и
 шло духу нашему нѣкоторымъ образомъ бу-
 детъ бесполезно: ибо многія и нужнѣйшія ча-
 сти онаго суть орудія питанія, какъ на при-
 мѣръ языкъ, зубы, желудокъ, печень, и въ ко-
 ихъ всякой членъ сотворенъ на службу дру-
 гаго. И такъ кто пищи не принимаетъ, тотъ
 и не имѣетъ надобности въ своемъ шлѣ ;
 а сіе не иное что есть, какъ не имѣетъ ни-
 какой надобности въ себѣ самомъ : никто
 же изъ насъ не можетъ быть безъ себя са-
 маго. Я сіе сказалъ, какъ будто хождай-
 швуя за чрево и башна; если же *Солонъ*,
 или кто другой имѣетъ что либо сказать
 мнѣ въ возраженіе, то я готовъ слушать.
 Я и весьма охотно скажу, оповѣщивовалъ
Солонъ. Ежели только не хотимъ мы имѣть
 меньше здраваго разсужденія, нежели *Егип-
 тяне*, которые разрѣзавъ чрево мертваго
 показываютъ оное солнцу, по томъ брося
 внутренности въ рѣку, намазываютъ прутья
 разными благовонными маслами, и хра-
 нятъ оный. По истинѣ сказать, внутрен-
 ности чрева нашего суть нечистота и
 мерзость, подобно какъ преисподній адъ
 наполненъ

наполненъ пагубными водами, дужами бурными съ огнемъ и жупеломъ смѣшенными, и плавающими въ нихъ пожертвыми смертію трупамн. Ничто живущее не питается живущимъ : но мы убивая живущихъ и одушевленныхъ , несправедливо поступаемъ. Воздержашься отъ яденія мясб , какъ пишущь и о древнемъ Орфеѣ, что онъ такимъ образомъ поступалъ , больше походивъ на оспроумный вымыслъ , нежели на запрещеніе сладостей въ мясояденіи ощущаемыхъ : ибо бытъ въ семъ разумъ непорочнымъ , и представивъ себя чистымъ предъ Богомъ есть то , ежели кто довольствуясь самъ собою , и не ища въ себя ничего , жизнь ведетъ мудраго : кого же судьба такъ сотворила , что онъ не можетъ сохранить своего здравія безъ погубленія другихъ животныхъ , тому она показала природу , яко начало несправедливости. И такъ , любезный мой *Діоклисъ* , недостойнѣйшее ли Божескаго служенія дѣло было бы , что бы чрево , желудокъ и печень вмѣстѣ съ неправдою вырѣзашь ? Онныя пѣла части никакого добраго желанія и чувствія не производятъ , и подобны орудіямъ поваровъ , копорыми они готовящъ пищу. Во многихъ можно примѣтитъ , что душа въ пѣлѣ ихъ , какъ на поварню посажена ; и только для пѣлесныхъ нуждъ печется и сушится. Такъ же какъ и мы , не много прежде сего , ничего ни слышали , ни видѣли ; но каждый изъ насъ

былъ занятъ нуждою питанія : нынѣ же по
 опнытїи споловѣ и брашенѣ , мы бесѣду-
 емъ прїятно , взаимными пользуемся раз-
 сужденїями и спокойствїемъ сердечнымъ , бу-
 дучи освобождены отъ нужды голода . Если
 бы могли мы въ семѣ соспоянїи прожити
 во весь нашъ вѣкъ , то не всегдашнимъ ли
 наслаждались бы мы покоемъ , не боясь ни-
 щеты , и не зная вкусу богатствъ ? Ибо гдѣ
 кончїтся желанїе нужнаго , тамъ не посред-
 ственно послѣдуетъ вожделѣнїе излишняго .
 Что же касается до мыслей *Клїодима* , ко-
 торый думаетъ , что необходимо должны
 быти богатые сполы съ пищаами , и вино-
 черпныя чаши , и что бы можно *Церерѣ* и
Прозерпинѣ жершву приносить , то сіе , мнѣ
 кажется , похоже на то , какъ если бы кто
 сказалъ , что война и бышвы необходимо
 нужны быти для того , чтобъ была у насъ
 морская сила , крѣпости вооруженныя , и
 оспрые мечи , и что бы мы умершвивши
 нѣсколькы тысячъ непрїятелей , принесли
 на жершву сто воловѣ , какъ у *Мессинцовѣ*
 законъ повелѣваетъ ; или если бы сказалъ
 кто , что здравїе бесполезно : ибо ежели
 всѣ будущїи люди здоровые , то къ какому
 упошребленїю послужатъ мягкія пошпели ?
 на что будущїи кровопускашельныя орудїя ?
 какую жершву *Ескулапїю* приносить спа-
 нуть ? и вся врачешная наука съ врачешства-
 ми и орудїями своими брошена будетъ и
 презрѣна ибо нѣтъ никакого различїя
 между

между симъ и онымъ. Пища принимается какъ лѣкарство для голода; и тѣ сами себя врачуютъ, которые умеренную употребляютъ пищу, не ища роскоши и сладострастїя, но стараясь удовольствовать естественную нужду. При томъ отъ пищи больше болѣзней, нежели удовольствїя вычислить можно: для произведенїя удовольствїя въ тѣлѣ нашемъ и мѣста мало и времени: и сколько раждаетъ поспешей одно неудобство и трудность въ приуготовленїи пищи, и коликими нечистотами и на конецъ болѣзнями обременяется тѣло наше отъ яденїя оныхъ! Я думаю, что Омиръ на сіе взиралъ, когда безсмертїе Боговъ тѣмъ доказывалъ, что они не употребляютъ никакой пищи.

*Ни пьютъ, ниже ядятъ тѣ существа духовны:
И по сему, они безсмертны и безкровны.*

Симъ хотя показать, что пища не только служитъ запасомъ жизни, но и смерти: ибо отсюда болѣзни въ тѣлахъ зараждаются, которыми больше и чаще вредитъ обьяденїе, нежели постъ и неяденїе; и часто большаго труда стоить сварить снѣденную пищу, и обратитъ въ нужные соки тѣлесныя, нежели достать оную. Но что же бы мы дѣлали, спросимъ сами себя, если бы переспали и скапы на земли и на морѣ всего того, что только къ насыщенїю нашему служитъ, и не имѣя

понятія о другихъ превосходныхъ дѣлахъ ,
 кромѣ сладоспратной жизни рабспвующей
 нуждамъ шѣлеснымъ ? Какъ рабы, получив-
 шіе свободу , для себя и для другихъ по
 дѣлають , что прежде будучи въ рабспвѣ
 дѣлали для господѣ своихъ : такъ и душа
 наша многими нынѣ обременена попеченія-
 ми и шрудами въ пропитаніи шѣла ; но
 когда избавишся опѣ сего служенія , тогда
 пользуясь свободою , сама себя будешъ пи-
 шашъ , и живя внутри себя самой будешъ
 созерцашъ безпрепятстввенно самую испин-
 ну. Такова , любезный мой *Никархъ* , проис-
 ходила бесѣда о пищѣ. И еще *Солонъ* не
 окончаль рѣчи своей , какъ вдругъ явился
Горгіасъ браншъ *Періандровъ* , приѣхавшій изъ
Тенара , куда онѣ посланъ былъ , что бы
 по увѣщанію *Оракула* принесшъ жершвен-
 ное всесожженіе со всѣмъ обрядомъ церков-
 нымъ. Мы всѣ поздравили его съ приѣздомъ ,
 а *Періандръ* облобызавъ его , посадилъ близь
 себя. *Горгіасъ* говорилъ нѣчто ему шай-
 но , и можно было примѣшшъ , что раз-
 говоръ шопѣ шрогалъ его чувспвишельно :
 ибо онѣ изъвляль шо видѣ сожалѣнія , шо
 неудовольспвія , шо недовѣрчивоспи , шо
 удивленія. По шомъ разсмѣявшисъ , такъ ска-
 залъ намъ : мнѣ весьма хочешъ расказащъ
 вамъ , что я шеперь слышалъ опѣ брата ,
 но не смѣю , помня сказанное нѣкогда *Та-
 лесомъ* : надобно шо говоришъ , что вѣрояш-
 но , а о шомъ молчащъ , что не правдопо-
 добно.

добно. Но *Θαλες*, выговорилъ шупъ *Βίας*, и сіе премудро сказалъ: неприятелямъ не должно вбришь, хопя бы они и вброяпія доспойное чпо либо говорили: а приятелиамъ надлежишь вбришь и вб шомъ, чпо превосходишь правдоподобіе. И я думаю, приятелиами разумбешъ онъ умныхъ и честныхъ людей, а неприятелями безумныхъ и нечестныхъ. Между шбмъ, любезный брашъ, сказалъ *Періандръ Горгіасу*, расскажи всбмъ шу новостъ, о копорой шы мнб говорилъ теперь. *Горгіасъ* началъ повбспвовапъ слбдующимъ образомъ: Принесши мы придневное всесожженіе жертвенное, вб послбдній день вб шоржествб всю ночь на берегу вб пбніяхъ и спихословіяхъ провождали. Луна освбщала тогда сіяніемъ своимъ море: не было ни малбйшаго вбпра, пишина и безмолвіе царшвовали во странб шой. Вдругъ примбшили мы нбкій страшный приракъ моря кб споронб мыса, копорый возмуще-ніемъ волнъ ужасный шумъ сб ярою пбною производилъ. Всб находившіеся шамо бивб поражены зрблишемъ, поббжали ближе кб шому мбсту, гдб оное казалось. И прежде нежели могли мы увидбшь, кпо носимб былъ волнами, примбшили множество Дельфиновб, избъ коихъ нбкіе плавая шолпою, соспавляли кругъ, иные кб берегу, сколько можно было, ближе подходили, другіе же слбдовали на зади и замыкали спрой собою; верьху ихъ на лицб морскомъ было видно

нѣчто похожее на человѣческое тѣло, котораго однако мы не могли распознать, и разсмотрѣть, пока Дельфины приспавъ къ берегу всюю кучею, выбросили шамо чело-вѣка живаго и движущагося; а по томъ воз-вращаясь обратно къ тому мысу, гдѣ каза-лись прежде, еще больши шумъ играніемъ своимъ сдѣлали, какъ будто бы находились они въ восторгъ своего удовольствія. Мно-гіе изъ соповарищей нашихъ обѣяты стра-хомъ, убѣжали отсюда: но я и еще нѣкіе не многіе отважились подойти и посмо-трѣть онаго чуда. Присупя къ самому мѣсту выброшеннаго, нашли мы и узнали, что то былъ *Арїонъ* музыкантъ, который самъ свое имя намъ сказывалъ, и мы узнали его по плащю: ибо онъ имѣлъ тогда на себѣ одѣяніе, которое въ собраніяхъ *Музи-кѣйскихъ* обыкновенно носятъ соперники *Му-зикѣи*. Мы отнесли его въ шатеръ, и онъ никакой не чувствовалъ болѣзни, кромѣ того, что отъ чрезвычайной скорости пла-ванія слабъ сдѣлался. Онъ рассказалъ намъ странное приключеніе и другимъ кромѣ насъ почти невѣроятное, которые видѣли конецъ онаго. Положа намѣреніе, говорилъ онъ, оставивъ *Италію*, получилъ я письмо отъ *Періандра*, чтобъ перемѣнить то пуше-шество и ѣхать въ *Коринтъ*, куда я на ку-печескомъ кораблѣ и отправился. Въ про-долженіи пути при тихомъ времени и хо-рошей погодѣ, примѣтивъ я, что корабель-щики

щики умыселъ прошивъ меня имбюшъ, что бы меня убишь, о чемъ я узналъ обстоятельнѣе отъ самого кормчаго, что они неопложно согласились умершвить меня въ слѣдующую ночь. Въ сихъ обстоятельстввахъ я не могъ имѣть никакой помощи ни отъ кого, и колебался жестокими смущеніями внутренно. Божественное нѣкое вдохновеніе побудило меня, надѣвъ по мое плашье, которое обыкновенно носятъ въ сонмищахъ *Мусикійскіе* соперники, и при концѣ жизни моей воспѣвъ наиприяшнѣйше въ подражаніе лебѣдей. Такимъ образомъ одѣвшись, сказалъ я корабельщикамъ, что пришло мнѣ на мысль, что бы о спасеніи корабля и сушихъ въ немъ пропѣть *Пиѳическое* стихословіе; и ставъ на краю корабля, призвалъ я морскихъ Боговъ, взялъ цитру, и началъ пѣть и играть *Пиѳическую* пѣснь. Еще и половины пѣсни не пропѣлъ я, какъ солнце уже зашло, и виденъ спалъ *Пелопонисъ*. Корабельщики пользуясь наступленіемъ ночи, начали дѣлать приуготовленія ко убивству моему, обнажая мечи и изощряя оныя въ глазахъ моихъ, чего убѣгая, бросился я въ море сколько можно было подалѣе отъ корабля. Но прежде нежели погрузился въ воду, Дельфины вдругъ приплывъ, на себя меня подхватили. Страхъ, смущеніе и недоумѣніе обьяли меня тогда. Примѣшилъ я, что они толпою собирались ко мнѣ, какъ будто бы другимъ въ помощь, и несли меня спо-

койно; а при томъ увидѣлъ, что по скороспип плаванія ихъ корабль мой уже оспался да- лече назади; тогда ни страхъ смершнй, ни любовь жизни не занимали сполько меня, сколько мнѣ хошѣлось, что бы отъ погибели спасшисъ, прочее время провеспи во благоугожденіи Богомъ, и въ совершен- номъ признаніи ихъ. Когда возврѣлъ я на свѣспозарное Небо, сверкающими испещрен- ное звездами, на блестящую въ полномъ видѣ своемъ возшедшую Луну, на шину морскую и благоуспѣшнй пупъ въ плава- ній, духъ мой разлился въ размышленія, и я предспавлялъ себѣ, что око Божіе не на единую шолько взираетъ правду, но оно проникаетъ во всѣ мїры, во всѣ швари, и во всѣ дѣла на земли и на морѣ. Сїи мысли ободрили во мнѣ разслабленнй шѣлеснй силы. Между шѣмъ Дельфины приплыли къ мысу, котораго берегъ былъ крупной и при- спашъ имъ удобно было; тогда успремясь они къ берегу, какъ бы нѣкій корабль на бе- регъ меня вынесли, и я въ сердцѣ моемъ ис- повѣдалъ, что промыслъ Божій послалъ мнѣ сіе средство спасенія. По окончаніи рѣчи *Арїона*, спросилъ я его, сказалъ *Горгїасъ*, гдѣ бы приспалъ шопъ корабль, на кото- ромъ онъ опсправился изъ Италїи? Конечно въ *Коринѣ* долженъ онъ прибышъ, опвѣчалъ *Арїонъ*, но не такъ скоро: ибо когда я бросил- ся въ море при началѣ ночи, шихая насшала погода, и не способно было скоро плышъ кораблю.

кораблю. *Горгіасъ* продолжалъ при томъ, что онъ узнавъ имя корабля и кормчаго, и свѣдавъ онаго знаки, послалъ ладійцы и мореплавателей во всѣ приспани, и самъ отправился съ ними, не объявляя, что онъ везетъ съ собою *Аріона*, дабы виноватыя узнавъ не убѣжали. Случай соопвѣпспвовалъ Божію провидѣнію: ибо онъ прибылъ сюда, и я извѣспился, что посланные нашли оный корабль и корабельщиковъ взяли. *Періандръ* выслушавъ сіе, повелѣлъ брату своему немедленно ипши и приказашъ, чтобъ тѣ взятыя посажены были въ шемницу, и имъ никто бы не объявлялъ, что *Аріонъ* живъ. Тогда *Езопъ*, не удивляйшесь, сказалъ, что мои вороны и сороки бесѣдуютъ съ разумомъ, когда видише, что и Дельфины еспъ такого рода. Сія повѣспь, опвѣчалъ я *Езопу*, больше тысячи лѣтъ уже извѣспна опъ *Инусовыхъ* и *Аѳаманѳовыхъ* временъ... и сіе, выговорилъ *Солонъ* къ *Діоклису*, принадлежитъ больше Богамъ, и превосходитъ силы наши: что же со *Исіодомъ* случилось, еспъ дѣло челокобческое и до насъ касается. Я думаю, что ты слыхалъ то повѣспвоваііе, и оно достойно вниманія.

Нѣкто *Милискій* жипель, копорому *Исіодъ* былъ пріяпель, и часто съ нимъ обращался, будучи въ городѣ *Локрахъ*, прельспился дочерью своего хозяина, и подговоря тайно обезчестилъ ея дѣвспво. Узнавъ домашніе о семъ поносномъ поступкѣ, дума-

ли, что и *Исїодъ* то вѣдаешъ, и стараешся скрывать, сколько можно: ибо онъ никогда не внималъ клеветѣ, и не осуждалъ людей по однимъ наговоркамъ. Братья оной дѣвицы злобствуя на него за сѣ, согласились его умертвить, и засѣвши въ *Локринской* рощѣ убили и его и поварища его *Троила*, по томъ трупы убитыхъ бросили въ море, изъ которыхъ *Троиловъ* трупъ выплылъ въ рѣку *Дафну*, и близъ камня нѣкоего въ недалекомъ распоянїи находящагося отъ моря остановился, который камень называется *Троиловъ*; *Исїодовъ* же трупъ какъ только брошенъ былъ въ воду, то *Дельфиновъ* полпа подхватя его, понесла къ мѣстамъ называемымъ *Рїа* и *Моликрїа*, гдѣ *Локрійскїе* жители праздновали тогда торжественное жертвоприношенїе, которые увидя, что трупъ человѣческой несется къ берегу, побѣжали къ оному съ восхищенїемъ, и усмотря, что то было тѣло *Исїода* недавно убитаго, поражены были страхомъ и сожалѣнїемъ. Слава сего великаго мужа подвигнула ихъ къ отмщенїю злодѣямъ, и они положили непременно сыскать убійцевъ, которыхъ въ скорости нашедъ, бросили живыхъ въ море, и дома ихъ разорили до основанїя, самого же *Исїода* погребли въ *Немѣйской* рощѣ: но гробъ его ни кому изъ чужестранцовъ не былъ извѣстенъ: сокрыто же было сѣ ради *Орхоменїйскихъ* жителей, которые всегда искали и старались, по совѣту

совѣпу Оракула, тѣло Исїодово перенести въ свое опечеснво, и тамо погребсти оное. И такъ, ежели Дельфины къ мертвымъ имѣють такую любовь и привязанность, то върояннѣе, что они еще больше живыхъ любятъ, особливо же, если пѣнїемъ или игранїемъ приласканы бывають: ибо извѣстно, что сіи живописные весьма любятъ музыку, и слѣдуютъ за нею, если когда пловуцїе при пишинѣ морской играютъ и поютъ; любятъ такъ же дѣшей, и играютъ съ ними въ плаванїи; никто ихъ никогда не вредитъ и не ловитъ, развѣ сами случайно попадутся въ сѣти рыбарей, или порятъ оныя, тогда наказываютъ ихъ, какъ дѣшей, розгами. Я помню, что въ *Лесвахъ* слыхалъ я, что одна дѣвица ушопая въ море спасена была Дельфиномъ. Сїе, сказалъ *Питтакъ*, и многїе помнятъ, и довольно извѣстно всѣмъ.

При созиданїи города *Лесва* Оракулъ повелѣлъ, чшобъ строили онаго, когда отправляясь въ путь моремъ, приплыли къ нѣкошорой приспани называемой *Мозогейя*, то есть Средиземная, и принесли бы тамо въ жертву *Нептуну* шельца, для *Амфитриты* же и *Нереядъ* живую дѣвицу бросили бы въ море. Вѣхъ градостроителей было семь, а восьмой *Есхелай* опѣ Оракула назначенъ былъ вождемъ имѣющихъ селиться тамо пришельцовъ. Онъ же былъ безбрачный. Помянутые семь начальниковъ
мешну-

мешнули жребій, чью изъ дочерей ихъ слѣ-
 дуешь опдашь на жертву Оракула; и палъ
 жребій на сестру Сминфія, которую одѣв-
 ши велѣбно, повели торжественно къ
 морю, гдѣ соверша моленія свои, хотѣли
 уже бросить въ воду. Но одинъ изъ нахо-
 дящихся съ ними на кораблѣ юноша, име-
 немъ Еналъ, любя нѣжно оную дѣвицу, и
 желая спасти ее отъ смерти ей предле-
 жащей, въ самое то мгновеніе, когда хотѣ-
 ли ее бросить, побѣжавъ къ ней спречи-
 тельно и поцѣловавъ ее бросился съ нею и
 самъ въ море. Скоро по томъ слухъ пронес-
 ся, что они пребыли невредимы; и хотя
 слухъ рѣдко вѣроящія достойнъ, однако
 многіе утверждали то за истинну, что
 оный Еналъ былъ въ Лесвѣ, и самъ рассказы-
 валъ, какъ онъ Дельфинами спасенъ, и изъ
 воды на сушу ими вынесенъ безъ всякаго
 вреда. Я бы и много еще удивительнаго
 и достойнаго Божіихъ дѣлъ могъ сказа-
 ть, но прудно всѣхъ увѣришь о всемъ. Ибо
 когда жестокія волны около острова под-
 нимались, и никто не смѣлъ приступить
 къ морю, то сказуютъ, что одинъ Еналъ
 подошелъ туда, и увидѣлъ многочисленную
 толпу Полиповъ, которыя слѣдовали за
 нимъ до самаго храма Нептунова, гдѣ онъ
 посвятилъ ему принесенный съ собою ка-
 мень, который и по нынѣ называють кам-
 немъ Еналовымъ. Вообще сказать: кто мо-
 жетъ различить между невозможнымъ и не-

необыкновеннымъ, и знаетъ, что отъ самой
испинны, и что отъ понятія человѣческа-
го удалено, то отъ умѣришь свою довѣрен-
ность ко всему, слѣдуя *Θалесову* правилу:
не буди ни въ чемъ излишенъ. По оконча-
нїи сей рѣчи *Анахарсисъ* сказалъ: ежели
справедливо мнѣніе *Θалесово*, что въ луч-
шихъ и важнѣйшихъ частяхъ міра сего на-
ходится душа, то и не удивительно, что
все лучшее творится Божїимъ мановені-
емъ. Ибо тѣло есть орудіе души, а душа
есть орудіе Бога; и какъ тѣло многія
имѣетъ движенія отъ себя самаго, наи-
большія же и наилучшія дѣйствія заим-
ствуетъ отъ души: тако и душа нѣкія
дѣла творитъ собственнымъ своимъ дви-
женіемъ, въ другихъ же передаетъ себя рас-
положенію Божїю и управленію Его воли,
будучи наилучшее изъ орудій Его: ибо не-
справедливо было бы употреблено, если бы
Богъ употреблялъ на службу свою огонь,
воздухъ, воду, облака и дождь, копорыми
Онъ, яко орудіями своими безчисленные ве-
щи питаетъ и хранитъ, многія же раз-
рушаетъ и испребляетъ, а живопныхъ ни
на какое бы не употреблялъ служеніе.
Сходственнѣе съ разумомъ есть мыслишь,
что живопныя силою Божїею водимы, ей
служатъ, ея мановенію повинуются, такъ
какъ лукъ и стрѣла послушаютъ *Ски-
вова*, а цитра и гусли Грековъ. Выслушавъ
сіе пѣснопворецъ *Херсіасъ*, рассказалъ еще
нѣкія

нѣкія достопамятности спасенныхъ удивительными образами, и между прочими о *Кипсилѣ*, опцѣ *Періандровомѣ*, котораго когда въ младенчествѣ посланные на убіеніе его хотѣли умертвить, и много искавъ, не могли найти, ибо мать его скрyla въ *Кипсилѣ*, такъ называемое мѣсто, шо онъ будучи тамо сокрытъ, Божіимъ мановеніемъ удержанъ отъ дѣйскаго плача, и такимъ случаемъ отъ оныхъ посланныхъ избавленъ смертоубійства: по чему въ *Дельфахъ* и храмъ сооружилъ онъ Богу Спасителю, который и нарекъ *Кипсильнымъ* храмомъ. Я благодарю *Херсіасу*, сказалъ *Питтакъ*, что онъ напamятовалъ о семъ храмѣ: я многократно хотѣлъ спросить тебя, любезный *Періандръ*, на что тамо сполько жабъ вырѣзано въ концѣ шипа: и какая мысль связуетъ въ семъ образѣ Бога и человека. *Періандръ* отвѣчалъ ему, что надлежитъ спросить о семъ *Херсіаса*: ибо сіе ему должно бытъ свѣдомо, поелику онъ былъ при посвященіи храма *Кипсильнаго*. На что *Херсіасъ* разсмѣявшись сказалъ: я не прежде вамъ располкую, что заключаешъ въ себѣ шо изображеніе, какъ узнаю отъ сихъ господъ, что значитъ: не буди ни въ чемъ излишенъ: познай себя самага: поручися, шупъ и бѣда. Сіе послѣднее многихъ отъ бракосочетаній, иныхъ отъ содружествъ, а нѣкоторыхъ и совсѣмъ отъ людскаго общежитія удержало. На что же

ты, сказалъ Пиптакъ, пребуеши отъ насъ, чшобъ мы истолковали тебѣ оныя сказанія, когда ты доволенъ словомъ Езоповымъ, сочиненнымъ отъ него о всѣхъ оныхъ? Тогда Езопъ обратясь къ нему: *Херсіасъ!* сказалъ, всякой разъ, когда шупитъ со мною, и шупитъ всегда съ разсужденіемъ, утверждаеши, что Омиръ творецъ былъ оныхъ сказаній: ибо онъ говоритъ, что Гекторъ зналъ самъ себя, когда наступая на другихъ поразительно,

Обидѣть не хотѣлъ смущеннаго Аякса.

И Улиссъ, любитель сего правила: небуди ни въ чемъ излишенъ: говоритъ *Діомиду* тако:

О чадо Тидида! словамъ моимъ внимли!

Чрезмѣрно не ручай, чрезмѣрно не хвали.

Нѣкоторые думающъ, что онъ ручательство почишалъ опаснымъ дѣломъ говоря: ручаюсь за худыхъ, естъ то же, что бышь худымъ. *Херсіасъ* же намъ говоритъ, что *Атисъ* за то была низвержена отъ *Юпитера* съ небесъ, что она была при ручательствѣ о рожденіи *Геркулеса*, которымъ *Юпитеръ* былъ обманути. Послѣ сего *Солонъ* сказалъ: такъ послушаемъ же премудраго *Омира* словъ:

Ужъ солнце скрылось за моря,
И наступаетъ темна ночь.

„Друзья! покоитесь пера:

„Уйдемъ же мы отсюда прочь!

Принесемъ убо жертву Мусамъ, Нептуну и Амфитритѣ, и пѣмъ, если вамъ угодно, окончимъ нашу бесѣду. Такой былъ конецъ сего пира.

III.

Н О В Ы Я

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ

къ

СИСТИМЪ ПОГОДЪ,

учиненныя

ЕБЕРГАРДОМЪ ІОАННОМЪ ШРЕТЕРОМЪ

1777 года

въ Санктпетербургѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Искусные древнихъ временъ испытатели Естества выдумали барометры для измѣренія воздуха, что бы чрезъ оныя узнавать тяжесть и легкость онаго. О бывающихъ при томъ явленіяхъ думали они, что уже довольное учинили объясненіе, когда они сіи явленія производящѣ ошѣ систимы *давленія воздуха*. Причину сего давленія искали они въ перемѣнѣхъ погодъ. Они замѣчали возвышеніе и опущеніе ртутти на размѣрѣ барометра. Чрезъ частые опыты они въ семъ мнѣніи утвердились; а на конецъ и совсѣмъ къ тому привычку сдѣлали.

Однакожъ нѣкопорые изъ новѣйшихъ и тщательнѣйшихъ испытателей Естества примѣтили, что таковыя правила не весьма были основательны, по тому что они

часто видѣли, что пойд ихъ систимѣ про-
тивныя погоды послѣдовали. И такъ воз-
вышеніе ртутни въ барометрѣ при худой,
опущеніе же оной при хорошей погодѣ, сдѣ-
лалось уже почти задачей. А какъ луч-
шихъ причинъ тому не знали, древнихъ
же оныхъ Философовъ мнѣнія презирали,
то брали доказательство отъ единого по-
мо давленія воздуха, и говорили: что ба-
рометрѣ не перемѣну погодѣ, но паче тя-
жесть воздуха показываетъ.

Долгое время подверженъ былъ я сему
мнѣнію; но на конецъ приступилъ къ рѣше-
нію сего вопроса. Ежели перемѣна баро-
метра происходитъ отъ давленія воздуха,
то въ чемъ надлежитъ искать начала или
первой причины сего давленія? Ежели воз-
духъ въ барометрѣ впущенъ будетъ, и по-
томъ свѣшенъ, то легче ли онъ будетъ при
опущеніи ртутни, нежели когда она под-
нимается? не имѣютъ ли можетъ быть дру-
гія тѣла какого ни есть давленія на нашу
Атмосферу?

Сіе побудило меня разсмотрѣть со вни-
маніемъ ученіе о дѣйствіи Планетъ на нашъ
Земный Кругъ. Довольно извѣстно, сколько
древніе Философы, во своихъ сочиненіяхъ,
намъ о семъ дѣлѣ объясненія подали, и
сколь мало при томъ учинили намъ от-
кровеній о способахъ, какъ намъ дости-
гнуть оное своими чувствами. Любопыт-
ство мое увеличилось, когда я примѣшилъ,
что

что сіе отъ давнихъ временъ приемлемое мнѣніе весьма многими людьми даже до нашихъ временъ достигло, и что многіе изъ новѣйшихъ ученыхъ мужей съ великою скромностію о томъ въ сочиненіяхъ своихъ (*) упоминають, и по дѣйствіямъ Солнца и Луны доказываютъ ясно, что сіе мнѣніе должно быть основательно.

Дѣйствіе Солнца на нашу Землю споль неоспоримо, что того, который бы оно опровергнулъ покусился, должно почипашъ за лишившагося всѣхъ чувствъ. Мы видимъ, какъ всѣ распѣнія зеленѣютъ, зрѣютъ и цвѣтутъ, лишь только дни прибавляться станутъ, и послѣдуетъ жаркой воздухъ; на прошивъ того видимъ также, что все обратно спремитъ и склоняется ко своему спокойствію, какъ скоро окончатъ дѣла свои, и дни наши опять короче становишъся будутъ. Отъ Солнца бываетъ жарко, весело, и вся пшварь оживляется; а какъ скоро оный жаръ Солнца ослабнетъ, или оно удалится, то все бышше облакается паки въ печальный и пасмурный видъ. О Лунѣ вообще утверждается и за подлинно извѣстное дѣло приемлется сіе, что она своимъ

Ч 2

хладомъ

(*) Смотри: Доктора Іоан. Авг. Унцера второе собраніе мѣлкихъ физическихъ твореній: стр. 310; также сочиненія называемаго *der Arzt* или врачъ, часть 4 стр. 91 и слѣд. еще Іоан. Милса Скепйръ опытъ о погодѣ съ примѣчаніями на правила Банбаря учиненными, въ 5 отдѣленіи.

хладомъ и влагою, то опяшь умбряетъ , что отъ солнечнаго зноя погорбло и высохло.

Можетъ ли кто показатъ намъ такія растбнїя или цвбпки , кои бы имбли хорошей запахъ, вкусъ, цвбтъ и плоды, и выросли въ запертомъ погребб , куда ни сїанїе Солнца, ниже свбтъ Луны проникнуть не могутъ ? И для чего осеннїе цвбшы не имбюотъ споль приятнаго запаху и прекраснаго цвбшу, какъ вбшнїе ? За чбмъ лбтомъ вб большемъ количествб растутъ свбжїя алыя цвбшы , а осень по большой части вялыя и желшыя произращаетъ ? Отъ чего всб молодыя растбнїя наклоняются къ Солнцу, и растутъ по теченїю онаго ? и за чбмъ цвбпки сверпываются , когда оно не освбщаетъ, или когда скрывается подъ оризонтъ ? Когда все сїе и другое, что щедрое Естество на насъ вб различные времена изливаетъ, безъ солнечнаго и луннаго свбту соспоятъ можетъ, то должно опвергнутъ и то, что оныя Планишы имбюотъ на все влїанїе.

Но довольно ли ясно разсмопрбли мы то, отъ чего нбкоторыя растбнїя вб иное лбто лучше растутъ и удаются, нежели вб другое, и отъ чего происходитъ, что другїя растбнїя не восходятъ до зрблости ? Чувствованїя растбнїй и животноыхъ, покажутъ намъ настоящую причину таковыхъ дбйствїй , если мы щастельнбе разсмопримъ

смотримъ признаки ихъ. Мы сами оказываемъ въ нѣкопорыя времена равное и общее всѣмъ чувствованіе, кое тогда лѣкаря наши приписываютъ воздуху, и почитаютъ причиною такой то болѣзни. Спрашивается: отъ чего происходитъ, что въ иныя времена одни шокмо дѣши сколькихъ нибудь лѣтъ больны бывають, а на прошивъ того, кои ихъ старѣе, никакой болѣзни не чувствуютъ, хотя ихъ родъ жизни, воспитаніе, діета и сему подобное весьма различны? или какая тому причина, что пожилые люди, спраждающіе грудною болѣзнію и ломпою въ костяхъ, скорбные застарѣлыми ранами и другими какими нибудь закоренѣлыми болѣзнями, въ иное время чувствуютъ большую отъ оныхъ боль, въ другое же имѣють облегченіе, и словомъ подобясь барометру, означають приближающееся ненастье; а на прошивъ того малые дѣши ничего о томъ не знаютъ? На сіе лѣкари намъ отвѣтствуютъ, что то отъ воздуха происходитъ. Я же увѣренъ, что сему виною Аспекты съ Планипою Меркуріемъ, особливо когда оныя послѣ полудни случаются, и когда на той же недѣлѣ Луна переменится также послѣ полудня; и при маломъ наблюденіи увидѣть можно, что люди, выше сказанные припадки имѣющіе, больше обыкновеннаго жалуются на ломъ въ головѣ, въ соспавахъ и въ груди; а какъ скоро оный Аспектъ пройдетъ,

дешь, то почувствуютъ великое облегченіе во всемъ тѣлѣ. Сіе подтверждають дѣланныя мною нѣсколько лѣтъ опыты.

Когда уже мы силы и дѣйствіе сихъ прехъ Планишъ видимъ, то за чѣмъ мнѣ и другимъ оспроумнѣйшимъ меня сомнѣваться, способствуютъ ли чѣмъ нибудь другія Планишы къ соблюденію нашего Земнаго Круга? Мнѣ не безвѣстно, что Природа, во своихъ многообразныхъ приключеніяхъ, разсудку нашему не вдругъ открываеца, но пребудетъ, чтобъ мы долго ее разсмапривали, изслѣдовали и удивлялись; да и при самыхъ глубокихъ размышленіяхъ о ея сокровенностяхъ, она не вдругъ, но мало по малу познается. Отъ сего происходитъ, что новыя открытія весьма рѣдко доспигають во своемъ началѣ совершенства, но въ слѣдствіи времени по большей части пребудутъ исправленій.

Такимъ образомъ приступилъ я къ разсмотрѣнію дѣланныхъ долгое время открытій съ другаго конца; и онѣ начали мнѣ изъяснять оную нерѣшимость, и полагали, что и при опущеніи ршупи можетъ случиться хорошая погода, и при возвышеніи оной вѣтрѣ, дождь и тому подобное воспослѣдовать могутъ. Изъ сего выводилъ я правила, копорыя спарался сдѣлать общими, сколько учиненныя мною доселѣ открытія допускали; и такимъ образомъ произошла слѣдующая *по денная записка новыхъ моихъ*
Метеоро-

Метеорологическихъ наблюдений, въ которыхъ находящяся причины и основанія, показующія поль доспомятныя дѣйствія не только сихъ произшествій, но и переменъ погоды.

Что сіе возобновленное мною открытіе подвергнуто той же судьбѣ, какую имѣли прежнія открытія великихъ Философовъ, то я могу легко себѣ представить по тому, что не имѣю преимущества предъ тѣми и другими гораздо меня искуснѣйшими мужами, и что склонность человеческихъ нравовъ еще не измѣнилась. Я уже и теперь вижу, что сіи мои труды нѣкоторыя похваляютъ; другіе же ради вліянія Планинъ и опредѣленія времени хулятъ; а еще иные равнодушно на оныя взираютъ. Но сколько мало я хочу прославиться онымъ мнѣ лучше всѣхъ извѣстнымъ несовершенствомъ, столь же мало устрашаютъ на прошивъ того и другіе, чтобъ я не наслаждался чистѣйшимъ удовольствіемъ о семъ моемъ открытіи. Радость, что я ничего въ цѣломъ физическомъ свѣтѣ не нашелъ безъ гармонической связи; увѣреніе, что ничто отъ Всемогущаго Творца безъ причины и безъ пользы, въ разсужденіи нашей Земли, не создано; и на конецъ то, что отдаленнѣйшіе мѣры по своей натурѣ и расположенію вѣрно наблюдають и исполняютъ свою службу, все сіе есть единственное награжденіе, которое я желалъ получить отъ оныхъ своихъ трудовъ, и уже по милости

моего единого Довлешворителя Творца оное получаю. При томъ же увѣренъ я, что предѣль еще такое время, въ которое сіи не многіе листы любопытному Испытателю Естества въ руки попадутся, и его побудящъ, сіи размышленія больше обьяснить для общаго употребленія, чѣмъ я въ нынѣшніе дни доволенъ буду и легко соглашусь.

Ненависть противу вліянія Планитъ распространилась не прежде, какъ послѣ бывшаго во Тридентѣ собора. Лицемерство и невѣжество дали девятому правилу сего собранія такое общее знаменованіе, что полезнѣйшія и для человѣческаго рода необходимо нужныя науки, скоро пришли въ великой отъ того упадокъ; при чѣмъ не сдѣлано было различія, что въ пользу и во вредъ употреблять можно всякую вещь. И хотя сановитѣйшіе церковные учители держались и защищали истинну, однакожъ не преспавали и тогда, когда прочія науки начали по прежнему возникать, содѣйствіе Планитъ презирають, не имѣя никакой другой противу того причины, какъ только сей, что оно занятымъ предразсужденіемъ людямъ не понятно. Но отъ непоспѣшимости можно ли дѣлать заключеніе на невозможность? Когда о Планитахъ въ другихъ случаяхъ приемлютъ ученіе въродобія, то за чѣмъ не имѣть онаго и о вліянїи ихъ? Воспящаетъ ли вліяніе оное печеніе и дѣйствіе природы? Опасно ли то
для

для Закона, для государства, и для общества? Не лучше ли принятое правило, по которому мы по крайнѣй мѣрѣ девять разѣ безопасно пройши можемъ, того, по которому мы всѣ десять разѣ заблудимся и упадемъ? Не заслуживаетъ ли подтвердительное сіе искусство такой имовѣрности, что бы его лучше разсмотрѣть и освидѣтельствовать чрезъ опыты?

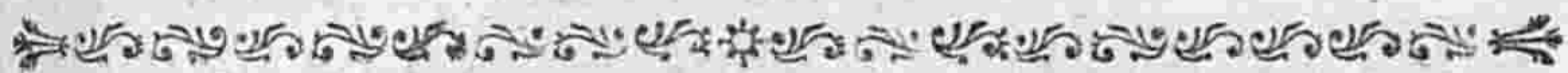
Но о семъ довольно. Намѣреніе мое не въ томъ состоятъ, что бы склонить кого нибудь ко принятію моего мнѣнія за справедливое; но я желаю, что бы узнали мои о семъ дѣлѣ свѣденія, и по онымъ бы безъ всякаго предразсужденія нѣскольکو времени, хотя токмо одинъ мѣсяцъ по всякой день поступали, и изслѣдовавъ хорошенько, потомъ безпристрастно бы объ ономъ разсуждали. Сіе мое желаніе столь искреннѣ, сколь и неубыточно будетъ для любителей испытующихъ воздушныя явленія; по тому, что оно не сопряжено не токмо съ великими трудами, но и ниже съ малѣйшими для 1778 года издержками, что бы сіе сколь достопамятное, столь важное и полезное открытіе болѣе изслѣдовать. Я приглашаю къ сему только охотниковъ, которые бы употребили малой трудъ для точнаго наблюденія, и во первыхъ смотрѣли бы на то, какимъ образомъ я начиналъ и поступалъ въ этомъ дѣлѣ. Малое преддѣніе, прилѣжное примѣчаніе и никакими

Ч 5

предраз-

предразсужденіями незанятый умъ, пошребны шокмо ко всей оной наукѣ; и шакого свойства охотниковъ прошу я, предприняшь сей малый шрудъ въ пользу человѣческую. Можешъ бышь сыщешся изъ нихъ кто нибудь, копорый во изысканіи испинны болѣе меня успѣешъ, показанныя правила расшпранишь и умножишь, и для расшпраненія Физики, Земледѣлія, Коммерціи и Кораблеплаванія полезнѣе сдѣлаешъ. Но какъ скоро кто изъ сихъ приятелей мнѣ покажешъ, что изъ десяти Аспектовъ, правильно вычисленныхъ, съ шеченіемъ созвездій согласующихся, и по испиннымъ часамъ расположенныхъ, два прошивныя момъ правиламъ дѣйствія окажущся, шо я охотно сіе приму, и научусь лучшему. Но скорыя и безъ дальнихъ изслѣдованій поданныя разсужденія, кои выведены изъ принятыхъ по произволенію положеній, и не основанныя при шомъ на повсядневномъ испуствѣ, испинны не опровергающъ. Пошерьаль ли магнитъ свою силу, когда не искусный Еспешства испушатель оной не узналъ? и перешпаль развѣ онъ бышь магнитомъ, когда опношительные къ его дѣйствію вопросы не довольно рѣшены? И такъ все, что благоразумный человѣкъ при семъ сдѣлашь можешъ, сосшощъ въ слѣдующемъ: что бы онъ не вдавался во управляющее имъ предразсужденіе; чтообъ онъ въ безвинномъ семъ упражненіи, по елику оно имѣешъ

видѣ новости, хотя самымъ дѣломъ и очень не ново, не преринался; и на конецъ что бы чрезъ опыты открывалъ путь ко истинѣ, по елику сей способъ есть самый надежнѣйшій ко изысканію возможности. Уже Плиній (*) подаесть намъ разумный совѣтъ, что бы мы въ ономъ не причины Естества, но токмо волю онаго изслѣдовать старались. Попомки же наши да учиняеъ въ семъ дѣлѣ, практическими своими наблюденіями, большія открытія.

Н О В Ы Я

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

ВВЕДЕНІЕ.

§. 1. Нижеслѣдующія наблюденія и правила, для Метеорологическихъ упражненій дѣланы были двадцать девять лѣтъ, при чѣмъ употреблено всякое прилѣжаніе и непрерывной трудѣ.

§. 2. Ежели кто пожелаетъ по симъ правиламъ сочинить Календарь, то сіе весьма легко можно учинить изъ поденныхъ записокъ о переменѣ воздуха. Но должно остерегаться, что бы одной такою записки за основаніе сего Календаря не принялъ.

§. 3. Надлежитъ взять разныя Ефемериды или поденныя астрономическія записки,

(*) Плиніи, Натур. Исторіи кн. 27, гл. 4.

записки, какъ на пр: *Корабельный Календарь* (Nautical Almanaks), *Знаніе временъ* (Connaissance des Temps), *Берлинскія*, *Венскія*, *Бононскія* и *Медіоланскія* аспрономическія записки. Должно изъ оныхъ сдѣлать выписки, и оныя одну съ другою сравнить; что найдется, что многіе Аспекты въ показанныхъ часахъ не согласуются, если примѣченные въ оныхъ Аспекты вычислены будутъ по тому мѣсту, въ коемъ надобно дѣлать наблюденія.

§. 4. Я находилъ часто различіе многими не токмо часами, да и цѣлыми днями, какъ на пр: по Берлинскимъ запискамъ надлежало бы въ 1776 году 4 Января $\odot \llcorner \sphericalangle$ въ 0 часу $10'$ предъ полуднемъ случиться, а случилось на прошивъ того оное по Парижскимъ 3 Января въ 8 часу въ $31'$ предъ полуднемъ.

§. 5. Записки же подъ пишуломъ *Знаніе Временъ* предвѣщали явленіе $\odot \odot \sphericalangle$ по полудни 4 Марша, въ 6 часу $42'$, и послѣдовавшая тогда погода доказала, что сіе счисленіе вѣрно было. Но по Берлинскимъ запискамъ должно было ожидать \odot еще 5 числа.

§. 6. Въ Берлинскихъ запискахъ вычислено, что $\odot \odot \sphericalangle$ по полудни 12 Маія случится; но по Парижскимъ ожидали онаго еще 14 Маія въ 6 часу по полуночи.

§. 7. Когда изъ сихъ записокъ о воздушныхъ явленіяхъ сдѣлано будетъ сокращеніе, какое

какое я сдѣлалъ, и Аспекшы внесены будуще въ *Метеорологической Журналъ*, по можно будещь, помощію оныхъ, разсмопрѣшь вычисленія, и на конецъ окажется, что Аспекшы весьма различно означены.

§. 8. Которое же между сими несогласными вычисленіями будещь тогда справедливо и вѣрно? Кому должно послѣдовать? Или опъ чего происходятъ споль великія и многія несогласія? Не должно ли сей знашній недоспашокъ, который не великую дѣлаещь честь нашей Аспрономіи, побудишь на конецъ истиннаго сына опечесхва, чтобъ онъ сообщалъ намъ о Аспекшахъ, каковые сущь σ . ρ . Δ . \square . $*$, правильную Теорію или умозрѣніе, и сдѣлалъ точныя таблицы о печеніи Планишъ и ихъ часахъ?

§. 9. Но до того времени, пока не същещься такой въ пользу общества услуги свои оказашь желающій охотникъ, надлежишь опсерегашься, ежели кпо правдолюбивъ, и шаковыя неправильныя означенія Аспекшовъ и несбывающіяся по шому переѣбны погодъ, не спавишь въ вину моимъ правиламъ.

§. 10. При сихъ несходныхъ вычисленіяхъ Аспекшовъ, которыхъ я не могъ разрѣшишь, часто случалось, что учиненное помощію барометра наблюденіе погодъ и сравненіе онаго съ моими правилами рѣшили и показали, кпо изъ нихъ въ вычисленіи вѣрнѣе поступалъ.

ГЛАВА І.

МНѢНІЕ ДРЕВНИХЪ

О

СИЛѢ ПЛАНИТЪ.

§. 1. Древніе писатели съ поликою смѣлостію о природѣ и свойствѣ Планитѣ говорили и писали, что, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ должно оно побудитъ насъ къ обращенію вниманія къ сему столь безвинному упражненію. Они говорятъ, что

§. 2. ☉ Солнце горячо и умѣренно сухо; и что оно при явленіи добрыхъ Планитѣ и ихъ Аспектовъ добро, а при соединеніи къ худымъ худо.

☾ Луна сама собою нѣсколько холоднава и влажна; и соединясь съ другими Планитами возбуждаетъ въ нихъ дѣйствіе.

♂ Марсъ жарокъ и безмѣрно сухъ, по чему онъ и почитается злымъ.

☿ Меркурій непоспояненъ, и приемлетъ напуру той Планиты, съ коею онъ соединяется, или дѣлаетъ одинъ Аспектъ; по чему онъ то хорошъ, то худъ, то тепелъ, то холоденъ бываетъ.

♃ Юпитеръ тепелъ и влаженъ; дѣйствіе же его производитъ бродкоспѣ.

♀ Венера умѣренно холодна и влажна, а по своей напурѣ благопріятна.

♄ Сатурнъ холоденъ и влаженъ, вліяніе его почитается не добрымъ.

§. 3. По качествамъ и свойству Планишъ заключали древніе о ихъ дѣйствіяхъ. Они видѣли, что сіи дѣйствія то увеличивались, то уменьшались, то ослабѣвали, то и совсѣмъ уничтожались, смотря по тому, сколько различныхъ Планишъ придущъ въ одно мѣсто на Небѣ.

§. 4. Мы предложимъ здѣсь для объясненія нѣскольکو тому примѣровъ. Они говорили, что соединеніе

- ☉ сѣ ☾ въ аспектахъ производитъ засуху,
 ☿ □ ♀. временемъ снѣгъ и вѣ-
 шеръ.
- ☉ сѣ ♂ въ аспектахъ производитъ жаръ,
 ☿ □ ♀. сухой вѣшеръ, време-
 немъ сильной дождь
 сѣ громомъ, молнією
 и градомъ.
- ☉ сѣ ♀ въ аспектахъ производитъ вѣшеръ,
 ☿ □ ♀. сушу, временемъ и
 дождь.
- ☉ сѣ ♃ въ аспектахъ производитъ теплую,
 ☿ □ ♀. ясную, умѣренную и
 приятную погоду,
 не большіе вѣпры,
 плодоносные дожди

сѣ весьма малымъ
громомъ.

☉ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ солнеч-
♂ □ ♂. ное сѣянїе, ясную пого-
ду, временемъ дождь.

☉ сѣ ♂ вѣ аспектахъ производитъ холод-
♂ □ ♂. ный воздухъ, дождь
или градъ, сильный
вѣспрѣ, также влаж-
ную погоду, а зимою
снѣгъ.

*

☾ сѣ ♂ вѣ аспектахъ производитъ дождь и
♂ □ ♂. громъ.

☾ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ вѣспрѣ и
♂ □ ♂. переменную погоду.

☾ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ чистую
♂ □ ♂. умѣренной воздухъ,
также и легкіе вѣспры.

☾ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ умѣрен-
♂ □ ♂. ной лѣпомъ жаръ.

☾ сѣ ♂ вѣ аспектахъ производитъ пасмур-
♂ □ ♂. ную погоду, шуманъ,
дождь, а зимою хо-
лодно и снѣгъ.

*

♂ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ жаръ,
♂ □ ♂. засуху, также вѣспрѣ,
временемъ громъ,
градъ

- ♂ сѣ ♃ вѣ аспектахъ производитъ великой жаръ, засуху, сильной дождь, бурю, громъ и градъ.
♂ □ ♂.
- ♂ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ ясную и умѣренную погоду, временемъ дождь, а зимою снѣгъ.
♂ □ ♂.
- ♂ сѣ ♄ вѣ аспектахъ производитъ великую сушь и сильной дождь, худую погоду, градъ и бурю.
♂ □ ♂.
- *
♀ сѣ ♃ вѣ аспектахъ производитъ обыкновенно сухой вѣспрь.
♀ □ ♂.
- ♀ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ по большей части дождь и вѣсперь.
♀ □ ♂.
- ♀ сѣ ♄ вѣ аспектахъ производитъ сильные вѣспры, спужу и изрядную погоду.
♀ □ ♂.
- *
♃ сѣ ♀ вѣ аспектахъ производитъ приятную погоду, временемъ и облачное небо и небольшіе плодоносные дожди.
♃ □ ♂.

Ц сѣ ѿ въ аспектахъ сіи сущь жестокіе
 Ѡ □ ѡ.

Аспекты, по причинѣ
 шихаго ихъ движенія.
 Они бываютьъ причи-
 ною великихъ пере-
 мѣнъ погоды въ возду-
 хѣ, по своему свойст-
 ву и по напурѣ того
 знака, въ которомъ
 они находятся; ибо
 находясь въ огненномъ
 знакѣ, причиняютьъ
 они жаръ и засуху;
 въ земномъ знакѣ дур-
 ную и холодную по-
 году; въ водяномъ зна-
 кѣ много дождя; въ
 воздушномъ знакѣ
 сильные вѣтры: при-
 чемъ также еще дол-
 жно смотрѣть, и на
 чешыре времени года.

*

Ѣ сѣ ѿ въ аспектахъ производитъ сильной
 Ѡ □ ѡ. дождь, наводненіе,
 спужу и снѣгъ.

Сего довольно будетъ для нашего на-
 мѣренія. Еслижъ кто болѣе объ ономъ знашь
 желаетъ; тошъ можешъ прочестъ *Іоанна*
Штеффелера книгу, содержащую — древнія
 такія записки сѣ 1499 до 1528 года; *Юлія*
Фирмика

Фирмика *Натуральную Астрологию* и *Марси-
лія Фицина* книгу *de vita sociis comparand.*

§. 5. Но какъ уже примѣчено, что дѣй-
ствія сихъ Аспектовъ зависятъ отъ знаковъ
Зодіака, гдѣ они находятся, и отъ годо-
ваго времени, или отъ того, въ которую
пору предъ полуднемъ или послѣ онаго Солн-
це въ сіи знаки вступишь; то.

§. 6. Не бесполезно такъ же будетъ знать
и о мнѣніи древнихъ, какое они имѣли, о
напурѣ и свойствахъ 12 знаковъ Зодіака
или Круга живописныхъ, по тому что сіе къ
распространенію и почтѣйшему опредѣле-
нію сея науки много способствовать можетъ.

ГЛАВА II.

*Правила, по которымъ опредѣлить можно по
вышепомянутымъ Аспектамъ, какая
будетъ погода.*

§. 1. Изъ споянія и времени явленія
Планишь въ ихъ Аспектахъ, можно теперь,
по слѣдующимъ правиламъ, весьма вѣрно
опредѣлишь и предсказать не токмо какая
будетъ погода, но и какіе послѣдуютъ вѣ-
шры, если только вычисленіе помянутыхъ
Аспектовъ справедливо.

§. 2. I. *Правило.* Солнце, которое те-
ченіемъ своимъ дѣлаетъ четыре разные вре-
мена года, причиняетъ также и главные

вѣтры помощію часовъ, въ которые вступаютъ во знаки N . O . N . и S . Чтوبъ объ ономъ имѣть свѣденіе, то слѣдующая таблица о вѣтрахъ попребна.

N.	n.i.o.	N.N.O.	n.o.i.n.	N.O.	n.o.i.o.	O.N.O.	o.i.n.	O.	o.i.s.	O.S.O.	s.o.i.o.	S.O.	s.o.i.s.	S.S.O.	s.i.o.
XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI				

часы послѣ полуночи.

S.	s.i.w.	S.S.W.	s.w.i.s.	S.W.	s.w.i.w.	W.S.W.	w.i.s.	W.	w.i.n.	W.N.W.	n.w.i.w.	N.w.	n.w.i.n.	N.N.W.	n.i.w.	N.
XII	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII				

часы послѣ полудня.

§. 3. Употребленіе сея таблицы состоишь въ слѣдующемъ: на прим. сего 1777 года вступило здѣсь Солнце

въ знакъ 9 Марша въ 9° часу 12° послѣ полуночи, и такъ главные вѣтры были SO въ O .

O 10 Юня въ 6° часу 24° послѣ полуночи, и такъ главные вѣтры были O въ S .

въ знакѣ \approx 11 Сентяб. въ 7^о часу 54' послѣ полудня; и такъ главные вѣтры были WNW.

- - - 10 Декабря въ 0^о часу 35' послѣ полудня; и такъ главные вѣтры были S въ W.

§. 4. По томъ примѣтилъ также я, что если въ которой день не бываетъ Аспектовъ, то главной въ то время вѣтеръ по сей таблицѣ идетъ довольное время отъ опредѣленной своей стороны. Еслижъ въ которой день видѣтъ примѣшной и точно показанной Аспектъ, то перемѣняется оной главной вѣтеръ и поворачивается по часу Аспекта въ другую сторону.

§. 5. Еще примѣтилъ я: что если вступленіе Солнца въ знакъ Зодіака предъ полуднемъ случится, то главные вѣтры слабы бываютъ; если же по полудни, то оныя вѣтры сильнѣе спановятся. Иногда же бываютъ и дополуденные вѣтры также сильны, ежели Луна послѣ полудня перемѣнится.

§. 6. II. *Правило.* Ежели Луна въ Календарѣ, правильное численіе имѣющемъ, отъ 0 до 7 часа послѣ полуночи измѣнится, т. е. свой образъ или видъ перемѣнитъ, не смотря на то, новой или полной будетъ Мѣсяцъ, первая или послѣдняя его четверть; то бываетъ тихая, ясная и сухая погода въ томъ мѣстѣ во всю неделю.

§. 7. III. *Правило.* Ежели Луна переме́нишъ видъ свой отъ 6 до 12 часовъ *предъ полуднемъ*; шо бываетъ во всю недѣлю солнечное сіяніе съ облачнымъ нѣсколько небомъ.

§. 8. IV. *Правило.* Ежели случится переме́неніе Луннаго вида съ 0° до 6 часовъ *послѣ полудни*; шо Солнце проглядываетъ при маломъ дождѣ и вѣспрѣ, а зимою бываетъ снѣгъ.

§. 9. V. *Правило.* Ежели сдѣлается переме́на въ Лунѣ отъ 6 до 12 часа *послѣ полудни*; шо бываютъ обыкновенно сильныя вѣспры и много льетъ дождя.

§. 10. При сихъ правилахъ усмотрѣлъ я, что какъ скоро Луна сойдется съ другими Планетами въ Аспектъ; шо принимаетъ она ихъ качества, ш. е. она подвержена бываетъ иногда въ томъ переме́нѣ, по причинѣ вліянія другихъ Планетъ.

§. 11. VI. *Правило.* Всѣ правильно опредѣленные и точно вычисленные часы Аспектовъ Планетъ, хотябъ они случились въ знакахъ σ . ρ . \ast . \square или Δ , показываютъ свое содѣйствіе во дневной переме́нѣ погодъ на нашей землѣ.

§. 12. VII. *Правило.* Ежели случится переме́на въ Лунѣ, такъ какъ въ §. 6. означено, безъ другихъ Аспектовъ Планетъ; шо показанная въ томъ §. погода непременно послѣдуетъ.

§. 13. VIII. *Правило.* Ежели въ шопѣ самой день и въ шожѣ время случашся также Аспекты Планишѣ; шо означенная въ вышепоказанномъ §. погода будешѣ шѣмѣ прияшнѣйшая.

§. 14. IX. *Правило.* Ежели Аспектѣ Планишѣ или въ шопѣ же день, когда учинишся перемѣна въ Лунѣ, или и въ послѣдующіе дни сея Лунныя недѣли, по Календарю случишся имѣешѣ послѣ полудня, и оное весьма шочно опредѣлено и вычислено будешѣ; шо въ шопѣ день, а часшо и въ шопѣ же самой часѣ будешѣ перемѣняшся погода и вѣшерѣ.

§. 15. X. *Правило.* Аспекты Планишѣ послѣдуютѣ шѣмѣ же самымѣ правиламѣ, кои въ §. 6. 7. 8 и 9. положены: ибо, если оныя предѣ полуднемѣ случашся, шо послѣдуешѣ днемѣ ясная и сухая погода; а когда оныя послѣ полудни случашся, шо причиняютѣ ненаспливое время, облачное Небо, вѣшерѣ и дожди. И такѣ не явспуешѣ ли изѣ сего гармоническое ихѣ содѣйствіе на нашу землю?

§. 16. Учиненныя мною наблюденія увѣряютѣ меня, что если Планишы ♀ и ♀ одна со другою, или копорая нибудѣ изѣ нихѣ со Планишами ☾. ☽. ♃. или сѣ ♂, послѣ полудня въ Аспектѣ находяшся; шо возстаютѣ при шомѣ сильныя и долговременныя вѣштры и дожди; да они же одни причиною при шомѣ бывають, что въ барометрѣ

метрѣ ртуть вѣ по время столь низко упадаеть, чего я еще при другихъ Планистахъ не примѣшилъ.

§. 17. На прошивъ того усмотрѣлъ я, что ртуть вѣ барометрѣ вѣ по время, какъ скоро Планиста ♃. или ♄. или ♀. вѣ упреннее время, или всѣ при между собою, или одна которая нибудь изъ нихъ, съ рождающеюся рано Луною вѣ Аспектѣ показались, весьма высоко спояла.

§. 18. Сїи Аспекты со Планистами показывають намъ также и вѣтры, которые во весь день у насъ бывають. Надлежитъ только примѣчать время Аспектовъ, какъ выше вѣ §. 2. и 3. объявлено, и искасть часа вѣ показанной таблицѣ; по можно увидѣть, что означенной на ней вѣтрѣ непременно послѣдуетъ. Однакожъ сїи отъ Аспектовъ происходящїе вѣтры не суть *главные*, но *постороннїе*, по тому что главные вѣтры происходятъ отъ споянїя Солнечнаго.

§. 19. Сїя Теорїя о вѣтрахъ можетъ подать случай не токмо къ лучшему изъясненїю всего о вѣтрахъ ученїя, да и причинѣ, отъ чего происходятъ по, что два, а иногда и при разные вѣтра съ идущимъ облакомъ примѣчаются; но также и къ содѣланїю безопаснаго вѣ моряхъ плаванїя, и слѣдственно принесетъ она не малую пользу Коммерціи.

§. 20. Сіе доспойно примѣчанія, чпо востпочные вѣтры дымѣ, произходящей изъ трубѣ, вѣ низѣ давятъ, и шакѣ сказаць по землѣ разспилають; а на прошивѣ того западные вѣтры оной вышиною около 50 или бо степеней подымають. И шакѣ не можно ли причины онаго искаць вѣ положеніи Земли нашея вѣ разсужденіи произхожденія вѣтровѣ?

ГЛАВА III.

О томѣ, каковѣ долженѣ бытъ Календарѣ съ Аспектами.

§. 1. Если кто не имѣеть почно вычисленнаго, на всѣ дни и часы хорошо сочиненнаго и исправно показующаго порядокѣ Аспектовѣ, какѣ оныя послѣдують, при томѣ же очищеннаго отѣ Типографскихѣ погрѣшностей *Календаря съ Аспектами*; пому все вышечисанное не можетѣ бытъ полезно.

§. 2. Такой Календарѣ долженѣ на всякой день показываць, не токмо спояніе всѣхѣ Планетѣ, какѣ на прим. \odot . \oslash . \ast . \square и Δ , но шакже и слѣдующіе одинѣ за другимѣ Аспекты по ихѣ положеннымѣ часамѣ.

§. 3. Такѣ на прим. 26 Августа 1777 года послѣ \odot . \oslash . \ddagger . должно было случицься \square . \ddagger . \oslash , а не прежде, какѣ вѣ Календарѣ

поспавлено было. И кто на сіе положил-ся, того конечно выше показанныя прави-ла обманули. Но ежели бы въ немъ пока-зано было σ . η . ζ и \square . ξ . φ , то бы вид-но было, за чѣмъ въ барометрѣ вечеромъ ртуть опустилась, и для чего жестокая съ дождемъ по 27 число продолжавшаяся послѣдовала съ N. въ W. стороны погода.

§. 4. При такихъ Типографскихъ по-грѣшностяхъ не должно искасть ошибки, что не сбылась означенная погода, въ дан-ныхъ правилахъ; но въ поспавленномъ не-правильно порядкѣ, или въ назначенныхъ невѣрно часахъ, и въ непоказаніи для каж-даго дня Аспектовъ въ Календарѣ: ибо го-раздо болѣе Аспектовъ на Небѣ находится, нежели сколько мы въ нашихъ Календаряхъ находимъ.

§. 5. А что бы показанной въ §. 2. Ка-лендарь былъ полезнѣе для всѣхъ, то на-добно изъ Ефемеридъ присовокупить Таб-лицу, показывающую разность Меридіа-новъ во времени: ибо симъ способомъ, можно будетъ для cadaго отдаленнаго мѣста, хотябъ оно кѣ Западу или кѣ Воспоку лѣжало, въпрѣ и погоду назна-чить.

§. 6. Сіе доказываеица тѣмъ: ежели на нашемъ мѣстѣ въ упренніе часы Ас-пекты бывающіе, кои у насъ по вышеписан-нымъ правиламъ шихую погоду производятъ;

по нѣ мѣста, которыя на 6 на 8 или болѣе часовъ опдалены, прошивную шой погоду и вѣтеръ имѣютъ. Въ ономъ весьма часто увѣрился я вѣдомостями и другими извѣстіями, когда я доспомятные дни въ Календарѣ своемъ съ Аспектами пересматривалъ. А причину онаго можно весьма легко изъ вышечисанныхъ правилъ усмотрѣть.

§. 7. И такъ ежели мы будемъ имѣть впередъ такой исправной Календаръ, и когда учинены будутъ въ разныхъ мѣстахъ искусными Метеорологами, по вышечисаннымъ моимъ правиламъ, наблюденія и оныя записаны будутъ; то я увѣренъ, что считаемое доселѣ загадкою возвышеніе и опущеніе ртуты въ барометрѣ большей получишь свѣтъ, нежели донынѣ оное учинено. По крайней мѣрѣ открояюща лучшія причины, для чего ртуть въ барометрѣ не при всякой бурѣ и дождѣ весьма низко опускается, и не при всякой ясной и тихой погодѣ въ неизмѣнѣ воздуха простиранствѣ высоко очень поднимается.

§. 8. Изъ сего будетъ видно, отъ чего происходитъ то, что при ясной погодѣ ртуть въ барометрѣ упадаетъ, а во время дождя и вѣтровъ подымается, и также отъ чего ртуть въ барометрѣ долгое время неподвижно на одной мѣрѣ стоитъ, и отъ чего она на малое разстояніе непримѣтно мѣсто

мѣсто свое перемѣняетъ, хопя погода спо-
ишь и непостоянная? Какая также и пому
причина, что ора очень скоро въ верхъ под-
нимаешся и упадаетъ въ то время, когда
споишь изрядная погода?

§. 9. Можетъ быть, что отъ возвыше-
нiя и опущенiя ршупи въ барометрѣ, мож-
но будетъ производишь новыя доказатель-
ства о отдаленiи каждой Планипы отъ
Земли нашея, и о скоромъ или пихомъ
около оной ихъ движенiи, когда нынѣ не
имѣя къ тому причины, думающъ узнавать
по барометру тяжестъ воздуха, или еще
и могушую послѣдовать погоду.

§. 10. Сiе за подлинно извѣстно, что
ежели по онымъ правиламъ, сочиненъ бу-
детъ Календарь, то предказанiе въ обык-
новенныхъ нашихъ Календаряхъ погодъ не
будетъ больше слышь пословицею; тогда
земледѣлецъ не будетъ больше на удачу
спудишься и пахашъ землю; и морепла-
ватели заблаговременно будутъ поспѣшатъ
къ пихому приспанишу. Такого рода Ка-
лендарь по справедливости заслужилъ бы
назанiе *Метеорологическаго съ показанiемъ
Аспектовъ Календаря для мореплывателей и
домостроителей.*

§. 11. Неимѣнiе такого Календаря и
мой обстоятельство были причиною, что
я, для удовольствованiя нѣкоторымъ обра-
зомъ своей охоты и склонности къ сей
наукѣ

наукѣ, учинилъ на первой случай изъ разныхъ подневныхъ астрономическихъ записокъ выписки. А что бы показать, какъ я въ семъ дѣлѣ поспушилъ, или какъ можно проба-висься, пока оная рѣдкая вещь не родилась, присовокуплю я примѣрный тому образецъ.

§. 12. Чего ради каждый благоразумный читатель легко увидитъ, что въ ономъ моемъ образцѣ не всѣ находятся Аспекты Планишь, да и не всѣ въ надлежащемъ своемъ порядкѣ сполнь, при томъ же и не вездѣ точно назначены часы, но многіе изъ сихъ Аспектовъ не въ своемъ мѣсцѣ положены, многіхъ не доспаешъ, и многіе не исправно примѣчены и вычислены (*); слѣд-ственножъ и оный Календарь не имѣетъ такого совершенства, какого бы я желалъ, т. е. чтобъ онъ для общенароднаго упо-требленія могъ издавъ бытъ во свѣтъ.

§. 13. Но какъ прилѣжное наблюденіе погоды и барометра, ежели къ тому при-соединены будутъ мои правила, исправяшъ и наградышъ сей недоспашокъ; то думаю я, что такого образца въ началѣ шоль по-лезнаго и приятнаго подвига, въ шоль важ-номъ открытіи довольно будетъ, для под-шверженія

(*) По той причинѣ замѣчалъ я разность Аспектовъ на примѣръ такимъ образомъ: по Париж. Берлин. или Лондон. выкладкамъ; по тому что она показаны по Парижскому знанію временъ, по Берлинской астрономической лѣтолиси и по Лондонскому карабельному календарю.

пвержденія того , на чемъ основаны и на
что ссылаюшся мои правила. Помянушой
образецъ будущаго моего Метеорологиче-
скаго Журнала съ Сентября 1777 года , и
Календаря по Аспектамъ на 1778 годъ ,
есть слѣдующей.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ

по Аспектамъ расположенной для мореплавателей и домостроителей

КАЛЕНДАРЬ,

для употребленія въ Санктпетербургѣ на 1778 годѣ по старому спилу.

Изъясненіе календарныхъ знаковъ.

1. двѣнадцатъ знаковъ Небесныхъ.

- ♈ овенъ, Марша
- ♉ шелець, Апрѣля
- ♊ близнецы, Маія
- ♋ ракъ, Іюня
- ♌ левъ, Іюля
- ♍ двѣва, Августа
- ♎ вѣсы, Сентября
- ♏ скорпіонъ, Октября
- ♐ стрѣлецъ, Ноября
- ♑ козерогъ, Декабря
- ♒ водолей, Января
- ♓ рыбы, Февраля

2. Аспектовъ.

♌ Соединеніе, или стояніе двухъ или больше Планетъ на одномъ мѣстѣ или градусѣ Зодіака, по долготѣ, хотя по широтѣ и отстоятъ одна отъ другой на нѣскольکو градусовъ.

♌ Противостояніе или разстояніе Планетъ, въ которомъ онѣ одна отъ другой находясь на шестъ Небесныхъ знаковъ или на полкруга, ш. е. на 180 градусовъ.

* Шестая доля свѣта, или пространство на два Небесныхъ знака, составляющихъ шестую часть Зодіака, или 60 градусовъ.

□ Четвертая доля сіянія или пространство на три Небесныхъ знака, или на $\frac{1}{4}$ Зодіака, ш. е. на 90 градусовъ.

△ Третья доля сіянія или пространство на четыре Небесныхъ знака, или на 120 градусовъ, то есть на $\frac{1}{3}$ Зодіака.

3. Мѣсячныхъ.

☾ новый мѣсяць. ☽ пер. четверть. ☽ полный мѣсяць. ☾ послѣд. четверть.

4. Временъ.

- ч. часъ
- ппн. пополуночи
- ппд. пополудни

Главные вѣтры въ будущемъ 1778 году будутъ.

отъ 9 Марша	SW	въ S
— 10 Іюня	-	S въ W
— 12 Сентября	-	NNO
— 10 Декабря	-	W

Я Н В А Р Ъ

ДНИ	числа	перемены Луны	АСПЕКТЫ
	1		♀
	2	. 3. ч. 33 ¹ . ППН.	♂
	3		♀
4	4		♂ 4. 1 ^o . ч. 48 ¹ . ППН.
	5		
	6		
	7		
	8		1 ^o . ч. 7 ¹ . 15 ¹¹ . ППД.
	9	. 3. ч. 20 ¹ . ППД.	
	10		♂ ♄. 7. ч. 9 ¹ . ППД.
4	11		
	12		
	13		
	14		♂ ♀. Берлин.
	15		
	16		♂ ♀. 1. ч. 24 ¹ . под. разл. дол. 1 ^o . 5 ¹ . Париж.

ДНИ	числа	переменны Луны	АСПЕКТЫ
♀	17	☉. 4. ч. 47 ¹ . ппд.	☐ ♃ ♀. ☿ ☾ ♃.
♃	18		♂ ☾ ♀. 4. ч. 51 ¹ . ппн. ♂ ☾ ♂. Берлин.
♀	19		
♃	20		♂ ☾ ♂. 4. ч. 22 ¹ . ппн. Париж. ♂ ☉ ♀. 7. ч. ппд.
☉	21		
☾	22		♂ ♀ ♀. Петербур.
♂	23		☐ ☉ ♃. 5. ч. 31 ¹ . ппд. ☿ ☾ ♃.
♀	24	☽. 6. ч. 38 ¹ . ппд.	
♃	25		
♀	26		♂ ♀ ♀. 10. ч. 41 ¹¹ . ппн. Париж.
♃	27		☿ ☉ ♃. Петербур.
☉	28		
☾	29		☿ ☾ ♀.
♂	30		☿ ☉ ♃. 2. ч. 45 ¹ . ппд. Париж. ☿ ☾ ♀.
♀	31	☉. 4. ч. 47 ¹ . ппд.	♂ ☾ ♃. 2. ч. 31 ¹ . ппд.

Въ сообщенныхъ нами *Метеорологическихъ наблюденийхъ* предложили мы чина-шелямъ своимъ о такомъ дѣлѣ, кошорое хошя собспвенно и не принадлежитъ ко принятому нами при семъ Журналѣ намѣренію, однакожъ по обширной своей пользѣ въ общей жизни, и по причинѣ дальновидныхъ проспектовъ къ будущему о *Аспектахъ* ученію намъ весьма понравилось. А какъ желаніе наше, приносить всевозможную любезному нашему Опечесству пользу, не имѣетъ предѣловъ, патриотическая же искренность г. Сочинителя оныхъ наблюдений, заслуживаетъ всякую благодарность, вспоможеніе и поощреніе со стороны ученаго свѣта, особливо любитель *Метеорологическихъ наблюдений*, по тому, что онъ въ оставленномъ доселѣ и почти въ забытій и презрѣніи пришедшемъ дѣлѣ, открываетъ со прудомъ путь и подаетъ новую свѣтъ; шо все сіе побудило насъ къ обнародованію оныхъ, и обнадежило, что можетъ быть сія честь предоспавлена любезному нашему Опечесству, что бы безъ предразсужденій разсмотрѣть ученіе древнихъ о *Аспектахъ*, и учинить оное общепользнымъ.

Единое желаніе г. Сочинителя, сколько мы усмаприваемъ, спремится къ тому, что бы изданъ былъ нѣкогда во свѣтѣ полный и на всякій день въ году исправно и вѣрно вычисленный *Календарь съ Аспектами*: и онъ,

онѣ, кажется намѣ, весьма справедливо утверждаетъ, что безъ сего Календаря ни погоды почто назначить не можно, ни основательнаго податьъ разсужденія о его правилахъ. И хотя сіе его пребываніе заслуживаетъ уваженіе; однакожъ мы опасаемся, что поль прудное и долговременное вычисленіе ежедневнаго сшоянія нашихъ Планихъ, хотя ихъ полько по пяши Аспектамъ вычислять, вошще останетъся, ежели не совокупяшся къ тому истинные человеклоубцы и любители своего Отечества, и положивъ въ награжденіе нѣкоторую сумму, не преодолѣюшъ сопряженныхъ съ шаковыми задачами прудностей. Но ежели бы симъ образомъ проложена была дорога; то бы уже весьма вѣрно можно было ожидать непрерывныхъ тому послѣдствій.

Но что бы читателямъ нашимъ податьъ хотя нѣкоторое малое свѣденіе о обширной пользѣ Календаря съ Аспектами; то мы должны объявить имъ о нѣкоторомъ письменными докуменшами засвидѣтельствованномъ произшествіи. г. Сочинитель сихъ *Метеорологическихъ наблюдений*, за годъ почши предъ симъ времени, далъ одному опсюда въ Амстердамъ опѣвѣзжающему своему приятелю письменное наставленіе о всѣхъ вѣпрахъ, и случающихся отъ того п... дахъ, кои во время его путешествія ~~до~~ дорогъ каждой день бышъ могли. По сему росписанію прошли первые

семь дней при споль благоприятномъ и
 попутномъ вѣтрѣ, что корабль, на копо-
 ромъ онъ ѣхалъ, готовился пробѣжать уже
 зундъ; но въ семь мѣстѣ приапелю его дано
 было знать, что случится и продолжи-
 ся два дни сильная буря, которая и по-
 слѣдовала такъ вѣрно, что корабль при-
 било къ Норвежскимъ горамъ, и единствен-
 но онъ спасся тѣмъ, что сей спутникъ на-
 чалъ кораблеводцу предсавлять, что сія
 буря имѣетъ продолжиться два дни, и что
 слѣдственно должно ему въ безопасномъ
 мѣстѣ спастъ на якорѣ. Въ осмнадцати
 миляхъ отъ Амстердама предсказано было
 имъ, имѣть еще сильнѣйшую прежней, но
 не споль долго продолжаться могущую бу-
 рю, которая и послѣдовала дѣйствитель-
 но и была споль жестока, что корабль
 со всѣмъ своимъ грузомъ цѣлые девять ча-
 совъ ожидалъ очевидныя погибели. — О ка-
 кая бы произошла отъ того для Коммер-
 ціи польза и выгода, если бы ученіе о
 Аспектахъ сполько обьяснено и исполко-
 вано было, чтобъ можно было предсказы-
 вать навѣрное корабельщикамъ, какія въ
 пуши ихъ могутъ случиться погоды! оно
 открытіе, если бы не превзошло, то ко-
 нечно сравнялось бы со изобрѣтеніемъ и
 употребленіемъ компаса или магнитной
 иглы. Какой же пользы не можнобъ было
 ожидать отъ того для домоспроишельства?
 Сего не довольно: польза отъ онаго ученія
 распро-

распространилась бы на всѣ дѣйствія чело-
вѣческія, кои опѣ погодѣ хошя бы ни ма-
лѣйшей зависимости не имѣла. Такѣ долж-
но ли поликаго уваженія достойное дѣло
бышь предметомъ презрѣнія и посмѣянія, и
не заслуживаетъ ли оно, чшобѣ истинные
и вѣрные сыны Отечества обрати ко из-
слѣдованію онаго всякое вниманіе и раче-
ніе? — Мы сообщили уже шеперь своимъ
читателямъ самыя *Метеорологическія на-*
блюденія, и произведенныя изъ нихъ поч-
теннымъ г. Сочинителемъ правила. Чшо же
касается до самаго Календаря по Аспек-
тамъ, шо разсудили мы сообщить шеперь
шолько одну таблицу на Январь мѣсяцѣ;
а прочія будущѣ сообщаемы вѣ изшеченіи
каждаго мѣсяца на будущій мѣсяцѣ, при
Журналѣ нашемъ.

Конецъ Мѣсяца Декабря

и

первой части.

7
54

1777

М/99

Ч. I

СЕНТЯБРЬ - а"

ОКТАБРЬ - ДЕКАБРЬ - б"